

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

Journal of Modern Foreign Psychology

2025. Том 14. № 1
2025. Vol. 14, no. 1

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Том 14, № 1 / 2025

JOURNAL OF MODERN FOREIGN PSYCHOLOGY
Volume 14, no. 1 / 2025

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

Международный научный журнал
«Современная зарубежная психология»

Редакционная коллегия

Ермолова Т.В. (Россия) — **главный редактор**
Авдеева Н.Н. (Россия), Александров Ю.И. (Россия),
Ахутина Т.В. (Россия), Баилова Т.А. (Россия),
Бовина И.Б. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия),
Бурлакова И.А. (Россия), Григоренко Е.Л. (Россия),
Дозорцева Е.Г. (Россия), Евтушенко И.В. (Россия),
Екимова В.И. (Россия), Исаев Е.И. (Россия),
Марютина Т.М. (Россия), Поздняков В.М. (Россия),
Поливанова К.Н. (Россия), Рубцова О.В. (Россия),
Салмина Н.Г. (Россия), Сафронова М.А. (Россия),
Сергиенко Е.А. (Россия), Стоянова С.Й. (Болгария),
Строганова Т.А. (Россия), Ткачева В.В. (Россия),
Толстых Н.Н. (Россия), Филиппова Е.В. (Россия),
Холмогорова А.Б. (Россия), Шеманов А.Ю. (Россия),
Шумакова Н.Б. (Россия), Энгенесс И.Л. (Норвегия),
Юркевич В.С. (Россия)

Редакционный совет

Рубцов В.В. (Россия) — **председатель редакционного совета**
Марголис А.А. (Россия) — **заместитель председателя**
редакционного совета
Дэниелс Г.Р. (Великобритания)

Секретарь

Пономарева В.В.

Научный консультант

Неврюев А.Н.

Технический редактор

Борисова О.Н.

Компьютерная верстка

Баскакова М.А.

Корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.

Телефон: +7 (495) 608-16-27, +7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/jmfp>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного
Цитирования (РИНЦ), RSCI, Международный каталог
научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2012 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66445 от 21.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики,
все тексты и иллюстрации являются собственностью
ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом.
Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускаются только с письменного
разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет», 2025

International Scientific Journal
“Journal of Modern Foreign Psychology”

Editorial board

Ermolova T.V. (Russia) — **editor-in-chief**
Avdeeva N.N. (Russia), Alexandrov Y.I. (Russia),
Akhutina T.V. (Russia), Basilova T.A. (Russia),
Bovina I.B. (Russia), Bulygina V.G. (Russia),
Burlakova I.A. (Russia), Grigorenko E.L. (Russia),
Dozorceva E.G. (Russia), Evtushenko I.V. (Russia),
Ekimova V.I. (Russia), Isaev E.I. (Russia),
Maryutina T.M. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia),
Polivanova K.N. (Russia), Rubtsov V.V. (Russia),
Salmina N.G. (Russia), Safronova M.A. (Russia),
Sergienko E.A. (Russia), Stoyanova S.Y. (Bulgaria),
Stroganova T.A. (Russia), Tkacheva V.V. (Russia),
Tolstykh N.N. (Russia), Filippova E.V. (Russia),
Kholmogorova A.B. (Russia), Shemanov A.Y. (Russia),
Shumakova N.B. (Russia), Engeness I. (Norway),
Yurkevich V.S. (Russia)

Editorial council

Rubtsov V.V. (Russia) — **chairman of editorial council**
Margolis A.A. (Russia) — **deputy chairman**
of editorial council
Daniels H.R. (Great Britain)

Secretary

Ponomareva V.V.

Scientific consultant

Nevryuev A.N.

Technical editor

Borisova O.N.

Computer layout designer

Baskakova M.A.

Proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education
(MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051

Phone: +7 (495) 608-16-27, +7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/jmfp>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of
Education and Science of the Russian Federation, Russian
Index of Scientific Citing database, RCSI, DOAJ

Published quarterly since 2012

The mass medium registration certificate:

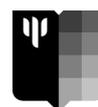
El FS77-66445 number. Registration date 21.07.2016

All rights reserved.

Journal title, logo, rubrics, all text and images are the
property of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed
only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Захарова Ю.В.

Моральное отчуждение: современные исследования, противоречия и перспективы 5

Леонова А.В.

Объектные и субъектные подходы в психологии восприятия искусства:
обзор эмпирических исследований 16

Шейнов В.П.

Личностные и поведенческие корреляты проблемных пользователей социальных сетей:
обзор современных зарубежных исследований 26

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Пенцак Ю.Ю., Холмогорова А.Б., Евдокимова О.Л., Гринь А.А.

Психоэмоциональные особенности лиц с диагнозом менингиома головного мозга 36

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Корчагин Е.Н., Лобанова А.В.

Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического
направления подготовки 45

Авдеева Н.Н., Кочетова Ю.А., Климакова М.В.

Мягкие навыки: концепции, проблемы, исследования 57

Ермолова Т.В., Махмудова С.М., Литвинов А.В.

Особенности процессов изучения иностранного языка и овладения им:
психологические и лингвистические факторы 69

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тучина О.Р.

Привязанность к месту проживания в зарубежной психологии: теоретические
подходы и эмпирические исследования 79

Ванин А.В., Гордякова О.В., Лебедев А.Н.

Медиа и психологическая поляризация общества: систематический обзор
междисциплинарных зарубежных исследований 88

Буланова И.С., Двойнин А.М., Романцова В.К.

Представление об устойчивости в концептуальном пространстве психологии 103

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Мешкова Н.В.

Современные зарубежные исследования и направления профилактики
антисоциальной креативности в контексте семьи 114

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА И ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Шарапова А.В.

Перфекционизм на рабочем месте: открытия и противоречия эмпирических исследований 122

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Цыганова Е.М., Бочавер А.А.

Родительство в эпоху цифровых технологий: обзор предметного поля
и обзор литературы 131

Горшкова Е.В.

Проблема танцевального творчества детей 3–7 лет в современных
зарубежных исследованиях 140

Наши авторы

153

CONTENTS

GENERAL PSYCHOLOGY

Zakharova Y.V.

Moral Disengagement: Contemporary Research, Controversies and Prospects 5

Leonova A.V.

Object and Subject Approaches in the Psychology of Art Perception:
A Review of Empirical Research 16

Sheinov V.P.

Personality Correlates of Problem Users of Social Networks:
A Review of Modern Foreign Research 26

MEDICAL PSYCHOLOGY

Pentsak Y.Y., Kholmogorova A.B., Evdokimova O.L., Grin A.A.

Psychoemotional Characteristics of People Diagnosed with Meningioma 36

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Korchagin E.N., Lobanova A.V.

Professional Identity of Students of the Psychological and Pedagogical Direction of Education 45

Avdeeva N.N., Kochetova Y.A., Klimakova M.V.

Soft Skills: Concepts, Problems, Research 57

Ermolova T.V., Makhmudova S.M., Litvinov A.V.

The Peculiarities of Foreign Language Learning and Acquisition Processes:
Psychological and Linguistic Factors 69

SOCIAL PSYCHOLOGY

Tuchina O.R.

Place Attachment in Foreign Psychology: Theoretical Approaches and Empirical Research 79

Vanin A.V., Gordyakova O.V., Lebedev A.N.

Media and Psychological Polarization of Society: a Systematic Review
of Interdisciplinary Foreign Research 88

Bulanova I.S., Dvoinin A.M., Romantsova V.K.

Representations of Resilience in the Conceptual Field of Psychology 103

LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Meshkova N.V.

Modern Foreign Research of Malevolent Creativity in the Family Context 114

LABOUR PSYCHOLOGY AND ENGINEERING PSYCHOLOGY

Sharapova A.V.

Perfectionism in the workplace: findings and controversies of empirical research 122

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Tsyganova E.M., Bochaver A.A.

Parenting in Digital Age: Scoping Review and Literature Review 131

Gorshkova E.V.

The Problem of Preschoolers' Dance Creativity in Modern Foreign Studies 140

Our authors

156

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ GENERAL PSYCHOLOGY

Моральное отчуждение: современные исследования, противоречия и перспективы

Захарова Ю.В.

*Свободный исследователь, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info*

Моральное отчуждение — концепт, предложенный А. Бандурой, он представляет собой набор стратегий самообмана, к которым прибегают люди, чтобы сохранять самоуважение и позитивную самооценку при совершении аморальных и неэтичных поступков. Моральное отчуждение связано с разными видами анти-социального поведения, его изучение несет большую пользу обществу и поэтому привлекает внимание исследователей с конца двадцатого века. В статье представлен обзор современных зарубежных исследований морального отчуждения. Описаны основные направления изучения этого феномена: теоретические и поведенческие корреляты; личностные и контекстуальные предпосылки; роль морального отчуждения как предиктора и когнитивного посредника; методы и инструменты изучения морального отчуждения и его механизмов; противоречия, обнаруженные исследователями и дальнейшие перспективы изучения. На сегодняшний день перспективными выглядят исследования морального отчуждения в контексте помогающих профессий и IT-разработки, буллинга и кибербуллинга; механизмов морального отчуждения в конкретных сферах; семейных факторов его проявления; создание узкоспециализированных опросников; построение единой модели морального отчуждения. Изучение морального отчуждения открывает возможности для профилактики аморального и неэтичного поведения.

Ключевые слова: моральное отчуждение, Альберт Бандура, моральная психология, неэтичное поведение.

Благодарности: Автор выражает сердечную благодарность за концептуальную помощь и моральную поддержку научному руководителю кандидату психологических наук Н.В. Кисельниковой.

Для цитаты: Захарова Ю.В. Моральное отчуждение: современные исследования, противоречия и перспективы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 5—15. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140101>

Moral Disengagement: Contemporary Research, Controversies and Prospects

Yuliya V. Zakharova

*Private practice, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info*

Moral disengagement is a concept proposed by A. Bandura; as a set of self-deception strategies that people resort to in order to maintain self-respect and positive self-esteem when committing immoral and unethical acts. Moral disengagement is associated with various types of antisocial behavior; its study is of great benefit to society and therefore has been attracting the attention of researchers since the end of the twentieth century. The article provides an overview of modern foreign research on moral alienation. The main directions of studying this phenomenon are described: theoretical and behavioral correlates, personal and contextual prerequisites, the role of moral alienation as a predictor and cognitive mediator, methods and tools for studying moral disengagement and its mechanisms, contradictions discovered by researchers and further prospects for study. Today, research into moral disengagement in the context of helping professions and IT development, bullying and cyberbullying; mechanisms of moral disengagement in specific areas; family factors of its manifestation; the creation of highly specialized questionnaires; as well as the construction of a unified model of moral disengagement looks promising. The study of moral disengagement opens up opportunities for the prevention of immoral and unethical behavior.

Keywords: moral disengagement, Albert Bandura, moral psychology, unethical behavior.

Acknowledgements: The author expresses her heartfelt gratitude for conceptual assistance and moral support to the scientific supervisor Ph.D. Kiselnikova N.V.

For citation: Zakharova Y.V. Moral Disengagement: Contemporary Research, Controversies and Prospects [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 5—15. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140101> (In Russ.).

Введение

Концепция морального отчуждения А. Бандуры объединяет различные стратегии самообмана, к которым прибегают люди, чтобы сохранять самоуважение и позитивную самооценку, совершая аморальные поступки. Описывается восемь механизмов морального отчуждения — когнитивных тактик, которые позволяют избежать моральных самосанкций, активирующихся в связи с аморальным и неэтичным поведением: моральное оправдание, эвфемистический ярлык, выгодное сравнение, смещение ответственности, рассеивание ответственности, искажение последствий, дегуманизация, атрибуция вины [6].

Изучение морального отчуждения и его механизмов имеет важное научно-практическое значение, так как аморальное и неэтичное поведение наносит огромный экономический и моральный ущерб на уровне как отдельных людей и организаций, так и общества в целом. Так, например, Э. Холмс (компания Theranos), собравшая инвестиции на разработку инновационного оборудования для быстрых и дешевых анализов, проводимых «по капле крови», оказалась мошенницей. В результате ее деятельности пострадали пациенты, получившие недостоверные анализы, и инвесторы, потерявшие вложенные деньги. Также был нанесен ущерб репутации не только крупных журналов, которые публиковали статьи об истории успеха Э. Холмс и ее фото на обложках, но и организаторов, спонсоров конференций, где Э. Холмс была почетным спикером, а также серьезно подорвано доверие общества к такого рода исследованиям [31].

В данном обзоре пойдет речь о современных исследованиях морального отчуждения: основных направлениях, методах и инструментах изучения, противоречиях, обнаруженных исследователями и о дальнейших перспективах изучения морального отчуждения.

Современные исследования морального отчуждения

С семидесятых годов XX века исследования стратегий самообмана при неэтичном поведении служили интересам бизнеса с целью профилировать такое поведение, приводящее к убыткам и ущербу репутации крупных компаний, и проводились в организационном контексте, в основном в США. Это направление исследований является самым распространенным и в настоящее время — моральное отчуждение широко изучается в организационном контексте в связи с неэтичным и аморальным поведением [4; 23].

В дальнейшем исследования стратегий самообмана свелись к изучению морального отчуждения и распространились на более широкий социальный контекст: взаимоотношения и развитие детей и подростков [5; 25; 35; 40], спортивную психологию [15; 32], криминалистику, поведение заключенных и др. [4]. Современные исследования не только углубляют понимание морального отчуждения в вышеуказанных контекстах, но и охватывают еще более разнообразные ситуации социального взаимодействия, такие как следование правилам во время пандемии [24], агрессия на романтических свиданиях и в семье, неверность и сексуальное насилие [9; 14]. Большое количество исследований посвящено социальным отношениям в Интернете: кибербуллингу [19; 21], онлайн-знакомствам [33]. В последние десятилетия исследования морального отчуждения стали проводиться в контексте помогающих профессий с дисбалансом власти, таких как учителя [16], медсестры [17; 22], полицейские [13], врачи и психологи [1]; однако таких работ все еще мало. Новейшие исследования проводятся в области проявления морального отчуждения у разработчиков программного обеспечения, связанного с искусственным интеллектом в сфере здравоохранения [30].

Теоретические и эмпирические корреляты морального отчуждения

В настоящее время в фокусе внимания исследователей находятся теоретические, поведенческие и нейробиологические корреляты морального отчуждения. Моральное отчуждение часто изучается в связке с «темными» чертами личности. М. Мошаген с коллегами [28] относят моральное отчуждение к одной из девяти черт «Темного фактора личности D». Метаанализ также подтвердил, что черты темной триады — нарциссизм, психопатия, макиавеллизм, а также психологическое право (psychological entitlement) — являются основными теоретическими коррелятами морального отчуждения [4; 28].

Часто моральное отчуждение изучается в качестве эмпирического коррелята в связке с различными видами поведения: издевательствами и травлей, высмеиванием, нечестным и неэтичным поведением на рабочем месте, насилием, в том числе и сексуальным, преступлениями и другими видами бесчеловечного, агрессивного и аморального поведения [1; 4; 17; 19; 20]. Активно ведутся исследования морального отчуждения в связи с буллингом и кибербуллингом — агрессивным поведением людей при взаимодействии в сети Интернет — в социальных сетях, сетевых играх [19; 21]. Так, метаанализ сорока четырех исследований мораль-

ного отчуждения в контексте подросткового буллинга охватил 43809 детей и подростков от 7 до 19 лет (47 независимых выборок), участвовавших как в кибербуллинге, так и в издевательствах «лицом к лицу». Метаанализ строился вокруг ключевых ролей буллинга, таких как агрессор, жертва, защитник, наблюдатель, и показал, что участие в буллинге в роли агрессора или жертвы положительно связано с уровнем морального отчуждения, а участие в роли защитника, напротив, связано отрицательно; также обнаружено отсутствие связи уровня морального отчуждения с ролью наблюдателя [3].

Изучение роли наблюдателя в последние годы привлекает внимание исследователей морального отчуждения, так как эта роль — наиболее распространенная в эпизодах травли. Например, китайскими исследователями ($n = 1655$) приведены такие цифры: 45,86% респондентов только наблюдали травлю, не участвуя ни как жертва, ни как агрессор или защитник [40]. Именно от того, насколько наблюдатели будут готовы вмешаться в ситуацию травли, поддержав защитника, и зависит исход эпизода травли — ее прекращение. Результаты исследований последних лет вступают в противоречие с данными метаанализа — в них показана значимая связь морального отчуждения и поведения наблюдателя. Чем выше моральное отчуждение у наблюдателя, тем меньше вероятность, что он вмешается в ситуацию травли. Также выявлены противоречия относительно влияния на поведение наблюдателя контекстуальных факторов, таких как, например, социальная поддержка. Социальная поддержка, по данным исследований, может облегчать решение наблюдателя вмешаться в ситуацию, однако наряду с этим есть работы, где показано, что социальная поддержка, наоборот, может помогать наблюдателю остаться безучастным к травле [16; 40].

Продолжаются исследования морального отчуждения в школьном контексте: его высокий уровень связан с нарушением школьных норм, более высокие показатели — с нарушением закона [25]. Все больше исследований морального отчуждения проводится в контексте интимных отношений, где моральное отчуждение изучается в связке с насилием, неверностью, потреблением порно [14]. Моральное отчуждение также изучается в связи с возрастом, полом и контекстуальными факторами развития детей. Исследования показали, что общий уровень морального отчуждения увеличивается в средне-подростковом возрасте и снижается к возрасту ранней взрослости [37]. Данные исследований о связи пола и морального отчуждения остаются неизменными: уровень морального отчуждения выше у мальчиков и у мужчин [18; 20; 21].

Новейшие исследования касаются нейробиологических коррелятов морального отчуждения. Получены данные о соотношении показателей моральной идентичности и противопоставленного ей морального отчуждения с нейробиологическими показателями: уровень региональной однородности в предклинье

головного мозга положительно коррелирует с показателями моральной идентичности и отрицательно — с моральным отчуждением. Это исследование подводит итог противоречию, которое касалось соотношения морального отчуждения и моральной идентичности — точка зрения некоторых ученых о том, что высокие показатели моральной идентичности связаны с высоким, а не с низким моральным отчуждением, оказалась несостоятельной [29].

Область исследований коррелятов морального отчуждения расширяется с каждым годом, охватывая разнообразные сферы человеческого взаимодействия и поведения. Наряду с областями изучения морального отчуждения, где ученые пришли к согласию (теоретические корреляты морального отчуждения, его связь с полом), существуют также области, например буллинг, в которых получены противоречивые данные и ведутся научные споры. Роль морального отчуждения наблюдателей травли и факторов, которые на него влияют, в настоящее время требует уточнений и дополнительных исследований.

Моральное отчуждение как предиктор

В рамках изучения морального отчуждения в различных профессиональных и социальных контекстах (организационном, спортивном, школьном, тюремном, сетевом и др.) были описаны модели, где моральное отчуждение являлось предиктором, когнитивным посредником и модератором антисоциального, аморального, неэтичного и проблемного поведения [19; 20; 21; 24].

В частности было показано, что уровень морального отчуждения может предсказывать поведение в широком спектре социальных взаимоотношений — от агрессии по отношению к партнеру [14] до академической нечестности в высших учебных заведениях [18]. Моральное отчуждение у спортсменов предсказывает агрессивное неспортивное поведение [15], использование допинга [32], у подростков — буллинг [25], а у медсестер — неэтичное поведение по отношению к пациентам [17; 22]. Моральное отчуждение в организационном контексте предсказывает не только неэтичное поведение на рабочем месте, но и низкую эффективность при выполнении рабочих задач. Оно также отрицательно связано с организационным гражданским поведением (organizational citizenship behavior) в качестве готовности помогать другим, балансировать между интересами членов группы и своими [4; 17]. Интересно, что эти связи наблюдаются не только у одной и той же личности, но и во взаимоотношениях между разными людьми. Например, высокое моральное отчуждение вузовских преподавателей предсказывает выученную беспомощность и академическую прокрастинацию у их студентов [39]. В настоящее время в качестве предиктора исследуется не только индивидуальное, но и коллективное моральное отчуждение. Так, показана связь между коллективным моральным отчуждением, авторитарным преподаванием сканди-

навских учителей, низким качеством отношений «учитель—ученик» и развитием индивидуального морального отчуждения [5].

Наряду с продолжающимися исследованиями морального отчуждения как предиктора, в настоящее время появилось большое количество исследований, где моральное отчуждение активно исследуется в роли когнитивного посредника между различными личностными чертами, контекстуальными факторами и аморальным поведением. Так, моральное отчуждение опосредует низкое сострадание к другим и поведение высмеивания [20], повседневную низкую нравственную чувствительность наблюдателей при школьной травле и поведение невмешательства [40]. Получены данные о посреднической роли морального отчуждения между мотивационным климатом, создаваемым тренером, и поведением спортсменов: неблагоприятный мотивационный климат связан с антисоциальным поведением по отношению как к соперникам, так и к товарищам по команде через использование механизмов морального отчуждения [15]. Также исследовалась посредническая роль морального отчуждения между перфекционизмом спортсменов и их готовностью применять допинг [32]. Посредническую роль морального отчуждения, наряду с негативными эмоциями, также выделяют исследователи контрпродуктивного поведения у курсантов итальянской полиции как реакцию на несправедливость в организации [13]. Моральное отчуждение показано как модератор между психопатией и академической нечестностью у греческих студентов [18]. Также моральное отчуждение изучалось в качестве модератора между виктимизацией и высокой толерантностью к насилию [9].

Количество исследованных переменных, опосредуемых моральным отчуждением, возрастает год от года (самоконтроль, перфекционизм, зависть, сострадание и многие другие). Поэтому выстроенные исследователями модели морального отчуждения постоянно требуют дальнейших уточнений и дополнений. Контекстуальные факторы морального отчуждения, описанные ниже, вводят дополнительное измерение, которое должно учитываться в моделях морального отчуждения: динамику изменения морального отчуждения во времени [4; 23].

Таким образом, исследования морального отчуждения как предиктора аморального и неэтичного поведения со временем привели к его изучению в качестве когнитивного посредника и модератора. Также в настоящее время в этой роли изучается не только индивидуальное, но и коллективное моральное отчуждение. Модели морального отчуждения с каждым годом усложняются, вмещающая новые переменные.

Диспозиционные и контекстуальные предпосылки морального отчуждения

Ряд исследований морального отчуждения направлен на выявление личностных и ситуационных предпосылок проявления морального отчуждения. В рам-

ках социально-когнитивной теории А. Бандура описывал моральное отчуждение как когнитивный процесс. Однако исследования морального отчуждения А. Бандуры и его коллег строились таким образом, как если бы моральное отчуждение было диспозиционной чертой личности. Следуя этой традиции, исследователи морального отчуждения также фокусировались на его диспозиционных предпосылках, однако в дальнейшем все больше исследований стало посвящаться контекстуальным факторам морального отчуждения. Вопрос о соотношении и взаимовлиянии личностных и контекстуальных факторов до сих пор актуален. Выдвигаются различные гипотезы; так, например, исследователи полагают, что чем чаще человек ситуативно прибегает к тактикам морального отчуждения, тем больше оно развивается как личностная черта, в результате чего чаще используется, распространяясь на другие контексты [4; 23].

Моральное отчуждение изучалось в соотношении с различными личностными характеристиками: эмпатией, когнитивным моральным развитием, моральной идентичностью, добросовестностью, локусом контроля, чертами темной триады [17; 18; 21; 24; 38]. Результаты масштабного метаанализа, проведенного в 2022 г., показали, что основными диспозиционными предпосылками проявления морального отчуждения являются низкий уровень эмпатии, добросовестности, идеализма, честности/скромности (фактор «Честность» модели HEXACO), интернализации моральной идентичности, а также высокие показатели релятивизма и склонности к переживанию чувства вины [4].

Современные исследования морального отчуждения не только углубляют понимание его связи с вышеозначенными личностными характеристиками, но и расширяют список личностных предпосылок. Так, например, последние исследования посвящены связи морального отчуждения с личной относительной депривацией, злонамеренной завистью, самоконтролем, психологической разумностью, моральным перфекционизмом и т. д. [1; 19]. Моральное отчуждение изучалось в связке с толерантностью к неопределенности и состраданием к другим людям: исследователи пришли к выводу, что высокое моральное отчуждение связано с низкой толерантностью к неопределенности и низким состраданием [20].

Изучение контекстуальных предпосылок вносит важный вклад в понимание происхождения и динамики развития морального отчуждения. Наиболее изученной является область организационного контекста, однако внимание исследователей привлекают не только рабочие коллективы и этический климат в организациях. Исследования морального отчуждения в спортивных командах, школьных коллективах со временем привели к изучению семейных факторов, влияющих на моральное отчуждение.

Взрослые люди могут коллективно дистанцироваться от моральных стандартов, и тогда моральное отчуждение выступает коллективной характеристикой

такой группы. В качестве существенных контекстуальных предпосылок проявления морального отчуждения в организационном контексте исследователи выделяют несправедливую организационную политику (кумовство, стремление к удовлетворению личных интересов, безнаказанность при неэтичном поведении), а также оскорбительный надзор — стиль управления, предполагающий отношение к сотрудникам как к потенциальным нарушителям. Этическое лидерство и справедливая организационная политика в качестве сдерживающих факторов проявления морального отчуждения показали меньший эффект. Использование тактик морального отчуждения может распространяться в коллективах посредством «социального заражения» [4].

Ряд исследователей предполагают, что моральное отчуждение по своей сути является коллективным явлением, которое порождается этическим климатом в сообществе. Так, например, на моральное отчуждение у детей влияет их окружение. Лонгитюдное исследование южнокорейских школьников при помощи анализа их соцсетей показало, что дети со временем стали больше походить на своих друзей в том, что касается морального отчуждения и чувства общности со сверстниками [35]. Исследование ($n = 1373$), проведенное на выборке скандинавских школьников, показало, что коллективное моральное отчуждение (наряду с другими факторами, такими как, например, позитивные отношения между учителями и учениками) влияет на уровень индивидуального морального отчуждения [5]. Исследователи выявили, что моральное отчуждение у одних и тех же людей может по-разному проявляться в разных сферах их жизни; так, у молодых людей в контексте интернет-взаимодействий оно выше по сравнению с семейным и дружеским контекстом [34].

В последние годы интерес исследователей связан с изучением семейных факторов, связанных с моральным отчуждением. Однако данные по таким исследованиям пока являются противоречивыми. Так, в одном исследовании выявлена отрицательная связь морального отчуждения детей с авторитарным стилем родительского воспитания и положительная — с попустительским [12]. Однако в другом исследовании низкое моральное отчуждение у детей связывалось с отзывчивостью родителей и предоставлением детям автономии через формирование сильной моральной идентичности [27]. Исследователи из Испании уточнили посредническую роль морального отчуждения при трансгенерационной передаче паттерна семейного насилия: дети, подвергавшиеся насилию в детстве, потом осуществляют насилие над своими родителями, применяя моральное отчуждение, также выявлена посредническая роль морального отчуждения между воспринимаемой подростками родительской теплотой и насилием по отношению к родителям [7; 8].

Список личностных и контекстуальных предпосылок морального отчуждения расширяется с каждым годом. Важный дискуссионный вопрос о связи и взаимовлия-

нии диспозиционных и контекстуальных факторов, влияющих на моральное отчуждение, остается открытым. Популярными в последнее время исследованиями в области контекстуальных факторов морального отчуждения сместились в сторону изучения семейных факторов, в этой области данные пока являются противоречивыми.

Инструменты и методы исследования морального отчуждения и его механизмов

Модификации классического опросника А. Бандуры и коллег, направленного на изучение агрессивного поведения подростков в школах, привели к появлению нескольких опросников морального отчуждения в различных контекстах (организационном, спортивном). Опросник С. Мур и коллег [38] не только надежно предсказывает связь высокого уровня морального отчуждения и неэтичного поведения в организационном контексте, но и достаточно универсален, чтобы использовать его для исследования широкого круга вопросов, связанных с проявлением морального отчуждения. Две из трех форм этого опросника (MD-8, MD-24) были успешно адаптированы на российской выборке респондентов [2; 38].

Дизайн исследований морального отчуждения часто выстроен вокруг самоотчетов и кейсов, предлагаемых респондентам для анализа. Однако в связи с тем, что существует разрыв между моральными суждениями и моральным поведением, некоторые исследователи не только сопоставляют уровень морального отчуждения и решение умозрительных этических задач, но также и моделируют ситуации морального выбора. Так, например, Дж. Детерт с коллегами [10] предложили респондентам ряд кейсов, один из которых позже проверили: используя сходную ситуацию в реальной жизни, исследователи вынудили респондентов совершить моральный выбор. Часть респондентов поступили нечестно, несмотря на продемонстрированные ранее социально приемлемые моральные суждения [10].

Появление опросника С. Мур совпало с резким увеличением количества исследований морального отчуждения. Так, по данным интернет-ресурса PubMed, за период с 1996 по 2012 г. было опубликовано около 90 статей, посвященных моральному отчуждению, а в последующие 10 лет — с 2013 по 2023 — более 450.

Наряду с опросником С. Мур, существуют опросники для узкоспециализированных контекстов. В частности, разработаны: опросники выявления морального отчуждения у медсестер, которые хорошо предсказывают их неэтичное поведение [22]; опросник морального отчуждения при кибербуллинге [21]; этническая шкала морального отчуждения для оценки склонности к травле по национальному признаку [11].

Изучая конкретные механизмы морального отчуждения, можно выявить специфические механизмы, используемые людьми при аморальном и неэтичном

поведении в разных областях человеческих взаимоотношений. Эти данные могут быть использованы для увеличения информированности и профилактики такого поведения. Изучение конкретных механизмов морального отчуждения, как правило, осуществляется посредством глубинных или полуструктурированных интервью, где респонденты рассказывают о своем опыте, рассуждают на тему предложенных им этических дилемм [1; 16; 36]. Существуют исследования, материалом для которых послужили публичные заявления пиар-служб компаний, наносящих своей деятельностью вред экологии и здоровью людей (производители табака, свинца, мяса), а также исследования, в которых применялся контент-анализ соцсетей респондентов [23; 26; 35].

Н.С. Перейра и коллеги [16] изучали механизмы морального отчуждения на примере кибербуллинга. Интервьюирование учителей на предмет их отношения к кибербуллингу среди учащихся и необходимости вмешательств для его прекращения выявило в рассуждениях учителей маркеры механизмов морального отчуждения, способствующие преуменьшению не только серьезности кибербуллинга, но и своей ответственности за необходимость вмешательства в такие ситуации. Учителя чаще всего использовали такие механизмы, как рассеивание ответственности и искажение последствий [16].

Исследование морального отчуждения у членов колумбийских незаконных вооруженных формирований проводилось с использованием контент-анализа глубинных интервью и позволило выявить в рассуждениях респондентов все восемь механизмов морального отчуждения. Особенно часто преступники использовали механизмы смещения ответственности и морально-го оправдания [36].

Роль морального отчуждения в медийном дискурсе о производстве мяса и молочных продуктов была изучена путем контент-анализа интервью с участниками рынка: производителями, ритейлерами. Так, были выявлены предпочитаемые участниками маркеры и механизмы морального отчуждения: эвфемизация, выгодное сравнение, моральное оправдание [26].

Исследователи морального отчуждения у подростков выявили, что именно механизм дегуманизации является ранним показателем возникновения антиобщественного поведения: по сравнению с контрольной группой он высокий у нарушителей школьных норм и еще выше у нарушителей закона [25]. Психологи-консультанты, описывающие поведение, содержащее риски эксплуатации и нанесения вреда клиентам, также демонстрировали механизм дегуманизации, наряду с механизмом атрибуции вины [1]. Изучение морального отчуждения в контексте детско-родительских отношений показало, что подростки, проявляющие насилие по отношению к родителям предпочитают следующие механизмы: моральное оправдание, атрибуция вины, искажение последствий, смещение ответственности [8].

Появление первого опросника морального отчуждения в школьном контексте впоследствии привело к созданию универсального опросника. В настоящее время развитие инструментов измерения морального отчуждения движется в направлении увеличения количества узкоспециализированных опросников для отдельных контекстов, отраслей и профессий. В результате исследований механизмов морального отчуждения удалось выделить предпочитаемые механизмы для представителей конкретных профессий, в разных социальных ситуациях, используемых при участии в различных типах антисоциального поведения. Знание действия конкретных механизмов морального отчуждения в различных контекстах помогает профилактике аморального и неэтичного поведения путем увеличения осознанности — как у представителей конкретных профессий, так и в обществе в целом.

Проблемы, противоречия и перспективы исследований морального отчуждения

Моральное отчуждение определяется как предиктор и когнитивный посредник различных видов антисоциального и проблемного поведения, сложный многомерный феномен, связанный как с личностными, так и с контекстуальными факторами, которые находятся во взаимовлиянии. Сфера исследований морального отчуждения расширяется от служения интересам бизнеса до более широкого, социально-значимого контекста, охватывая различные сферы человеческого взаимодействия. Редкие исследования морального отчуждения в области помогающих профессий имеют исследовательский потенциал при высокой значимости их для общества. Также в связи с развитием искусственного интеллекта и все большим его использованием в различных сферах социального взаимодействия, таких, например, как здравоохранение, изучение и профилактирование морального отчуждения у разработчиков программного обеспечения, является важным и перспективным направлением будущих исследований.

Большое количество исследований морального отчуждения в сфере буллинга и кибербуллинга не только углубляет понимание когнитивных механизмов этого явления, но и ставит перед исследователями новые вопросы, связанные с его профилактикой. Ученые пытаются расширить круг изучаемых личностных предиспозиций, связанных с моральным отчуждением и буллингом, таких, например, как самоконтроль, развивая которые можно предотвращать агрессивное поведение. Противоречия касаются роли наблюдателя травли и поведения невмешательства — мнения о когнитивном посредничестве морального отчуждения расходятся. Также нет согласия в части контекстуальных факторов буллинга, например роли воспринимаемой наблюдателями социальной поддержки. Все эти вопросы являются перспективными для исследования морального отчуждения в данном контексте.

В связи с увеличением количества исследований, где моральное отчуждение показано не только предиктором аморального и неэтичного поведения, но и когнитивным посредником и модератором между разными видами переменных, возникают сложности с построением единой общей модели морального отчуждения, в которой могли бы быть учтены все переменные и их взаимовлияние. Модели морального отчуждения, выстроенные, например, в школьном контексте учитывают контекстуальные факторы, связанные со школьным климатом, отношениями «учитель—ученик», но оставляют за пределами семейные факторы. Начавшиеся современные исследования семейных факторов развития морального отчуждения пока, к сожалению, проводятся довольно редко, данные являются противоречивыми.

Также в настоящее время не сняты методологические противоречия в изучении морального отчуждения как личностной черты и как процесса, порожденного контекстом. Это не только затрудняет сопоставление данных при проведении метаанализов исследований, но и ставит дополнительные вопросы о взаимовлиянии диспозиционных и контекстуальных факторов, влияющих на моральное отчуждение.

Перспективным направлением исследований является создание узкоспециализированных опросников морального отчуждения. Такие инструменты помогут более тщательно проводить отбор и оценку персонала в общественно важных сферах социального взаимодействия. Исследования конкретных механизмов морального отчуждения в различных отраслях, и особенно в помогающих профессиях, также могут помочь профилировать риски нанесения вреда конкретным людям и обществу.

Выводы

Моральное отчуждение является сложным многомерным феноменом, который изучается около трех

десятилетий. Моральное отчуждение связано с аморальным и неэтичным поведением, его изучение несет большую пользу обществу и поэтому привлекает особое внимание исследователей. Появление универсального опросника С. Мур катализирует изучение морального отчуждения, благодаря чему исследования распространились с изучения морального отчуждения в детско-подростковой и организационной сферах на широкий спектр различных социальных взаимодействий. В результате этого произошло расширение понимания феномена морального отчуждения, от коррелятов морального отчуждения фокус исследований сместился на личностные и контекстуальные факторы морального отчуждения. Также исследователи пытаются выстроить более точные модели, отражающие модераторскую и посредническую роль морального отчуждения, учитывающие изменение морального отчуждения в динамике. Большое количество корреляционных исследований морального отчуждения со временем привело к появлению качественных исследований морального отчуждения и его механизмов в разных сферах, в том числе в сфере помогающих профессий. Перспективными являются исследования морального отчуждения не только в этой сфере, но и среди IT-разработчиков, деятельность которых связана с искусственным интеллектом. Противоречивыми и перспективными выглядят исследования буллинга и кибербуллинга, семейных факторов. Многообещающим направлением исследований видится дальнейшее изучение механизмов морального отчуждения в различных сферах, а также создание узкоспециализированных опросников. Сложной исследовательской задачей по-прежнему остается построение единой модели морального отчуждения, учитывающей всю сложность этого феномена. Изучение морального отчуждения открывает дальнейшие возможности для профилактики аморального и неэтичного поведения, выявляя противоречия, которые могут стать перспективными для дальнейших исследований.

Литература

1. Захарова Ю.В. Проявление морального отчуждения у психологов-консультантов в ситуациях профессионального взаимодействия с клиентами // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 21. № 1. С. 123—143. DOI:10.17323/1813-8918-20234-1-123-143
2. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я.А. Ледовая, Р.В. Тихонов, О.Н. Боголюбова, Е.В. Казенная, Ю.Л. Сорокина // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 23—39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402
3. A meta-analysis of the relationship between moral disengagement and bullying roles in youth / B. Killer, K. Bussey, D.J. Hawes, C. Hunt // Aggressive Behavior. 2019. Vol. 45. № 4. P. 450—462. DOI:10.1002/ab.21833
4. A meta-analytic investigation of the antecedents, theoretical correlates, and consequences of moral disengagement at work / B.T. Ogunfowora, V.Q. Nguyen, P. Steel, C.C. Hwang // Journal of Applied Psychology. 2022. Vol. 107. № 5. P. 746—775. DOI:10.1037/apl0000912
5. A short-term longitudinal study on the development of moral disengagement among schoolchildren: the role of collective moral disengagement, authoritative teaching, and student-teacher relationship quality / M. Bjärehed, B. Sjögren, R. Thornberg, G. Gini, T. Pozzoli // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article ID 1381015. 13 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1381015
6. Bandura A. Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves. New York: Worth Publishers, 2016. 446 p.

7. *Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C.* Exposure to Violence during Childhood and Child-to-Parent Violence: The Mediating Role of Moral Disengagement // *Healthcare*. 2023. Vol. 11. № 10. Article ID 1402. 13 p. DOI:10.3390/healthcare11101402
8. *Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C.* Lagged Effect of Parental Warmth on Child-to-Parent Violence through Moral Disengagement Strategies // *Children*. 2024. Vol. 11. № 5. Article ID 585. 15 p. DOI:10.3390/children11050585
9. *Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I., Martín-Mora Parra G.* Moral Disengagement as a Moderating Factor in the Relationship between the Perception of Dating Violence and Victimization // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. № 14. Article ID 5164. 14 p. DOI:10.3390/ijerph17145164
10. *Detert J.R., Trevino L.K., Sweitzer V.L.* Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes // *Journal of Applied Psychology*. 2008. Vol. 93. № 2. P. 374—391. DOI:10.1037/0021-9010.93.2.374
11. Development and Validation of the Ethnic Moral Disengagement Scale / M.G. Lo Cricchio, F. Stefanelli, B.E. Palladino, M. Paciello, E. Menesini // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 12. Article ID 756350. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.756350
12. *Di Pentima L., Toni A., Roazzi A.* Parenting Styles and Moral Disengagement in Young Adults: The Mediating Role of Attachment Experiences // *The Journal of Genetic Psychology*. 2023. Vol. 184. № 5. P. 322—338. DOI:10.1080/00221325.2023.2205451
13. *Farnese M.L., Scafuri Kovalchuk L., Cova E.* Ineffective kintsugi: The detrimental contribution of emotional and cognitive factors on psychological contract breach outcomes // *Work*. 2024. Vol. 79. P. 1091—1102. DOI:10.3233/WOR-230550
14. *Ferreiros L., Clemente M.* Detection of intimate partner aggression through dark personality and moral disengagement // *Cadernos de Saude Publica*. 2023. Vol. 39. № 9. Article ID e00073523. 12 p. DOI:10.1590/0102-311XEN073523
15. *Gürpınar B., Sari I.H., Yildirim H.* Perceived coach-created empowering and disempowering motivational climate and moral behaviour in sport: mediating role of moral disengagement // *Journal of Sports Sciences*. 2023. Vol. 41. № 9. P. 820—832. DOI:10.1080/02640414.2023.2240614
16. «It is Typical of Teenagers»: When Teachers Morally Disengage from Cyberbullying / N.S. Pereira, P.D.C. Ferreira, A.M. Veiga Simão, A. Cardoso, A. Barros, A. Marques-Pinto, A.I. Ferreira, A.C. Primor, S. Carvalhal // *Spanish Journal of Psychology*. 2022. Vol. 25. Article ID e30. 13 p. DOI:10.1017/SJP.2022.27
17. *Ke Y., Li F.* Moral disengagement, moral identity, and counterproductive work behavior among emergency nurses // *Nursing Ethics*. 2025. Vol. 32. № 1. P. 111—124. DOI:10.1177/09697330241238336
18. *Kokkinos C.M., Antoniadou N.* Understanding Academic Dishonesty in University Settings: The Interplay of Dark Triad Traits and Moral Disengagement // *The Journal of Genetic Psychology*. 2024. Vol. 185. № 5. P. 309—322. DOI:10.1080/00221325.2023.2297850
19. *Li H., Guo Q., Hu P.* Moral disengagement, self-control and callous-unemotional traits as predictors of cyberbullying: a moderated mediation model // *BMC Psychology*. 2023. Vol. 11. Article ID 247. 11 p. DOI:10.1186/s40359-023-01287-z
20. *Maftei A.* The indirect effect of compassion on katagelasticism: the mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty // *BMC Psychology*. 2023. Vol. 11. Article ID 26. 10 p. DOI:10.1186/s40359-023-01063-z
21. Measuring empathy online and moral disengagement in cyberbullying / S.M. Francisco, P. da Costa Ferreira, A.M. Veiga Simão, N.S. Pereira // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Article ID 1061482. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1061482
22. *Mohammadpour A., Salehi H., Moghaddam M.B.* Psychometric properties of the Persian version of the nursing moral disengagement scale // *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*. 2023. Vol. 16. Article ID 15. 16 p. DOI:10.18502/jmehm.v16i15.14614
23. Moral disengagement at work: A review and research agenda / A. Newman, H. Le, A. North-Samardzic, M. Cohen // *Journal of Business Ethics*. 2019. Vol. 167. P. 535—570. DOI:10.1007/s10551-019-04173-0
24. Moral Disengagement, Dark Triad and Face Mask Wearing during the COVID-19 Pandemic / G. Chávez-Ventura, H. Santa-Cruz-Espinoza, J. Domínguez-Vergara, N. Negreiros-Mora // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2022. Vol. 12. № 9. P. 1300—1310. DOI:10.3390/ejihpe12090090
25. Moral Disengagement in Adolescent Offenders: Its Relationship with Antisocial Behavior and Its Presence in Offenders of the Law and School Norms / D. Agudelo Rico, C. Panesso Giraldo, J.S. Arbel ez Caro, G. Cabrera Gutiérrez, V. Isaac, M.J. Escobar, E. Herrera // *Children*. 2024. Vol. 11. № 1. Article ID 70. 14 p. DOI:10.3390/children11010070
26. Moral disengagement in the media discourses on meat and dairy production systems / C. Schübler, S. Nicolai, S. Stoll-Kleemann, B. Bartkowski // *Appetite*. 2024. Vol. 196. Article ID 107269. 11 p. DOI:10.1016/j.appet.2024.107269
27. *Morgan B., Fowers B.* Empathy and authenticity online: The roles of moral identity, moral disengagement, and parenting style // *Journal of Personality*. 2022. Vol. 90. № 2. P. 183—202. DOI:10.1111/jopy.12661
28. *Moshagen M., Zettler I., Hilbig B.E.* Measuring the dark core of personality // *Psychological Assessment*. 2020. Vol. 32. № 2. P. 182—196. DOI:10.1037/pas0000778

29. Neural correlates of individual differences in moral identity and its positive moral function / W. Zhu, K. Wang, C. Li, X. Tian, X. Wu, K. Matkurban, L.X. Xia // *Journal of Neuropsychology*. 2024. Vol. 18. № 3. P. 427—440. DOI:10.1111/jnp.12371
30. Not in my AI: Moral engagement and disengagement in health care AI development / A.A. Nichol, M.C. Halley, C.A. Federico, M.K. Cho, P.L. Sankar // *The Pacific Symposium on Biocomputing*. 2023. Vol. 28. P. 496—506. DOI:10.1142/9789811270611_0045
31. Paul K. Elizabeth Holmes to be sentenced nine months after guilty verdict [Электронный ресурс] // *The Guardian*. 2022. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/jan/13/elizabeth-holmes-sentence-september-fraud> (дата обращения: 01.10.2024).
32. Perfectionism and doping willingness in athletes: The mediating role of moral disengagement / G.E. Jowett, N. Stanger, D.J. Madigan, L.B. Patterson, S.H. Backhouse // *Psychology of Sport and Exercise*. 2023. Vol. 66. Article ID 102402. 18 p. DOI:10.1016/j.psychsport.2023.102402
33. Sánchez-Jiménez V., Rodríguez-de Arriba M.L., Muñoz-Fernández N. Is This WhatsApp Conversation Aggressive? Adolescents' Perception of Cyber Dating Aggression // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. № 19—20. P. 17369—17393. DOI:10.1177/08862605211028011
34. Saulnier L., Krettenauer T. Internet impropriety: Moral identity, moral disengagement, and antisocial online behavior within an early adolescent to young adult sample // *Journal of Adolescence*. 2023. Vol. 95. № 2. P. 264—283. DOI:10.1002/jad.12112
35. Shaping Citizenship in the Classroom: Peer Influences on Moral Disengagement, Social Goals, and a Sense of Peer Community / J. Kim, J.J. Sijtsema, R. Thornberg, S.C.S. Caravita, J.S. Hong // *Journal of Youth and Adolescence*. 2024. Vol. 53. P. 732—743. DOI:10.1007/s10964-023-01916-1
36. Violent Extremism and Moral Disengagement: A Study of Colombian Armed Groups / A. Blanco, A. Davies-Rubio, L. De la Corte, L. Mir n // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. № 1—2. P. 423—448. DOI:10.1177/0886260520913643
37. Walters G.D. Changes in criminal thinking from midadolescence to early adulthood: Does trajectory direction matter? // *Law and Human Behavior*. 2022. Vol. 46. № 2. P. 154—163. DOI:10.1037/lhb0000468
38. Why Employees Do Bad Things: Moral Disengagement And Unethical Organizational Behavior / C. Moore, J.R. Detert, V.L. Baker, D.M. Mayer // *Personnel Psychology*. 2012. Vol. 65. № 1. P. 1—48. DOI:10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x
39. Wu W., He Q. The Roles of Moral Disengagement and Learned Helplessness Towards International Postgraduate Students' Academic Procrastination // *Psychology Research and Behavior Management*. 2022. Vol. 15. P. 1085—1104. DOI:10.2147/PRBM.S343135
40. Xie Z., Liu C., Teng Z. The Effect of Everyday Moral Sensitivity on Bullying Bystander Behavior: Parallel Mediating Roles of Empathy and Moral Disengagement // *Journal of Interpersonal Violence*. 2023. Vol. 38. № 11—12. P. 7678—7701. DOI:10.1177/08862605221147071

References

1. Zakharova Yu.V. Proyavlenie moral'nogo otchuzhdeniya u psikhologov-konsul'tantov v situatsiyakh professional'nogo vzaimodeistviya s klientami [Moral Disengagement in Counseling Psychologists in Situations of Professional Interaction with Clients]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2024. Vol. 21, no. 1, pp. 123—143. DOI:10.17323/1813-8918-20234-1-123-143 (In Russ.).
2. Ledovaya Ya.A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N., Kazennaya E.V., Sorokina Yu.L. Otchuzhdenie moral'noi otvetstvennosti: psikhologicheskii konstrukt i metody ego izmereniya [Moral Disengagement: The Psychological Construct and its Measurement]. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg State University. Episode 16: Psychology. Pedagogy*, 2016, no. 4, pp. 23—39. DOI:10.21638/11701/spbu16.2016.402 (In Russ.).
3. Killer B., Bussey K., Hawes D.J., Hunt C. A meta-analysis of the relationship between moral disengagement and bullying roles in youth. *Aggressive Behavior*, 2019. Vol. 45, no. 4, pp. 450—462. DOI:10.1002/ab.21833
4. Ogunfowora B.T., Nguyen V.Q., Steel P., Hwang C.C. A meta-analytic investigation of the antecedents, theoretical correlates, and consequences of moral disengagement at work. *Journal of Applied Psychology*, 2022. Vol. 107, no. 5, pp. 746—775. DOI:10.1037/apl0000912
5. Bjärehed M., Sjögren B., Thornberg R., Gini G., Pozzoli T. A short-term longitudinal study on the development of moral disengagement among schoolchildren: the role of collective moral disengagement, authoritative teaching, and student-teacher relationship quality. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15, article ID 1381015. 13 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1381015
6. Bandura A. *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live With Themselves*. New York: Worth Publishers, 2016. 446 p.
7. Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C. Exposure to Violence during Childhood and Child-to-Parent Violence: The Mediating Role of Moral Disengagement. *Healthcare*, 2023. Vol. 11, no. 10, article ID 1402. 13 p. DOI:10.3390/healthcare11101402

8. Bautista-Aranda N., Contreras L., Cano-Lozano M.C. Lagged Effect of Parental Warmth on Child-to-Parent Violence through Moral Disengagement Strategies. *Children*, 2024. Vol. 11, no. 5, article ID 585. 15 p. DOI:10.3390/children11050585
9. Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I., Martín-Mora Parra G. Moral Disengagement as a Moderating Factor in the Relationship between the Perception of Dating Violence and Victimization. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 14, article ID 5164. 14 p. DOI:10.3390/ijerph17145164
10. Detert J.R., Trevino L.K., Sweitzer V.L. Moral disengagement in ethical decision making: a study of antecedents and outcomes. *Journal of Applied Psychology*, 2008. Vol. 93, no. 2, pp. 374—391. DOI:10.1037/0021-9010.93.2.374
11. Lo Cricchio M.G., Stefanelli F., Palladino B.E., Paciello M., Menesini E. Development and Validation of the Ethnic Moral Disengagement Scale. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 12, article ID 756350. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.756350
12. Di Pentima L., Toni A., Roazzi A. Parenting Styles and Moral Disengagement in Young Adults: The Mediating Role of Attachment Experiences. *The Journal of Genetic Psychology*, 2023. Vol. 184, no. 5, pp. 322—338. DOI:10.1080/00221325.2023.2205451
13. Farnese M.L., Scafuri Kovalchuk L., Cova E. Ineffective kintsugi: The detrimental contribution of emotional and cognitive factors on psychological contract breach outcomes. *Work*, 2024. Vol. 79, pp. 1091—1102. DOI:10.3233/WOR-230550
14. Ferreiros L., Clemente M. Detection of intimate partner aggression through dark personality and moral disengagement. *Cadernos de Saude Publica*, 2023. Vol. 39, no. 9, article ID e00073523. 12 p. DOI:10.1590/0102-311XEN073523
15. Gürpınar B., Sari I.H., Yildirim H. Perceived coach-created empowering and disempowering motivational climate and moral behaviour in sport: mediating role of moral disengagement. *Journal of Sports Sciences*, 2023. Vol. 41, no. 9, pp. 820—832. DOI:10.1080/02640414.2023.2240614
16. Pereira N.S., Ferreira P.D.C., Veiga Simão A.M., Cardoso A., Barros A., Marques-Pinto A., Ferreira A.I., Primor A.C., Carvalhal S. «It is Typical of Teenagers»: When Teachers Morally Disengage from Cyberbullying. *Spanish Journal of Psychology*, 2022. Vol. 25, article ID e30. 13 p. DOI:10.1017/SJP.2022.27
17. Ke Y., Li F. Moral disengagement, moral identity, and counterproductive work behavior among emergency nurses. *Nursing Ethics*, 2024. Vol. 32, no. 1, pp. 111—124. DOI:10.1177/09697330241238336
18. Kokkinos C.M., Antoniadou N. Understanding Academic Dishonesty in University Settings: The Interplay of Dark Triad Traits and Moral Disengagement. *The Journal of Genetic Psychology*, 2024. Vol. 185, no. 5, pp. 309—322. DOI:10.1080/00221325.2023.2297850
19. Li H., Guo Q., Hu P. Moral disengagement, self-control and callous-unemotional traits as predictors of cyberbullying: a moderated mediation model. *BMC Psychology*, 2023. Vol. 11, Article ID 247. 11 p. DOI:10.1186/s40359-023-01287-z
20. Maftai A. The indirect effect of compassion on katagelasticism: the mediating role of moral disengagement and the moderating effect of intolerance of uncertainty. *BMC Psychology*, 2023. Vol. 11, article ID 26. 10 p. DOI:10.1186/s40359-023-01063-z
21. Francisco S.M., da Costa Ferreira P., Veiga Sim o A.M., Pereira N.S. Measuring empathy online and moral disengagement in cyberbullying. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14, article ID 1061482. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2023.1061482
22. Mohammadpour A., Salehi H., Moghaddam M.B. Psychometric properties of the Persian version of the nursing moral disengagement scale. *Journal of Medical Ethics and History of Medicine*, 2023 Vol. 16, article ID 15. 16 p. DOI:10.18502/jmehm.v16i15.14614
23. Newman A., Le H., North-Samardzic A., Cohen M. Moral disengagement at work: A review and research agenda. *Journal of Business Ethics*. 2019. Vol. 167, pp. 535—570. DOI:10.1007/s10551-019-04173-0
24. Chávez-Ventura G., Santa-Cruz-Espinoza H., Domínguez-Vergara J., Negreiros-Mora N. Moral Disengagement, Dark Triad and Face Mask Wearing during the COVID-19 Pandemic. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2022. Vol. 12, no. 9, pp. 1300—1310. DOI:10.3390/ejihpe12090090
25. Agudelo Rico D., Panesso Giraldo C., Arbel ez Caro J.S., Cabrera Guti rrez G., Isaac V., Escobar M.J., Herrera E. Moral Disengagement in Adolescent Offenders: Its Relationship with Antisocial Behavior and Its Presence in Offenders of the Law and School Norms. *Children*, 2024. Vol. 11, no. 1, article ID 70. 14 p. DOI:10.3390/children11010070
26. Schübler C., Nicolai S., Stoll-Kleemann S., Bartkowski B. Moral disengagement in the media discourses on meat and dairy production systems. *Appetite*, 2024. Vol. 196, article ID 107269. 11 p. DOI:10.1016/j.appet.2024.107269
27. Morgan B., Fowers B. Empathy and authenticity online: The roles of moral identity, moral disengagement, and parenting style. *Journal of Personality*, 2022. Vol. 90, no. 2, pp. 183—202. DOI:10.1111/jopy.12661
28. Moshagen M., Zettler I., Hilbig B.E. Measuring the dark core of personality. *Psychological Assessment*, 2020. Vol. 32, no. 2, pp. 182—196. DOI:10.1037/pas0000778
29. Zhu W., Wang K., Li C., Tian X., Wu X., Matkurban K., Xia L.X. Neural correlates of individual differences in moral identity and its positive moral function. *Journal of Neuropsychology*, 2024. Vol. 18, no. 3, pp. 427—440. DOI:10.1111/jnp.12371

30. Nichol A.A., Halley M.C., Federico C.A., Cho M.K., Sankar P.L. Not in my AI: Moral engagement and disengagement in health care AI development. *The Pacific Symposium on Biocomputing*, 2023. Vol. 28, pp. 496—506. DOI:10.1142/9789811270611_0045
31. Paul K. Elizabeth Holmes to be sentenced nine months after guilty verdict [Electronic resource]. *The Guardian*, 2022. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/jan/13/elizabeth-holmes-sentence-september-fraud> (Accessed 01.10.2024).
32. Jowett G.E., Stanger N., Madigan D.J., Patterson L.B., Backhouse S.H. Perfectionism and doping willingness in athletes: The mediating role of moral disengagement. *Psychology of Sport and Exercise*, 2023. Vol. 66, article ID 102402. 18 p. DOI:10.1016/j.psychsport.2023.102402
33. Sánchez-Jiménez V., Rodríguez-de Arriba M.L., Muñoz-Fernández N. Is This WhatsApp Conversation Aggressive? Adolescents' Perception of Cyber Dating Aggression. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 19—20, pp. 17369—17393. DOI:10.1177/08862605211028011
34. Saulnier L., Krettenauer T. Internet impropriety: Moral identity, moral disengagement, and antisocial online behavior within an early adolescent to young adult sample. *Journal of Adolescence*, 2023. Vol. 95, no. 2, pp. 264—283. DOI:10.1002/jad.12112
35. Kim J., Sijtsema J.J., Thornberg R., Caravita S.C.S., Hong J.S. Shaping Citizenship in the Classroom: Peer Influences on Moral Disengagement, Social Goals, and a Sense of Peer Community. *Journal of Youth and Adolescence*, 2024. Vol. 53, pp. 732—743. DOI:10.1007/s10964-023-01916-1
36. Blanco A., Davies-Rubio A., De la Corte L., Mirón L. Violent Extremism and Moral Disengagement: A Study of Colombian Armed Groups. *Journal of Interpersonal Violence*, 2022. Vol. 37, no. 1—2, pp. 423—448. DOI:10.1177/0886260520913643
37. Walters G.D. Changes in criminal thinking from midadolescence to early adulthood: Does trajectory direction matter? *Law and Human Behavior*, 2022. Vol. 46, no. 2, pp. 154—163. DOI:10.1037/lhb0000468
38. Moore C., Detert J.R., Baker V.L., Mayer D.M. Why Employees Do Bad Things: Moral Disengagement and Unethical Organizational Behavior. *Personnel Psychology*, 2012. Vol. 65, no. 1, pp. 1—48. DOI:10.1111/j.1744-6570.2011.01237.x
39. Wu W., He Q. The Roles of Moral Disengagement and Learned Helplessness Towards International Postgraduate Students' Academic Procrastination. *Psychology Research and Behavior Management*, 2022. Vol. 15, pp. 1085—1104. DOI:10.2147/PRBM.S343135
40. Xie Z., Liu C., Teng Z. The Effect of Everyday Moral Sensitivity on Bullying Bystander Behavior: Parallel Mediating Roles of Empathy and Moral Disengagement. *Journal of Interpersonal Violence*, 2023. Vol. 38, no. 11—12, pp. 7678—7701. DOI:10.1177/08862605221147071
- 41.

Информация об авторах

Захарова Юлия Владимировна, клинический психолог, КПП-практик, преподаватель, исследователь, сооснователь Коллегии по этике психологов и психотерапевтов; частная практика, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info

Information about the authors

Yuliya V. Zakharova, Clinical Psychologist, CBT practitioner, lecturer, researcher, co-founder of the College of Ethics of Psychologists and Psychotherapists; Private practice, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>, e-mail: mail@zakharova.info

Получена 24.12.2023

Принята в печать 25.09.2024

Received 24.12.2023

Accepted 25.09.2024

Объектные и субъектные подходы в психологии восприятия искусства: обзор эмпирических исследований

Леонова А.В.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8248-3899>, e-mail: lanasobchak@gmail.com*

В статье представлен обзор исследований, посвященных психологии восприятия изобразительного искусства. Данное направление становится все более востребованным, как на теоретическом, так и на практическом уровнях. В теоретическом аспекте оно имеет значение в связи с усиливающимися тенденциями к изучению ценностных ориентиров, так как приобщение к искусству часто рассматривается среди высших в иерархии потребностей человека. С практической точки зрения психология восприятия искусства может иметь значение при использовании произведений изобразительного искусства в терапевтических целях, например в арт-терапии. В результате анализа современных зарубежных исследований в области психологии восприятия искусства автор данной статьи предлагает свою классификацию направления работ, включающую в себя два основных подхода — объектный и субъектный. Объектный подход близок к традициям, сложившимся в когнитивной психологии, и рассматривает закономерности обработки человеком получаемой эстетической информации, связанной с самим произведением искусства. В субъектном подходе внимание концентрируется на зрителе, тех его чертах и психологических особенностях, которые делают его эстетически отзывчивым. Отдельно в статье проводится разделение между изучением эстетических оценок зрителей и изучением их эстетических переживаний. В заключительной части статьи определяются принципы, согласно которым следует выбирать объектные и субъектные модели для применения в рамках практической психологии.

Ключевые слова: психология искусства, эстетическое восприятие, восприятие искусства, экспериментальная эстетика.

Для цитаты: Леонова А.В. Объектные и субъектные подходы в психологии восприятия искусства: обзор эмпирических исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140102>

Object and Subject Approaches in the Psychology of Art Perception: A Review of Empirical Research

Anna V. Leonova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8248-3899>, e-mail: lanasobchak@gmail.com

The article presents an overview of modern research on the psychology of perception of fine art. Recently, this area has become increasingly in demand both at the theoretical and practical levels. In the theoretical aspect, this direction is important in connection with the increasing trends for the study of value orientations since appreciation of art and beauty are often considered among the highest human values. From a practical point of view, it is important because of the usage of works of fine art for therapeutic purposes, for example, in art therapy. As a result of the analysis of modern foreign research in the field of art perception, author of this article offers classification of works in this field, which includes two main approaches — object and subject. The object approach is close to the traditions established in cognitive psychology and examines patterns of human processing of aesthetic information related to the work of art itself. In the subjective approach, attention is focused on the viewer him/herself, those psychological features that make him aesthetically responsive. Additionally, a division is made between the study of aesthetic evaluations and judgments of viewers and their aesthetic experiences. In the final part of the article, the author suggests principles according to which object and subject models should be chosen for use in practical psychology.

Keywords: psychology of art, aesthetic perception, perception of art, experimental aesthetics.

For citation: Leonova A.V. Object and Subject Approaches in the Psychology of Art Perception: A Review of Empirical Research [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140102> (In Russ.).

Введение

Психология искусства является одной из наиболее активно развивающихся и разнообразных областей психологической науки. Искусство, в том числе живописные произведения, многие годы активно используются в терапевтических целях, о чем наглядно свидетельствует бурное развитие арт-терапии. Более того, арт-терапевтические методы используются в терапии детей, в том числе и даже дошкольного возраста [19]. Большую роль психология восприятия искусства и эстетики играет и при разработке различных визуальных продуктов (объектов дизайна или интерфейсов) [36]. Наконец, искусство и красота также являются важными жизненными ресурсами и даже описываются как факторы субъективного благополучия [12; 39].

Изучение закономерностей восприятия искусства может дать ответ на вопрос, в каких условиях приобщение к творчеству и красоте может иметь благотворное влияние на людей. Основная цель настоящего обзора — систематизировать подходы к изучению восприятия искусства, предложив их новую категоризацию. Анализ проводился преимущественно на материале исследований, посвященных восприятию визуального изобразительного искусства, а также дизайна интерьеров.

Несмотря на обилие подходов и методологий, существующих в рамках психологии восприятия искусства, все они могут быть разделены на две большие группы исследований, которые можно назвать объектными и субъектными. Главным критерием для категоризации в этом случае является то, на какой элемент в процессе восприятия искусства больше направлено внимание исследователя — на сам объект восприятия (картину, фотографию и т. д.) или на субъект восприятия — т. е. зрителя. Объектные и субъектные парадигмы также различаются по своему фокусу внимания: так, в рамках объектной парадигмы исследователи чаще обращают внимание на те оценочные суждения, которые формируются у испытуемых в результате созерцания предметов искусства. Такого рода оценочные суждения могут иметь разную степень экспертности, однако почти всегда группируются вокруг оценок по типу «нравится / не нравится» или «кажется красивым/некрасивым». Для субъектных же исследований такого рода оценки и параметры важны куда меньше; основной интерес здесь представляют эмоции, субъективный опыт, а также некоторые ценностные установки испытуемых. На наш взгляд, именно разное понимание того, на что именно стоит обращать внимание при изучении восприятия искусства, и служит основным источником противоречий в рамках этой области.

Ранние этапы изучения психологии восприятия искусства

Первые исследования психологии восприятия искусства относятся к еще к XIX веку. Одним из родо-

начальников этого подхода являлся Густав Теодор Фехнер, который создал новое направление в психологии — экспериментальная эстетика. В рамках своих экспериментов Фехнер пытался эмпирически показать, какие объективные свойства предметов (цвет, форма, размер, а также соотношение этих параметров) заставляют зрителя описывать их как красивые/эстетичные [13].

Важный вклад в психологию восприятия искусства на ранних ее этапах внес и Вильям Штерн. Активно интересуясь детской психологией, Штерн проводил эксперименты, связанные с изучением субъективных и объективных аспектов восприятия, в том числе и в работе с детьми. Согласно Штерну, субъективные и объективные тенденции могут обнаруживаться в разных областях психики — от психофизиологических реакций до суждений людей об их собственных отношениях к ощущениям.

Являясь создателем дифференциальной психологии, Штерн также задал парадигму личностных различий в восприятии разных стимулов, в том числе и визуальных/эстетических [1].

Объектные подходы

Объектные подходы сосредоточены на изучении тех физических свойств произведений искусства, которые делают их гармоничными в глазах зрителей (к таким свойствам могут относиться, например, композиция и колорит картины). Подобная постановка вопроса наиболее близка к такой области психологии, как экспериментальная эстетика. Главная задача экспериментальной эстетики заключается в том, чтобы «объяснить, как особенности того или иного объекта влияют на его эстетическую оценку или формирование симпатии к нему» [8]. Центральным понятием в этой дисциплине является эстетическая чувствительность, которая определяется как «отзывчивость к сенсорным характеристикам объектов» [9]. В основе большинства таких подходов лежит идея о существовании некоторых универсальных законов эстетического восприятия, мало зависящих от культуры, опыта и ряда других индивидуальных характеристик. Другими словами, они постулируют, что ряд свойств произведений изобразительного искусства воспринимается большинством людей примерно одинаково. До некоторой степени это утверждение можно считать верным — так, в обзорной работе 2018 года [10] авторы показывают, что, хотя переменные, связанные с личностью зрителя, могут оказывать значительное воздействие на его эстетические предпочтения, существует определенный набор свойств картины, таких как симметричность, соотношение форм, яркость, контрастность и прочие, которым люди склонны отдавать предпочтение вне зависимости от их культуры.

На сегодняшний день большинство законов визуального восприятия вообще (и художественного восприятия в частности) на первичном, сенсорном уровне, уже изучено. Однако остается довольно много

вопросов, связанных с дальнейшей когнитивной обработкой этой эстетической информации. Именно поэтому в рамках современных исследований объектный подход несколько трансформировался — ученые рассматривают уже не отдельные свойства произведений искусства, а то, как их сочетания приводят к определенным закономерностям обработки эстетической информации. Такой подход близок к когнитивистскому, и, по сути, рассматривает эстетическое восприятие как одну из разновидностей восприятия вообще. Ниже будут рассмотрены наиболее известные модели когнитивной обработки эстетической информации.

Некоторые авторы [19], указывали на сложность эстетического стимула как на источник его привлекательности для зрителя: более трудное и пристальное взаимодействие со стимулом повышает его привлекательность. Одновременно с этим другие авторы [26] доказывали обратное — люди склонны оценивать более эстетически привлекательными те объекты, которые являются им знакомыми и более простыми для восприятия. Отчасти это противоречие было разрешено при помощи более тщательного анализа того, каким образом происходит обработка эстетической информации разного типа — условно «легкой» и условно «сложной». Наибольший вклад в разрешение этого вопроса внесла модель «Интерес и удовольствие в эстетике» [15]. Ее авторы доказывают, что существуют разные типы положительных реакций на эстетические стимулы, которые как раз являются производными от степени их сложности. Вводя понятие беглости переработки стимула (т. е. сочетания простоты и скорости его обработки), авторы утверждают, что сложные стимулы провоцируют интерес, в то время как более простые — удовольствие. Чем сложнее стимул, тем менее бегло он перерабатывается, а значит, требует больше усилий от самого зрителя, тем самым подогревая его интерес. Если же стимул, наоборот, достаточно прост и его обработка протекает бегло, то восприятие будет более автоматическим, т. е. зритель будет как бы следовать за теми условиями, которые ему предлагает картина или фотография.

Еще одна трактовка, близкая к когнитивистскому направлению, была предложена в докторской диссертации Эстена Аксельссона [5]. Как и рассмотренные выше авторы, он предлагает собственную модель, описывающую механизм эстетического восприятия. Согласно ей эстетическое восприятие основано на взаимосвязи между количеством информации о стимулах и способностью людей обрабатывать эту информацию. Эта взаимосвязь приводит к информационной нагрузке, которая, в свою очередь, создает эмоциональные реакции на стимулы. Эстетическая оценка соответствует оптимальной степени информационной нагрузки. Первоначально оптимальная степень является относительно низкой, однако по мере того как индивид учится осваивать информацию в определенной области, степень допустимой информационной нагрузки, которая соответствует эстетическому восприятию, возрастает.

Важным положением в объектной парадигме восприятия искусства также является идея о том, что эстетические оценки формируются во многом благодаря системе когнитивного поощрения. Обработывая визуальную информацию, обладающую некоторой эстетической ценностью, когнитивные механизмы зрителя (внимание, мышление, память) адаптируются под нее потому, что это приносит некоторую выгоду, которую и называют поощрением. Некоторые авторы [6] предполагают, что таких систем поощрения при восприятии искусства существует две, и они разделены во времени: первая, более быстрая, приносит удовольствие на первичном, сенсорном, уровне; вторая же действует отложено и связана с ожиданиями зрителя (как она действует, ожидание оправдывается/не оправдывается...).

Значительная роль в когнитивной обработке эстетической информации отводится памяти. Как в рамках экспериментальных условий, так и в реальной жизни бывают ситуации, в которых людям предлагают для оценки ряд эстетически окрашенных стимулов, из которых нужно либо выбрать наиболее понравившийся, либо, к примеру, оценить их все с точки зрения эстетики. В таких случаях значительное влияние на оценку оказывают различные эффекты, связанные с работой памяти. Было установлено [24], что при последовательном предъявлении эстетических стимулов эффект запоминания действительно оказывает негативное влияние на оценки относительно красоты. При этом вариабельность оценок зависит от числа предъявляемых стимулов и их разнообразия.

Объектно-когнитивистский подход к изучению восприятия изобразительного искусства также зачастую предполагает разложение этого процесса на этапы. И хотя авторы научных публикаций выделяют различные этапы восприятия, общий принцип остается неизменным: сначала воспринимается визуальная информация (сенсорный уровень), и лишь затем к ней подключается когнитивная и эмоциональная обработка стимула. Одна из наиболее известных моделей эстетического восприятия была предложена в 2012 г. [20]. В ней автор предлагает рассмотреть такое понятие, как эстетический опыт. Полноценный эстетический опыт включает в себя три этапа: первый этап — погружение — состоит из возбуждения органов чувств и привлечения внимания. Второй этап представляет собой освоение полученной на первом этапе информации, ее категоризацию. В контексте произведения искусства это также означает погружение в тот художественный мир, «вселенную», которая была создана автором картины. Наконец, на третьем этапе происходит эмоциональная оценка увиденного, и у зрителя может возникнуть чувство единения с эстетическим объектом. Другой наиболее известной моделью в этом направлении является пятифакторная модель эстетического восприятия Лидера [2]. По мнению автора, восприятие произведения визуального искусства состоит из пяти последовательных шагов. К ним отно-

сятся: перцептивный анализ, классификация в неявной памяти, явная классификация, когнитивное освоение, и, наконец, оценка увиденного. Помимо выделения этих пяти этапов, он также говорит о двух возможных видах результата обработки эстетической информации, а именно об эстетической эмоции и эстетическом суждении.

Другой взгляд на эстетическое восприятие предлагается в недавней обзорной статье [30]. Проанализировав большой объем других работ на тему восприятия красоты (не только в изобразительном искусстве, но и в ряде других категорий), авторы приходят к выводу, что восприятие красоты вообще (и искусства в частности) во многом происходит по тем же законам обработки информации, что и другие гедонистические процессы. Как вкус, запах, мелодия, так и визуальное изображение оцениваются как красивое или некрасивое, исходя прежде всего из гедонистических предпосылок. Однако авторы все же отмечают, что в случае оценки красоты значительную роль также играют и усвоенные ранее стандарты красоты, а значит, используя термины когнитивной психологии, в процессе формирования суждений о красоте играют роль как восходящие (анализ визуальных характеристик предлагаемого объекта), так и нисходящие (сформировавшиеся представления о красоте) процессы.

Обобщая существующие объектные подходы, можно сказать, что большинство из них изучают, какие свойства визуальной эстетической информации приводят к ее положительной оценке зрителями, и описывают это, чаще всего, в когнитивистских терминах, рассматривая этот процесс как частный случай обработки визуальной информации. Значительный вклад объектных исследований также состоит в последовательном описании процесса эстетического восприятия. Знание этапов эстетического восприятия может быть полезно в практической психологии, например, когда объект искусства используется для благотворного воздействия на человека и необходимо понять, в какой именно момент зритель начнет испытывать катарсис или другого рода эмоциональные переживания.

Субъектные подходы

Второй рассматриваемый подход к изучению восприятия искусства — субъектный — крайне широк и включает в себя множество более мелких подходов и парадигм. Основу его составляет фокус внимания на самом зрителе: тех факторах, связанных с его чертами, способностями и состояниями, которые и определяют его взаимоотношения с искусством. Такой взгляд лучше всего объясняет межиндивидуальные различия в реакциях на произведения искусства. Влияние разного рода личностных факторов на восприятие искусства также подтверждается рядом исследований мозговой активности. В частности, недавно полученные данные [29] свидетельствуют о том, что эстетическая оценка — это не четко локализованный в отдельных частях мозга процесс, действующий по принципу «сти-

мул—реакция», а общая система, сосредоточенная на мезолимбической цепи вознаграждения, в которой оценка того или иного визуального стимула определяется не только свойствами объекта, но и целым рядом других факторов, в том числе связанных с личностью самого воспринимающего субъекта. Список этих факторов очень обширен и может включать личностные свойства разной степени устойчивости (черты, диспозиции), способности, ценностные установки, образование и эстетический опыт. Более того, немалую роль могут играть и ситуационные состояния, в которых находится зритель на момент восприятия картины.

Наиболее очевидными факторами, имеющими влияние на межиндивидуальные различия в восприятии искусства, являются эстетический опыт человека и его знания. Зрителей, обладающих некоторыми искусствоведческими знаниями и определенного рода насмотренностью, т. е. опытом восприятия произведений визуального искусства (например при частом посещении музеев и арт-галерей), принято называть компетентными. Однако стоит отметить, что компетентность определяет лишь некоторые аспекты восприятия искусства: она значительно влияет на положительную оценку увиденного, но не оказывает влияния на интенсивность переживаемых эстетических эмоций. Так, было установлено, что компетентные зрители оценивали предложенные им произведения живописи более позитивно (т. е. как приятные, интересные или красивые) по сравнению с «обычными» зрителями [4]. Более того, значимость компетентности для восприятия искусства варьируется в зависимости от жанра и стиля демонстрируемого произведения. К примеру, некоторые сложные для восприятия типы искусства, такие как абстракционизм, гораздо чаще положительно оцениваются именно людьми, имеющими компетентность в этой области, чем «обычателями» [16]. При этом даже небольшой период обучения теоретическим знаниям в области истории искусств улучшал понимание, а, вследствие этого, и оценку абстрактных работ [27]. Компетентность в искусстве может оказывать влияние не только на восприятие самих произведений искусства, но также и на оценку других объектов, тем самым даже формируя представления людей о красоте. Так, было установлено [37], что компетентность в живописи оказывает влияние на оценку внешности с точки зрения красоты: респонденты, имевшие художественное образование, чаще оценивали несимметричные лица как красивые. Таким образом, можно утверждать, что обучение искусству снижает неприятие асимметрии, тем самым делая критерии красоты более гибкими. К похожим выводам пришли и авторы другого исследования [38], изучавшие, как компетентность зрителей влияет на их оценку симметричности композиции картины. Результаты исследования показали, что, несмотря на тот факт, что симметричные изображения в целом оценивались как более приятные обеими группами испытуемых, именно среди компетентных испытуемых уровень предпочтения несимметричных изображений был значительно выше.

При этом наличие знаний или опыта далеко не всегда является ключевой характеристикой, определяющей вовлеченность человека в искусство и эстетику: важным теоретическим предположением для психологии восприятия искусства является допущение о существовании некоего устойчивого свойства (например личностной черты), которое определяет восприимчивость человека к искусству. Стоит отметить, что на данный момент нет одного устоявшегося термина, который бы описывал эту искомую психологическую характеристику; каждый исследователь в данной области формулирует собственное центральное понятие, а потому терминов, описывающих это качество, очень много: это и «вовлеченность в красоту» [11], и «эстетическое сопереживание» [7], и «восприимчивость к искусству» [35]. В данной статье при описании теории каждого автора будет использован именно тот термин, который он предложил; в остальных случаях будет применяться наиболее общий термин — «эстетическая отзывчивость».

Существует еще одна трудность, связанная с пониманием того, какое психическое явление отвечает за восприятие красоты/эстетики — исследователи пока так и не пришли к единому мнению, в чем именно оно себя обнаруживает. Два основных тренда в современной литературе таковы: часть исследователей рассматривают эстетическую отзывчивость больше как способность, другие — как личностную черту/диспозицию. Рассматривая эстетическую отзывчивость как способность, авторы чаще всего говорят о способности к эстетическому суждению. Сторонниками такого подхода являются французские исследователи Нильс Мышковский и Мартин Стром, рассматривающие эстетическую отзывчивость как способность оценивать художественную ценность стимулов, соотнося ее с общепринятым стандартом хорошего вкуса. В своей работе они исследуют [22] связь эстетической отзывчивости с интеллектом, креативностью, а также некоторыми видами личностной открытости (измерялась при помощи методики NEO PI-R). В результате исследователями была установлена корреляционная связь между интеллектом, креативностью и одной из субшкал открытости, а именно открытостью к эстетике. Говоря о способности к эстетическому суждению, также нельзя не обратить внимание на недавнее исследование [34], в котором проверялось, насколько универсальными могут быть эстетические оценки и от чего может зависеть отклонение от этой универсальной «нормальности» вкуса. Авторы измеряли средние данные по эстетическим оценкам (в спектре красиво/некрасиво) мелодий и изображений, а затем посчитали, насколько результат каждого конкретного испытуемого отличался от среднетипичного. Согласно полученным данным, типичность вкуса не является произвольной, а скорее в умеренной степени коррелирует с суждениями о музыке: люди, имеющие типичный вкус к изображениям, также, как правило, имеют типичный вкус и к мелодиям, что может свидетельствовать о том, что способность к эстетическому суждению может быть универсальной для

разных типов искусства. Подобный взгляд активно критикуется: противники трактовки эстетической отзывчивости как способности говорят о том, что, хотя и существуют некоторые общие закономерности визуального восприятия, объясняющие универсальность вкусовых предпочтений, само представление об «объективности» и «правильности» того или иного эстетического суждения несостоятельно. Так, в одном из исследований [3] критикуется нормативный подход к суждениям о красоте и гармонии; вместо этого авторы предлагают иное определение эстетической отзывчивости — они определяют ее как степень, в которой художественные свойства картины влияют на эстетические предпочтения. Другими словами, если то или иное произведение искусства привлекает человека в большей степени за счет своих художественных свойств (а не из-за сюжета, или, к примеру, некоторых социальных убеждений), то можно утверждать, что такой человек обладает высокой степенью эстетической чувствительности. Надо отметить, что Мышковский и Стром позднее выпустили свой комментарий [23] на эту статью, в котором критиковали психометрические подходы данного автора [3].

Второй значительный тренд в литературе связан с рассмотрением эстетической отзывчивости как устоявшейся личностной черты. Пионером такого подхода является Рейт Дисснер [11], предложивший свой термин — вовлеченность в красоту — который он определяет как устоявшееся личностное свойство, не сводящееся к другим чертам, знаниям или способностям. Этот термин описывает эстетическую отзывчивость к красоте не только искусства, но и природы, и даже к красоте идей. Важность этой теории также заключается в том, что она концентрируется не столько вокруг оценочных суждений зрителя, сколько на его переживаниях, причем рассматривает разные уровни, на которых это переживание может протекать. Автор выделяет три уровня проявлений вовлеченности в красоту: когнитивный, физический и эмоциональный. Другая трактовка эстетической отзывчивости как личностной черты была предложена в одной из недавних работ [35]. Как и Дисснер, ее авторы предполагают, что существует некое отдельное устойчивое личностное качество, не сводимое к другим качествам/чертам, которое и определяет отзывчивость человека к эстетике. Однако, в отличие от большинства других исследований в этой сфере, авторы данной работы не только сосредотачиваются на живописи, но предлагают такой конструкт эстетической отзывчивости, который фокусируется на искусстве вообще, включая в себя также музыку и поэзию. Экспериментальным путем авторы выявили три основных составляющих эстетической отзывчивости: интенсивность эмоционального переживания, склонность к творческой деятельности и способность формировать эстетические суждения.

В некоторых случаях эстетическая отзывчивость, хотя и не формулируется как отдельная устойчивая черта, все же и не описывается в парадигме способностей. В таких случаях, как правило, используется кор-

реляционная модель, когда реакция на эстетику в искусстве рассматривается через связь с другими чертами/свойствами личности. Такой подход, в частности, позволяет обосновать привлекательность некоторых «сложных» видов искусства для зрителя. Традиционные эволюционные теории чаще всего трактуют красоту как нечто «безопасное», «приятное», «знакомое» или «сексуально привлекательное», так как именно эти характеристики эволюционно способствовали выживанию и продолжению рода. Однако многие произведения искусства не удовлетворяют эволюционно обусловленным критериям красоты, тем не менее все равно привлекают многих зрителей. Для обоснования предпочтения такого рода произведений искусства исследователи обращаются к определенным личностным чертам, наличие которых помогает объяснить, почему для некоторых людей эволюционные механизмы восприятия красоты работают в меньшей степени. Так, в одной из статей 2003 года [25] авторы выделили ряд коррелятов, предсказывающих предпочтения «сложного» и «некрасивого» искусства. К этим предикторами относились такие личностные черты, как стремление к новым ощущениям (измерялось при помощи Шкалы поиска ощущений Цукермана, 1979), тяга к необычным переживаниям (Оксфордский-Ливерпульский опросник чувств и переживаний, 1995), а также психотизм (одна из шкал личностного опросника Айзенка, 1985). В другом исследовании [14] было установлено, что разные виды гибкости в ценностных ориентациях, например политический либерализм, положительно коррелировали с предпочтением абстрактного искусства. Это может объясняться тем, что абстрактное искусство провоцирует человека иметь дело с непривычным стимулом, поэтому разные виды гибкости и открытости, в том числе и в ценностных установках, могут служить коррелятами эстетической отзывчивости в этом конкретном случае. Более того, в рамках этого же исследования вновь была установлена важность открытости к новому опыту как предиктора эстетической отзывчивости: более высокий уровень личностной открытости предсказывал положительную оценку всех видов искусства, но особенно абстракционизма. Открытость новому опыту была также установлена как предиктор эстетической чувствительности, а также эстетической беглости [31] и в другой работе [28]. Влияние социальных установок зрителя на его оценку произведений искусства было описано в другой работе [21]. Ее результаты показали, что произведения искусства, приписываемые известным художникам, оцениваются выше, чем похожие работы малоизвестных мастеров: картины известных авторов нравились больше, оценивались как более интересные и красивые, и зрители даже были готовы заплатить большую сумму, чтобы их посмотреть. К похожим выводам пришли и другие авторы [32], экспериментально доказав, что произведения искусства, о которых участникам говорили, что они имеют высокую художественную ценность, чаще нравились, а те,

которые имели высокую денежную ценность, чаще выбирались как объект для инвестиций. Авторы также показывают, как установки относительно репутации авторов произведений и социальные факторы могут оказывать значительное влияние на формирование мнений в области искусства — к примеру, если испытуемые оказываются в ситуации, в которой они считают, что рядом с ними находятся эксперты в области искусства и арт-рынка, они более склонны доверять не своему вкусу, а экспертной оценке.

Субъектные подходы также активно используются для изучения восприятия эстетических свойств не только произведений искусства, но и декоративно-прикладных объектов, в том числе и в промышленном дизайне: в одних случаях авторы [17] при помощи индивидуальных различий объясняли, почему люди дают эстетическую оценку интерьеров, руководствуясь разными критериями (уют, гармоничность, богатство впечатлений). Похожие методики также используются для изучения влияния эстетических свойств интерьеров на эмоциональное состояние человека [36].

Главный вывод, который можно сделать исходя из анализа субъектных подходов, заключается в том, что, хотя компетентность в области изобразительного искусства и предсказывает его предпочтение, она не обуславливает интенсивность эмоциональной реакции. Эмпирические исследования свидетельствуют, что значительную роль в восприимчивости к искусству играют именно личностные качества, а не опыт или «насмотренность». Также важным вкладом субъектных исследований является определение набора коррелятов эстетического восприятия. Среди прочих черт, предсказывающих эстетическое восприятие, чаще всего называются открытость новому опыту и разные виды гибкости и стремления к новизне (от тяги к необычным переживаниям и поиска новых ощущений до политических установок по типу либерализма).

Заключение

В рамках данного обзора было выделено два больших направления, существующих в психологии восприятия искусства — объектный и субъектный. Объектный подход рассматривает произведения изобразительного искусства как некую особым образом организованную информацию, восприятие и дальнейшая обработка которой подчинены определенным схемам. В рамках объектного направления исследователей, как правило, интересуют те аспекты реакции человека, которые связаны с их эстетическими оценками произведений искусства (нравятся или не нравятся зрителям, кажутся ли гармоничными или нет), а также некоторые параметры, свидетельствующие об успешной обработке полученной визуальной информации (например такие, как беглость обработки стимула или способность категоризировать увиденную информацию).

В субъектном подходе центре внимания оказываются те свойства самого субъекта восприятия — зрителя, — которые заставляют его быть более отзывчивым к изобразительному искусству. К такого рода свойствам могут относиться как некоторые устойчивые характеристики личности (например личностные черты или диспозиции), так и некоторые ситуационные факторы (такие как настроение или эмоциональные состояния на момент восприятия картины). В этом случае исследователей уже гораздо чаще интересует интенсивность эмоционального переживания, испытываемого зрителями в момент их взаимодействия с искусством. При этом в рамках этого подхода оценки картин с точки зрения их «объективной» гармонии/красоты учитываются значительно в меньшей мере — как правило, важна лишь степень вовлеченности / эмоционального переживания зрителя.

Используя произведения искусства в психологических целях, важно понимать, какой тип реакций является интересующим в этом конкретном случае: так,

при создании объектов дизайна или интерфейсов большой интерес представляют оценочные реакции, а потому более подходящим будет объектный подход. В случае же использования произведений искусства как источника психологического ресурса, например в арт-терапии или в гуманистической психологии, акцент делается на переживании эстетического опыта, а значит, более уместным окажется применение субъектных подходов.

В дальнейшем может оказаться перспективным изучение тех аспектов психологии восприятия искусства, которые связаны со средовыми факторами восприятия (т. е. не зависящими напрямую ни от субъекта, ни от объекта, а связанные с самим контекстом восприятия), а также более подробное рассмотрение комбинированных моделей, сочетающих в себе субъектцентрированные и объектцентрированные подходы. Все вместе это позволит получить более полную картину процесса и факторов восприятия разных видов визуального искусства.

Литература

1. Штерн В. Дифференциальная психология и ее методологические основы. М.: Наука, 1998. 335 с.
2. A model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments / H. Leder, B. Belke, A. Oeberst, D. Augustin // *British journal of psychology*. 2004. Vol. 95. № 4. P. 489—508. DOI:10.1348/0007126042369811
3. A new conception of visual aesthetic sensitivity / G. Corradi, E.G. Chuquichambi, J.R. Barrada, A. Clemente, M. Nadal // *British Journal of Psychology*. 2020. Vol. 111. № 4. P. 630—658. DOI:10.1111/bjop.12427
4. Augustin D., Leder H. Art expertise: A study of concepts and conceptual spaces // *Psychology Science*. 2006. Vol. 48. № 2. P. 135—156.
5. Axelsson Ö. Aesthetic Appreciation Explicated: Dr. Sci. (Psychology) diss. Stockholm, 2011. 41 p.
6. Brielmann A.A., Dayan P. Introducing a computational model of aesthetic value // *Psychological review*. 2021. 33 p.
7. Brinck I. Empathy, engagement, entrainment: The interaction dynamics of aesthetic experience // *Cognitive Processing*. 2018. Vol. 19. № 2. P. 201—213. DOI:10.1007/s10339-017-0805-x
8. Chamberlain R. The interplay of objective and subjective factors in empirical aesthetics // *Human Perception of Visual Information: Psychological and Computational Perspectives* / Eds. B. Ionescu, W.A. Bainbridge, N. Murray. Cham: Springer, 2022. P. 115—132.
9. Clemente A. Aesthetic sensitivity: Origin and development // *The Routledge International Handbook of Neuroaesthetics* / Eds. M. Skov, M. Nadal. New York, NY: Routledge, 2022. P. 240—253. DOI:10.4324/9781003008675
10. Cross-cultural empirical aesthetics / J. Che, X. Sun, V. Gallardo, M. Nadal // *Progress in Brain Research*. 2018. Vol. 237. P. 77—103. DOI:10.1016/bs.pbr.2018.03.002
11. Engagement with Beauty: Appreciating Natural, Artistic, and Moral Beauty / R. Diessner, R.D. Solom, N.K. Frost, L. Parsons, J. Davidson // *The Journal of Psychology*. 2008. Vol. 142. № 3. P. 303—332. DOI:10.3200/JRLP.142.3.303-332
12. Fancourt D., Finn S. What is the evidence on the role of the arts in improving health and well-being? A scoping review. Copenhagen: World Health Organization. Regional Office for Europe, 2019. 146 p.
13. Fechner G.T. *Preschool of aesthetics*. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1876. 283 p.
14. Feist G.J., Brady T.R. Openness to experience, non-conformity, and the preference for abstract art // *Empirical Studies of the Arts*. 2004. Vol. 22. № 1. P. 77—89. DOI:10.2190/Y7CA-TBY6-V7LR-76GK
15. Graf L.K.M., Landwehr J.R. Aesthetic pleasure versus aesthetic interest: the two routes to aesthetic liking // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. Article ID 15. 14 p. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00015
16. Hekkert P., van Wieringen P.C.W. The impact of level of expertise on the evaluation of original and altered versions of post-impressionistic paintings // *Acta psychologica*. 1996. Vol. 94. № 2. P. 117—131. DOI:10.1016/0001-6918(95)00055-0
17. Individual differences in preference for architectural interiors / O. Vartanian, G. Navarrete, L. Palumbo, A. Chatterjee // *Journal of Environmental Psychology*. 2021. Vol. 77. Article ID 101668. DOI:10.1016/j.jenvp.2021.101668
18. Inomjonovna R.I., Mahmadiyevna D.C. Development of pedagogical technology of use of art therapy in preschool children // *Journal of new century innovations*. 2022. Vol. 11. № 2. P. 125—130.
19. Landwehr J.R., Labroo A.A., Herrmann A. Gut liking for the ordinary: Incorporating design fluency improves automobile sales forecasts // *Marketing Science*. 2011. Vol. 30. № 3. P. 416—429. DOI:10.1287/mksc.1110.0633

20. *Markovic S.* Components of aesthetic experience: aesthetic fascination, aesthetic appraisal, and aesthetic emotion // *i-Perception*. 2012. Vol. 3. № 1. P. 1—17. DOI:10.1068/i0450aap
21. *Mastandrea S., Crano W.D.* Peripheral factors affecting the evaluation of artworks // *Empirical Studies of the Arts*. 2019. Vol. 37. № 1. P. 82—91. DOI:10.1177/0276237418790916
22. *Myszkowski N., Çelik P., Storme M.* A meta-analysis of the relationship between intelligence and visual “taste” measures // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2018. Vol. 12. № 1. P. 24—33. DOI:10.1037/aca0000099
23. *Myszkowski N., Çelik P., Storme M.* Commentary on Corradi et al.’s (2019) new conception of aesthetic sensitivity: Is the ability conception dead? // *British Journal of Psychology*. 2020. Vol. 111. № 4. P. 659—662. DOI:10.1111/bjop.12440
24. *Pombo M., Briellmann A.A., Pelli D.G.* The intrinsic variance of beauty judgment // *Attention, Perception, & Psychophysics*. 2023. Vol. 85. № 4. P. 1355—1373. DOI:10.3758/s13414-023-02672-x
25. *Rawlings D.* Personality correlates of liking for ‘unpleasant’ paintings and photographs // *Personality and Individual Differences*. 2003. Vol. 34. № 3. P. 395—410. DOI:10.1016/S0191-8869(02)00062-4
26. *Reber R., Schwarz N., Winkielman P.* Processing fluency and aesthetic pleasure: Is beauty in the perceiver’s processing experience? // *Personality and social psychology review*. 2004. Vol. 8. № 4. P. 364—382.
27. *Schimmel K., Förster J.* How temporal distance changes novices’ attitudes towards unconventional arts // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2008. Vol. 2. № 1. P. 53—60. DOI:10.1037/1931-3896.2.1.53
28. *Silvia P.J.* Knowledge-based assessment of expertise in the arts: Exploring aesthetic fluency // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2007. Vol. 1. № 4. P. 247—249. DOI:10.1037/1931-3896.1.4.247
29. *Skov M.* Aesthetic appreciation: The view from neuroimaging // *Empirical Studies of the Arts*. 2019. Vol. 37. № 2. P. 220—248. DOI:10.1177/0276237419839257
30. *Skov M., Nadal M.* The nature of beauty: Behavior, cognition, and neurobiology // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2021. Vol. 1488. № 1. P. 44—55. DOI:10.1111/nyas.14524
31. *Smith L.F., Smith J.K.* The nature and growth of aesthetic fluency // *New directions in aesthetics, creativity and the arts* / Eds. L.F. Smith, J.K. Smith. New York: Routledge, 2020. P. 47—58. DOI:10.4324/9781315224084
32. Social reputation influences on liking and willingness-to-pay for artworks: A multimethod design investigating choice behavior along with physiological measures and motivational factors / B.T.M. Spee, M. Pelowski, J. Arato, J. Mikuni, U.S. Tran, C. Eisenegger, H. Leder // *PLoS One*. 2022. Vol. 17. № 4. Article ID e0266020. 30 p. DOI:10.1371/journal.pone.0266020
33. *Sutcliffe A.* Designing for user engagement: Aesthetic and attractive user interfaces. Springer Nature, 2010. 47 p.
34. Taste typicality» is a foundational and multi-modal dimension of ordinary aesthetic experience / Y.C. Chen, A. Chang, M.D. Rosenberg, D. Feng, B.J. Scholl, L.J. Trainor // *Current Biology*. 2022. Vol. 32. № 8. P. 1837—1842. DOI:10.1016/j.cub.2022.02.039
35. The Aesthetic Responsiveness Assessment (AReA): A screening tool to assess individual differences in responsiveness to art in English and German / W. Schlotz, S. Wallot, D. Omigie, M.D. Masucci, S.C. Hoelzmann, E.A. Vessel // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2021. Vol. 15. № 4. P. 682—696. DOI:10.1037/aca0000348
36. The emotional influence of different geometries in virtual spaces: A neurocognitive examination / A. Shemesh, G. Leisman, M. Bar, Y.J. Grobman // *Journal of Environmental Psychology*. 2022. Vol. 81. Article ID 101802. 24 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2022.101802
37. The role of art expertise and symmetry on facial aesthetic preferences / L.C.P. Monteiro, V.E.F. Nascimento, A. Carvalho da Silva, A.C. Miranda, G.S. Souza, R.C. Ripardo // *Symmetry*. 2022. Vol. 14. № 2. Article ID 423. 16 p. DOI:10.3390/sym14020423
38. *Weichselbaum H., Leder H., Ansorge U.* Implicit and explicit evaluation of visual symmetry as a function of art expertise // *i-Perception*. 2018. Vol. 9. № 2. Article ID 2041669518761464. DOI:10.1177/2041669518761464
39. *Westgate E.C., Oishi S.* Art, music, and literature: Do the humanities make our lives richer, happier, and more meaningful? // *The Oxford handbook of the positive humanities* / Eds. L. Tay, J.O. Pawelski. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 85—96.

References

1. Shtern V. *Differentsial’naya psikhologiya i ee metodologicheskie osnovy* [Differential psychology and its methodological foundations]. Moscow: Nauka, 1998. 335 p. (In Russ.).
2. Leder H., Belke B., Oeberst A., Augustin D. A model of aesthetic appreciation and aesthetic judgments. *British journal of psychology*, 2004. Vol. 95, no. 4, pp. 489—508. DOI:10.1348/0007126042369811
3. Corradi G., Chuquichambi E.G., Barrada J.R., Clemente A., Nadal M. A new conception of visual aesthetic sensitivity. *British Journal of Psychology*, 2020. Vol. 111, no. 4, pp. 630—658. DOI:10.1111/bjop.12427
4. Augustin D., Leder H. Art expertise: A study of concepts and conceptual spaces. *Psychology Science*, 2006. Vol. 48, no. 2, pp. 135—156.
5. Axelsson Ö. *Aesthetic Appreciation Explicated*. Dr. Sci. (Psychology) diss. Stockholm, 2011. 41 p.

6. Briellmann A.A., Dayan P. Introducing a computational model of aesthetic value. *Psychological review*, 2021. 33 p.
7. Brinck I. Empathy, engagement, entrainment: The interaction dynamics of aesthetic experience. *Cognitive Processing*, 2018. Vol. 19, no. 2, pp. 201—213. DOI:10.1007/s10339-017-0805-x
8. Chamberlain R. The interplay of objective and subjective factors in empirical aesthetics. In Ionescu B., Bainbridge W.A., Murray N. (eds.), *Human Perception of Visual Information: Psychological and Computational Perspectives*. Cham: Springer, 2022, pp. 115—132.
9. Clemente A. Aesthetic sensitivity: Origin and development. In Skov M., Nadal M. (eds.), *The Routledge International Handbook of Neuroaesthetics*. New York, NY: Routledge, 2022, pp. 240—253. DOI:10.4324/9781003008675
10. Che J., Sun X., Gallardo V., Nadal M. Cross-cultural empirical aesthetics. *Progress in Brain Research*, 2018. Vol. 237, pp. 77—103. DOI:10.1016/bs.pbr.2018.03.002
11. Diessner R., Solom R.D., Frost N.K., Parsons L., Davidson J. Engagement with Beauty: Appreciating Natural, Artistic, and Moral Beauty. *The Journal of Psychology*, 2008. Vol. 142, no. 3, pp. 303—332. DOI:10.3200/JRLP.142.3.303-332
12. Fancourt D., Finn S. What is the evidence on the role of the arts in improving health and well-being? A scoping review. Copenhagen: World Health Organization. Regional Office for Europe, 2019. 146 p.
13. Fechner G.T. *Preschool of aesthetics*. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1876. 283 p.
14. Feist G.J., Brady T.R. Openness to experience, non-conformity, and the preference for abstract art. *Empirical Studies of the Arts*, 2004. Vol. 22, no. 1, pp. 77—89. DOI:10.2190/Y7CA-TBY6-V7LR-76GK
15. Graf L.K.M., Landwehr J.R. Aesthetic pleasure versus aesthetic interest: the two routes to aesthetic liking. *Frontiers in Psychology*, 2017. Vol. 8, article ID 15. 14 p. DOI:10.3389/fpsyg.2017.00015
16. Hekkert P., van Wieringen P.C.W. The impact of level of expertise on the evaluation of original and altered versions of post-impressionistic paintings. *Acta psychologica*, 1996. Vol. 94, no. 2, pp. 117—131. DOI:10.1016/0001-6918(95)00055-0
17. Vartanian O., Navarrete G., Palumbo L., Chatterjee A. Individual differences in preference for architectural interiors. *Journal of Environmental Psychology*, 2021. Vol. 77, article ID 101668. DOI:10.1016/j.jenvp.2021.101668
18. Inomjonovna R.I., Mahmadaliyevna D.C. Development of pedagogical technology of use of art therapy in preschool children. *Journal of new century innovations*, 2022. Vol. 11, no. 2, pp. 125—130.
19. Landwehr J.R., Labroo A.A., Herrmann A. Gut liking for the ordinary: Incorporating design fluency improves automobile sales forecasts. *Marketing Science*, 2011. Vol. 30, no. 3, pp. 416—429. DOI:10.1287/mksc.1110.0633
20. Markovic S. Components of aesthetic experience: aesthetic fascination, aesthetic appraisal, and aesthetic emotion. *i-Perception*, 2012. Vol. 3, no. 1, pp. 1—17. DOI:10.1068/i0450aap
21. Mastandrea S., Crano W.D. Peripheral factors affecting the evaluation of artworks. *Empirical Studies of the Arts*, 2019. Vol. 37, no. 1, pp. 82—91. DOI:10.1177/0276237418790916
22. Myszkowski N., Çelik P., Storme M. A meta-analysis of the relationship between intelligence and visual “taste” measures. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2018. Vol. 12, no. 1, pp. 24—33. DOI:10.1037/aca0000099
23. Myszkowski N., Çelik P., Storme M. Commentary on Corradi et al.’s (2019) new conception of aesthetic sensitivity: Is the ability conception dead? *British Journal of Psychology*, 2020. Vol. 111, no. 4, pp. 659—662. DOI:10.1111/bjop.12440
24. Pombo M., Briellmann A.A., Pelli D.G. The intrinsic variance of beauty judgment. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 2023. Vol. 85, no. 4, pp. 1355—1373. DOI:10.3758/s13414-023-02672-x
25. Rawlings D. Personality correlates of liking for ‘unpleasant’ paintings and photographs. *Personality and Individual Differences*, 2003. Vol. 34, no. 3, pp. 395—410. DOI:10.1016/S0191-8869(02)00062-4
26. Reber R., Schwarz N., Winkielman P. Processing fluency and aesthetic pleasure: Is beauty in the perceiver’s processing experience? *Personality and social psychology review*, 2004. Vol. 8, no. 4, pp. 364—382.
27. Schimmel K., Förster J. How temporal distance changes novices’ attitudes towards unconventional arts. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2008. Vol. 2, no. 1, pp. 53—60. DOI:10.1037/1931-3896.2.1.53
28. Silvia P.J. Knowledge-based assessment of expertise in the arts: Exploring aesthetic fluency. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2007. Vol. 1, no. 4, pp. 247—249. DOI:10.1037/1931-3896.1.4.247
29. Skov M. Aesthetic appreciation: The view from neuroimaging. *Empirical Studies of the Arts*, 2019. Vol. 37, no. 2, pp. 220—248. DOI:10.1177/0276237419839257
30. Skov M., Nadal M. The nature of beauty: Behavior, cognition, and neurobiology. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 2021. Vol. 1488, no. 1, pp. 44—55. DOI:10.1111/nyas.14524
31. Smith L.F., Smith J.K. The nature and growth of aesthetic fluency. In Smith L.F., Smith J.K. (eds.), *New directions in aesthetics, creativity and the arts*. New York: Routledge, 2020, pp. 47—58. DOI:10.4324/9781315224084
32. Spee B.T.M., Pelowski M., Arato J., Mikuni J., Tran U.S., Eisenegger C., Leder H. Social reputation influences on liking and willingness-to-pay for artworks: A multimethod design investigating choice behavior along with physiological measures and motivational factors. *PLoS One*, 2022. Vol. 17, no. 4, article ID e0266020. 30 p. DOI:10.1371/journal.pone.0266020
33. Sutcliffe A. Designing for user engagement: Aesthetic and attractive user interfaces. *Springer Nature*, 2010. 47 p.

34. Chen Y.C., Chang A., Rosenberg M.D., Feng D., Scholl B.J., Trainor L.J. «Taste typicality» is a foundational and multi-modal dimension of ordinary aesthetic experience // *Current Biology*. 2022. Vol. 32, no. 8, pp. 1837—1842. DOI:10.1016/j.cub.2022.02.039
35. Schlotz W., Wallot S., Omigie D., Masucci M.D., Hoelzmann S.C., Vessel E.A. The Aesthetic Responsiveness Assessment (AReA): A screening tool to assess individual differences in responsiveness to art in English and German. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2021. Vol. 15, no. 4, pp. 682—696. DOI:10.1037/aca0000348
36. Shemesh A., Leisman G., Bar M., Grobman Y.J. The emotional influence of different geometries in virtual spaces: A neurocognitive examination. *Journal of Environmental Psychology*, 2022. Vol. 81, article ID 101802. 24 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2022.101802
37. Monteiro L.C.P., Nascimento V.E.F., Carvalho da Silva A., Miranda A.C., Souza G.S., Ripardo R.C. The role of art expertise and symmetry on facial aesthetic preferences. *Symmetry*, 2022. Vol. 14, no. 2, article ID 423. 16 p. DOI:10.3390/sym14020423
38. Weichselbaum H., Leder H., Ansorge U. Implicit and explicit evaluation of visual symmetry as a function of art expertise. *i-Perception*, 2018. Vol. 9, no. 2, article ID 2041669518761464. DOI:10.1177/2041669518761464
39. Westgate E.C., Oishi S. Art, music, and literature: Do the humanities make our lives richer, happier, and more meaningful? In Tay L., Pawelski J.O. (eds.), *The Oxford handbook of the positive humanities*. Oxford: Oxford University Press, 2021, pp. 85—96.

Информация об авторах

Леонова Анна Валентиновна, аспирант, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8248-3899>, e-mail: lanasobchak@gmail.com

Information about the authors

Anna V. Leonova, PhD Student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8248-3899>, e-mail: lanasobchak@gmail.com

Получена 10.11.2023

Received 10.11.2023

Принята в печать 26.06.2024

Accepted 26.06.2024

Личностные и поведенческие корреляты проблемных пользователей социальных сетей: обзор современных зарубежных исследований

Шейнов В.П.

*доктор социологических наук, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства,
Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail sheinov1@mil.ru*

Проблемные пользователи социальных сетей страдают от многих проявлений психологического неблагополучия. Это обстоятельство мотивировало направление поиска актуальных публикаций по заявленной теме. В данный обзор включены результаты, выявленные преимущественно зарубежными исследователями, поскольку ими накоплен значительный объем информации, заслуживающей внимания отечественных психологов. Представлены обнаруженные за рубежом у проблемных пользователей социальных сетей положительные взаимосвязи с кибербуллингом, виктимизацией, макиавеллизмом, психопатией, нарциссизмом. Значение проведенного исследования для теории состоит в раскрытии сущности проблемного пользования социальными сетями. Предполагается, что результаты настоящего исследования будут способствовать активизации подобных исследований в русскоязычной среде. Практическая значимость обнаруженных у проблемных пользователей социальных сетей связей с проявлениями психологического неблагополучия состоит в том, что полученные результаты полезно использовать для предупреждения формирования у молодых людей зависимости от социальных сетей.

Ключевые слова: проблемное пользование социальными сетями, психологическое неблагополучие, кибербуллинг, виктимизация, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия.

Для цитаты: Шейнов В.П. Личностные и поведенческие корреляты проблемных пользователей социальных сетей: обзор современных зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140103>

Personality Correlates of Problem Users of Social Networks: A Review of Modern Foreign Research

Victor P. Sheinov

*Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Excellence,
Republican Institute of Higher Education, Minsk, Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail sheinov1@mil.ru*

Problematic social media users suffer from many forms of psychological distress. This circumstance motivated the search for relevant publications on the stated topic. This review includes results identified primarily by foreign researchers, since they have accumulated a significant amount of information that deserves attention of domestic psychologists. Positive relationships found abroad among problem users of social networks with cyberbullying, victimization, Machiavellianism, psychopathy, and narcissism are presented. The significance of the conducted research for the theory lies in revealing the essence of the problematic use of social networks. It is expected that the results of this study will contribute to the activation of similar studies in the Russian-speaking environment. The practical significance of the connections found among problem users of social networks with manifestations of psychological ill-being is that the results obtained are useful to be used to prevent the formation of addiction to social networks in young people.

Keywords: problematic use of social networks, psychological distress, cyberbullying, victimization, Machiavellianism, narcissism, psychopathy.

For citation: Sheinov V.P. Personality Correlates of Problem Users of Social Networks: A Review of Modern Foreign Research [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 26–35. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140103> (In Russ.).

Введение

С каждым днем использование социальных сетей становится все более распространенным. Часто можно видеть компании отдыхающих, но не общающихся между собой людей, потому что все они в данный момент пребывают в социальных сетях. При чрезмерном использовании социальных сетей функциональные возможности людей снижаются, а сама эта ситуация приводит пользователей сетей к зависимости от них.

Исследователи описывают несколько фаз зависимости от социальных сетей. На начальной фазе зависимости от соцсетей, как правило, люди отмечают, что используют социальные сети из-за трудностей в приобретении друзей и ощущения однообразия собственного существования [7]. Проблема в том, что контакты, которые возникают в процессе использования социальных сетей, приводят к уменьшению чуткости личности (проявлению искреннего интереса к человеку и его внутреннему миру) в отношениях между людьми [41], поэтому использование сетей еще более осложняет поиск настоящих друзей, подменяя их «псевдодрузьями».

Далее следует стадия продолжающейся индивидуальной зависимости. На ней пользователи заявляют, что используют социальные сети, чтобы укрепить отношения, которые уже возникли там [7]. С другой стороны, потребность в удовлетворении реальных взаимоотношений среди молодых людей становится наиболее частым фактором зависимости от социальных сетей, которая приводит к проблемам с психическим здоровьем [44].

Какие психологические характеристики связаны с зависимостью от социальных сетей? В поисках ответа на этот вопрос исследователи установили, что зависимость от социальных сетей наблюдаются чаще у людей с низким уровнем самоконтроля [32] и общей склонностью к прокрастинации [14].

Отдельно описывается группа личностных особенностей, которые, по мнению самих людей, увеличивает риск развития зависимости от социальных сетей. В качестве таких особенностей исследователи отмечают открытость опыту, одиночество и депрессию [36].

Зависимость от социальных сетей оказывается связанной с рядом неблагоприятных черт личности. Далее описаны результаты исследований, в которых были установлены следующие характеристики: «Установлено, что зависимость от социальных сетей положительно коррелирует с женским полом, интернет-зависимостью, зависимостью от смартфона и тремя его факторами (потерей контроля, страхом отказа, эйфорией), стрессом, прокрастинацией, самоконтролем, незащищенностью от кибербуллинга и отрицательно связана с возрастом и самоуважением» [2, с. 566].

«Выявлены статистически значимые связи зависимости женщин и мужчин от социальных сетей: отрицательные — с возрастом и ассертивностью и положительные — с импульсивностью, нарциссизмом, зави-

симостью от смартфона и всеми ее факторами («Потеря контроля», «Страх отказа», «Эйфория, которую испытывает пользователь») [3, с. 83]. Установлено «...наличие статистически значимых связей зависимости юношей и девушек от социальных сетей: положительных — с импульсивностью, зависимостью от смартфона и всеми факторами, ее формирующими. Кроме того, у юношей имеют место отрицательные связи с ассертивностью и настроением, у девушек — положительные связи с нарциссизмом, незащищенностью от манипуляций и тягой к курению» [4, с. 188].

Указанные связи выявлены с участием респондентов, которые были опрошены в России. Еще больше подобных связей описано в зарубежных исследованиях. Обнаруженные многочисленные взаимосвязи между зависимостью от социальных сетей и признаками неблагополучия привели к введению конструкта «проблемное пользование социальными сетями».

Проблемное пользование социальными сетями определяет и его *причину* — наличие зависимости от социальных сетей, и его «негативные *последствия*». Поэтому все, что относится к зависимости от социальных сетей, относится и к проблемному пользованию социальными сетями.

Проблемное пользование социальными сетями напрямую связано с отрицательными последствиями увлечения ими: неправильным питанием, дефицитом сна, когнитивными нарушениями, рассеянностью, враждебностью, нейротизмом, одиночеством, ухудшением успеваемости, страхом упустить нечто важное [16].

Клинический диагноз проблемного пользования социальными сетями включает шесть признаков:

- 1) улучшение эмоционального состояния;
- 2) потеря контроля времени;
- 3) необходимость тратить все больше времени на социальные сети;
- 4) ухудшение настроения при отсутствии доступа в Сеть;
- 5) потеря имеющихся ранее интересов;
- 6) быстрый возврат к использованию Сети [9; 24; 38].

Таким образом, все 6 позиций патологической составляющей зависимости фиксируют ее причину — наличие этой зависимости от социальных сетей. Поэтому все, что относится к зависимости от социальных сетей, относится и к проблемному пользованию социальными сетями.

Проблемное пользование социальными сетями (в том числе финскими подростками) более распространено в старших возрастных группах и среди учащихся с низкой и средней успеваемостью, с нездоровым образом жизни и слабым контролем со стороны родителей [31]. Последние обобщенные данные показывают, что средняя распространенность проблемного пользования социальными сетями среди подростков 29 Европейских стран составляет 7,4% [5].

При составлении данного обзора взаимосвязи с макиавеллизмом привлекли наше внимание, в том числе потому, что в последние годы резко возрос инте-

рес психологов к исследованию макиавеллизма [1]. Причина этого видится в том, что к традиционным межличностным манипуляциям прибавились манипуляции в Интернете, в частности кибербуллинг [2]. Ослабление чуткости в отношениях с окружающими и способности к эмпатии при проблемном использовании социальных сетей [41] актуализируют соответствующие исследования.

В соответствии с вышесказанным, цель настоящей статьи — представить выявленные зарубежными исследователями взаимосвязи проблемного пользования социальными сетями с макиавеллизмом, психопатией, нарциссизмом, кибербуллингом, виктимизацией.

Взаимосвязи проблемного использования социальных сетей с макиавеллизмом, нарциссизмом, психопатией

В исследовании Д. Никбин, С.К. Тагизаде и С.А. Рахман (D. Nikbin, S.K. Taghizadeh and S.A. Rahman) с участием 315 пользователей социальных сетей в Омане показано, что макиавеллизм, нарциссизм и психопатия положительно связаны с зависимостью от социальных сетей [28], причем женщины и те, у кого были более высокие баллы по шкале психопатии, среднему ежедневному времени, проведенному в соцсетях, количеству использованных приложений, имели более высокий уровень данной связи [40].

В исследовании М. Савчи (M. Savci) приняли участие 296 студентов университетов (178 девушек и 118 юношей), которые пользовались социальными сетями не менее одного года и имеют хотя бы одну учетную запись в социальной сети. Выявлено, что нарциссизм, макиавеллизм и психопатия частично опосредуют взаимосвязь между тягой к социальным сетям и степенью самораскрытия. Взаимосвязь между тягой к социальным сетям и самораскрытием можно объяснить через такие черты личности, как нарциссизм, макиавеллизм и психопатия [34].

В статье Г.Б. Кумпасоглу и Э.Д. Мердан-Йылдыз (G.B. Kumpasolu and E.D. Merdan-Yildiz), где описывались результаты исследования 364 респондентов (219 женщин и 144 мужчин) 18—35 лет установлено, что имеется положительная связь между макиавеллизмом и зависимостью от социальных сетей [27].

В статье З. Хуссейн, Э. Вегманн и М.Д. Гриффитс (Z. Hussain, E. Wegmann and M.D. Griffiths) на выборке из 555 пользователей социальных сетей (средний возраст $M = 33,3$ года, $SD = 10,9$) установлено, что проблемное пользование социальными сетями коррелирует с чертами Темной триады, а также с нарушением регуляции эмоций. Моделирование структурными уравнениями показало, что 33,5% дисперсии проблемного пользования социальными сетями объясняется макиавеллизмом, психопатией и нарциссизмом [20].

Осуществленное Б.З.Р. Вонг, С.Дж. Го и Джей Ю. Хуэй (B.Z.R. Wong, S.J. Goh and J.Y. Hui) изучение

230 малазийских студентов показало, что макиавеллизм, психопатия и стратегия преодоления, ориентированная на избегание, являются предикторами зависимости от соцсетей [43].

Проблемное пользование социальными сетями — это одно из реальных проявлений интернет-зависимости. В результате исследования 166 студентов бакалавриата, проведенного Сун Ли Ли и Сун Сянь Лим (Soon Li Lee and Soong Xian Lim), установлено, что «темные» черты личности в значительной степени предсказывают интернет-зависимость. Результаты данного исследования показали, что люди с высоким уровнем макиавеллизма, нейротизма, нарциссизма, психопатии в большей степени склонны к интернет-зависимости [25].

В различных базах данных найдено 14 эмпирических исследований связи нарциссизма с проблемным использованием социальными сетями [10].

Таким образом, согласно ряду исследований, макиавеллизм, нарциссизм и психопатия положительно связаны с зависимостью от социальных сетей и проблемным использованием социальными сетями, которые коррелируют с чертами Темной триады.

В то же время есть исследование, результаты которого противоречат исследованиям, приведенным выше. Так, в процессе изучения 490 итальянских испытуемых (53,1% женщин) Л. Монасис (L. Monacis) с соавторами обнаружили, что макиавеллизм не связан с желанием выкладывать в Сеть свои фотографии и зависимостью от соцсетей [35]. Возможно, на связь с макиавеллизмом влияют некие другие переменные, например национальная принадлежность (место проживания), возраст и т. д. Это стоит иметь в виду при проведении аналогичных исследований в других культурах.

В результате установления связей между чертами личности возникает закономерный вопрос: что может стоять за этими корреляциями?

Интерес прежде всего вызывает макиавеллизм: почему он настолько тесно связан с проблемным использованием социальными сетями?

Возможно, одна из причин заключается в том, что манипулировать люди начинают в детстве, управляя взрослыми с помощью плача, жалоб и вранья, так что к моменту встречи с социальными сетями некоторые из них уже подготовленные манипуляторы. В социальных сетях они находят наилучшие условия для манипулирования: возможность анонимно (а потому безнаказанно) наносить ущерб кому угодно, например посредством кибербуллинга, который имеет негативные последствия для тех, кто становится его жертвой.

Вместе с тем манипулирование дает власть над людьми, поэтому процесс этот может захватить пользователя Сети, что приводит к увеличению времени нахождения в ней. А это (согласно результатам исследований) способствует формированию зависимости от социальных сетей.

Таким образом, макиавеллизм и проблемное пользование социальными сетями связаны друг с другом. Поэтому именно макиавеллизм оказался наиболее

тесно связанным с проблемным использованием социальными сетями, и связь эта взаимна.

Взаимосвязи между проблемным использованием социальными сетями и кибербуллингом

В статье К. Киркабурун (K. Kircaburun) с соавторами показано, что между проблемным использованием социальными сетями и кибербуллингом существует прямая связь [29].

Оказалось, что факторами, способствующими распространению кибербуллинга среди пользователей социальных сетей (предикторами кибербуллинга) являются зависимость от социальных сетей и добровольное самораскрытие [39], пренебрежение мерами безопасности [22], более высокие показатели зависимости от социальных сетей, большее количество часов, проведенных в Интернете и идентификация себя в качестве мужчины [18], провокационные, агрессивные публикации в социальных сетях [6] и количество проведенного в них времени [37].

Эмпирические данные, полученные от 1003 взрослых, которые участвовали в исследовании П.Б. Лоури, Дж. Чжан, К. Ван (P.B. Lowry, J. Zhang, C. Wang), посвященном кибербуллингу, привели авторов к выводу о том, что интенсивное использование социальными сетями в сочетании с анонимностью облегчает процесс научения кибербуллингу в социальных сетях, что и способствует его распространению [42].

В исследовании К. Киркабурун, П.К. Джонасон, Д.М. Гриффитс (K. Kircaburun, P.K. Jonason, M.D. Griffiths) с участием 761 человек показано, что кибербуллинг полностью опосредствует связь между проблемным использованием социальными сетями и макиавеллизмом [23].

Дж. Хуанг (J. Huang) с соавторами установили, что кибербуллинг в социальных сетях широко распространен среди китайских студентов колледжей. Возрастной диапазон участников исследования составлял 15—25 лет ($20,43 \pm 1,5$ лет). Было установлено, что 64,3% респондентов сообщили, что пострадали от кибербуллинга, а 26% — что в течение семестра третируют других в Интернете [12].

В статье К. Киркабурун (K. Kircaburun) с соавторами 44% из 344 обследованных студентов университета продемонстрировали как минимум один случай, связанный с кибербуллингом. При этом виновные в кибербуллинге превосходили окружающих в проблемном использовании социальными сетями и депрессии, они получили в детстве эмоциональную травму, у них был более низкий уровень самооценки [11].

В исследовании Э. Ильдирим, К. Чаличи и Б. Эрдоган (E. Ildirim, C. Alici and B. Erdogan) с участием 198 студентов турецких университетов 18—25 лет (65% — женщины) показано, что кибербуллинг и кибервиктимизация положительно коррелируют с интернет-зависимостью, тревогой, депрессией, соматизацией, враждебностью,

импульсивностью. При этом кибербуллинг отрицательно коррелирует с эмпатией [21].

Кибербуллинг на работе является распространенным явлением и оказывает негативное влияние на благополучие персонала организации. В исследовании А. Оксанен (A. Oksanen) с соавторами использованы выборка, составленная из работников пяти финских экспертных организаций ($N = 563$), и репрезентативная выборка финских рабочих ($N = 1817$). Полученные результаты, подтвердили высказанное предположение. Распространенность ежемесячной виктимизации от кибербуллинга на работе составила 13—17% среди работающих. Жертвами кибербуллинга чаще всего были молодые, активные пользователи профессиональных социальных сетей. Они сообщали о сильном психологическом дистрессе, истощении и технострессе, большем, чем у других респондентов [13].

При наличии большого числа исследований проблемы кибербуллинга возникает вопрос о метаисследовании полученных результатов. В. Крейг (W. Craig) с соавторами обработали данные о молодых людях в возрасте 11—15 лет ($n = 180919$) из 42 стран, которые в 2017—2018 гг. участвовали в международном исследовании «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья». Проблемное использование социальными сетями оказалось наиболее сильно и последовательно связано с кибербуллингом, как в части виктимизации, так и совершения преступлений. Таким образом, проблемное использование социальными сетями действительно создает сильный и постоянно действующий риск кибербуллинга [37].

С ростом популярности социальных сетей увеличивается количество пользователей, попавших в зависимость от них. При этом пользователи проявляют онлайн-агрессию, что имеет отрицательные последствия для их психологического состояния [17].

Взаимосвязи проблемного использования социальными сетями с виктимизацией

Виктимизация — процесс и результат превращения человека в жертву посягательства на его личность. Подростки 11—14 лет все чаще сообщают о кибервиктимизации, т. е. о страданиях по причине онлайн-издевательств.

Данные для исследования Э. Мартилы, А. Койвула и П. Рясанен (E. Marttila, A. Koivula and P. Räsänen) получены его авторами из общенациональных репрезентативных опросов, проведенных в Финляндии в 2017 и 2019 гг. Авторы показали, что: 1) рост проблемного использования социальными сетями увеличивает риск виктимизации; 2) проблемное использование социальными сетями достаточно сильно коррелирует с виктимизацией от киберпреступности; 3) проблемное использование социальными сетями оказывает заметное кумулятивное влияние на виктимизацию [26]. Низкая самооценка также способствует кибервиктимизации [19].

Основу исследования М.А. Пелаес-Фернандес (M.A. Peláez-Fernández) с соавторами составила выборка из 1211 старшеклассников (657 девушек, 554 юношей 12—18 лет, средний возраст — 13,74). Корреляционный анализ выявил существенные связи между проблемным использованием социальными сетями и кибервиктимизацией [33]. В статье S. Kim установлено, что проблемное использование социальными сетями связано с более высоким уровнем кибер-виктимизации [30].

При изучении Д.В.С. Калоэти (D.V.S. Kaloeti) с соавторами 456 учащихся начальных классов (возраст 11—13 лет) выявлено, что: 1) все участники (100%) пользовались социальными сетями; 2) у детей младшего школьного возраста виктимизация вследствие издевательств является предиктором возникновения тревоги; 3) при этом девочки более склонны к возникновению тревожности, чем мальчики; 4) мальчики значительно чаще подвергаются физическому насилию, чем девочки, но девочки чаще, чем мальчики, испытывают панические и тревожные расстройства [39].

В исследовании Н. Sampasa-Kanyinga & Н.А. Hamilton (выборка состояла из респондентов в возрасте от 11 до 20 лет; $n = 5126$; 48% девушек; средний возраст $15,2 \pm 1,9$ года) установлено, что использование социальных сетей связано с психологическим дистрессом, суицидальными мыслями и попытками суицида. Обнаружено, что виктимизация вследствие кибербуллинга полностью опосредует отношения между использованием социальными сетями, психологическим стрессом и попытками суицида [33].

Уровни кибервиктимизации пользователей социальных сетей в исследовании М. Эрдогу и М. Кочейгит (M. Erdo du & M. Ko yi it) были изучены с использованием данных онлайн-тестирования 390 респондентов поколения Z. Показаны высокие корреляции на уровне статистической значимости $p = 0,01$ и $p = 0,05$ между независимыми переменными, связанными с использованием социальными сетями (общение, получение информации, совместное использование свободного времени), и зависимыми переменными — видами кибервиктимизации (киберпреследование, мошенничество, обман, тревога и др.) [15].

В работе С.Т. Барри, С.М. Бриггс & С.Л. Сидоти выборка состояла из 428 респондентов (214 пар родителей и подростков 14—17 лет) из США. В своем онлайн-взаимодействии испытуемые, как правило, испытывали различные психосоциальные трудности. Виктимизация, о которой сообщили подростки, связана с испытываемым ими ощущением одиночества и более низкой самооценкой. Подростки, которые указывали, что подвергались агрессии и виктимизации в социальных сетях, как правило, оценивались родителями как менее приспособленные [8].

Таким образом, в процессе проведения соответствующих исследований, посвященных кибербуллингу и кибервиктимизации, их авторами установлено:

- предикторами кибербуллинга являются более высокие показатели зависимости от социальных сетей, большее количество часов, проведенных в них, нескромные публикации и добровольное самораскрытие в сетях, а также идентификация себя как мужчины;

- кибербуллинг и кибервиктимизация положительно коррелируют с тревогой, депрессией, соматизацией, враждебностью, импульсивностью и интернет-зависимостью, при этом кибербуллинг отрицательно коррелирует с эмпатией;

- рост проблемного использования социальных сетей увеличивает риск виктимизации;

- виктимизация подростков связана с ощущением одиночества и низкой самооценкой.

Выводы

Представлены выявленные преимущественно зарубежными исследователями результаты о положительных взаимосвязях проблемного использования социальных сетей с кибербуллингом, виктимизацией, макиавеллизмом, психопатией и нарциссизмом.

Предложена авторская версия причин, в силу которых макиавеллизм оказался наиболее тесно связанным с проблемным использованием социальными сетями.

С ростом популярности социальных сетей увеличивается количество их проблемных пользователей. При этом многие пользователи проявляют онлайн-агрессию, что имеет отрицательные последствия для психологического состояния как их жертв, так и их самих.

Наиболее значимыми предикторами кибербуллинга являются более высокие показатели зависимости от социальных сетей и большее количество времени, проведенного в них.

Кибербуллинг и кибервиктимизация положительно коррелируют с тревогой, депрессией, соматизацией, враждебностью, импульсивностью и интернет-зависимостью, при этом кибербуллинг отрицательно коррелирует с эмпатией.

Рост проблемного использования социальными сетями увеличивает риск виктимизации. Виктимизация связана с ощущением одиночества и низкой самооценкой.

Предлагаемый обзор раскрывает сущность проблемного использования социальными сетями и способствует активизации его изучения в русскоязычной среде.

Практическая значимость обнаруженных у проблемных пользователей социальных сетей проявлений психологического неблагополучия состоит в том, что полученные данные можно использовать для предупреждения формирования у молодых людей зависимости от социальных сетей.

Литература

1. Филиппу О.Ю. Библиометрический анализ понятия макиавеллизма в зарубежной и отечественной психологии // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4. С. 120—128. DOI:10.17759/jmfp.2020090411
2. Шейнов В.П., Девицын А.С. Взаимосвязи зависимости от социальных сетей с психическими состояниями и свойствами ее жертв // Герценовские чтения: Психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 566—573. DOI:10.33910/herzenpsyconf-2021-4-71
3. Шейнов В.П., Девицын А.С. Взаимосвязь зависимости от социальных сетей и признаков психологического неблагополучия // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Том 7. № 2(26). С. 83—106. DOI:10.38098/ipran.sep_2022_26_2_04
4. Шейнов В.П., Тарелкин А.И. Взаимосвязи зависимости студентов от социальных сетей с психологическим неблагополучием // Психология человека в образовании. 2022. Том 4. № 2. С. 188—204. DOI:10.33910/2686-9527-2022-4-2-188-204
5. Adolescents' Intense and Problematic Social Media Use and Their Well-Being in 29 Countries / M. Boer, R. Van Den Eijnden, M. Boniel-Nissim [et al.] // Journal of Adolescent Health. 2020. Vol. 66. № 6. P. S89—S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014
6. Advances in problematic usage of the internet research — A narrative review by experts from the European network for problematic usage of the internet / N.A. Fineberg, J.M. Menchón, N. Hall [et al.] // Comprehensive Psychiatry. 2022. Vol. 118. Article ID 152346. 24 p. DOI:10.1016/j.comppsy.2022.152346
7. Aksoy M.E. A Qualitative Study on the Reasons for Social Media Addiction // European Journal of Educational Research. 2018. Vol. 7. № 4. P. 861—865. DOI:10.12973/eu-jer.7.4.861
8. Barry C.T., Briggs S.M., Sidoti C.L. Adolescent and Parent Reports of Aggression and Victimization on Social Media: Associations with Psychosocial Adjustment // Journal of Child and Family Studies. 2019. Vol. 28. P. 2286—2296. DOI:10.1007/s10826-019-01445-1
9. Block J.J. Issues for DSM-V: Internet addiction // American Journal of Psychiatry. 2008. Vol. 165. № 3. P. 306—307. DOI:10.1176/appi.ajp.2007.07101556
10. Casale S., Banchi V. Narcissism and problematic social media use: A systematic literature review // Addictive Behaviors Reports. 2020. Vol. 11. Article ID 100252. 10 p. DOI:10.1016/j.abrep.2020.100252
11. Childhood Emotional Trauma and Cyberbullying Perpetration Among Emerging Adults: A Multiple Mediation Model of the Role of Problematic Social Media Use and Psychopathology / K. Kircaburun, Z. Demetrovics, O. Király, M.D. Griffiths // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. Vol. 18. P. 548—566. DOI:10.1007/s11469-018-9941-5
12. Cyberbullying in social media and online games among Chinese college students and its associated factors / J. Huang, Z. Zhong, H. Zhang, L. Li // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2021. Vol. 18(9). Article ID 4819. 12 p. DOI:10.3390/ijerph18094819
13. Cyberbullying victimization at work: Social media identity bubble approach / A. Oksanen, R. Oksa, N. Savela, M. Kaakinen, N. Ellonen // Computers in Human Behavior. 2020. Vol. 109. Article ID 106363. DOI:10.1016/j.chb.2020.106363
14. Ekşi H., Turgut T., Sevim E. The mediating role of general procrastination behaviors in the relationship between self-control and social media addiction in university students // Addicta: The Turkish Journal on Addictions. 2019. Vol. 6. № 3. P. 715—743. DOI:10.15805/addicta.2019.6.3.0069
15. Erdoğan M., Koçyiğit M. The Correlation between Social Media Use and Cyber Victimization: A Research on Generation Z in Turkey // Connectist: Istanbul University Journal of Communication Sciences. 2021. Vol. 61. P. 101—125. DOI:10.26650/CONNECTIST2021-817567
16. Excessive and problematic use of social media in adolescence: A brief overview / M. Griffiths, O. Lopez-Fernandez, M. Throuvala, H.M. Pontes, D.J. Kuss. 2018. 8 p. DOI:10.13140/RG.2.2.11280.71682
17. Follow or be followed: Exploring the links between Instagram popularity, social media addiction, cyber victimization, and subjective happiness in Italian adolescents / C. Longobardi, M. Settanni, M.A. Fabris, D. Marengo // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 113. Article ID 104955. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.104955
18. Giordano A.L., Prosek E.A., Watson J.C. Understanding adolescent cyberbullies: exploring social media addiction and psychological factors // Journal of Child and Adolescent Counseling. 2021. Volume 7. № 1. P. 42—55. DOI:10.1080/23727810.2020.1835420
19. How do cyber victimization and low core self-evaluations interrelate in predicting adolescent problematic technology use? / M.A. Peláez-Fernández, M.T. Chamizo-Nieto, L. Rey, N. Extremera // International journal of environmental research and public health. 2021. Vol. 18(6). Article ID 3114. 12 p. DOI:10.3390/ijerph18063114
20. Hussain Z., Wegmann E., Griffiths M.D. The association between problematic social networking site use, dark triad traits, and emotion dysregulation // BMC Psychology. 2021. Vol. 9. Article ID 160. 13 p. DOI:10.1186/s40359-021-00668-6
21. Ildirim E., Çalici C., Erdoğan B. Psychological correlates of cyberbullying and cyber-victimization // International Journal of Human and Behavioral Science. 2017. Vol. 3. № 2. P. 7—21. DOI:10.19148/ijhbs.365829

22. Jain S., Agrawal S. Perceived vulnerability of cyberbullying on social networking sites: effects of security measures, addiction and self-disclosure // *Indian Growth and Development Review*. 2021. Vol. 14. № 2. P. 149—171. DOI:10.1108/IGDR-10-2019-0110
23. Kircaburun K., Jonason P.K., Griffiths M.D. The Dark Tetrad traits and problematic social media use: The mediating role of cyberbullying and cyberstalking // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 135. P. 264—269. DOI:10.1016/j.paid.2018.07.034
24. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online social networking and addiction — a review of the psychological literature // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2011. Vol. 8(9). P. 3528—3552. DOI:10.3390/ijerph8093528
25. Lee S.L., Lim S.X. Predicting internet addiction with the dark triad: Beyond the five-factor model // *Psychology of Popular Media*. 2021. Vol. 10(3). P. 362—371. DOI:10.1037/ppm0000336
26. Marttila E., Koivula A., Räsänen P. Cybercrime Victimization and Problematic Social Media Use: Findings from a Nationally Representative Panel Study // *American Journal of Criminal Justice*. 2021. Vol. 46. P. 862—881. DOI:10.1007/s12103-021-09665-2
27. Mediating role of life satisfaction and death anxiety in the relationship between dark triad and social media addiction / G.B. Kumpasoğlu, S. Eltan, E.D. Merdan-Yıldız, A.D. Batıgün // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 172. Article ID 110606. 8 p. DOI:10.1016/j.paid.2020.110606
28. Nikbin D., Taghizadeh S.K., Rahman S.A. Linking Dark Triad traits to Instagram addiction: The mediating role of motives // *Technology in Society*. 2022. Vol. 68. Article ID 101892. DOI:10.1016/j.techsoc.2022.101892
29. Problematic Online Behaviors among Adolescents and Emerging Adults: Associations between Cyberbullying Perpetration, Problematic Social Media Use, and Psychosocial Factors / K. Kircaburun, C.M. Kokkinos, Z. Demetrovics, O. Király, M.D. Griffiths, T.S. Çolak // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019. Vol. 17. P. 891—908. DOI:10.1007/s11469-018-9894-8
30. Problematic Social Media Use and Conflict, Social Stress, and Cyber-Victimization Among Early Adolescents / S. Kim, R. Garthe, W.J. Hsieh, J.S. Hong // *Child and Adolescent Social Work Journal*. 2022. Vol. 41. P. 223—233. DOI:10.1007/s10560-022-00857-1
31. Problematic social media use and health among adolescents / L. Paakkari, J. Tynjälä, H. Lahti, K. Ojala, N. Lyyra // *International journal of environmental research and public health*. 2021. Vol. 18(4). Article ID 1885. 11 p. DOI:10.3390/ijerph18041885
32. Problematic Social Media Use: Results from a Large-Scale Nationally Representative Adolescent Sample / F. Bányai, Á. Zsila, O. Király, A. Maraz, Z. Elekes, M.D. Griffiths, C.S. Andreassen, Z. Demetrovics // *PLoS One*. 2017. Vol. 12(1). Article ID e0169839. 13 p. DOI:10.1371/journal.pone.0169839
33. Sampasa-Kanyinga H., Hamilton H.A. Social networking sites and mental health problems in adolescents: The mediating role of cyberbullying victimization // *European Psychiatry*. 2015. Vol. 30. № 8. P. 1021—1027. DOI:10.1016/j.eurpsy.2015.09.011
34. Savci M. Social Media Craving and the Amount of Self-Disclosure: The Mediating Role of the Dark Triad // *International Online Journal of Educational Sciences*. 2019. Vol. 11. № 4. P. 1—10. DOI:10.15345/iojes.2019.04.001
35. Selfitis Behavior: Assessing the Italian Version of the Selfitis Behavior Scale and Its Mediating Role in the Relationship of Dark Traits with Social Media Addiction / L. Monacis, M.D. Griffiths, P. Limone, M. Sinatra, R. Servidio // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17(16). Article ID 5738. 17 p. DOI:10.3390/ijerph17165738
36. Social media addiction: Applying the DEMATEL approach / M. Dalvi-Esfahani, A. Niknafs, D.J. Kuss, M. Nilashi, S. Afrough // *Telematics and Informatics*. 2019. Vol. 43. Article ID 101250. 24 p. DOI:10.1016/j.tele.2019.101250
37. Social media use and cyber-bullying: A cross-national analysis of young people in 42 countries / W. Craig, M. Boniel-Nissim, N. King [et al.] // *Journal of Adolescent Health*. 2020. Vol. 66. № 6. P. S100—S108. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.03.006
38. The Internet Process Addiction Test: Screening for Addictions to Processes Facilitated by the Internet / J. Northrup, C. Lapierre, J. Kirk, C. Rae // *Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 5. № 3. P. 341—352. DOI:10.3390/bs5030341
39. The role of social media use in peer bullying victimization and onset of anxiety among Indonesian elementary school children / D.V.S. Kaloeti, R. Manalu, I.F. Kristiana, M. Bidzan // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article ID 635725. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.635725
40. The role of the dark tetrad and impulsivity in social media addiction: Findings from Malaysia / K.L. Chung, I. Morshidi, L.C. Yoong, K.N. Thian // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 143. P. 62—67. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.016
41. *Turkle Sh.* Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2017. 378 p.
42. Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model / P.B. Lowry, J. Zhang, C. Wang, M. Siponen // *Information Systems Research*. 2016. Vol. 27. № 4. P. 665—991. DOI:10.1287/isre.2016.0671

43. Wong B.Z.R., Goh S.J., Hui J.Y. Dark triad and social media addiction: the mediating roles of coping strategies [Электронный ресурс]: a research project submitted in partial fulfillment of the requirements for the bachelor of social science (hons) psychology faculty of arts and social science Universiti Tunku Abdul Rahman. Sungai Long, 2020. 104 p. // Universiti Tunku Abdul Rahman: UTAR Institutional Repository. URL: <http://eprints.utar.edu.my/id/eprint/3805> (дата обращения: 11.02.2025).
44. Xuan Y.J., Amat M.A.C. Social media addiction and young people: a systematic review of literature // Journal of Critical Reviews. 2020. Vol. 7. № 13. P. 537—541. DOI:10.31838/jcr.07.13.97

References

1. Filippou O.Yu. Bibliometricheskii analiz ponyatiya makiavellizma v zarubezhnoi i otechestvennoi psikhologii [A bibliometric analysis of the Machiavellianism in domestic and foreign psychology]. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 4, pp. 120—128. DOI:10.17759/jmfp.2020090411 (In Russ.).
2. Sheinov V.P., Dziavitsyn A.S. Vzaimosvyazi zavisimosti ot sotsial'nykh setei s psikhicheskimi sostoyaniyami i svoystvami ee zhertv [Relationship Between Social Media Dependence And Various Personality Traits And States]. *Gertsenovskie chteniya: Psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii = The Herzen University Studies: Psychology in Education*, 2021. no. 4, pp. 566—573. DOI:10.33910/herzenpsyconf-2021-4-71 (In Russ.).
3. Sheinov V.P., Dziavitsyn A.S. Vzaimosvyaz' zavisimosti ot sotsial'nykh setei i priznakov psikhologicheskogo neblagopoluchiya [Relationship of Social Media Dependence with Psychological Adverse]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2022. Vol. 7, no. 2(26), pp. 83—106. DOI:10.38098/ipran.sep_2022_26_2_04 (In Russ.).
4. Sheinov V.P., Tarelkin A.I. Vzaimosvyazi zavisimosti studentov ot sotsial'nykh setei s psikhologicheskim neblagopoluchiem [Relationships Between Students' Addiction to Social Networks and Psychological Distress]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology in Education*, 2022. Vol. 4, no. 2, pp. 188—204. DOI:10.33910/2686-9527-2022-4-2-188-204 (In Russ.).
5. Boer M., Van Den Eijnden R., Boniel-Nissim M. et al. Adolescents' Intense and Problematic Social Media Use and Their Well-Being in 29 Countries. *Journal of Adolescent Health*, 2020. Vol. 66, no. 6, pp. S89—S99. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.02.014
6. Fineberg N.A., Menchón J.M., Hall N. et al. Advances in problematic usage of the internet research — A narrative review by experts from the European network for problematic usage of the internet. *Comprehensive Psychiatry*, 2022. Vol. 118, article ID 152346. 24 p. DOI:10.1016/j.comppsy.2022.152346
7. Aksoy M.E. A Qualitative Study on the Reasons for Social Media Addiction. *European Journal of Educational Research*, 2018. Vol. 7, no. 4, pp. 861—865. DOI:10.12973/eu-jer.7.4.861
8. Barry C.T., Briggs S.M., Sidoti C.L. Adolescent and Parent Reports of Aggression and Victimization on Social Media: Associations with Psychosocial Adjustment. *Journal of Child and Family Studies*, 2019. Vol. 28, pp. 2286—2296. DOI:10.1007/s10826-019-01445-1
9. Block J.J. Issues for DSM-V: Internet addiction. *American Journal of Psychiatry*, 2008. Vol. 165, no. 3, pp. 306—307. DOI:10.1176/appi.ajp.2007.07101556
10. Casale S., Banchi V. Narcissism and problematic social media use: A systematic literature review. *Addictive Behaviors Reports*, 2020. Vol. 11, article ID 100252. 10 p. DOI:10.1016/j.abrep.2020.100252
11. Kircaburun K., Demetrovics Z., Király O., Griffiths M.D. Childhood Emotional Trauma and Cyberbullying Perpetration Among Emerging Adults: A Multiple Mediation Model of the Role of Problematic Social Media Use and Psychopathology. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020. Vol. 18, pp. 548—566. DOI:10.1007/s11469-018-9941-5
12. Huang J., Zhong Z., Zhang H., Li L. Cyberbullying in social media and online games among Chinese college students and its associated factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18(9), article ID 4819. 12 p. DOI:10.3390/ijerph18094819
13. Oksanen A., Oksa R., Savela N., Kaakinen M., Ellonen N. Cyberbullying victimization at work: Social media identity bubble approach. *Computers in Human Behavior*, 2020. Vol. 109, article ID 106363. DOI:10.1016/j.chb.2020.106363
14. Ekşi H., Turgut T., Sevim E. The mediating role of general procrastination behaviors in the relationship between self-control and social media addiction in university students. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*, 2019. Vol. 6, no. 3, pp. 715—743. DOI:10.15805/addicta.2019.6.3.0069
15. Erdoğan M., Koçyiğit M. The Correlation between Social Media Use and Cyber Victimization: A Research on Generation Z in Turkey. *Connectist: Istanbul University Journal of Communication Sciences*, 2021. Vol. 61, pp. 101—125. DOI:10.26650/CONNECTIST2021-817567
16. Griffiths M., Lopez-Fernandez O., Throuvala M., Pontes H.M., Kuss D.J. Excessive and problematic use of social media in adolescence: A brief overview. 2018. 8 p. DOI:10.13140/RG.2.2.11280.71682

17. Longobardi C., Settanni M., Fabris M.A., Marengo D. Follow or be followed: Exploring the links between Instagram popularity, social media addiction, cyber victimization, and subjective happiness in Italian adolescents. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 113, article ID 104955. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.104955
18. Giordano A.L., Prosek E.A., Watson J.C. Understanding adolescent cyberbullies: exploring social media addiction and psychological factors. *Journal of Child and Adolescent Counseling*, 2021. Vol. 7, no. 1, pp. 42—55. DOI:10.1080/23727810.2020.1835420
19. Peláez-Fernández M.A., Chamizo-Nieto M.T., Rey L., Extremera N. How do cyber victimization and low core self-evaluations interrelate in predicting adolescent problematic technology use? *International journal of environmental research and public health*, 2021. Vol. 18(6), article ID 3114. 12 p. DOI:10.3390/ijerph18063114
20. Hussain Z., Wegmann E., Griffiths M.D. The association between problematic social networking site use, dark triad traits, and emotion dysregulation. *BMC Psychology*, 2021. Vol. 9, article ID 160. 13 p. DOI:10.1186/s40359-021-00668-6
21. Ildirim E., Çalici C., Erdoğan B. Psychological correlates of cyberbullying and cyber-victimization. *International Journal of Human and Behavioral Science*, 2017. Vol. 3, no. 2, pp. 7—21. DOI:10.19148/ijhbs.365829
22. Jain S., Agrawal S. Perceived vulnerability of cyberbullying on social networking sites: effects of security measures, addiction and self-disclosure. *Indian Growth and Development Review*, 2021. Vol. 14, no. 2, pp. 149—171. DOI:10.1108/IGDR-10-2019-0110
23. Kircaburun K., Jonason P.K., Griffiths M.D. The Dark Tetrad traits and problematic social media use: The mediating role of cyberbullying and cyberstalking. *Personality and Individual Differences*, 2018. Vol. 135, pp. 264—269. DOI:10.1016/j.paid.2018.07.034
24. Kuss D.J., Griffiths M.D. Online social networking and addiction — a review of the psychological literature. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2011. Vol. 8(9), pp. 3528—3552. DOI:10.3390/ijerph8093528
25. Lee S.L., Lim S.X. Predicting internet addiction with the dark triad: Beyond the five-factor model. *Psychology of Popular Media*, 2021. Vol. 10(3), pp. 362—371. DOI:10.1037/ppm0000336
26. Marttila E., Koivula A., Räsänen P. Cybercrime Victimization and Problematic Social Media Use: Findings from a Nationally Representative Panel Study. *American Journal of Criminal Justice*, 2021. Vol. 46, pp. 862—881. DOI:10.1007/s12103-021-09665-2
27. Kumpasoglu G.B., Eltan S., Merdan-Yıldız E.D., Batıgün A.D. Mediating role of life satisfaction and death anxiety in the relationship between dark triad and social media addiction. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 172, article ID 110606. 8 p. DOI:10.1016/j.paid.2020.110606
28. Nikbin D., Taghizadeh S.K., Rahman S.A. Linking Dark Triad traits to Instagram addiction: The mediating role of motives. *Technology in Society*, 2022. Vol. 68, article ID 101892. DOI:10.1016/j.techsoc.2022.101892
29. Kircaburun K., Kokkinos C.M., Demetrovics Z., Király O., Griffiths M.D., Çolak T.S. Problematic Online Behaviors among Adolescents and Emerging Adults: Associations between Cyberbullying Perpetration, Problematic Social Media Use, and Psychosocial Factors. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2019. Vol. 17, pp. 891—908. DOI:10.1007/s11469-018-9894-8
30. Kim S., Garthe R., Hsieh W.J., Hong J.S. Problematic Social Media Use and Conflict, Social Stress, and Cyber-Victimization Among Early Adolescents. *Child and Adolescent Social Work Journal*, 2022. Vol. 41, pp. 223—233. DOI:10.1007/s10560-022-00857-1
31. Paakkari L., Tynjälä J., Lahti H., Ojala K., Lyyra N. Problematic social media use and health among adolescents. *International journal of environmental research and public health*, 2021. Vol. 18(4), article ID 1885. 11 p. DOI:10.3390/ijerph18041885
32. Bányai F., Zsila Á., Király O., Maraz A., Elekes Z., Griffiths M.D., Andreassen C.S., Demetrovics Z. Problematic Social Media Use: Results from a Large-Scale Nationally Representative Adolescent Sample. *PLoS One*, 2017. Vol. 12(1), article ID e0169839. 13 p. DOI:10.1371/journal.pone.0169839
33. Sampasa-Kanyinga H., Hamilton H.A. Social networking sites and mental health problems in adolescents: The mediating role of cyberbullying victimization. *European Psychiatry*, 2015. Vol. 30, no. 8, pp. 1021—1027. DOI:10.1016/j.eurpsy.2015.09.011
34. Savci M. Social Media Craving and the Amount of Self-Disclosure: The Mediating Role of the Dark Triad. *International Online Journal of Educational Sciences*, 2019. Vol. 11, no. 4, pp. 1—10. DOI:10.15345/iojes.2019.04.001
35. Monacis L., Griffiths M.D., Limone P., Sinatra M., Servidio R. Selfitis Behavior: Assessing the Italian Version of the Selfitis Behavior Scale and Its Mediating Role in the Relationship of Dark Traits with Social Media Addiction. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17(16), article ID 5738. 17 p. DOI:10.3390/ijerph17165738
36. Dalvi-Esfahani M., Niknafs A., Kuss D.J., Nilashi M., Afrough S. Social media addiction: Applying the DEMATEL approach. *Telematics and Informatics*, 2019. Vol. 43, article ID 101250. 24 p. DOI:10.1016/j.tele.2019.101250
37. Craig W., Boniel-Nissim M., King N. et al. Social media use and cyber-bullying: A cross-national analysis of young people in 42 countries. *Journal of Adolescent Health*, 2020. Vol. 66, no. 6, pp. S100—S108. DOI:10.1016/j.jadohealth.2020.03.006

38. Northrup J., Lapiere C., Kirk J., Rae C. The Internet Process Addiction Test: Screening for Addictions to Processes Facilitated by the Internet. *Behavioral Sciences*, 2015. Vol. 5, no. 3, pp. 341—352. DOI:10.3390/bs5030341
39. Kaloeti D.V.S., Manalu R., Kristiana I.F., Bidzan M. The role of social media use in peer bullying victimization and onset of anxiety among Indonesian elementary school children. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, article ID 635725. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.635725
40. Chung K.L., Morshidi I., Yoong L.C., Thian K.N. The role of the dark tetrad and impulsivity in social media addiction: Findings from Malaysia. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 143, pp. 62—67. DOI:10.1016/j.paid.2019.02.016
41. Turkle Sh. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York: Basic Books, 2017. 378 p.
42. Lowry P.B., Zhang J., Wang C., Siponen M. Why do adults engage in cyberbullying on social media? An integration of online disinhibition and deindividuation effects with the social structure and social learning model. *Information Systems Research*, 2016. Vol. 27, no. 4, pp. 665—991. DOI:10.1287/isre.2016.0671
43. Wong B.Z.R., Goh S.J., Hui J.Y. Dark triad and social media addiction: the mediating roles of coping strategies [Electronic resource]. A research project submitted in partial fulfillment of the requirements for the bachelor of social science (hons) psychology faculty of arts and social science Universiti Tunku Abdul Rahman. Sungai Long. *Universiti Tunku Abdul Rahman: UTAR Institutional Repository*. 2020. 104 p. URL: <http://eprints.utar.edu.my/id/eprint/3805> (Accessed 11.02.2025).
44. Xuan Y.J., Amat M.A.C. Social media addiction and young people: a systematic review of literature // *Journal of Critical Reviews*. 2020. Vol. 7, no. 13, pp. 537—541. DOI:10.31838/jcr.07.13.97

Информация об авторах

Шейнов Виктор Павлович, доктор социологических наук, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Information about the authors

Viktor P. Sheinov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Mastery, Republican Institute of Higher Education, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>, e-mail: sheinov1@mail.ru

Получена 30.10.2023
Принята в печать 15.10.2024

Received 30.10.2023
Accepted 15.10.2024

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ MEDICAL PSYCHOLOGY

Психоэмоциональные особенности лиц с диагнозом «менингиома головного мозга»

Пенцак Ю.Ю.

*Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация;
Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского
(ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8989-9216>, e-mail: pencaku@mgppu.ru*

Холмогорова А.Б.

*Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского
(ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация;
Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-0199>, e-mail: kholmogorova@yandex.ru*

Евдокимова О.Л.

*Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского
(ГБУЗ НИИ СП им. Н.В. Склифосовского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8099-9544>, e-mail: liveryevna@yandex.ru*

Гринь А.А.

*Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского
(ГБУЗ НИИ СП им. Н.В. Склифосовского), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3515-8329>, e-mail: grinaa@sklif.mos.ru*

В статье представлен обзор ряда современных зарубежных исследований, посвященных изучению психологических и эмоциональных особенностей лиц с диагнозом «менингиома головного мозга». Предпринята попытка анализа влияния различных факторов на психоэмоциональное состояние пациентов с данными новообразованиями разного объема. Подчеркивается роль стресса в психоэмоциональном состоянии пациентов, поскольку они испытывают большую психологическую нагрузку, связанную с постановкой угрожающего жизни диагноза. Отмечается увеличение вклада стереотаксической радиохирургии в лечение малых опухолей центральной нервной системы. Однако, несмотря на малую инвазивность данного метода, пациенты, проходящие стереотаксическую радиохирургию, являются категорией риска развития психопатологических расстройств. Даже после прохождения процедуры с использованием Гамма-ножа у них продолжает отмечаться высокий уровень стресса и снижение качества жизни. Это поднимает вопрос о необходимости изучения эмоционального состояния пациентов, проходящих данный метод лечения. Делается вывод о том, что психическое здоровье пациентов, понимание источников стресса и его развития на разных стадиях заболевания и этапах лечения остаются мало изученными. Подчеркивается необходимость в дальнейших исследованиях для лучшего понимания факторов, влияющих на психологическое и социальное восстановление пациентов после стереотаксической радиохирургии.

Ключевые слова: менингиома головного мозга, стереотаксическая радиохирургия, психоэмоциональные особенности, посттравматический стресс, качество жизни.

Для цитаты: Психоэмоциональные особенности лиц с диагнозом «менингиома головного мозга» [Электронный ресурс] / Ю.Ю. Пенцак, А.Б. Холмогорова, О.Л. Евдокимова, А.А. Гринь // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 36—44. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140104>

Psychoemotional Characteristics of People Diagnosed with Meningioma

Yuliya Y. Pentsak

*Scientific Research Institute of First Aid to them N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8989-9216>, e-mail: pencakyy@mgppu.ru*

Alla B. Kholmogorova

*Scientific Research Institute of First Aid to them N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia
Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-0199>, e-mail: kholmogorova@yandex.ru*

Olga L. Evdokimova

*Scientific Research Institute of First Aid to them N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8099-9544>, e-mail: liveryevna@yandex.ru*

Andrey A. Grin

*Scientific Research Institute of First Aid to them N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3515-8329>, e-mail: grinaa@sklif.mos.ru*

The article presents an overview of a number of modern foreign studies of the psychological and emotional state of people diagnosed with meningioma. An attempt has been made to analyze the influence of various factors on the psycho-emotional state of patients with neoplasms of different sizes. The role of stress in the psychoemotional state of patients is emphasized, since they experience a great psychological burden associated with making a life-threatening diagnosis. There is an increase in the contribution of stereotactic radiosurgery to the treatment of small tumors of the central nervous system. However, despite the low invasiveness of this method, patients undergoing stereotactic radiosurgery are at risk of developing psychopathological disorders. They continue to experience high levels of stress and a decrease in their quality of life even after undergoing the procedure using a Gamma knife. This raises the question of the need to study the emotional state of patients undergoing this treatment method. It is concluded that the mental health of patients, understanding the sources of stress and its development at different stages of the disease and treatment stages remain poorly understood. There is a need for further research to better understand the factors affecting the psychological and social recovery of patients after stereotactic radiosurgery.

Keywords: meningioma, stereotactic radiosurgery, psychoemotional features, posttraumatic stress, health-related quality of life.

For citation: Pentsak Y.Y., Kholmogorova A.B., Evdokimova O.L., Grin A.A. Psychoemotional Characteristics of People Diagnosed with Meningioma [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 36—44. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140104> (In Russ.).

Введение

Менингиомы головного мозга составляют около 40% всех первичных опухолей центральной нервной системы [10]. Это доброкачественное медленно растущее новообразование в ряде случаев длительно протекает бессимптомно и обнаруживается случайно. С другой стороны, не редки случаи выявления крупных менингиом с признаками компрессии вещества головного мозга и характерной очаговой неврологической или общемозговой симптоматикой [15], когнитивными нарушениями и снижением качества жизни [14].

В настоящее время наблюдается увеличение частоты встречаемости данной патологии, что связано не столько с ростом заболеваемости, сколько с развитием методов нейровизуализации и увеличением количества выявления новообразований небольшого размера. Одним из наиболее современных методов лечения

таких опухолей является стереотаксическая радиохирurgia (СРХ) с использованием аппарата Гамма-нож [12]. Из соображения эффективности и безопасности, применение СРХ ограничено размером опухоли, который обычно не превышает 3 сантиметра в диаметре [33]. Еще одной особенностью лучевого лечения является отсутствие радикальности, свойственной хирургической резекции: новообразование не исчезает сразу после облучения, для ликвидации опухоли требуется время. Несмотря на то, что наличие небольших менингиом исходно не сопровождается специфической психопатологической или неврологической картиной, отсутствие моментального эффекта и длительное постепенное уменьшение опухоли ставят пациента в ситуацию неопределенности, что может накладывать весомую психологическую нагрузку.

Актуальность исследования обусловлена противоречивостью имеющихся зарубежных данных и дефи-

цитом отечественных исследований. Существующие публикации преимущественно ориентированы на изучение психоэмоционального статуса и качества жизни пациентов с крупными опухолями, наличием клинических проявлений, связанных с размером новообразования, и показаний к радикальному удалению.

Однако ежегодное увеличение вклада стереотаксической радиохирургии в лечение опухолей центральной нервной системы поднимает вопрос об эмоциональном состоянии данной категории пациентов. Это является основанием для проведения полноценного комплекса психодиагностических процедур, изучения качества жизни данной категории больных и разработки психокоррекционных мероприятий [19]. Применение стереотаксической радиохирургии ограничено малым размером опухоли, которая сама по себе не приводит к психопатологическим изменениям. Поэтому психоэмоциональные нарушения у пациентов, которым показана СРХ, очевидно, имеют иную, психогенную природу.

Целью данного обзора является систематизация современных исследований, посвященных психоэмоциональным особенностям пациентов с менингиомами головного мозга, для определения возможных направлений дальнейших исследований и постановки задач психологической помощи пациентам, проходящим стереотаксическую радиохирургию.

Для проведения теоретического анализа использовался метод систематического обзора литературы. Были проанализированы работы, опубликованные в период с 2010 по 2024 год, включая как отечественные, так и зарубежные исследования.

Психопатологические симптомы у пациентов с менингиомой головного мозга

Психопатологические симптомы являются распространенным явлением у пациентов с опухолями головного мозга [9]. Помимо описания отдельных клинических случаев [20], в литературе представлены исследования, свидетельствующие о влиянии размеров интракраниальных опухолей на степень выраженности психопатологических и неврологических симптомов.

Ю. Лампл (Y. Lampl) с соавт. (1995) в исследовании 50 пациентов с менингиомами обнаружили статистически значимую корреляцию между объемом отека, вызванного опухолью, и выраженностью сопутствующих психических расстройств. Ученые сделали вывод, что опухоли большого размера, вероятно, оказывают свое воздействие через давление и отек, а патофизиологическим механизмом может быть нарушение внутримозговых проводящих путей, поэтому симптомы, как правило, не локализуются в определенных анатомических областях [16]. Это утверждение подтвердил К. Боммаканти (K. Bommakanti) с соавт. (2016). В результате анализа данных 57 пациентов с супратенториальной менингиомой было установлено, что более

крупные опухоли в большей степени связаны с психическими симптомами. При этом частота проявления и степень выраженности психических симптомов была выше при менингиомах объемом более 35 кубических сантиметров [23].

В последующем, при анализе 165 историй болезни пациентов с различными опухолями, Ф. Гандур (F. Ghandour) с соавт. (2021) установили, что психопатологические изменения личности могут быть единственным проявлением заболевания и предшествовать очаговому неврологическим симптомам в течении нескольких месяцев или даже лет. В свою очередь, дебют неврологических проявлений заболевания авторы связывали именно с достижением большого размера интракраниально растущего новообразования [24].

В некоторых случаях психопатологические изменения личности связывают не только с объемом опухоли, но и ее локализацией. Самая высокая частота выраженных психических расстройств встречается при локализации опухоли в височных и лобных долях. Опухоли лобной доли чаще ассоциируются с изменениями личности и исполнительных функций [2], включая повышенную раздражительность, апатию, изменения в социальном поведении, и имеют латеральную специфичность проявлений. Локализация опухоли в височных отделах часто проявляется органическим бредовым расстройством [23]. В этой связи встречаются публикации случаев ошибочной постановки психиатрического диагноза до выявления самого новообразования [21; 29].

С. Мадхусуданан (S. Madhusoodanan) с соавт. (2010) провели метаанализ с целью выявления связи между локализацией опухоли и спецификой психопатологических проявлений. Несмотря на то, что локализации опухоли в некоторых областях действительно сопутствовали специфические психопатологические симптомы, авторы сделали вывод, что помимо локализации новообразования большой вклад в клинические проявления вносят и объем опухоли, и срок давности заболевания [8].

В действительности, постепенное прогрессирование психопатологической симптоматики по мере роста опухоли и свидетельства о полном или частичном устранении симптомов в результате хирургического удаления новообразования подтверждают влияние объема опухоли на выраженность психических расстройств [30].

Роль стресса в психоэмоциональном состоянии пациентов

Является ли размер опухоли единственной причиной психопатологических проявлений при менингиоме или следствием психологической реакции выступает в том числе реакция на стресс? Существуют подтверждения о возникновении и нарастании тревожных и депрессивных симптомов у пациентов

непосредственно после установления диагноза «менингиома».

Исследования М. Кангас (M. Kangas) с соавт. (2015) показали, что у пациентов с диагнозом первичной опухоли головного мозга часто имеют место тревожные и депрессивные симптомы после постановки диагноза [6]. В другом исследовании этих же авторов у 16% выборки отмечались симптомы посттравматического стресса, связанные с диагнозом. Респонденты сообщали о страхе прогрессирования или рецидива опухоли [17]. Вероятно, это связано с травматичностью переживания стресса как реакции на постановку диагноза «угрожающее жизни заболевание» [4].

Исследование стрессовых расстройств у разных пациентов, проводимое К. Менлибаевой (K. Menlibayeva) с соавт. (2024), показало, что у пациентов с диагнозом «менингиома» более высокий уровень воспринимаемого стресса по сравнению с контрольной группой пациентов без менингиомы [32]. В исследовании Д. Чжан (D. Zhang) с соавт. (2022) у 43% китайских пациентов с менингиомами головного мозга выявленные симптомы депрессии, усталости и тревожности сопровождались нарушениями сна, что существенно снижало качество жизни пациентов [25].

При изучении частоты возникновения и факторов, влияющих на наличие психических расстройств при менингиомах, с помощью ретроспективного анализа Р. Маурер (R. Maurer) с коллегами обнаружили нарастание симптомов эмоциональной дезадаптации. На момент постановки диагноза «менингиома головного мозга» у пациентов не выявлялось психопатологической симптоматики. Однако через год после постановки диагноза примерно у 16% развились тревожные и депрессивные симптомы различной степени тяжести [22].

В другом проспективном исследовании после постановки диагноза «менингиома» в 16,8% случаях были выявлены симптомы депрессии от легкой до тяжелой степени, тревожности и обсессивно-компульсивного расстройства. Только через три месяца после резекции у пациентов наблюдали небольшое снижение распространенности психопатологических симптомов [26].

Д. Калакаускас (D. Kalasauskas) с соавт. (2021) исследовали пациентов с бессимптомными менингиомами и выявили, что дистресс, исходно связанный с наличием опухоли, сохраняется в течение длительного времени после проведенной операции, которая может не приносить желаемого психологического облегчения пациенту [11]. Авторы акцентируют внимание на возможной первостепенной роли психологических факторов как аспекте качества жизни, связанного со здоровьем (HRQL — Health-Related Quality of Life) у пациентов с бессимптомными опухолями.

По данным исследования Г. Каспер (G. Kasper) с соавт. (2022), среди пациентов, благополучно перенесших оперативное вмешательство, симптомы тревоги и депрессии различной степени сохранились у 28,6% и 7,14% больных. Среди пациентов, находившихся под

активным наблюдением, симптомы тревоги наблюдались у 50%, симптомы депрессии — у 6,25% [7]. Дж. Петтерссон-Сегерлинд (J. Pettersson-Segerlind) с коллегами (2022) оценивали качество жизни пациентов с менингиомой головного мозга в США. По результатам анализа историй болезни и опроса у пациентов выявлен более высокий уровень тревоги и депрессии по сравнению с показателями общей популяции [18].

В исследовании Н.В. Тарабриной и соавт. (2015) было показано, что у пациентов, перенесших операцию по удалению доброкачественной опухоли головного мозга, выраженность признаков посттравматического стресса соответствует уровню частичного ПТСР [3].

Пациенты с менингиомами имеют высокий риск развития психических расстройств на фоне психологического напряжения и испытываемого дистресса, связанного с наличием угрожающего жизни заболевания. Выявлена связь между проявлениями психопатологической симптоматики и уровнем посттравматического стресса (ПТС) по поводу переживания диагноза «менингиома головного мозга» [1]. У пациентов с высоким ПТС отмечается сниженный уровень настроения (депрессия), высокий уровень психической активности (психотизм), фобическая тревожность. Представленная триада симптомов отражает неприятие пациентами своей болезни. Депрессивность, эмоциональная лабильность, застенчивость и раздражительность рассматриваются как предпосылки развития психопатологических симптомов — депрессии, тревожности, параноидности и психотизма. Авторы считают характерными аутоагрессию или интровертную направленность по отношению к самому себе [5]. У пациентов с высоким уровнем депрессивности и такими базисными убеждениями, как низкая оценка ценности и значимости собственного Я, отмечается высокий уровень посттравматического стресса [4].

Основную причину высокого уровня дистресса связывают с наличием страха рецидива или прогрессирования опухоли [31]. Этот фактор может оказывать влияние не только на качество жизни пациентов с менингиомами головного мозга, но и на ее продолжительность. В исследовании А. Бунявичюс (A. Bunevicius) и соавт. (2017) была выявлена зависимость между выраженностью депрессивных симптомов и общей выживаемостью пациентов с менингиомой независимо от клинических прогностических показателей. При наличии тяжелых депрессивных симптомов ученые наблюдали сокращение общей выживаемости пациентов и повышенный пятилетний риск смертности [9].

Таким образом, можно говорить о том, что психопатологические проявления у пациентов с менингиомой головного мозга нужно рассматривать в контексте переживания посттравматического стресса, вызванного как непосредственно выявлением заболевания, так и особенностями его течения, которые связаны с эмоционально-личностными характеристиками и базисными убеждениями пациентов.

Психоэмоциональные особенности пациентов с менингиомой головного мозга, проходящих СРХ

В описанных выше исследованиях приведены особенности пациентов с крупными новообразованиями, которым проводили хирургическое лечение, либо применяли тактику активного наблюдения. Описание психического состояния пациентов с менингиомами, которым была проведена стереотаксическая радиохирургия, в научной литературе встречается крайне редко.

Результаты отдельных зарубежных исследований оценки влияния стереотаксической радиохирургии на качество жизни пациентов с доброкачественными интракраниальными новообразованиями говорят о том, что СРХ с применением Гамма-ножа не оказывает негативного влияния на уровень утомляемости или качества жизни, по крайней мере в течение первых 8 недель после лечения [27].

М. Хенцель (M. Henzel) с соавт. (2013) с целью оценки качества жизни пациентов с менингиомой после СРХ (лонгитюдный анализ) использовали восемь параметров здоровья, а именно: «шкалу физического компонента» и «шкалу психического компонента». При сравнении со здоровой группой анализируемые пациенты демонстрировали общее снижение средних значений всех параметров непосредственно после выявления заболевания. После СРХ показатели продолжали снижаться в течение 12 месяцев, но потом постепенно нормализовались. Учеными были выделены три фазы: депрессивная фаза, фаза восстановления и фаза нормализации, — при этом пол, возраст и применяемая доза излучения не влияли на качество жизни [28]. Можно говорить, что эмоциональное состояние пациентов и субъективная оценка ими качества своей жизни имеют определенную динамику.

Случаев с выраженной клинической картиной прогрессирующих психиатрических заболеваний среди пациентов с менингиомой, которым проводили СРХ, в литературе не описано. Возможно, это связано со спецификой метода. Напомним, что одним из ограничений к применению Гамма-ножа является объем новообразования. Как было показано в обзоре выше, есть данные, хоть и немногочисленные, свидетельствующие о том, что на появление выраженной психопатологической симптоматики оказывает влияние в том числе и размер опухоли. Поэтому есть основание полагать, что пациенты, по отношению к которым применяется СРХ, не имеют выраженных психиатрических симптомов в силу небольшого объема опухоли, а имеющиеся психоэмоциональные изменения связаны с реакцией на стресс от постановки диагноза. Принимая во внимание возможное влияние длительного эмоционального стресса на качество жизни пациентов, особенно среди подверженных риску развития психопатологических изменений, существует целесообразность заблаговременного выявления таких пациентов.

Заключение

Проведенный теоретический анализ современных исследований, посвященных психоэмоциональным особенностям пациентов с менингиомами головного мозга, проходящих СРХ, показал, что природа эмоциональных нарушений у данной группы пациентов не связана с компрессией тканей головного мозга.

Новообразования имеют малый размер опухоли, и ее воздействие на головной мозг не влечет психопатологических изменений. Психоэмоциональное состояние пациентов с менингиомой головного мозга, проходящих СРХ, связано с эмоционально-личностными особенностями и индивидуальной реакцией на стресс на фоне постановки диагноза и лечения.

В настоящий момент данные, представленные в литературе, носят противоречивый характер. Многие исследования ограничены небольшими выборками и коротким периодом наблюдения [13]. Поэтому существует потребность в более масштабных проспективных исследованиях.

СРХ у пациентов с менингиомой головного мозга в целом ассоциируется с благоприятными исходами, особенно в долгосрочной перспективе. Однако существует необходимость в дальнейших исследованиях для лучшего понимания факторов, влияющих на психологическое и социальное восстановление пациентов после прохождения СРХ, а также для выявления групп риска и разработки стратегий профилактики негативных последствий, связанных с психоэмоциональными факторами.

Выводы

1. Пациенты с диагнозом «менингиома головного мозга» входят в группу риска развития психопатологических расстройств, поскольку испытывают большую психологическую нагрузку, связанную с наличием угрожающего жизни заболевания.

2. Несмотря на эффективность и минимальную инвазивность стереотаксической радиохирургии, у пациентов, проходящих лечение с помощью аппарата Гамма-нож, могут сохраняться высокий уровень воспринимаемого стресса, тревоги, симптомы депрессии, даже в случае успешного результата лечения.

3. На проявления дистресса влияют эмоционально-личностные особенности и базисные убеждения пациентов. В свою очередь, психоэмоциональное состояние оказывает влияние на восстановление и качество жизни после проведенного лечения.

4. Имеющиеся исследования психического здоровья пациентов с менингиомой головного мозга, проходящих стереотаксическую радиохирургию, ограничены недостаточным объемом выборок, а результаты носят противоречивый характер. Поэтому понимание источников стресса и его развития на разных стадиях заболевания, а также этапах лечения остаются малоизученными.

Литература

1. Никитина Д.А. Посттравматический стресс у людей разного возраста с угрожающим жизни заболеванием: автореф. дис. ... на соискание ученой степени кандидата психол. наук. М., 2021. 28 с.
2. Психопатологические проявления множественных менингиом правого полушария / А.А. Лукшина, О.С. Зайцев, И.А. Нагорская, Д.Ю. Усачев, В.А. Лукшин // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2015. Том 7. № 2. С. 22—27. DOI:10.14412/2074-2711-2015-2-22-27
3. Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А. Уровень посттравматического стресса и психопатологическая симптоматика у пациентов, оперированных по поводу менингиомы // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 3. С. 32—49. DOI:10.17759/cpp.2015230303
4. Харламенкова Н.Е., Никитина Д.А. Сопряженность признаков посттравматического стресса и психопатологической симптоматики у больных с диагнозом менингиома // Психология состояний человека: Актуальные теоретические и прикладные проблемы: Материалы 3-й Международной научной конференции: Казань, 8—10 ноября 2018 г. Казань: Казанский федеральный университет, 2018. С. 536—539.
5. Эмоционально-личностные особенности пациентов с диагнозом менингиома при выраженном посттравматическом стрессе / Н.Е. Харламенкова, О.С. Зайцев, Д.А. Никитина, А.Н. Кормилицына // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 4. С. 150—167. DOI:10.17759/psycljn.2018070409
6. Acceptance and commitment therapy program for distressed adults with a primary brain tumor: A case series study / M. Kangas, S. McDonald, J.R. Williams, R.I. Smee // Supportive Care in Cancer. 2015. Vol. 23. P. 2855—2859. DOI:10.1007/s00520-015-2804-8
7. Anxiety and depression in patients with intracranial meningioma: a mixed methods analysis / G. Kasper, S. Hart, N. Samuel, C. Fox, S. Das // BMC Psychology. 2022. Vol. 10. Article ID 93. 9 p. DOI:10.1186/s40359-022-00797-6
8. Brain tumor location and psychiatric symptoms: is there any association? A meta-analysis of published case studies / S. Madhusoodanan, M.G.A. Opler, D. Moise, J. Gordon, D.M. Danan, A. Sinha, R.P. Babu // Expert Review of Neurotherapeutics. 2010. Vol. 10. № 10. P. 1529—1536. DOI:10.1586/ern.10.94
9. Bunevicius A., Deltuva V.P., Tamasauskas A. Association of pre-operative depressive and anxiety symptoms with five-year survival of glioma and meningioma patients: A prospective cohort study // Oncotarget. 2017. Vol. 8. № 34. P. 57543—57551. DOI:10.18632/oncotarget.15743
10. CBTRUS Statistical Report: Primary Brain and Other Central Nervous System Tumors Diagnosed in the United States in 2016—2020 / Q.T. Ostrom, M. Price, C. Neff, G. Cioffi, K.A. Waite, C. Kruchko, J.S. Barnholtz-Sloan // Neuro-Oncology. 2023. Vol. 25. № Suppl. 2. P. iv1—iv99. DOI:10.1093/neuonc/noad149
11. Distress and quality of life do not change over time in patients with operated and conservatively managed intracranial meningioma / D. Kalasauskas, N. Keric, S. Abu Ajaj, L. von Cube, F. Ringel, M. Renovanz // Acta Neurochirurgica. 2021. Vol. 163. P. 3417—3424. DOI:10.1007/s00701-021-05004-w
12. Gamma Knife radiosurgery for the management of nonfunctioning pituitary adenomas: a multicenter study / J.P. Sheehan, R.M. Starke, D. Mathieu [et al.] // Journal of Neurosurgery. 2013. Vol. 119. № 2. P. 446—456. DOI:10.3171/2013.3.JNS12766
13. Gyawali S., Sharma P., Mahapatra A. Meningioma and psychiatric symptoms: An individual patient data analysis // Asian Journal of Psychiatry. 2019. Vol. 42. P. 94—103. DOI:10.1016/j.ajp.2019.03.029
14. Health-Related Quality of Life Outcomes in Meningioma Patients Based upon Tumor Location and Treatment Modality: A Systematic Review and Meta-Analysis / A. San, R.K. Rahman, P. Sanmugananthan, M.D. Dub, N. Panico, O. Ariwodo, V. Shah, R.S. D'Amico // Cancers. 2023. Vol. 15(19). Article ID 4680. 28 p. DOI:10.3390/cancers15194680
15. Incidental intracranial meningiomas: A systematic review and meta-analysis of prognostic factors and outcomes / A.I. Islim, M. Mohan, R.D.C. Moon, N. Srikantharajah, S.J. Mills, A.R. Brodbelt, M.D. Jenkinson // Journal of Neuro-oncology. 2019. Vol. 142. P. 211—221. DOI:10.1007/s11060-019-03104-3
16. Intracranial meningiomas: Correlation of peritumoral edema and psychiatric disturbances / Y. Lampl, Y. Barak, A. Achiron, I. Sarova-Pinchas // Psychiatry Research. 1995. Vol. 58. № 2. P. 177—180. DOI:10.1016/0165-1781(95)02586-1
17. Kangas M., Williams J.R., Smee R.I. The Association Between Post-traumatic Stress and Health-Related Quality of Life in Adults Treated for a Benign Meningioma // Applied Research in Quality of Life. 2012. Vol. 7. P. 163—182. DOI:10.1007/s11482-011-9159-1
18. Long-Term Follow-Up, Treatment Strategies, Functional Outcome, and Health-Related Quality of Life after Surgery for WHO Grade 2 and 3 Intracranial Meningiomas / J. Pettersson-Segerlind, A. Fletcher-Sandersjö, A.C. von Vogelsang, O. Persson, L.K.B. Linder, P. Förander, T. Mathiesen, E. Edström, A. Elmi-Terander // Cancers. 2022. Vol. 14(20). Article ID 5038. 21 p. DOI:10.3390/cancers14205038
19. Long-term neurocognitive, psychological, and return to work outcomes in meningioma patients / A. Sekely, K.K. Zakzanis, D. Mabbott, D.S. Tsang, P. Kongkham, G. Zadeh, K. Edelstein // Support Care Cancer. 2022. Vol. 30. P. 3893—3902. DOI:10.1007/s00520-022-06838-5
20. Maurice Williams R.S., Dunwoody G.W. Late diagnosis of frontal meningiomas presenting with psychiatric symptoms // British Medical Journal. 1988. Vol. 296. P. 1785—1786. DOI:10.1136/bmj.296.6639.1785

21. Meningioma and psychiatric symptoms: A case report and brief review / S. Madhusoodanan, S. Patel, J. Reinharth, A. Hines, M. Serper // *Annals of Clinical Psychiatry*. 2015. Vol. 27. № 2. P. 126—133.
22. Mental health disorders in patients with untreated meningiomas: an observational cohort study using the nationwide MarketScan database / R. Maurer, L. Daggubati, D.M. Ba, G. Liu, D. Leslie, N. Goyal, B.E. Zacharia // *Neuro-Oncology Practice*. 2020. Vol. 7. № 5. P. 507—513. DOI:10.1093/nop/npaa025
23. Pre-operative and post-operative psychiatric manifestations in patients with supratentorial meningiomas / K. Bommakanti, P. Gaddamanugu, S. Alladi, A.K. Purohit, S.K. Chadalawadi, S. Mekala, S. Somayajula // *Clinical Neurology and Neurosurgery*. 2016. Vol. 147. P. 24—29. DOI:10.1016/j.clineuro.2016.05.018
24. Presenting Psychiatric and Neurological Symptoms and Signs of Brain Tumors before Diagnosis: A Systematic Review / F. Ghandour, A. Squassina, R. Karky, M. Diab-Assaf, P. Fadda, C. Pisanu // *Brain Sciences*. 2021. Vol. 11. № 3. Article ID 301. 20 p. DOI:10.3390/brainsci11030301
25. Prevalence, correlates, and impact of sleep disturbance in Chinese meningioma patients / D. Zhang, J. Wang, X. Gu, Z. Gu, L. Li, C. Dong, R. Zhao, X. Zhang // *Support Care Cancer*. 2022. Vol. 30. P. 1231—1241. DOI:10.1007/s00520-021-06504-2
26. Psychological aspects in brain tumor patients: A prospective study / A. Seddighi, A.S. Seddighi, A. Nikouei, F. Ashrafi, S. Nohesara // *Hellenic Journal of Nuclear Medicine*. 2015. Vol. 18. P. 63—67.
27. Quality of life after gamma knife radiosurgery for benign lesions: a prospective study / V.V. Thakkar, S.T. Chao, G.H. Barnett, L.G. Susan, P. Rasmussen, M.A. Vogelbaum, C.A. Reddy, B. Jamison, J. Suh // *Journal of Radiosurgery and SBRT*. 2012. Vol. 1. № 4. P. 281—286.
28. Quality of life after stereotactic radiotherapy for meningioma: A prospective non-randomized study / M. Henzel, E. Fokas, H. Sitter, A. Wittig, R. Engenhardt-Cabillic // *Journal of Neuro-oncology*. 2013. Vol. 113. P. 135—141. DOI:10.1007/s11060-013-1099-1
29. Quels symptômes psychiatriques doivent alerter sur la possible présence d'une tumeur cérébrale? [Which psychiatric symptoms must raise suspicion about a possible brain tumor?] / S. Mardaga, M.A. Bassir, J. Bracke, A. Dutilleux, J.D. Born // *Revue Medicale de Liege*. 2017. Vol. 72. № 9. P. 399—405.
30. Relationship between apathy and tumor location, size, and brain edema in patients with intracranial meningioma / Y. Peng, C. Shao, Y. Gong, X. Wu, W. Tang, S. Shi // *Neuropsychiatric Disease and Treatment*. 2015. Vol. 11. P. 1685—1693. DOI:10.2147/NDT.S85288
31. Screening for distress in patients with primary brain tumor using distress thermometer: A systematic review and meta-analysis / F. Liu, J. Huang, L. Zhang, F. Fan, J. Chen, K. Xia, Z. Liu // *BMC Cancer*. 2018. Vol. 18. Article ID 124. 8 p. DOI:10.1186/s12885-018-3990-9
32. Study of the stress in adults diagnosed with meningioma: Insights from a tertiary neurosurgical hospital / K. Menlibayeva, C. Nurimanov, S. Nuradilov, S. Akshulakov // *Cancer Reports*. 2024. Vol. 7. № 7. Article ID e2105. 12 p. DOI:10.1002/cnr.2.2105
33. Ten-year follow-up after Gamma Knife radiosurgery of meningioma and review of the literature / B.E. Lippitz, J. Bartek, T. Mathiesen, P. Förander // *Acta Neurochirurgica*. 2020. Vol. 162. P. 2183—2196. DOI:10.1007/s00701-020-04350-5

References

1. Nikitina D.A. Posttraumaticheskii stress u lyudei raznogo vozrasta s ugrozhayushchim zhizni zabolevaniem [Post-traumatic stress in people of different ages with a life-threatening illness]: Avtoref. diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikholog. nauk. Moscow, 2021. 28 p. (In Russ.).
2. Lukshina A.A. Zaitsev O.S. Nagorskaya I.A. Usachev D.Yu. Lukshin V.A. Psikhopatologicheskie proyavleniya mnozhestvennykh meningitom pravogo polushariya [Psychopathological Manifestations of Multiple Meningiomas in the Right Hemisphere]. *Nevrologiya, neiropsikhiatriya, psikhosomatika = Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, 2015. Vol. 7, no. 2, pp. 22—27. DOI:10.14412/2074-2711-2015-2-22-27 (In Russ.).
3. Tarabrina N.V., Kharlamenkova N. E., Nikitina D.A. Uroven' posttraumaticheskogo stressa i psikhopatologicheskaya simptomatika u patsientov, operirovannykh po povodu meningiomy [The level of post-traumatic stress and psychopathological symptoms in patients with meningioma after surgical treatment]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 3, pp. 32—49. DOI:10.17759/cpp.2015230303 (In Russ.).
4. Kharlamenkova N.E., Nikitina D.A. Sopryazhennost' priznakov posttraumaticheskogo stressa i psikhopatologicheskoi simptomatiki u bol'nykh s diagnozom meningioma [The Symptoms of Posttraumatic Stress and Psychopathological Symptomatic in Patients]: *Psikhologiya sostoyanii cheloveka: Aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problem [Psychology of Human Change: Current Theoretical and Applied Problems]: Materialy 3-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Kazan', 8—10 noyabrya 2018 g. Kazan': Kazanskii federal'nyi universitet*, 2018, pp. 536—539. (In Russ.).
5. Kharlamenkova N.E., Zaitsev O.S., Nikitina D.A., Kormilitsyna A.N. Emotsional'no-lichnostnye osobennosti patsientov s diagnozom meningioma pri vyrazhennom posttraumaticheskom stressе [Emotional Personality Characteristics of Patients Diagnosed with Meningioma with Severe Post-Traumatic Stress]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2018. Vol. 7, no. 4, pp. 150—167. DOI:10.17759/psycljn.2018070409 (In Russ.).

6. Kangas M., McDonald S., Williams J.R., Smee R.I. Acceptance and commitment therapy program for distressed adults with a primary brain tumor: A case series study. *Supportive Care in Cancer*, 2015. Vol. 23, pp. 2855—2859. DOI:10.1007/s00520-015-2804-8
7. Kasper G., Hart S., Samuel N., Fox C., Das S. Anxiety and depression in patients with intracranial meningioma: a mixed methods analysis. *BMC Psychology*, 2022. Vol. 10, article ID 93. 9 p. DOI:10.1186/s40359-022-00797-6
8. Madhusoodanan S., Opler M.G.A., Moise D., Gordon J., Danan D.M., Sinha A., Babu R.P. Brain tumor location and psychiatric symptoms: is there any association? A meta-analysis of published case studies. *Expert Review of Neurotherapeutics*, 2010. Vol. 10, no. 10, pp. 1529—1536. DOI:10.1586/ern.10.94
9. Bunevicius A., Deltuva V.P., Tamasauskas A. Association of pre-operative depressive and anxiety symptoms with five-year survival of glioma and meningioma patients: A prospective cohort study. *Oncotarget*, 2017. Vol. 8, no. 34, pp. 57543—57551. DOI:10.18632/oncotarget.15743
10. Ostrom Q.T., Price M., Neff C., Cioffi G., Waite K.A., Kruchko C., Barnholtz-Sloan J.S. CBTRUS Statistical Report: Primary Brain and Other Central Nervous System Tumors Diagnosed in the United States in 2016—2020. *Neuro-Oncology*, 2023. Vol. 25, no. suppl. 2, pp. iv1—iv99. DOI:10.1093/neuonc/noad149
11. Kalasauskas D., Keric N., Abu Ajaj S., von Cube L., Ringel F., Renovanz M. Distress and quality of life do not change over time in patients with operated and conservatively managed intracranial meningioma. *Acta Neurochirurgica*, 2021. Vol. 163, pp. 3417—3424. DOI:10.1007/s00701-021-05004-w
12. Sheehan J.P., Starke R.M., Mathieu D. et al. Gamma Knife radiosurgery for the management of nonfunctioning pituitary adenomas: a multicenter study. *Journal of Neurosurgery*, 2013. Vol. 119, no. 2, pp. 446—456. DOI:10.3171/2013.3.JNS12766
13. Gyawali S., Sharma P., Mahapatra A. Meningioma and psychiatric symptoms: An individual patient data analysis. *Asian Journal of Psychiatry*. 2019. Vol. 42, pp. 94—103. DOI:10.1016/j.ajp.2019.03.029
14. San A., Rahman R.K., Sanmugananthan P., Dub M.D., Panico N., Ariwodo O., Shah V., D'Amico R.S. Health-Related Quality of Life Outcomes in Meningioma Patients Based upon Tumor Location and Treatment Modality: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Cancers*, 2023. Vol. 15(19), article ID 4680. 28 p. DOI:10.3390/cancers15194680
15. Islim A.I., Mohan M., Moon R.D.C., Srikandarajah N., Mills S.J., Brodbelt A.R., Jenkinson M.D. Incidental intracranial meningiomas: A systematic review and meta-analysis of prognostic factors and outcomes. *Journal of Neuro-oncology*, 2019. Vol. 142, pp. 211—221. DOI:10.1007/s11060-019-03104-3
16. Lampl Y., Barak Y., Achiron A., Sarova-Pinchas I. Intracranial meningiomas: Correlation of peritumoral edema and psychiatric disturbances. *Psychiatry Research*, 1995. Vol. 58, no. 2, pp. 177—180. DOI:10.1016/0165-1781(95)02586-1
17. Kangas M., Williams J.R., Smee R.I. The Association Between Post-traumatic Stress and Health-Related Quality of Life in Adults Treated for a Benign Meningioma. *Applied Research in Quality of Life*, 2012. Vol. 7, pp. 163—182. DOI:10.1007/s11482-011-9159-1
18. Pettersson-Segerlind J., Fletcher-Sandersjö A., von Vogelsang A.C., Persson O., Linder L.K.B., Förander P., Mathiesen T., Edström E., Elmi-Terander A. Long-Term Follow-Up, Treatment Strategies, Functional Outcome, and Health-Related Quality of Life after Surgery for WHO Grade 2 and 3 Intracranial Meningiomas. *Cancers*, 2022. Vol. 14(20), article ID 5038. 21 p. DOI:10.3390/cancers14205038
19. Sekely A., Zakzanis K.K., Mabbott D., Tsang D.S., Kongkham P., Zadeh G., Edelstein K. Long-term neurocognitive, psychological, and return to work outcomes in meningioma patients. *Support Care Cancer*, 2022. Vol. 30, pp. 3893—3902. DOI:10.1007/s00520-022-06838-5
20. Maurice-Williams R.S., Dunwoody G.W. Late diagnosis of frontal meningiomas presenting with psychiatric symptoms. *British Medical Journal*, 1988. Vol. 296, pp. 1785—1786. DOI:10.1136/bmj.296.6639.1785
21. Madhusoodanan S., Patel S., Reinharth J., Hines A., Serper M. Meningioma and psychiatric symptoms: A case report and brief review. *Annals of Clinical Psychiatry*, 2015. Vol. 27, no. 2, pp. 126—133.
22. Maurer R., Daggubati L., Ba D.M., Liu G., Leslie D., Goyal N., Zacharia B.E. Mental health disorders in patients with untreated meningiomas: an observational cohort study using the nationwide MarketScan database. *Neuro-Oncology Practice*, 2020. Vol. 7, no. 5, pp. 507—513. DOI:10.1093/nop/npaa025
23. Bommakanti K., Gaddamanugu P., Alladi S., Purohit A.K., Chadalawadi S.K., Mekala S., Somayajula S. Pre-operative and post-operative psychiatric manifestations in patients with supratentorial meningiomas. *Clinical Neurology and Neurosurgery*, 2016. Vol. 147, pp. 24—29. DOI:10.1016/j.clineuro.2016.05.018
24. Ghandour F., Squassina A., Karaky R., Diab-Assaf M., Fadda P., Pisanu Presenting C. Psychiatric and Neurological Symptoms and Signs of Brain Tumors before Diagnosis: A Systematic Review. *Brain Sciences*, 2021. Vol. 11, no. 3, article ID 301. 20 p. DOI:10.3390/brainsci11030301
25. Zhang D., Wang J., Gu X., Gu Z., Li L., Dong C., Zhao R., Zhang X. Prevalence, correlates, and impact of sleep disturbance in Chinese meningioma patients. *Support Care Cancer*, 2022. Vol. 30, pp. 1231—1241. DOI:10.1007/s00520-021-06504-2
26. Seddighi A., Seddighi A.S., Nikouei A., Ashrafi F., Nohesara S. Psychological aspects in brain tumor patients: A prospective study. *Hellenic Journal of Nuclear Medicine*, 2015. Vol. 18, pp. 63—67.
27. Thakkar V.V., Chao S.T., Barnett G.H., Susan L.G., Rasmussen P., Vogelbaum M.A., Reddy C.A., Jamison B., Suh J. Quality of life after gamma knife radiosurgery for benign lesions: a prospective study. *Journal of Radiosurgery and SBRT*, 2012. Vol. 1, no. 4, pp. 281—286.

28. Henzel M., Fokas E., Sitter H., Wittig A., Engenhardt-Cabillic R. Quality of life after stereotactic radiotherapy for meningioma: A prospective non-randomized study. *Journal of Neuro-oncology*, 2013. Vol. 113, pp. 135—141. DOI:10.1007/s11060-013-1099-1
29. Mardaga S., Bassir M.A., Bracke J., Dutilleux A., Born J.D. Quels sympt mes psychiatriques doivent alerter sur la possible pr sence d'une tumeur cr rbrale? [Which psychiatric symptoms must raise suspicion about a possible brain tumor?]. *Revue Medicale de Liege*, 2017. Vol. 72, no. 9, pp. 399—405.
30. Peng Y., Shao C., Gong Y., Wu X., Tang W., Shi S. Relationship between apathy and tumor location, size, and brain edema in patients with intracranial meningioma. *Neuropsychiatric Disease and Treatment*, 2015. Vol. 11, pp. 1685—1693. DOI:10.2147/NDT.S85288
31. Liu F., Huang J., Zhang L., Fan F., Chen J., Xia K., Liu Z. Screening for distress in patients with primary brain tumor using distress thermometer: A systematic review and meta-analysis. *BMC Cancer*, 2018. Vol. 18, article ID 124. 8 p. DOI:10.1186/s12885-018-3990-9
32. Menlibayeva K., Nurimanov C., Nuradilov S., Akshulakov S. Study of the stress in adults diagnosed with meningioma: Insights from a tertiary neurosurgical hospital. *Cancer Reports*, 2024. Vol. 7, no. 7, article ID e2105. 12 p. DOI:10.1002/cnr.2.2105
33. Lippitz B.E., Bartek J., Mathiesen T., F rander P. Ten-year follow-up after Gamma Knife radiosurgery of meningioma and review of the literature. *Acta Neurochirurgica*, 2020. Vol. 162, pp. 2183—2196. DOI:10.1007/s00701-020-04350-5

Информация об авторах

Пенцак Юлия Юрьевна, медицинский психолог, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), Москва, Россия; преподаватель кафедры нейро- и патопсихологии развития, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8989-9216>, e-mail: pencakyy@mgppu.ru

Холмогорова Алла Борисовна, доктор психологических наук, профессор, декан факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-0199>, e-mail: kholmogorova@yandex.ru

Евдокимова Ольга Ливерьевна, кандидат медицинских наук, заведующий Центром радиохирургии, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8099-9544>, e-mail: liveryevna@yandex.ru

Гринь Андрей Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор, заведующий научным отделением неотложной нейрохирургии Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП им. Н. В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3515-8329>, e-mail: grinaa@sklif.mos.ru

Information about the authors

Yuliya Y. Pentsak, Medical Psychologist at the Scientific Research Institute of First Aid named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia; lecturer at the Department of Neuro- and Pathopsychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8989-9216>, e-mail: pencakyy@mgppu.ru

Alla B. Kholmogorova, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Leading Researcher of Scientific Research Institute of First Aid named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-0199>, e-mail: kholmogorova@yandex.ru

Olga L. Evdokimova, PhD in Medicine, Head of the Radiosurgery Center of Scientific Research Institute of First Aid named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8099-9544>, e-mail: liveryevna@yandex.ru

Andrey A. Grin, MD, Professor, Head of the Scientific Department of Emergency Neurosurgery of Scientific Research Institute of First Aid to named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3515-8329>, e-mail: grinaa@sklif.mos.ru

Получена 22.10.2024

Received 22.10.2024

Принята в печать 12.03.2025

Accepted 12.03.2025

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки

Корчагин Е.Н.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7836-641X>, e-mail: mocworks@gmail.com

Лобанова А.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-8647>, e-mail: lobanovaav@mgppu.ru

Недавние исследования в области профессиональной идентичности выявили ее существенное влияние на результаты выполняемой работы, включая удовлетворенность работой, устойчивость к стрессу и мотивацию к постоянному профессиональному развитию. Это особенно актуально в профессиях, требующих прямого взаимодействия с людьми и постоянного совершенствования навыков в ответ на меняющиеся профессиональные требования. Результаты данного исследования показывают, что студенты второго года обучения в магистратуре демонстрируют высокий уровень профессиональной идентичности, что соответствует международным исследованиям, в которых выдвинуты предположения о том, что студенты оказываются более осведомленными о своих профессиональных ролях на более поздних этапах своего образования. На этом этапе студенты активно формируют карьерные устремления и интегрируют свои знания и навыки в профессиональную идентичность. Наше исследование косвенно подтверждает взаимосвязь между профессиональной идентичностью и академической мотивацией, что согласуется с выводами зарубежных исследований, которые подчеркивают, как высокая мотивация усиливает вовлеченность студентов в процесс формирования их профессиональной идентичности. Студенты с более высокой академической мотивацией, как правило, чаще участвуют в практической деятельности и профессиональных проектах, тем самым укрепляя свою идентичность. Создание благоприятных условий для развития профессиональной идентичности с помощью активных методов обучения и практического участия может значительно повысить академическую мотивацию студентов и их готовность к будущим профессиональным начинаниям. Это соответствует современным подходам в международных исследованиях, которые подчеркивают важность интеграции теоретических знаний с практическими навыками в высшем образовании.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, идентичность, профессия, самоопределение, студенты психолого-педагогического направления подготовки.

Для цитаты: Корчагин Е.Н., Лобанова А.В. Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 45—56. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140105>

Professional Identity of Students of the Psychological and Pedagogical Direction of Education

Evgeny N. Korchagin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7836-641X>, e-mail: mocworks@gmail.com

Anna V. Lobanova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-8647>, e-mail: lobanovaav@mgppu.ru

Recent research in the field of professional identity has revealed its significant impact on various work outcomes, including job satisfaction, stress resistance, and motivation for continuous professional development. This is especially true in professions that require direct interaction with people and continuous improvement of skills in response to changing professional demands. The results of this study show that second-year master's degree students demonstrate a high level of professional identity, which is in line with international research, which suggests that students become more aware of their professional roles at later stages of their education. At this stage, students actively shape their career aspirations and integrate their knowledge and skills into their professional identity. In addition, the study indirectly confirms the relationship between professional identity and academic motivation, which is consistent with the findings of international research, which emphasizes how high motivation enhances students' engagement in the process of forming their professional identity. Students with higher academic motivation tend to participate more often in practical activities and professional projects, thereby strengthening their identity. Creating favourable conditions for the development of professional identity through active learning methods and practical participation can significantly increase students' academic motivation and their readiness for future professional endeavours. This is in line with contemporary approaches in international research, which emphasize the importance of integrating theoretical knowledge with practical skills in higher education.

Keywords: professional identity, identity, profession, self-determination, students who major in educational psychology.

For citation: Korchagin E.N., Lobanova A.V. Professional Identity of Students of the Psychological and Pedagogical Direction of Education [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* = Journal of Modern Foreign Psychology, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 45—56. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140105> (In Russ.).

Введение

Самоидентификация представляет собой постепенный процесс, включающий широкий спектр деятельности индивида и требующий в том или ином виде участия социума [8; 9; 27].

В настоящее время существует множество исследований, в которых изучаются различные аспекты идентичности. Например, актуальной остается проблема применения самого понятия «идентичность», так как исследователи нередко используют в своих работах специфические, наиболее подходящие для конкретного исследования трактовки и категории. При этом понятие может в значительной степени терять свою ясность и оказываться сильно привязанным к контексту того или иного исследования [20; 35].

В современных исследованиях представлены результаты изучения различных типов и видов идентичности: национальной, гендерной, религиозной и т. д., но особый интерес представляет проблема профессиональной идентичности. Как в случае с понятием «идентичность», существует ряд рассогласованных подходов к трактовке самого понятия «профессиональная идентичность», а также к определению компонентов профессиональной идентичности. Данная про-

блема существует долгое время и остается актуальной для научных исследований. С целью определения понятия «профессиональная идентичность», систематизации научных подходов к его определению и выявления основных принципов согласованного изучения представленного феномена необходим анализ широкого спектра научных работ. Однако, согласно А. Фицджеральд (A. Fitzgerald), сами авторы подобного рода исследований указывают на сложность решения данной задачи в контексте все увеличивающегося объема работ, посвященных вопросам, тесно связанным с профессиональной идентичностью, но раскрывающих только определенные аспекты данной проблемы [19]. Основой исследования психологических теорий профессиональной идентичности в настоящее время в зарубежной науке являются работы ученых, которые внесли значительный вклад в понимание этого феномена. В этом контексте невозможно не упомянуть работы Э. Гинзберга (E. Ginzberg), Д. Сьюпера (D.E. Super), которые заложили основы изучения профессиональной идентичности в контексте карьерного роста и представлений личности о себе [41]. При этом в настоящее время, по мнению Фицджеральд А. (A. Fitzgerald), научные исследования в основном посвящены уточнению терминологии и попыткам

выработки общего теоретического и терминологического аппарата [19]. Распространенным подходом к изучению профессиональной идентичности в западных исследованиях, согласно А. Фицджеральд (A. Fitzgerald), является ее определение через конкретную деятельность, связанную с работой.

Соответственно, чем сильнее связь с конкретным профессиональным поведением, тем выше профессиональная идентичность (а следовательно, уверенность в себе, удовлетворенность собой как профессионалом и др.). При этом профессиональным поведением в данном контексте выступает субъективное представление работника о том, что значит быть профессионалом в своей области (A. Fitzgerald) [19]. В западных исследованиях изучается также широкий спектр других проблем, связанных с профессиональной идентичностью: череда смены идентичностей при построении новых и смена представлений о себе по мере прохождения академического и профессионального пути изучаются в работах Б. Эшфорт, С. Гэрисон, К. Корли (B. Ashforth, S. Harrison, K. Corley) [11]; связь профессиональной идентичности с отношением к другим профессиям доказана в исследовании К. Сталл, К. Блю (C. Stull, C. Blue) [40]; спорность изучения профессиональной идентичности в современном мире, когда профессии становятся все менее ограничены рамками узких профессиональных занятий и требуют все большего расширения специализации, показана в исследовании Б. Каза, С. Крири (B. Caza, S. Creary) [13], значимость таких факторов как родство (карьерная связанность), автономия (карьерная автономия), компетентность (карьерная компетентность) для карьерного самоопределения, отражена в теории карьерного самоопределения Ч. Чена (C. Chen), также автор предлагает изучать потенциал этих понятий «в создании и поддержании более оптимальной карьерной мотивации и поведения, которые приводят к более удовлетворительным и благоприятным результатам в трудовой жизни» [14]; роль бездействия в карьере и его влияние на людей, даже в долгосрочной профессиональной перспективе доказаны М. Вербрюггеном (M. Verbruggen) [45].

Таким образом, результаты изучения профессиональной идентичности как психологического феномена широко представлены в зарубежной современной научной литературе, но они разрознены, носят очень конкретный, узконаправленный характер. В настоящее время научная литература относительно ограничена в освещении различий в показателях, связанных с профессиональной идентичностью студентов высших учебных заведений, обучающихся на разных курсах и ступенях образования психолого-педагогического направления подготовки. Это обуславливает необходимость проведения исследования, в котором будут изучены основные показатели профессиональной идентичности у студентов разных курсов и ступеней высшего образования психолого-педагогического направления подготовки.

Профессиональная идентичность студентов психолого-педагогического направления подготовки

Анализ научных работ позволил как уточнить и дополнить существующие подходы к изучению профессиональной идентичности, так и зафиксировать различия в протекании процессов, связанных с профессиональным становлением, у студентов разных уровней подготовки и разных возрастов. Например, в многочисленных работах исследователи, например Б. Эшфорт, С. Гэрисон, К. Корли, К. Скотт (B. Ashforth, S. Harrison, K. Corley, C. Scott) ставят своей задачей выявление связей различных аспектов профессиональной идентичности и профессиональной деятельности, а также неизменно обращаются к проблеме труда и карьерного роста [11; 37]. Данные, полученные в научных работах М. Кноп, М. Мюллер, С. Кайзер, К. Рестер и других ученых (M. Knop, M. Mueller, S. Kaiser, C. Rester), говорят о связи развитой и сформированной профессиональной идентичности с такими показателями, как удовлетворенность работника своей профессией [24; 42], стрессоустойчивость, мотивация к дальнейшему профессиональному развитию [35].

В исследовании М. Томлинсона и Д. Джексона (M. Tomlinson, D. Jackson, 2021) указывается, что сформированность профессиональной идентичности воздействует на возможности трудоустройства [44], а в работах Д. Тубасси, К. Шенкер, М. Робертса, М. Форте (D. Toubassi, C. Schenker, M. Roberts, M. Forte) — на общее благополучие человека [34]. Данные характеристики имеют особое значение для профессий, связанных с социальным взаимодействием, непосредственным контактом с людьми, такими как медицина (сестринское дело), образование, социальная сфера. Профессиональное развитие и преодоление стрессовых ситуаций является неотъемлемой составляющей работы в данных областях. Этим отчасти объясняется глубокий интерес западных исследователей к изучению профессиональной идентичности специалистов данных профессий [7].

В современных западных исследованиях проблема профессиональной идентичности изучается как в контексте высшего образования, так и за его пределами. В работах зарубежных ученых С. Картер, Т. Джоуси, Л. Петерсен, С. Мыско, П. Купер-Иоэлу, С. Кратцке, С. Кокс, С. Сарраф-Язди, Ю.Н. Тео, А. Хау, Ю.Х. Тео, С. Го, К. Коу, У. Лам и др. (S. Carter; T. Jowsey, L. Petersen, C. Mysko, P. Cooper-Ioelu; C. Kratzke, C. Cox; S. Sarraf-Yazdi, Y.N. Teo, A. How, Y.N. Teo, S. Goh, C. Kow, W. Lam) подчеркивается необходимость создания условий для формирования у студентов профессиональной идентичности и проявления ими своих профессиональных возможностей для укрепления субъективной связи с профессией путем организации специальных образовательных мероприятий и ограниченной профессиональной социализации в том виде, в котором это может предоставить высшее учеб-

ное заведение [10; 12; 26; 30]. С. Акерханс, Т. Хьюин, С. Кайзер, С. Шульц, Э. Юссупов, К. Шпорер, А. Хайнцль (S. Ackerhans, T. Huynh, C. Kaiser, C. Schultz; E. Jussupow, K. Spohrer, A. Heinzl) подчеркивают, что важным фактором укрепления профессиональной идентичности является участие в профессиональных ассоциациях, перенимание профессиональной культуры и традиций [17; 25].

Также в ряде зарубежных работ профессиональная идентичность в процессе обучения в высшем учебном заведении изучается как определенный этап, и полноценная профессиональная зрелость может быть достигнута только в контексте непосредственной профессиональной деятельности [6]. Зарубежными учеными Д. Куадра-Мартинес, П. Кастро-Карраско, К. Оянадель, И. Гонсалес-Пальта; И. Моралес Эскобар, М. Таборда Каро (D. Cuadra-Martinez, P. Castro-Carrasco, C. Oyanadel, I. Gonzalez-Palta; I. Morales Escobar, M. Taborde Caro) отмечается, что развитие профессиональной идентичности во время обучения критически значимо для дальнейших профессиональных успехов, при этом в процессе исследования идентичности следует уделять особое внимание социокультурным факторам и психологическим особенностям личности [22; 29].

Хотя в зарубежных работах отсутствует акцент на изучении профессиональной идентичности в контексте ее компонентной структуры, в исследованиях можно встретить описание техник, особенностей восприятия своей профессии и других феноменов, традиционно рассматриваемых в отечественных исследованиях в рамках того или иного компонента. В ряде работ подчеркивается значимость рефлексии и применения рефлексивных практик для развития профессиональной идентичности у студентов университета. Так, в работе Т. Люфт, Р. Роули (T. Luft, R. Roughly) подчеркивается значимость работы преподавателя для создания благоприятных, безопасных и мотивирующих условий для оценки обучающимся своего опыта, своей роли как студента и будущего профессионала [28], а в работе Д. Эрнандеса (D. Hernandez) заявляется о значимости целенаправленного развития рефлексии и воздействии рефлексии на профессиональную идентичность [21]. Проблема мотивации в контексте профессиональной идентичности также находит место в зарубежных работах. Так, В. Васитьястути и др. (W. Wasityastuti и др., 2018), изучая академическую мотивацию у студентов, приходят к выводу о связях высокой академической мотивации (внутренняя, внешняя и отсутствие амотивации) с профессиональной идентичностью [15]. Проблема внутренней мотивации и саморегуляции в контексте профессиональной идентичности рассматривается в работе Л. Сюй, П. Дуань, Л. Ма, С. Доу (L. Xu, P. Duan, L. Ma, S. Dou), где доказывается связь между обозначенными параметрами [32].

Подход зарубежных исследователей к изучению профессиональной идентичности имеет сходство и

отличия от соответствующих подходов в отечественной психологии и педагогике. Основные отличия заключаются в методах и изучении структуры профессиональной идентичности. Распространенной стратегией изучения в зарубежных исследованиях является интервью и использование метода case-study для изучения конкретных случаев и частного опыта становления профессионала. Предельное внимание уделяется контексту, в котором происходит развитие профессиональной идентичности, большая значимость придается особенностям конкретной профессии, профессиональным обязанностям, особенностям взаимодействия на рабочем месте и общения с людьми, если речь идет о социальных профессиях. В отечественных исследованиях большее внимание уделяется изучению структуры профессиональной идентичности, выделению отдельных компонентов, поиску взаимосвязей показателей в рамках этих компонентов и между ними. Учет опыта отечественных и зарубежных исследователей при изучении профессиональной идентичности позволяет снизить риски некорректного обращения с результатами исследований, находить общие закономерности и, насколько это возможно, учитывать контекст, в котором строится и функционирует профессиональная идентичность.

С целью соотнесения результатов научных исследований зарубежных ученых с результатами отечественных исследований организовано исследование профессиональной идентичности у российских студентов психолого-педагогического направления подготовки. Результаты реализованного исследования сравнивались с результатами, полученными зарубежными учеными, при этом спектр зарубежных исследований был расширен по характеристикам выборки. Анализировались результаты изучения профессиональной идентичности не только студентов психолого-педагогического направления подготовки, но и студентов-медиков. Подобное расширение оправдано недостаточным количеством представленных исследований профессиональной идентичности студентов-психологов в зарубежной литературе и отнесением профессий психолога и медика к одной сфере — сфере помогающих профессий.

Эмпирическое исследование профессиональной идентичности у студентов психолого-педагогического направления подготовки проведено в 2023 г. на базе российских вузов. Всего в исследовании приняли участие 160 человек, из них 20 (12,5%) — мужчины и 140 (87,5%) — женщины. С помощью диагностических методик, использованных в данном исследовании (опросник «Профессиональная идентичность студентов» (А.А. Озерина) [7], опросник «Карьерные ориентации» (Э.Г. Шейн, в адаптации А.А. Жданович) [2], опросник «Шкалы академической мотивации» (ШАМ, Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин) [1], опросник рефлексивности (А.В. Карпов) [3], опросник самоорганизации деятельности (ОСД, Е.Ю. Мандрикова) [5]), получены обширные эмпирические данные.

В результате анализа эмпирических данных с помощью критерия Манна—Уитни выявлены значимые различия ряда показателей.

У студентов-бакалавров 4-го курса повышен показатель общего уровня самоорганизации по сравнению с бакалаврами 2-го курса ($U = 411,5$; $p = 0,047$) и 3-го курса ($U = 161$; $p = 0,02$), что проявляется в способности ставить более четкие цели и эффективно использовать различные средства для их реализации, а также в более высокой исполнительности и уверенности в своих силах. Хотя статистически значимые различия между общими показателями сформированности и зрелости у студентов бакалавриата не были выявлены, высокий уровень самоорганизации может стать основой для дальнейшего формирования профессиональной идентичности. Согласно ряду зарубежных исследований, эффективность своей деятельности и уверенность в своем успехе имеет прямую связь с профессиональной идентичностью [16; 38, 43]. В исследовании профессиональной идентичности 198 студентов-медсестер Х. Эрен, А. Туркмен (H. Eren, A. Turkmen) с помощью анкет личной информации, опросника «Шкала взаимодействия заботливой медсестры с пациентом» (CNPIS) и опросника «Шкала самооценки-достаточности» (SES) показано, что адекватная самооценка и самооценочность-достаточность смогут обеспечить более эффективную профессиональную деятельность [16]. В работе Сяо Мэй (X. Mei, H. Wang, X. Wu, J. Wu, Y. Lu, Z. Ye.) представлены результаты исследования профессиональной идентичности в контексте самооценки. К исследованию привлечены 1051 студент-первокурсник сестринского дела. С помощью проведения латентного профиля и модерированного медитативного анализа авторы исследования получили результаты, которые позволили им сделать вывод о том, что уверенность в своих возможностях укрепляет психологическую устойчивость, что также способствует успешному формированию профессиональной идентичности [38]. В работе Т. Цю, Ч. Лю, Х. Хуана, Ш. Ян, Чж. Гу и др. (T. Qiu, C. Liu, H. Huang, S. Yang, Z. Gu, et al.) показаны результаты перекрестного исследования посреднической роли психологического капитала в связи между насилием на рабочем месте и профессиональной идентичностью. В исследовании приняли участие 1200 врачей, но анализ данных, полученных с помощью Шкалы насилия на рабочем месте (WVS), Шкалы профессиональной идентичности (OIS), Опросника психологического капитала (PCQ), а также вопросов о демографических характеристиках, осуществлялся только на ответах 995 врачей. Анализ результатов позволил авторам сделать вывод о том, что для повышения уровня профессиональной идентичности следует принимать позитивные вмешательства, нацеленные на усиление психологического капитала (PsyCap), с акцентом на самооценочность [43].

Различия в степени сформированности профессиональной идентичности зафиксированы у студентов

2-го курса магистратуры по сравнению со студентами-бакалаврами 2-го курса ($U = 189,5$; $p < 0,01$), 3-го курса ($U = 70$; $p < 0,01$) и 4-го курса ($U = 53$; $p = 0,02$) и магистрантами 1-го курса ($U=100$; $p=0,03$), и в каждом случае эти различия сопряжены с изменениями в уровнях академической мотивации студентов. У магистрантов 2-го курса по сравнению с другими группами студентов наблюдается повышенный уровень внутренней мотивации (в первую очередь познавательной) и снижение экстернальной мотивации и амотивации. В работе А. Финдьяртини и др. (A. Findyartini, N. Greviana, E. Felaza, et al.), посвященной формированию профессиональной идентичности, реализованной с участием студентов-медиков (2-й, 4-й и 6-й курсы) и аспирантов-медиков и/или ординаторов (2—3-й годы обучения), с помощью адаптированного опросника «Шкала для оценки формирования медицинской профессиональной идентичности», разработанного М. Тагава (M. Tagawa), получены результаты, позволившие авторам исследования говорить о значительной роли мотивации в процессе формирования профессиональной идентичности, о необходимости специальной работы для создания условий, при которых учебная и профессиональная мотивация у студентов будет укрепляться и способствовать процессу развития профессиональной идентичности [33]. В. Васитьястуги и др. (W. Wasityastuti), исследуя связь академической мотивации и профессиональной идентичности у 531 студента-медика на раннем, среднем и позднем этапах обучения на медицинском факультете с помощью шкалы академической мотивации Валлерана и шкалы профессиональной идентичности Адамса, не фиксируют значимых различий по внутренней мотивации на разных этапах обучения, отмечая при этом повышение баллов по шкале академической мотивации в зависимости от продолжительности обучения; также авторы определяют, что «...внутренняя и внешняя мотивация положительно коррелируют с профессиональной идентичностью, в то время как отсутствие мотивации отрицательно коррелирует с профессиональной идентичностью» [15]. Контекст текущего исследования позволяет изучить различия в мотивации у студентов в Российской системе образования и зафиксировать значительный рост внутренней мотивации у студентов магистратуры 2-го курса по сравнению со студентами других курсов. Так, познавательная мотивация, а также мотивация достижения и саморазвития у студентов 2-го курса магистратуры выше, чем у студентов 2-го курса бакалавриата ($(U = 171,5$; $p < 0,01$), ($U = 248,5$; $p = 0,003$), ($U = 275,5$; $p = 0,007$) соответственно), 3-го курса бакалавриата ($(U = 101$; $p < 0,003$), ($U = 116,5$; $p = 0,009$), ($U = 117,5$; $p = 0,009$) соответственно), 4-го курса бакалавриата ($(U = 49,5$; $p < 0,002$), ($U = 65$; $p = 0,11$), ($U = 67,5$; $p = 0,14$) соответственно). Познавательная мотивация у магистрантов 2-го курса по сравнению с магистрантами 1-го курса также имеет статистически более высокие показатели ($U = 86$; $p = 0,09$).

Полученные результаты не противоречат исследованию В. Васитьястути и др. (W. Wasityastuti) и, с оговорками в области различий образовательных систем, подтверждают и дополняют полученные в зарубежном исследовании данные. Р. Маннерстрем, А. Хаарала-Мухонен, А. Парпала, Т. Хайликари, К. Салмела-Аро (R. Mannerström, A. Haarala-Muhonen, A. Parpala, T. Hailikari, K. Salmela-Aro), изучив связи между профилями идентичности, мотивами посещения университета и учебным выгоранием в выборке финских студентов-первокурсников (N = 430), с помощью онлайн-анкеты HowULearn, разработанной А. Парпала и С. Линдблом-Илянне (A. Parpala, C. Lindblom-Ylännö), показали, что большинству студентов не хватает сформированности профессиональной идентичности и что показатели идентичности могут быть более подходящими для прогнозирования прогресса в учебе и благополучия, чем мотивы для посещения университета или занятия определенной областью исследований [23].

Также, согласно полученным данным, непосредственный опыт работы по специальности имеют 56% магистрантов 1-го курса и 66% магистрантов 2-го курса. В работе М. Томлинсона и Д. Джексона (M. Tomlinson, D. Jackson), посвященной формированию профессиональной идентичности в высшем образовании, реализовано исследование с участием 433 австралийских и британских студентов высших учебных заведений. Результаты исследования позволили авторам определить, что одним из потенциальных подходов к стимулированию развития профессиональной идентичности является вовлечение студентов в непосредственную трудовую деятельность путем стажировок, трудоустройства, практических занятий или проектов. Подобная активность повышает осведомленность и близость студентов к профессии, что, как подчеркивает автор, наиболее значимо для студентов в сфере медицины и образования [44]. Работа Л. Карвальо и др. (L. Carvalho и др.) является примером исследования, в котором опыт работы в процессе обучения становится одним из ключевых факторов при формировании профессиональной идентичности. В исследовании с участием 2291 студента в возрасте от 19 до 64 лет, изучающих гуманитарные науки, науки о жизни, точные, технологические и мультидисциплинарные науки, рассматривается ситуация не только работы по своей специальности, но и за ее пределами: не работают; работают в области, связанной с их обучением; работают в области, не связанной с их обучением. Авторы исследования, составив и проанализировав семантические сети этих групп, составленные из слов, произнесенных в прайме профессиональной идентичности, определили, что «...опыт работы играет важную роль в значениях, которые студенты бакалавриата приписывают профессиональной идентичности»; именно работа по своей специальности во время обучения способствует укреплению профессиональной идентичности, в то время как работа за пределами специальности заставляет студентов давать более негативные ответы

на вопросы, связанные с профессиональной идентичностью [31]. Д. Фальгарес, Г. Венза, Ч. Гуарначчия (G. Falgares, G. Venza, C. Guarnaccia) в своем исследовании развития профессиональной идентичности посредством группового эмпирического обучения, где принимали участие 88 студентов, обучающихся по программе магистратуры «Клиническая психология», с помощью анализа 176 текстов, написанных студентами в свободной форме до и после проведения экспериментальных групп, установили, что наличие личных качеств или способностей (таких как чувствительность и/или эмпатия) недостаточно для того, чтобы стать профессиональным психологом; также они подчеркивают необходимость практики учебных мероприятий, направленных на развитие представлений о профессии и профессиональной идентичности [18]. Л. Робертс, Д. Форман (L. Roberts, D. Forman, 2014) в исследовании межпрофессионального образования для студентов-психологов 1-го курса и его воздействия на карьерные планы, восприятие значимости и отношение к делу с участием 188 студентов-психологов, обучающихся по программам бакалавриата, с помощью онлайн-анкеты, заполненной студентами после первого года обучения, показано, что отношение студентов-психологов к межпрофессиональному образованию связано с профессиональной идентификацией и ориентацией на практику, полностью опосредованными через восприятие значимости данного образования для будущей карьеры и учебных планов [36].

В качественном исследовании формирования профессиональной идентичности А. Сондей (A. Sunday), проводившемся с участием студентов факультетов трудотерапии, физиотерапии и коммуникативных наук в течение четырех лет, отмечается, что профессиональная идентичность формируется на протяжении периода времени, выходящего за рамки обучения в высшем учебном заведении, и связана в том числе с личностной идентичностью. Таким образом, даже при условии создания благоприятных и общих для всех условий обучения в высшем учебном заведении, процесс формирования профессиональной идентичности у студентов будет протекать по-разному в зависимости от индивидуальной позиции и опыта [39]. Указанные особенности являются еще одним возможным объяснением различий в профессиональной идентичности у разных групп респондентов. Это подчеркивает необходимость выяснения не только наличия или отсутствия опыта работы у испытуемых в исследованиях, связанных с профессиональной идентичностью, но и конкретных обстоятельств, направлений и продолжительности профессионального опыта.

Заключение

Анализ зарубежных научных исследований, посвященных изучению профессиональной идентичности студентов, показал, что данная тема актуальна для

мирового научного сообщества. Исследования реализуются в различных странах: Китае, Австралии, Финляндии, Великобритании, Германии, США, Бразилии, Канаде, Турции, Сингапуре, Африке, Бельгии, Испании, Нидерландах, Италии, Польше, Мексике, Индонезии. Наибольший интерес исследователей вызывает изучение профессиональной идентичности у студентов, обучающихся на медицинских факультетах высших учебных заведений. Исследования разнообразны и представляют собой как эмпирические, экспериментальные, так и теоретические (обзор предметного поля) исследования.

Сравнительный анализ, результатов исследования, реализованного с участием российских студентов, и результатов исследований, представленных в зарубежной литературе, позволил определить общие тенденции развития профессиональной идентичности у студентов разных курсов и ступеней высшего образования.

- Высокий уровень профессиональной идентичности характерен для студентов второй ступени высшего образования. На поздних этапах обучения студенты начинают более осознанно воспринимать свою профессиональную роль и идентифицировать себя с выбранной профессией; на этом этапе студенты активно формируют свои представления о будущей карьере и начинают интегрировать полученные знания и навыки в свою профессиональную идентичность.

- Отмечается связь профессиональной идентичности и академической мотивации. Высокая мотивация к обучению способствует более глубокому вовлечению студентов в процесс формирования их профессиональной идентичности. Студенты с высокой академической мотивацией чаще участвуют в практической деятельности и профессиональных проектах, что способствует укреплению их идентичности.

- Создание условий для развития профессиональной идентичности через активные формы обучения и вовлечение студентов в практическую деятельность может значительно повысить их академическую мотивацию и готовность к будущей профессиональной деятельности. Это соответствует современным подходам в зарубежных исследованиях, которые акцентируют внимание на необходимости интеграции теоретических знаний и практических навыков.

- Отмечается связь профессиональной идентичности и самоорганизации/самоэффективности студен-

тов. Уверенность в своих возможностях, самоорганизация, самоэффективность укрепляют психологическую устойчивость, что способствует успешному формированию профессиональной идентичности.

Данное исследование имеет несколько ограничений, которые следует учитывать. Во-первых, в зарубежных источниках недостаточно представлено исследований, касающихся профессиональной идентичности студентов психолого-педагогического направления подготовки на различных этапах их образования. Это ограничивает возможность сопоставления полученных данных с международными результатами и выработки универсальных выводов. Во-вторых, в нашем исследовании использовались опросники как основной метод сбора данных, тогда как в зарубежных исследованиях часто применяются интервью и case-study. Разные методы могут влиять на глубину и качество получаемой информации, что также может сказаться на интерпретации результатов. В-третьих, стоит отметить, что выборка студентов может не полностью отражать разнообразия направлений в психолого-педагогическом образовании. Это ограничение может привести к недостаточной репрезентативности полученных результатов и их применимости к более широкому контексту.

Несмотря на указанные ограничения, данное исследование открывает новые перспективы для дальнейших исследований в области профессиональной идентичности студентов. Одним из возможных направлений является проведение междисциплинарных исследований, которые объединяют психологические, педагогические и социологические подходы для более глубокого понимания процессов формирования профессиональной идентичности. Адаптация современных зарубежных методик — это доступный способ получить более детализированные данные о формировании профессиональной идентичности студентов и выявить ключевые факторы, влияющие на этот процесс. Важно рассмотреть возможность проведения долгосрочных исследований, которые отслеживают изменения в профессиональной идентичности студентов на протяжении их обучения и в последующей профессиональной деятельности. Это позволит выявить динамику развития идентичности и разработать рекомендации по ее поддержке и развитию на различных этапах образовательного процесса.

Литература

1. Гордеева Т.О., Сычев Е.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Том 35. № 4. С. 98—109.
2. Жданович А.А. Карьерные ориентации в структуре профессиональной Я-концепции студентов: дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 277 с.
3. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Том 24. № 5. С. 45—57.
4. Корчагин Е.Н. Профессиональная идентичность: обзор зарубежных исследований // Педагогика и психология образования. 2023. № 1. С. 190—203. DOI:10.31862/2500-297X-2023-1-190-203

5. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87—111.
6. Налиткина О.В. Цифровизация высшего образования с позиции формирования у студентов основ профессиональной идентичности // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 335—341. DOI:10.26163/GIEF.2024.97.10.047
7. Озерина А.А. Профессиональная идентичность студентов бакалавриата: дис. ... канд. психол. наук. Волгоград, 2012. 215 с.
8. Ховайло О.В., Косаревская Т.Е. Профессиональная идентичность будущих специалистов профессий помогающего типа // Право. Экономика. Психология. 2021. № 1(21). С. 85—88.
9. Ховайло О.В., Ховайло В.А. Профессиональная идентичность практикующих врачей ветеринарной медицины // Тенденции развития ветеринарной хирургии: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию кафедры общей, частной и оперативной хирургии УО ВГАВМ: Витебск, 03—04 ноября 2021 года. Витебск: Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины, 2021. С. 142—146.
10. A Scoping Review of Professional Identity Formation in Undergraduate Medical Education / S. Sarraf-Yazdi, Y.N. Teo, A.E.H. How [et al.] // Journal of General Internal Medicine. 2021. Vol. 36. P. 3511—3521. DOI:10.1007/s11606-021-07024-9
11. Ashforth B.E., Harrison S.H., Corley K.G. Identification in Organizations: An Examination of Four Fundamental Questions // Journal of Management. 2008. Vol. 34. № 3. P. 325—374. DOI:10.1177/0149206308316059
12. Carter S. ePortfolios as a Platform for Evidencing Employability and Building Professional Identity: A Literature Review // International Journal of Work-Integrated Learning. 2021. Vol. 22. № 4. P. 463—474.
13. Caza B.B., Creary S.J. The construction of professional identity // Perspectives on contemporary professional work: Challenges and experiences / Eds. A. Wilkinson, D. Hislop, C. Coupland. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016. P. 259—285. DOI:10.4337/9781783475582.00022
14. Chen C.P. Career Self-determination Theory // Psychology of Career Adaptability Employability and Resilience / Ed. K. Maree. Berlin: Springer, 2017. P. 329—347. DOI:10.1007/978-3-319-66954-0_20
15. Correlation between academic motivation and professional identity in medical students in the Faculty of Medicine of the Universitas Gadjah Mada Indonesia / W. Wasityastuti, Y.P. Susani, Y.S. Prabandari, G.R. Rahayu // Educación Médica. 2018. Vol. 19. № 1. P. 23—29. DOI:10.1016/j.edumed.2016.12.010
16. Eren H., Turkmen A.S. The relation between nursing students' levels of self-efficacy and caring nurse-patient interaction: a descriptive study // Contemporary Nurse. 2020. Vol. 56. № 2. P. 185—198. DOI:10.1080/10376178.2020.1782763
17. Exploring the role of professional identity in the implementation of clinical decision support systems — a narrative review / S. Ackerhans, T. Huynh, C. Kaiser, C. Schultz // Implementation Science. 2024. Vol. 19. Article ID 11. 29 p. DOI:10.1186/s13012-024-01339-x
18. Falgares G., Venza G., Guarnaccia C. Learning Psychology and Becoming Psychologists: Developing Professional Identity through Group Experiential Learning / Psychology Learning & Teaching. 2017. Vol. 16. № 2. P. 232—247. DOI:10.1177/1475725717695148
19. Fitzgerald A. Professional identity: A concept analysis // Nursing Forum. 2020. Vol. 55. № 3. P. 447—472. DOI:10.1111/NUF.12450
20. Gierszewski J., Pieczywok A. Bezpieczeństwo kulturowe człowieka w dobie kryzysu jego tożsamości. Warszawa: Difin, 2022. 284 p.
21. Hernandez D. Examining the Effects of Reflection on Professional Identity Development in Community College Preservice Teachers: A dissertation submitted to the Graduate Faculty in Educational Psychology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. New York, 2020. 123 p.
22. Identidad profesional docente en la formación universitaria: una revisión sistemática de estudios cualitativos / D. Cuadra-Martínez, P.J. Castro-Carrasco, C. Oyanadel, I.N. González-Palta // Formación Universitaria. 2021. Vol. 14. № 4. P. 79—92. DOI:10.4067/s0718-50062021000400079
23. Identity profiles, motivations for attending university and study-related burnout: differences between Finnish students in professional and non-professional fields / R. Mannerström, A. Haarala-Muhonen, A. Parpala, T. Hailikari, K. Salmela-Aro // European Journal of Psychology of Education. 2024. Vol. 39. P. 651—669. DOI:10.1007/s10212-023-00706-4
24. Interventions to improve nurses' job satisfaction: A systematic review and meta-analysis / J. Niskala, O. Kanste, M. Tomietto, J. Miettunen, A.-M. Tuomikoski, H. Kyngäs, K. Mikkonen // The Journal of Advanced Nursing. 2020. Vol. 76. № 7. P. 1498—1508. DOI:10.1111/jan.14342
25. Jussupow E., Spohrer K., Heinzl A. Identity Threats as a Reason for Resistance to Artificial Intelligence: Survey Study With Medical Students and Professionals // JMIR Formative Research. 2022. Vol. 6. № 3. Article ID e28750. 15 p. DOI:10.2196/28750
26. Kratzke C., Cox C. Pedagogical Practices Shaping Professional Identity in Public Health Programs // Pedagogy in Health Promotion. 2021. Vol. 7. № 3. P. 169—176. DOI:10.1177/2373379920977539

27. *Lozoya Meza E., Ocampo Reyes E.A.* Estrategias para la formación de investigadores en investigación educativa // Procesos formativos en la investigación educativa: Diálogos, reflexiones, convergencias y divergencias / Ed. D.M.A. Franco. Mexico: Chihuahua Rediech, 2019. P. 141—174.
28. *Luft T., Roughley R.* Engaging the reflexive self: The role of reflective practice for supporting professional identity development in graduate students // Supporting the success of adult and online students: Proven practices in higher education / Eds. K. Flores, K. Kirstein, C. Schieber, S. Olswang. Scotts Valley: Create Space Independent Publishing Platform, 2016. P. 53—62.
29. *Morales Escobar I. del R., Taborda Caro M.A.* La investigación biográfica narrativa: significados y tendencias en la indagación de la identidad profesional docente // Folios. 2020. Vol. 53. P. 171—182. DOI:10.17227/folios.53-11257
30. Performativity, Identity Formation and Professionalism: Ethnographic Research to Explore Student Experiences of Clinical Simulation Training / T. Jowsey, L. Petersen, C. Mysko [et al.] // Plos One. 2020. Vol. 15(7). Article ID e0236085. 16 p. DOI:10.1371/journal.pone.0236085
31. Professional identity and experience of undergraduate students: an analysis of semantic networks / L. Carvalho, E.M.B. Amorim-Ribeiro, M.V. Cunha, L. Mourão // Psicologia: Reflexão e Crítica. 2021. Vol. 34. Article ID 14. 13 p. DOI:10.1186/s41155-021-00179-8
32. Professional Identity and Self-Regulated Learning: The Mediating Role of Intrinsic Motivation and the Moderating Role of Sense of School Belonging / L. Xu, P. Duan, L. Ma, S. Dou // Sage Open. 2023. Vol. 13. № 2. 11 p. DOI:10.1177/21582440231177034
33. Professional identity formation of medical students: A mixed-methods study in a hierarchical and collectivist culture / A. Findyartini, N. Greviana, E. Felaza, M. Faruqi, T. Zahratul Afifah, M. Auliya Firdausy // BMC Medical Education. 2022. Vol. 22. Article ID 443. 14 p. DOI:10.1186/s12909-022-03393-9
34. Professional Identity Formation: Linking Meaning to Well-Being / D. Toubassi, C. Schenker, M. Roberts, M. Forte // Advances in Health Sciences Education. 2023. Vol. 28. P. 305—318. DOI:10.1007/s10459-022-10146-2
35. Professional identity, a neglected core concept of professional development / T.P.A. Oeffelt, M.C.P. Ruijters, A.A.J.C. van Hees, P.R.-J. Simons // Identity as a Foundation for Human Resource Development / Eds. K. Black, R. Warhurst, S. Corlett. New York: Routledge, 2017. P. 237—252. DOI:10.4324/9781315671482-16
36. *Roberts L.D., Forman D.* Interprofessional education for first year psychology students: career plans, perceived relevance and attitudes // Journal of Interprofessional Care. 2015. Vol. 29. № 3. P. 188—194. DOI:10.3109/13561820.2014.967754
37. *Scott C.R.* Identification with Multiple Targets in a Geographically Dispersed Organization // Management Communication Quarterly. 1997. Vol. 10. № 4. P. 491—522. DOI:10.1177/0893318997104004
38. Self-Efficacy and Professional Identity Among Freshmen Nursing Students: A Latent Profile and Moderated Mediation Analysis / X.X. Mei, H.Y. Wang, X.N. Wu, J.Y. Wu, Y.Z. Lu, Z.J. Ye // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article ID 779986. 8 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.779986
39. *Sonday A.* Shaping professional identity: a descriptive qualitative study on Health and Rehabilitation final year students in higher education // South African Journal of Occupational Therapy. 2021. Vol. 51. № 2. P. 49—54. DOI:10.17159/2310-3833/2021/vol51n2a7
40. *Stull C.L., Blue C.M.* Examining the influence of professional identity formation on the attitudes of students towards interprofessional collaboration // Journal of Interprofessional Care. 2016. Vol. 30. № 1. P. 90—96. DOI:10.3109/13561820.2015.1066318
41. *Super D.E.* Vocational Development: A Framework of Research. New York, 1957. 391 p.
42. The impact of digital technology use on nurses' professional identity and relations of power: a literature review / M. Knop, M. Mueller, S. Kaiser, C. Rester // Journal of Advanced Nursing. 2024. Vol. 80. № 11. P. 4346—4360. DOI:10.1111/jan.16178
43. The mediating role of psychological capital on the association between workplace violence and professional identity among Chinese doctors: a cross-sectional study / T. Qiu, C. Liu, H. Huang, S. Yang, Z. Gu, F. Tian, H. Wu // Psychology Research and Behavior Management. 2019. Vol. 12. P. 209—217. DOI:10.2147/prbm.s198443
44. *Tomlinson M., Jackson D.* Professional Identity Formation in Contemporary Higher Education Students // Studies in Higher Education. 2021. Vol. 46. № 4. P. 885—900. DOI:10.1080/03075079.2019.1659763
45. *Verbruggen M., De Vos A.* When People Don't Realize Their Career Desires: Toward a Theory of Career Inaction // Academy of Management Review. 2019. Vol. 45. № 2. P. 376—394. DOI:10.5465/amr.2017.0196

References

1. Gordeeva T.O., Sychev E.A., Osin E.N. Oprosnik «Shkaly akademicheskoi motivatsii» [Academic Motivation Scales Questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2014. Vol. 35, no. 4, pp. 98—109. (In Russ.).
2. Zhdanovich A.A. Kar'ernye orientatsii v strukture professional'noi Ya-kontseptsii studentov. Diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk [Career orientations in the structure of students' professional self-concept. Dissertation for the degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2008. 277 p. (In Russ.).

3. Karpov A.V. Refleksivnost' kak psikhicheskoe svoistvo i metodika ee diagnostiki [Reflectiveness as a Mental Quality and the Method to Diagnose it]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2003. Vol. 24, no. 5, pp. 45—57. (In Russ.).
4. Korchagin E.N. Professional'naya identichnost': obzor zarubezhnykh issledovaniy [Professional Identity: The Review of Research]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya [Pedagogy and educational psychology]*, 2023, no. 1, pp. 190—203. DOI:10.31862/2500-297X-2023-1-190-203 (In Russ.).
5. Mandrikova E.Yu. Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatelnosti [Development of a questionnaire for self-organization of activities]. *Psikhologicheskaya diagnostika [Psychological diagnostics]*, 2010, no. 2, pp. 87—111. (In Russ.).
6. Nalitkina O.V. Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya s pozitsii formirovaniya u studentov osnov professional'noi identichnosti [Digitalization of Higher Education from the Point of View of Professional Identity Development]. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*, 2024, no. 1, pp. 335—341. DOI:10.26163/GIEF.2024.97.10.047 (In Russ.).
7. Ozerina A.A. Professional'naya identichnost' studentov bakalavriata [Professional identity of undergraduate students]: Diss. na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk. Volgograd, 2012. 215 p. (In Russ.).
8. Khovailo O.V., Kosarevskaya T.E. Professional'naya identichnost' budushchikh spetsialistov professii pomogayushchego tipa [Professional Identity of Would-Be Specialists in Helping Professions]. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya [Right. Economy. Psychology]*, 2021, no. 1 (21), pp. 85—88. (In Russ.).
9. Khovailo O.V., Khovailo V.A. Professional'naya identichnost' praktikuyushchikh vrachei veterinarnoi meditsiny [Professional identity of veterinary medicine practitioners]. *Tendentsii razvitiya veterinarnoi khirurgii [Trends in the development of veterinary surgery]: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu kafedry obshchei, chastnoi i operativnoi khirurgii UO VGAVM: g. Vitebsk, 03—04 noyabrya 2021 goda*. Vitebsk: Vitebskaya ordena «Znak Pocheta» gosudarstvennaya akademiya veterinarnoi meditsiny, 2021, pp. 142—146. (In Russ.).
10. Sarraf-Yazdi S., Teo Y.N., How A.E.H. et al. A Scoping Review of Professional Identity Formation in Undergraduate Medical Education. *Journal of General Internal Medicine*, 2021. Vol. 36, pp. 3511—3521. DOI:10.1007/s11606-021-07024-9
11. Ashforth B.E., Harrison S.H., Corley K.G. Identification in Organizations: An Examination of Four Fundamental Questions. *Journal of Management*, 2008. Vol. 34, no. 3, pp. 325—374. DOI:10.1177/0149206308316059
12. Carter S. ePortfolios as a Platform for Evidencing Employability and Building Professional Identity: A Literature Review. *International Journal of Work-Integrated Learning*, 2021. Vol. 22, no. 4, pp. 463—474.
13. Caza B.B., Creary S.J. The construction of professional identity. In Wilkinson A., Hislop D., Coupland C. (eds.), *Perspectives on contemporary professional work: Challenges and experiences*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2016, pp. 259—285. DOI:10.4337/9781783475582.00022
14. Chen C.P. Career Self-determination Theory. In Maree K. (ed.), *Psychology of Career Adaptability Employability and Resilience*. Berlin: Springer, 2017, pp. 329—347. DOI:10.1007/978-3-319-66954-0_20
15. Wasityastuti W., Susani Y.P., Prabandari Y.S., Rahayu G.R. Correlation between academic motivation and professional identity in medical students in the Faculty of Medicine of the Universitas Gadjah Mada Indonesia. *Educación Médica*, 2018. Vol. 19, no. 1, pp. 23—29. DOI:10.1016/j.edumed.2016.12.010
16. Eren H., Turkmen A.S. The relation between nursing students' levels of self-efficacy and caring nurse-patient interaction: a descriptive study. *Contemporary Nurse*, 2020. Vol. 56, no. 2, pp. 185—198. DOI:10.1080/10376178.2020.1782763
17. Ackerhans S., Huynh T., Kaiser C., Schultz C. Exploring the role of professional identity in the implementation of clinical decision support systems — a narrative review. *Implementation Science*, 2024. Vol. 19, article ID 11. 29 p. DOI:10.1186/s13012-024-01339-x
18. Falgares G., Venza G., Guarnaccia C. Learning Psychology and Becoming Psychologists: Developing Professional Identity through Group Experiential Learning. *Psychology Learning & Teaching*, 2017. Vol. 16, no. 2, pp. 232—247. DOI:10.1177/1475725717695148
19. Fitzgerald A. Professional identity: A concept analysis. *Nursing Forum*, 2020. Vol. 55, no. 3, pp. 447—472. DOI:10.1111/NUF.12450
20. Gierszewski J., Pieczywok A. Bezpieczeństwo kulturowe człowieka w dobie kryzysu jego tożsamości. Warszawa: Difin, 2022. 284 p.
21. Hernandez D. Examining the Effects of Reflection on Professional Identity Development in Community College Preservice Teachers. A dissertation submitted to the Graduate Faculty in Educational Psychology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. New York, 2020. 123 p.
22. Cuadra-Martínez D., Castro-Carrasco P.J., Oyanadel C., González-Palta I.N. Identidad profesional docente en la formación universitaria: una revisión sistemática de estudios cualitativos. *Formación Universitaria*, 2021. Vol. 14, no. 4, pp. 79—92. DOI:10.4067/s0718-50062021000400079
23. Mannerström R., Haarala-Muhonen A., Parpala A., Hailikari T., Salmela-Aro K. Identity profiles, motivations for attending university and study-related burnout: differences between Finnish students in professional and non-professional fields. *European Journal of Psychology of Education*, 2024. Vol. 39, pp. 651—669. DOI:10.1007/s10212-023-00706-4

24. Niskala J., Kanste O., Tomietto M., Miettunen J., Tuomikoski A.-M., Kyngäs H., Mikkonen K. Interventions to improve nurses' job satisfaction: A systematic review and meta-analysis. *The Journal of Advanced Nursing*, 2020. Vol. 76, no. 7, pp. 1498—1508. DOI:10.1111/jan.14342
25. Jussupow E., Spohrer K., Heinzl A. Identity Threats as a Reason for Resistance to Artificial Intelligence: Survey Study With Medical Students and Professionals. *JMIR Formative Research*, 2022. Vol. 6, no. 3, article ID e28750. 15 p. DOI:10.2196/28750
26. Kratzke C., Cox C. Pedagogical Practices Shaping Professional Identity in Public Health Programs. *Pedagogy in Health Promotion*, 2021. Vol. 7, no. 3, pp. 169—176. DOI:10.1177/2373379920977539
27. Lozoya Meza E., Ocampo Reyes E.A. Estrategias para la formación de investigadores en investigación educativa. In Franco D.M.A. (ed.), *Procesos formativos en la investigación educativa: Diálogos, reflexiones, convergencias y divergencias*. Mexico: Chihuahua Rediech, 2019, pp. 141—174.
28. Luft T., Roughley R. Engaging the reflexive self: The role of reflective practice for supporting professional identity development in graduate students. In Flores K., Kirstein K., Schieber C., Olswang S. (eds.), *Supporting the success of adult and online students: Proven practices in higher education*. Scotts Valley: Create Space Independent Publishing Platform, 2016, pp. 53—62.
29. Morales Escobar I. del R., Taborda Caro M.A. La investigación biográfica narrativa: significados y tendencias en la indagación de la identidad profesional docente. *Folios*, 2020. Vol. 53, pp. 171—182. DOI:10.17227/folios.53-11257
30. Jowsey T., Petersen L., Mysko C. et al. Performativity, Identity Formation and Professionalism: Ethnographic Research to Explore Student Experiences of Clinical Simulation Training. *Plos One*, 2020. Vol. 15(7), article ID e0236085. 16 p. DOI:10.1371/journal.pone.0236085
31. Carvalho L., Amorim-Ribeiro E.M.B., Cunha M.V., Mourão L. Professional identity and experience of undergraduate students: an analysis of semantic networks. *Psicologia: Reflexão e Crítica*, 2021. Vol. 34, article ID 14, 13 p. DOI:10.1186/s41155-021-00179-8
32. Xu L., Duan P., Ma L., Dou S. Professional Identity and Self-Regulated Learning: The Mediating Role of Intrinsic Motivation and the Moderating Role of Sense of School Belonging. *Sage Open*, 2023. Vol. 13, no. 2, 11 p. DOI:10.1177/21582440231177034
33. Findyartini A., Greviana N., Felaza E., Faruqi M., Zahratul Afifah T., Auliya Firdausy M. Professional identity formation of medical students: A mixed-methods study in a hierarchical and collectivist culture. *BMC Medical Education*, 2022. Vol. 22, article ID 443, 14 p. DOI:10.1186/s12909-022-03393-9
34. Toubassi D., Schenker C., Roberts M., Forte M. Professional Identity Formation: Linking Meaning to Well-Being. *Advances in Health Sciences Education*, 2023. Vol. 28, pp. 305—318. DOI:10.1007/s10459-022-10146-2
35. Oeffelt T.P.A., Ruijters M.C.P., van Hees A.A.J.C., Simons P.R.-J. Professional identity, a neglected core concept of professional development. In Black K., Warhurst R., Corlett S. (eds.), *Identity as a Foundation for Human Resource Development*. New York: Routledge, 2017, pp. 237—252. DOI:10.4324/9781315671482-16
36. Roberts L.D., Forman D. Interprofessional education for first year psychology students: career plans, perceived relevance and attitudes. *Journal of Interprofessional Care*, 2015. Vol. 29, no. 3, pp. 188—194. DOI:10.3109/13561820.2014.967754
37. Scott C.R. Identification with Multiple Targets in a Geographically Dispersed Organization. *Management Communication Quarterly*, 1997. Vol. 10, no. 4, pp. 491—522. DOI:10.1177/0893318997104004
38. Mei X.X., Wang H.Y., Wu X.N., Wu J.Y., Lu Y.Z., Ye Z.J. Self-Efficacy and Professional Identity Among Freshmen Nursing Students: A Latent Profile and Moderated Mediation Analysis. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 779986, 8 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.779986
39. Sondag A. Shaping professional identity: a descriptive qualitative study on Health and Rehabilitation final year students in higher education. *South African Journal of Occupational Therapy*, 2021. Vol. 51, no. 2, pp. 49—54. DOI:10.17159/2310-3833/2021/vol51n2a7
40. Stull C.L., Blue C.M. Examining the influence of professional identity formation on the attitudes of students towards interprofessional collaboration. *Journal of Interprofessional Care*, 2016. Vol. 30, no. 1, pp. 90—96. DOI:10.3109/13561820.2015.1066318
41. Super D.E. Vocational Development: A Framework of Research. New York, 1957. 391 p.
42. Knop M., Mueller M., Kaiser S., Rester C. The impact of digital technology use on nurses' professional identity and relations of power: a literature review. *Journal of Advanced Nursing*, 2024. Vol. 80, no. 11, pp. 4346—4360. DOI:10.1111/jan.16178
43. Qiu T., Liu C., Huang H., Yang S., Gu Z., Tian F., Wu H. The mediating role of psychological capital on the association between workplace violence and professional identity among Chinese doctors: a cross-sectional study. *Psychology Research and Behavior Management*, 2019. Vol. 12, pp. 209—217. DOI:10.2147/prbm.s198443
44. Tomlinson M., Jackson D. Professional Identity Formation in Contemporary Higher Education Students. *Studies in Higher Education*, 2021. Vol. 46, no. 4, pp. 885—900. DOI:10.1080/03075079.2019.1659763

45. Verbruggen M., De Vos A. When People Don't Realize Their Career Desires: Toward a Theory of Career Inaction. *Academy of Management Review*, 2019. Vol. 45, no. 2, pp. 376—394. DOI:10.5465/amr.2017.0196

Информация об авторах

Корчагин Евгений Николаевич, магистр психолого-педагогического образования, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7836-641X>, e-mail: mocworks@gmail.com

Лобанова Анна Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии имени профессора В.А. Гуружапова» факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-8647>, e-mail: lobanovaav@mgppu.ru

Information about the authors

Evgeny N. Korchagin, Master of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7836-641X>, e-mail: mocworks@gmail.com

Anna V. Lobanova, PhD in Psychology, assistant professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-8647>, e-mail: lobanovaav@mgppu.ru

Получена 05.06.2024

Received 05.06.2024

Принята в печать 25.09.2024

Accepted 25.09.2024

Мягкие навыки: концепции, проблемы, исследования

Авдеева Н.Н.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru*

Кочетова Ю.А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru*

Климакова М.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru*

В данной работе представлено понятие «мягкие навыки». В статье рассматриваются материалы изучения концепций, проблем, исследований мягких навыков в профессиональной среде. Тема мягких навыков крайне актуальна, и российские, и зарубежные студенты неточно представляют, что такое мягкие навыки, что может объясняться тем, что в настоящее время нет единого подхода к их пониманию. Целью изучения данной проблемы является обзор концепций, проблем и исследований на тему мягких навыков в зарубежной и отечественной научной литературе. Полученные результаты дают возможность говорить о том, что мягкие навыки — широкое понятие и не включает в себя строго определенный перечень качеств или способностей. Приводятся свидетельства того, что к мягким навыкам исследователи относят разный набор способностей, при этом для разных профессиональных сфер разные способности будут наиболее значимыми. Отдельно можно выделить такие способности, как: коммуникативные навыки, лидерская позиция, навыки принятия решений, ответственность, эмпатия, самооценка, критическое мышление, аналитическое мышление, эмоциональный интеллект (часто оценивается как часть мягких навыков в зарубежных исследованиях). Рассматриваются наиболее эффективные методы развития мягких навыков: методики раннего развития; учебные задания, связанные с поиском и анализом информации, развитием критического мышления, управления собой (задания, связанные с формулированием последовательности действий), навыков командной работы (задания для выполнения в группе); наличие социально-гуманитарных («Философия», «Социология») и специальных дисциплин («Командообразование», «Управление временем») дисциплин; моделирование мягких навыков у обучающихся в процессе групповой работы. Подчеркивается, что для развития мягких навыков у обучающихся важен также и уровень развития мягких навыков у педагога.

Ключевые слова: мягкие навыки, гибкие навыки, коммуникативные навыки, профессиональная деятельность.

Для цитаты: Авдеева Н.Н., Кочетова Ю.А., Климакова М.В. Мягкие навыки: концепции, проблемы, исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024000002>

Soft Skills: Concepts, Problems, Research

Natalija N. Avdeeva

Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Julija A. Kochetova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Marija V. Klimakova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru

The work is aimed at clarifying the concept of “soft skills”. The materials of the study of concepts, problems, and research of soft skills in a professional environment are presented. The topic of soft skills is extremely relevant, both Russian and foreign students do not exactly understand what soft skills are, which may be explained by the fact that there is currently no single approach to understanding them. The purpose of studying this problem is to review concepts, problems and research on the topic of soft skills in foreign and national scientific literature. The results obtained make it possible to say that soft skills is a broad concept, and does not include a strictly defined list of qualities or abilities. There is evidence that researchers attribute a different set of abilities to soft skills, while different abilities will be most significant for different professional fields. Separately, such abilities can be distinguished as: communication skills, leadership position, decision-making skills, responsibility, empathy, self-esteem, critical thinking, analytical thinking, emotional intelligence (often assessed as part of soft skills in foreign studies). The most effective methods for developing soft skills include: methods for early development, educational tasks related to information search and analysis, critical thinking development, self-management (including the formulation of action plans), teamwork skills, and the presence of social and humanitarian disciplines (“Philosophy” and “Sociology”), as well as specialized courses such as “Team Building” and “Time Management”. It is also emphasized that the level of soft skills development among teachers is important for fostering soft skills in students.

Keywords: soft skills, flexible skills, communication skills, professional activity.

For citation: Avdeeva N.N., Kochetova Ju.A., Klimakova M.V. Mjagkie navyki: koncepcii, problemy, issledovaniya. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 14, no. 1, pp. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024000002> (InRuss.).

Введение

Считается, что впервые термин «мягкие навыки» был введен в американских войсках в конце 1960-х гг. в связи с выявлением умений, которые не связаны с технической составляющей военной службы. В эту категорию включили социальные навыки, необходимые для руководства оперативными группами, мотивирования солдат на участие и победу в войнах. В это же время началась разработка процедур и образовательной технологии, под названием «Системная инженерия обучения». С 1972 г. американские войска официально используют термин «мягкие навыки». На основе обобщения экспертных оценок было сформулировано их определение как важных навыков, связанных с производительной деятельностью, но при этом практически не связанных с техникой, применение которых носит довольно обобщенный характер [28]. Такое расплывчатое определение вызвало критику. По существу, речь идет о том, что хорошо известные должностные функции являются сложными профессиональными навыками, а те, о которых известно очень мало, — мягкими навыками [15].

Концепции и проблемы

Английский термин «soft skills» в отечественных источниках переводят как «гибкие» или «мягкие» навыки. В русском языке, с точки зрения лексического значения слова, согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова, мягкий понимается как «легко поддающийся давлению, сжатию, малоупругий, эластичный». Иначе говоря, способный легко меняться под воздействием условий среды.

Мягкие навыки в общем виде определяют, как личностные качества, обеспечивающие эффективное взаимодействие с другими людьми [21].

Жесткие навыки связаны с профессиональной технической или административной компетентностью. Мягкие навыки акцентируют «эмоциональную сторону» человека в противопоставление уровню развития интеллекта, связанному с жесткими навыками. Жесткие и мягкие навыки взаимосвязаны и дополняют друг друга [18].

Ф. Альмейда (F. Almeida) и Х. Морайс (J. Morais) к мягким навыкам относят ассертивность, кооперацию,

эмпатию, навыки решения проблем, критическое мышление, принятие решений, самооценку и управление эмоциями [10] и подчеркивают, что понятие «мягкие навыки» пересекается с понятием «эмоциональный интеллект», а Д.Б. де Кампос (D.B. DeCampos) и др. к мягким навыкам относят навыки решения проблем, критическое мышление, коммуникацию, командную работу, эмоциональный интеллект и креативность [13].

По мнению У. Кентона (2019 г.), мягкие навыки включают в себя атрибуты и личностные черты, которые помогают сотрудникам взаимодействовать с другими людьми и добиваться успеха на рабочем месте.

Интерес к soft skills постоянно растет. В настоящее время владение мягкими навыками выступает важным условием трудоустройства, при приеме на работу учитывают не только уровень развития профессиональных навыков, но и владение мягкими навыками. В разных странах нарастает поток инвестиций в сферу исследования мягких навыков и обучения им. В Европе в 2012 г. была запущена программа с целью обучения и популяризации этого нового набора навыков. Необходимость обучения soft skills обернулась трудной задачей для мирового сообщества преподавателей [12]. Из-за того, что мягкие навыки плохо определены, измерять и формировать их сложнее, чем классические навыки.

Исследования, проведенные в 2015 г., показали, что можно найти эквивалентные измерения мягких навыков в различных культурах и разных языках. Подобные измерения включают самооценку личности, опросы, касающиеся поведения и объективные психологические оценки [22].

Проблемой для преподавателей, занимающихся формированием мягких навыков, является отслеживание процесса продвижения обучающихся, поскольку оценивать мягкие навыки гораздо труднее, чем специальные, например, технические. Так, для измерения навыков межличностного общения и лидерства предлагаются викторины, групповые проекты, шкалы оценки со стороны коллег. Для решения проблемы обучения мягким навыкам у взрослых было предложено передавать мягкие навыки с помощью игры [14].

Подчеркивается, что развитие мягких навыков требует активного постоянного взаимодействия с другими людьми и получение обратной связи [19].

Еще одной проблемой является эффективность обучения мягким навыкам. Предполагается, что навыки, которым обучали на тренингах, будут затем использоваться в работе, повышая производительность труда. Однако в ряде исследований показано, что обучение мягким навыкам реже приводит к их последующему использованию в профессиональной деятельности по сравнению с жесткими навыками [17].

Изучение формирования мягких навыков у взрослых привело к выводу о том, что в перспективе наиболее эффективным является создание условий для развития мягких навыков у детей от 1 года до завершения младшего школьного возраста [15].

Исследования в зарубежной психологии

Актуальными являются *вопросы развития мягких навыков у обучающихся и определение компетенций педагогов, которые должны развивать такие навыки у обучающихся.*

Так, американские специалисты С. Виссхак и С. Хоххолдингер (S. Wisshak, S. Hochholdinger) отмечают, что на качество обучения влияют люди, проводящие это обучение. Авторы опираются на исследования, согласно которым при обучении мягким навыкам слушатели часто проявляют большее сопротивление обучению, поскольку они меньше осознают свои потребности в обучении или считают свой текущий уровень навыков достаточным. Авторы предполагают, что для обучения мягким навыкам необходимы специальные технологии, педагогам необходимо обладать определенными знаниями для построения отношений с обучающимися, их мотивации, они должны уделять больше внимания межличностному взаимодействию и отношениям, управлению группой и коммуникации, чем те, кто обучает жестким навыкам. С целью проверки данной гипотезы в 2020 г. было проведено исследование среди педагогов, обучающих мягким и жестким навыкам. Онлайн-анкету заполнили 129 инструкторов социальных навыков и 61 инструктор профессиональных навыков. Проанализировав литературу, исследователи выделили 14 навыков, которые могут быть нужны педагогам для выполнения их работы:

- 1) владения методами коммуникации;
- 2) выстраивания позитивных отношений с обучаемыми;
- 3) создания благоприятной среды для обучения;
- 4) предоставления обратной связи;
- 5) мотивации стажеров;
- 6) управления конфликтами;
- 7) проявления гибкости в неожиданных ситуациях;
- 8) управления групповыми процессами;
- 9) когнитивной активизации обучаемых;
- 10) использования принципов обучения;
- 11) обеспечения прозрачности целей обучения;
- 12) содействия передаче навыков;
- 13) использования методов обучения и их вариаций;
- 14) определения целей обучения.

Каждый пункт предполагалось оценить по 6-балльной шкале. С помощью факторного анализа шкалы были разделены на 2 фактора — управление взаимодействием и учебная деятельность. В результате исследования педагоги по-разному оценили обучающихся, следовательно, преподавателям, обучающим мягким и жестким навыкам, необходимы различные компетенции [29].

С целью изучения развития мягких навыков преподавателей, К.Н. Тангом (K.N.Tang) в 2018 г. было проведено исследование среди студентов и преподавателей в одном из колледжей Таиланда. Выборку составили 163 студента и преподавателя. Преподавателям бакалавриата различных программ (глобальный бизнес, международный маркетинг, международные отношения и управление туризмом) было предложено оценить важ-

ность в своей работе таких мягких навыков, как коммуникация, критическое мышление, решение проблем, командная работа, постоянное обучение и лидерство.

Преподаватели всех образовательных программ отметили, что коммуникативные навыки — самые важные мягкие навыки для их профессии. Преподаватели программ «Глобальный бизнес», «Международный маркетинг», «Международные отношения» оценили командную работу как наиболее важный мягкий навык, поскольку они используют его на своих занятиях. Навыки критического мышления и навыки решения проблем оказались наиболее значимыми для преподавателей по управлению туризмом [26].

Д. Филпот (D. Philpot) изучал проблему мягких навыков в контексте преподавания студентам вузов. По его мнению, преподаватели могут развивать soft skills у студентов, моделируя соответствующие навыки межличностного общения с ними, разрабатывая уроки, включающие командную работу и деятельность по решению проблем. Также он отмечал важность наглядной демонстрации педагогами эффективных навыков лидерства на занятии, собственного профессионального общения с обучающимися, обеспечения своевременной обратной связи. Именно от педагога должна исходить инициатива в демонстрации примера доброжелательности, уважения, проявления достоинства. Таким образом, педагог способствует возникновению ситуаций успеха для студентов, в которых каждый получает возможность совершенствоваться [24].

Ф. Альмейда (F. Almeida) и Х. Морайс (J. Morais) исследовали, каким образом вузы Португалии способствуют развитию мягких навыков у студентов. Авторами изучались структуры образовательных программ четырех вузов Португалии, опубликованных на сайтах учебных заведений, а также было проведено полуструктурированное интервью с членами исполнительного совета каждого вуза в период с 27 января 2020 г. по 29 мая 2020 г. В основном использовался качественный анализ. Было выявлено, что количество дисциплин, которые определяют развитие мягких навыков, очень невелико (т. е. от 1 до 3), а за развитие мягких навыков в основном отвечает стажировка. Также развитию мягких навыков способствуют такие дисциплины, как «Управление людьми и командой», «Психология конфликтов», «Социальная ответственность» и «Бизнес и технологии». Однако структура каждого курса в основном определяется координатором курса и нет четких указаний на общие для университета стратегии развития мягких навыков [10].

В. Рукман (W. Rukman) с коллегами изучили философское образование как средство развития мягких навыков у студентов. Проанализировав 26 источников по проблеме, опубликованных с 2014 г., авторы выявили, что образование по направлению «Философия» может быть эффективным средством развития коммуникативных компетенций у студентов. Философия способствует развитию критического и аналитического мышления, учит решать проблемы логически или твор-

чески, подбирать доказательства и оценивать аргументы. Также групповые дискуссии в рамках курса приводят к развитию коммуникативных навыков. Философия требует глубоко обсуждения и рефлексии, что также будет способствовать развитию мягких навыков [23].

С целью проанализировать имеющиеся фактические данные, касающиеся мягких навыков у студентов медицинских вузов, в частности у студентов-медсестер, и выяснить, наблюдается ли ухудшение в развитии таких навыков после пандемии COVID-19. Д. Санчо-Кантусом (D. Sancho-Cantus) с коллегами в 2023 г. было проведено исследование. В качестве метода выступал аналитический обзор литературы. Всего было проанализировано 12 публикаций. Было выявлено, что работа над мягкими навыками в процессе обучения улучшает последующий контакт с пациентом. В исследованиях также подчеркивалось, что важным фактором, помогающим справиться со стрессом, является высокий уровень эмоционального интеллекта — конструкт, пересекающийся с понятием «мягкие навыки». Несмотря на заявленную цель исследования, данных о влиянии пандемии COVID-19 на развитие мягких навыков получено не было. Отмечалось, что ситуация пандемии негативно сказывается на психическом здоровье в целом [16].

В своем исследовании С. Рамос-Пулидо (S. Ramos-Pulido) и др. проанализировали информацию о 17 898 выпускниках и приблизительно 148 характеристиках с использованием методологии datascience и обнаружили, что на трудоустройство влияют такие факторы, как ответственность и понимание важности коммуникативных навыков и командной работы для того, чтобы быть хорошими лидерами [25].

А. Бреннан (A. Brennan) и др. (2023) утверждают, что переход на онлайн-обучение в ситуации пандемии COVID-19 создал трудности в овладении и мягкими, и жесткими навыками. Авторами был разработан опросник, направленный на изучение уровня тревоги из-за COVID-19, а также влияния COVID-19 на развитие мягких навыков, к которым авторы относят эмпатию, организационные навыки и тайм-менеджмент. В выборку исследования вошли 111 студентов в возрасте 20—25 лет, из которых 78,3% — мужчины. Было выявлено, что 28,2% респондентов сообщили о повышении уровня эмпатии, возникшей в результате того, что они пережили COVID-19, в то время как 28% сообщили о снижении и 43,8% сообщили об отсутствии изменений. Кроме того, был выявлен более высокий уровень сопереживания у женщин по сравнению с мужчинами. 45,1% респондентов (26% — женщины и 72% — мужчины) указали, что за 2 года, прошедшие с начала COVID-19, их навыки управления временем значительно возросли. Более высокий уровень таких навыков на основании самоотчета был выявлен у аспирантов в сравнении со студентами бакалавриата и у студентов с высшим образованием в сравнении с магистрантами. 41,1% респондентов отметили улучшение организационных навыков, несмотря на свои в обра-

зовательном процессе за последние 2 года, в то время как 29,7% указали на ухудшение организационных навыков. Авторы приходят к выводу, что мягкие навыки могут развиваться в условиях глобальных стрессов и необходимости поддерживать связь с людьми и продолжать обучение в дистанционном формате [16].

Похожее исследование было проведено в 2022 г. Е. Лоуса и М. Лоуса (E. Lousã, M. Lousã). С целью выявить влияние технологических и цифровых образовательных ресурсов на развитие у учащихся мягких навыков в дистанционном обучении авторами было проведено анкетирование среди 637 студентов Португалии в период с 1 по 15 марта 2021 г. Исследование показало, что существует прямое влияние дистанционных образовательных технологий на развитие мягких навыков. Студенты оценили такие факторы, как автономия, простота доступа к учебным материалам, разнообразие учебных материалов, как способствующие большей эффективности обучения, а наличие технологических проблем, неудовлетворительные учебные материалы, непривлекательную и демотивирующую среду, большее одиночество — как препятствующие эффективности обучения. Для студентов, которые отмечали наличие трудностей в обучении и демотивирующую среду, был характерен более низкий уровень мягких навыков [20].

Зарубежные исследования показывают, что мягкие навыки у студентов развиты недостаточно.

Так, Дж. Ноа и А. Азиз (J. Noah, A. Aziz) в своем исследовании выявили, что выпускникам не хватает мягких навыков, которые высоко ценятся работодателями. Работодатели отмечают, что, в первую очередь, выпускникам не хватает коммуникативных навыков, которые проявляются в устном и письменном общении, и навыков командной работы. Интересно, что опрос самих выпускников показал, что они достаточно высоко оценивают свои мягкие навыки. Исследователи из Сингапура, опросив 132 аспиранта и 16 работодателей разных отраслей, выяснили, что студенты хорошо осведомлены о важности мягких навыков для их трудоустройства. Они считали важными мягкие навыки: позитивного настроения, устного общения, самомотивации и умения управлять собой, а также умения решать проблемы. При этом работодатели ожидали, что новые выпускники будут обладать навыками, связанными с позитивным настроением, работой в команде, хорошим знанием этики и умением решать проблемы. Интересно, что работодатели отметили, что выпускники обычно менее чем удовлетворительно обладают мягкими навыками [27]. Авторы исследований приходят к выводу о том, что обучение мягким навыкам должно быть включено в учебную программу.

Подходы и концепции мягких навыков в России

Вопросом формирования мягких навыков занимается ряд отечественных ученых. Можно выделить

несколько подходов к пониманию мягких навыков. Исследователи рассматривают «мягкие навыки» с точки зрения «компетентностного подхода».

В отечественной психологии обозначены разные подходы к пониманию *психологических аспектов* мягких навыков. Ученые включают их в группу социальных навыков, относят к ним решительность, договороспособность, управленческие способности, стремление к успеху, выносливость.

Группой отечественных ученых была разработана трехкомпонентная модель, согласно которой мягкие навыки включают в себя мотивацию, определенный контекст, технологии и алгоритмы действий. Авторы отмечают, что невозможно формирование универсальных мягких навыков, которые были бы всегда стабильны и фиксированы, поскольку главная задача мягких навыков — проявлять гибкость, адаптировать специалиста к работе в меняющихся условиях. Что касается алгоритмов действий, то, по мнению авторов, они являются важным, но не единственным условием для формирования мягких навыков [2].

Исходя из анализа подходов к пониманию мягких навыков, в трудах российских ученых прослеживается общее — важность «надпрофессиональных» навыков. Овладение данными навыками способствует продуктивности и результативности в обучении и профессиональной среде. Стоит отметить, что мягкие навыки рассматриваются в качестве дополнения к профессиональным. Современное образование идет в ногу со временем и формирует мягкие навыки на всех ступенях — с дошкольного до высшего профессионального. Повышенное внимание к теме обусловлено запросом работодателей крупных компаний, которые получают полностью подготовленных специалистов, приспособленных, за счет сформированных мягких навыков, к работе в современных реалиях [9].

Сходным понятием «мягкие навыки» является понятие «4К» — критическое мышление, креативность, коммуникация, кооперация. Данные компетенции помогают решать сложные задачи. Так, критическое мышление помогает оценивать и анализировать различные жизненные ситуации или информацию. Креативность способствует разработке нового подхода к решению задач, помогает по-новому взглянуть на информацию. Коммуникация и кооперация помогают выстраивать командную работу, точно передавать информацию, правильно понимать и быть понятым, проявлять инициативу и вовлекать членов команды в решение задачи. Компетенции «4К» находят отражение в ФГОС — в личностных и метапредметных планируемых результатах освоения ООП. В настоящее время публикуются методические рекомендации по разработке уроков, способствующих развитию компетенций «4К» [1].

Таким образом, изучая вопрос о мягких навыках, ученые выделяют разные способности и качества как наиболее значимые в структуре этих мягких навыков для разных профессиональных сфер (например, для

медиков, инженеров, педагогов, работников социальной сферы, IT-сферы и др.).

Современные российские исследования в вопросе о мягких навыках

Исследование «Россия-2025: от кадров к талантам» в форме онлайн-опроса отечественных работодателей в 2017 г. провели крупные компании: The Boston Consulting Group, Сбербанк, WorldSkills Russia и Global Education Futures.

В ходе исследования были привлечены около 100 руководителей самых крупных отечественных компаний из 22 отраслей, суммарно в которых занято более 3 млн сотрудников. Целью данного исследования являлось определение модели основных универсальных компетенций в 2025 г., необходимых для эффективной работы специалиста в век информационных технологий. Проанализировав компетенции-2025: критическое мышление, работу в команде, эффективное взаимодействие с людьми, адаптивность, принятие решений, самоорганизацию и другие, — авторы относят их мягким навыкам. В результате исследования авторы предполагают максимальное развитие конкурентоспособности специалистов благодаря ориентации на мягкие навыки.

Л.К. Раицкая, Е. Тихонова проводили исследование с целью выявления понимания, принятия и готовности развивать мягкие навыки в российских университетах, а также определения уровня внедрения мягких навыков в учебные программы студентов. В исследовании принимала участие группа из 135 преподавателей университетов МГИМО, РУДН, ВШЭ, МГУ, МГЛУ и Самарского государственного университета, а также 312 студентов, обучающихся по данным учебным предметам. В ходе проведенного опроса о понимании и восприятии мягких навыков было выявлено, что 60% преподавателей и 38,8% студентов слышали и имели представление о «мягких навыках». Незначительная часть опрошенных были знакомы с понятием под другими названиями (необходимые умения XXI века, современные навыки для работы и др.). Результаты анкетирования, в котором участникам предлагалось написать определение понятия «мягкие навыки», показали, что в российской академической среде существуют несистемные знания о данном понятии. Мягкие навыки воспринимаются как: коммуникативные навыки; когнитивные навыки; личностные атрибуты (характер, эмпатия, эмоциональный интеллект и т. п.). По мнению академического сообщества, самыми эффективными дисциплинами, способствующими развитию мягких навыков, являются иностранные языки, менеджмент и все социально-гуманитарные дисциплины, а наиболее эффективными технологиями, по мнению респондентов, являются кейс-стади, имитации, групповые и мультимедийные проекты, интернет-технологии [4].

В исследовании А.Э. Цымбалюк респондентам предлагалось выбрать наиболее значимые мягкие навыки из предложенного списка. В результате опроса, проведенного среди специалистов (35 чел.) гуманитарных и технических направлений с десятилетним стажем работы, выявлены мягкие навыки для данных профессий:

1. коммуникативные навыки (70 %);
2. ответственность (70%);
3. навыки самообразования (56%);
4. гибкость/адаптивность (56%);
5. командная работа (50%);
6. решительность (44%);
7. аналитические и исследовательские способности (41%).

Итак, работодатели и специалисты данной группы акцентируют внимание на качествах, определяющих человека как исполнительного работника, как профессионала, как участника команды [8].

В 2019 г. в Сургутском государственном университете среди выпускников инженерных направлений с применением метода анкетирования было проведено исследование, целью которого стало определить значимость soft skills для выпускников. Также выпускники оценивали собственную конкурентоспособность на рынке труда. Исследование проводилось в период с 2000 по 2018 гг., в нем приняли участие 245 выпускников (39 магистров, 172 специалиста и 34 бакалавра). Исследование позволило выявить наиболее значимые soft skills для опрошенных респондентов:

1. ориентированность на достижение результата;
2. дисциплинированность;
3. умение находить быстрое решение в нестандартных ситуациях;
4. навыки общения и межличностные навыки;
5. самосовершенствование.

Авторы отмечают, что эти навыки соответствуют требованиям современного рынка труда, а для их развития студентам на протяжении всего периода обучения в вузе необходимо практиковаться [1].

В современном образовании на всех его ступенях, начиная с дошкольной, появляются проекты по развитию «мягких навыков»: чем раньше будут сформированы мягкие навыки, тем успешнее будет человек в профессиональном будущем и в жизни. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

В дошкольном возрасте развитию мягких навыков у детей способствуют популярные методики: «Школа семи гномов», педагогические системы М. Монтессори, Н.А. Зайцева, Вальдорфская школа, Г. Домана. Методики раннего развития ребенка формируют основные мягкие навыки: критическое мышление, умение договариваться, работать в коллективе, проявлять лидерские качества, креативность. Во многом развитию мягких навыков способствует гуманистический подход к обучению и развитию детей. При таком подходе максимально раскрывается творческий потенциал и мягкие навыки развиваются быстрее в комфортной атмосфере.

В настоящее время коллективом авторов (М.А. Пинской, А.М. Михайловой, О.А. Рыдзе, Л.О. Денищевой, К.А. Краснянской, Н.А. Авдеенко) были разработаны модели учебных ситуаций и учебных заданий по математике и естественнонаучным предметам, направленные на развитие «4К» у детей. Авторы отмечают, что учебные ситуации должны иметь несколько решений; для решения задачи дети должны осуществлять поиск информации и верно применять ее, причем для решения может быть необходима информация из разных разделов дисциплины или из разных дисциплин. Эффективными будут проектная деятельность и групповая форма работы (до 5 человек). При этом работа группы может выходить за рамки урока и осуществляться «без непосредственного руководства учителя» [3]; роль учителя заключается в поддержке эффективной работы учеников. Авторами были разработаны примеры учебных задач и учебных ситуаций по разным дисциплинам, а также методы оценки компетенций «4К» у обучающихся.

Цифровая платформа СберКласс способствует развитию мягких навыков с помощью различных стратегий. Это и специальные педагогические техники, направленные на развитие мягких навыков вне конкретного предмета (например модуль «Мозговой штурм»), и развитие мягких навыков в контексте какого-либо конкретного предмета. СберКласс также включает в себя диагностические инструменты, позволяющие оценить уровень развития мягких навыков у детей.

Группой отечественных ученых под руководством Е.А. Сергиенко при поддержке Благотворительного фонда Сбербанка, была разработана образовательная программа по развитию социально-эмоциональных способностей (СЭР), которая охватывает детей от 4 до 17 лет, т. е. внедрена в весь процесс обучения. Данная программа апробируется в некоторых московских и региональных школах, показывая высокую эффективность. В практической части данной программы школьный учитель реализует подход, помогающий учащимся развивать социальные, эмоциональные способности, способствующие личностному росту и развитию мягких навыков. Особенностью программы является единство эмоционального и психического интеллекта, что позволяет целостно воспринимать и понимать социальный мир. СЭР включает в себя развитие пяти основных компетенций: саморегуляции, самосознания, социальной компетентности, способности устанавливать позитивные взаимоотношения с людьми, ответственного принятия решений. Данные компетенции являются мягкими навыками. Программа развития социальных и эмоциональных способностей является одной из наиболее продолжительных, междисциплинарной и грамотно интегрированной в образовательный процесс [6; 7].

Российские школьники и учащиеся колледжей долгое время (с 2012 г.) участвовали в чемпионате «WorldSkills Russia» и «KidSkills». Данный чемпионат является международным. Цель чемпионата — привле-

чение внимания к рабочим профессиям, повышение статуса и стандартов профессиональной подготовки и квалификации по всему миру. В 2022 г. на базе мирового чемпионата в России было образовано движение «Профессионалы» — Всероссийское чемпионатное движение по профессиональному мастерству.

По стандартам «WorldSkills» с 2022 г. проводятся два конкурса: «Московские мастера» — для учащихся средней школы и специальных профессиональных учреждений, «Мастерята» — для учащихся начальной и основной школы. В данных чемпионатах выступают команды от школ и колледжей, выбирая определенные рабочие профессии. В ходе чемпионата ученики максимально включены в профессию так, что развивают свои профессиональные и мягкие навыки. В каждой профессии прописаны мягкие навыки, которыми овладеет участник: работа в команде, креативное мышление, умение слушать, слышать участников команды, понимать поставленную задачу, стрессоустойчивость.

Вопросы и проблемы

Анализ современных публикаций показывает следующие проблемы, которые выделяются при изучении мягких навыков:

- многие публикации представлены в виде разработок и рекомендаций, без научных обоснований;
- существуют пробелы в знаниях преподавателей и студентов о понятии мягких навыков, что усложняет разработку и анализ данного понятия [4];
- для эффективного развития мягких навыков их необходимо внедрять уже с раннего возраста, но не все системы обучения подходят для развития мягких навыков. Педагогам нужно включать в свои учебные планы такие формы обучения, при которых происходит максимальное развитие «мягких навыков» у учащихся;
- мягкие навыки невозможно отделить от профессиональных. Их цель — дополнить и улучшить твердые навыки, помогая специалисту стать более успешным в карьере. В то же время, работодатель 21 века в условиях меняющегося мира выбирает высококвалифицированных специалистов, обязательно владеющих мягкими навыками, однако единого подхода к их рассмотрению пока не существует;
- при проведении исследований, направленных на определение набора качеств, которые можно было бы отнести к мягким навыкам, используют, в первую очередь, метод анкетирования, без теоретического обоснования причин, по которым то или иное качество предлагается относить к мягким навыкам;
- значимость мягких навыков диктуется современной экономической ситуацией и рынком трудоустройства, однако учебные программы вузов не регламентируют совершенствование навыков, а, следовательно, возникают трудности для их развития в процессе обучения [5];
- возникают трудности при оценке мягких навыков. Например, критическое мышление, лидерские качества

и прочее может быть оценено с помощью тестов самооценки, что с большой вероятностью может повлечь за собой искажение результатов. Более объективные оценки могут быть получены через специальные листы наблюдений или задачные тесты, приближенные к реальным жизненным ситуациям [3], анализ продуктов деятельности, интервью, решение кейсов и др., однако таких инструментов разработано недостаточно;

- возникают трудности при сопоставлении данных различных исследований по причине того, что набор качеств, отнесенных к мягким навыкам, часто различается.

Новые вызовы и перспективы

Развитие мягких навыков связано с развитием техники, рыночной экономики, бизнеса, IT-технологий, необходимостью подготовки кадров в быстро меняющемся мире.

В зарубежных прогнозах развития образования в будущие десятилетия подчеркивается нарастание значения мягких навыков в образовании детей и взрослых по причине того, что происходит технологический прогресс в области искусственного интеллекта. В связи с этим работникам необходимо оставаться конкурентоспособными и готовыми приобретать знания, стремиться к обучению всю жизнь [22].

В свою очередь, для долгосрочного обучения важно развитие метакогнитивных навыков. Современному специалисту уже недостаточно профессиональных компетенций и когнитивных навыков. Поэтому метапознание, позволяет человеку приобретать знание и осуществлять самооценку, используя критическое мышление и рефлексию [30].

Может ли ИИ заменить человека в быстро и непредсказуемо меняющемся мире? Ответ на этот вопрос не является однозначным. Однако высказывается предположение: ИИ эффективно выполняет конкретные задачи, но весьма проблематично запрограммировать ИИ с учетом неопределенности и неожиданных трудностей, возникающих при работе с людьми. В противоположность ИИ люди проявляют больше способностей реагировать на неопределенность, непостоянство, сложность и многозначность. Они лучше адаптируются к изменениям, в новых условиях развивают новые представления и обучаются.

Существуют ли какие-либо риски социокультурного и личностного характера, связанные с развитием мягких навыков? Несмотря на то, что мягкие навыки все чаще входят в программы разных ступеней образования по всему миру, можно отметить противоречивость использования этого термина. Например, Д. Кэмерон (D. Cameron) в своем исследовании развития коммуникативных навыков у работников сферы услуг в Великобритании выявила ограничения в самовыражении работников и внедрение в общение с клиентами стереотипных коммуникативных штампов [11].

В КНР Министерство образования рекомендовало способствовать самовыражению учащихся и развитию их коммуникативных навыков в ущерб итоговой оценке профессионального обучения на основе экзаменов. Однако сложность измерения этих способностей [30] их распространенность преимущественно среди городской элиты [15] помешали реализации данных рекомендаций [15].

Возникает вопрос: мягкие навыки — это только объективно признанные способности, необходимые человеку на рынке труда в современном мире? Или они оказывают влияние на социально-личностное развитие и способствуют становлению новой социокультурной идентичности, универсальной и наднациональной?

Выводы

Подводя итог, отметим, что мягкие навыки — широкое понятие, и не включает в себя строго определенный перечень качеств или способностей. К мягким навыкам исследователи относят разный набор способностей, при этом, для разных профессиональных сфер разные способности будут наиболее значимыми. Обобщая отечественные и зарубежные данные, отметим, что наиболее часто к мягким навыкам относят следующие:

- 1) коммуникативные навыки;
- 2) лидерской позиции;
- 3) навыки принятия решений;
- 4) ответственности;
- 5) эмпатии;
- 6) самооценки;
- 7) критического мышления;
- 8) аналитического мышления;
- 9) креативности;
- 10) организационные навыки / управленческие навыки;
- 11) стремления к саморазвитию / обучению;
- 12) мотивации;
- 13) эмоционального интеллекта (часто оценивается как часть мягких навыков в зарубежных исследованиях).

Также выделяют и более специфические навыки, характерные для определенных профессиональных сфер. К ним можно отнести выносливость, ассертивность, тайм-менеджмент, эффективность, навыки продаж и др.

Несмотря на то, что тема мягких навыков крайне актуальна, и российские, и зарубежные студенты не очень точно представляют, что такое мягкие навыки [12], что может объясняться тем, что в настоящее время нет единого подхода к их пониманию.

В настоящее время разрабатываются методические рекомендации по развитию мягких навыков в школьном и высшем образовании, оцениваются подходы к их развитию.

Обобщая результаты исследований, можем выделить эффективные методы развития мягких навыков. К ним относятся методики раннего развития; использование разных типов учебных заданий, связанных с поиском и анализом информации; наличие социально-гуманитарных дисциплин, таких как философия, социология и т. п.; моделирование необходимых навыков педагогом у обучающихся в процессе групповой работы; наличие специальных дисциплин (таких как «командообразование», «управление временем» и др.); использование цифровых образовательных платформ, в которых много заданий для развития критического мышления (задания, связанные с оценкой и анализом), управления собой (задания, связанные с формулированием последовательности действий), навыков командной работы (задания для выполнения в группе) и др. Разрабатываются проекты уроков и методы оценки мягких навыков у обучающихся. Несмотря на это,

не существует общей программы развития мягких навыков на уровне образовательных программ для разных ступеней образования.

Для развития мягких навыков у обучающихся важен также и уровень развития мягких навыков у педагога, так как, с одной стороны, педагог выступает как пример для обучающихся, а с другой — использует их для организации более эффективной работы обучающихся.

Понятие «мягкие навыки» в настоящее время активно разрабатывается, отсутствует единый подход к пониманию и оценке мягких навыков, что приводит к возникновению определенных трудностей, с которыми могут сталкиваться исследователи. В первую очередь, это сложность конкретизации данного понятия, трудности при его оценке, а также при сопоставлении данных разных исследований, по причине того, что набор качеств, отнесенных к мягким навыкам, часто различается.

Литература

1. Богдан Е.С. Развитие soft skills как важный компонент формирования компетенций конкурентоспособных выпускников инженерных направлений [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2019. Том 11. № 3. С. 1—7. URL: <https://esj.today/24ecvn319.html> (дата обращения: 26.08.2024).
2. Жадько Н.В., Безруких М.М. Формирование «мягких» навыков в профессиональном обучении [Электронный ресурс] // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 8. С. 14—15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16550458> (дата обращения: 26.08.2024).
3. Пинская М.А., Михайлова А.М. Компетенции «4К»: Формирование и оценка на уроке: Практические рекомендации [Электронный ресурс]. М.: Корпорация «Российский учебник», 2019. 76 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49450277> (дата обращения: 26.08.2024).
4. Раицкая Л.К., Тихонова Е.В. Психолого-педагогические проблемы высшего образования // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Том 15. № 3. С. 350—363. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363
5. Румянцев О.В. Развитие soft skills в вузе: взгляд студентов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Том 28. № 4. С. 98—105. DOI:10.18287/2542-0445-2022-28-4-98-105
6. Сергиенко Е.А. Социально-эмоциональное развитие: программа становления личностного потенциала [Электронный ресурс] // Образовательная политика. 2019. Том 3. № 79. С. 17—27. URL: <https://project1472502.tilda.ws/socialandemotionaldevelopment> (дата обращения: 26.08.2024).
7. Социально-эмоциональное развитие детей. Теоретические основы [Электронный ресурс] / Е.А. Сергиенко, Т.Д. Марцинковская, Е.И. Изотова, Е.И. Лебедева, А.Ю. Уланова, Е.М. Дубовская. М.: Дрофа, 2019. 248 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49581130> (дата обращения: 26.08.2024).
8. Дымбалюк А.Э., Виноградова В.О. Психологическое содержание soft skills [Электронный ресурс] // Ярославский педагогический вестник. 2019. Том 111. № 6. С. 120—127 URL: https://vestnik.yvspu.org/releases/2019_6/17.pdf (дата обращения: 26.08.2024).
9. Шайхутдинова Х.А. Формирование soft skills в процессе подготовки студентов к успешной профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Поволжский педагогический вестник. 2020. Том 8. № 2(27). С. 99—106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44141331> (дата обращения: 26.08.2024).
10. Almeida F., Morais J. Strategies for developing soft skills among high reengineering courses // Journal of Education. 2023. Vol. 203. № 1. P. 103—112. DOI:10.1177/002205742110164
11. Cameron D. Good to Talk?: Living and working in a communication culture. London: SAGE Publications, 2000. 224 p. DOI:10.4135/9781446217993
12. Crowley E. Tackling the future ‘human’ skills deficit together [Электронный ресурс] // CIPD Voice. London: Chartered Institute of Personnel and Development, 2019. URL: <https://www.cipd.co.uk/news-views/cipd-voice/issue-21/tackling-human-skills-deficit> (дата обращения: 26.08.2024).
13. De Campos D.B., Redende L.M., Fagundes A.B. The importance of soft skills for the engineering // Creative Education. 2020. Vol. 11. № 8. P. 1504—1520. DOI:10.4236/ce.2020.118109
14. De Korver B.K., Choi M., Towns M. Exploration of a Method to Assess Children’s Understandings of a Phenomenon after Viewing a Demonstration Show // Journal of Chemical Education. 2017. Vol. 94. № 2. P. 149—156. DOI:10.1021/acs.jchemed.6b00506

15. Hizi G. Against Three «Cultural» Characters Speaks Self-Improvement: Social Critique and Desires for «Modernity» in Pedagogies of Soft Skills in Contemporary China // *Anthropology and Education Quarterly*. 2021. Vol. 52. № 3. P. 237—253. DOI:10.1111/aeq.12366
16. How COVID-19 impacted soft skills development: The views of software engineering students / A. Brennan, M. Dempsey, J. McAvoy, M. O’Dea, S. O’Leary, M. Prendergast // *Cogent Education*. 2023. Vol. 10. № 1. Article ID 217162. 15 p. DOI:10.1080/2331186X.2023.2171621
17. Howlett Z. Meritocracy and its Discontents: Anxiety and the national college entrance exam in China. NY: Cornell University Press, 2021. 234 p. DOI:10.7591/cornell/9781501754432.001.0001
18. Importance of Soft Skills in Health Sciences Students and Their Repercussion after the COVID-19 Epidemic: Scoping Review / D. Sancho-Cantus, L. Cubero-Plazas, M.B. Navas, E. Castellano-Rioja, M.C. Ros // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2023. Vol. 20. № 6. Article ID 4901. 10 p. DOI:10.3390/ijerph20064901
19. Levasseur R.E. People Skills: Developing Soft Skills — a Change Management Perspective // *Interfaces*. 2013. Vol. 43. № 6. P. 503—616. DOI:10.1287/inte.2013.0703
20. Lousã E.P., Lousã M.D. Effect of technological and digital learning resource on students’ soft skills with in remote learning: The mediating role of perceived efficacy // *International Journal of Training and Development*. 2023. Vol. 27. № 1. P. 1—17. DOI:10.1111/ijtd.12280
21. Noah J.B., Aziz A.A. A Systematic review on soft skills development among university graduates // *EDUCATUM Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 6. № 1. P. 53—68. DOI:10.37134/ejoss.vol6.1.6.2020
22. OECD skills outlook 2019: Thriving in a digital world / Organisation for Economic Co-operation and Development. Paris: OECD Publishing, 2019. 274 p. DOI:10.1787/df80bc12-en
23. Philosophy Education as a Means of Developing Student Soft Skills [Электронный ресурс] / W.Y. Rukman, S. Urath, H. Harini, A.M. AlmaududiAusat, S. Suherlan // *Edumaspul: Jurnal Pendidikan*. 2023. Vol. 7. № 1. P. 281—286. URL: <https://garuda.kemdikbud.go.id/documents/detail/3406210> (дата обращения: 26.08.2024).
24. Philpot D. Soft skills: more important than you might think! [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://cte-unt.blogspot.com/2010/10/soft-skills-more-important-thanyou.html>. (дата обращения: 26.08.2024).
25. Ramos-Pulido S., Hernández-Gress N., Torres-Delgado G. Analysis of Soft Skills and Job Level with Data Science: A Case for Graduates of a Private University // *Informatics*. MDPI. 2023. Vol. 10. Article ID 23. 13 p. DOI:10.3390/informatics10010023
26. Tang K.N. The importance of soft skills acquisition by teachers in higher education institutions // *Kasetsart Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 41. № 1. P. 22—27. DOI:10.1016/j.kjss.2018.01.002
27. The Importance of Soft Skills for Employability and Career Development: Students and Employers’ Perspectives [Электронный ресурс] / S. Majid, C.M. Eapen, M.A. Ei, K.T. Oo // *IUP Journal of Soft Skills*. 2019. Vol. 13. № 4. P. 7—39. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3796720 (дата обращения: 26.08.2024).
28. Whitmore P.G. What are soft skills? // Paper presented at the CONARC Soft Skills Conference: 12—13 December 1972, g. Fort-Bliss. Fort-Bliss, 1972. P. 3—10.
29. Wisshak S., Hochholdinger S. Perceived instructional requirements of soft-skills trainers and hard-skills trainers // *Journal of Workplace Learning*. 2020. Vol. 32. № 6. P. 405—416. DOI:10.1108/JWL-02-2020-0029
30. Yeo J. Facing the challenges of the future of education // *Learning: Research and Practice*. 2019. Vol. 5. № 1. P. 1—3. DOI:10.1080/23735082.2019.1585120

References

1. Bogdan E.S. Razvitie soft skills kak vazhnyi komponent formirovaniya kompetentsii konkurentosposobnykh vypusknikov inzhenernykh napravlenii [The development of soft skills as an important component of forming competencies of competitive graduates in the field of engineering] [Electronic resource]. *Vestnik Evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*, 2019. Vol. 11, no. 3, pp. 1—7. URL: <https://esj.today/24ecvn319.html> (Accessed 26.08.2024). (In Russ.).
2. Zhad’ko N.V., Bezrukikh M.M. Formirovanie «myagkikh» navykov v professional’nom obuchenii [Formation of “soft” skills in vocational training] [Electronic resource]. *Professional’noe obrazovanie. Stolitsa [Vocational education. Capital]*, 2011, no. 8, pp. 14—15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16550458> (Accessed 26.08.2024). (In Russ.).
3. Pinskaya M.A., Mikhailova A.M. Kompetentsii «4K»: Formirovanie i otsenka na uroke: Prakticheskie rekomendatsii [“4K” competencies: Formation and assessment in the classroom: Practical recommendations] [Electronic resource]. M.: Korporatsiya «Rossiiskii uchebnyk», 2019. 76 c. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49450277> (Accessed 26.08.2024). (In Russ.).
4. Raitskaya L.K., Tikhonova E.V. Psikhologo-pedagogicheskie problemy vysshego obrazovaniya [Psychological and pedagogical problems of higher education]. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 350—363. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363 (In Russ.).
5. Rumyantseva O.V. Razvitie soft skills v vuze: vzglyad studentov [Development of soft skills in higher education: students’ opinion]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022. Vol 28, no. 4, pp. 98—105. DOI:10.18287/2542-0445-2022-28-4-98-105 (In Russ.).

6. Sergienko E.A. Sotsial'no-emotsional'noe razvitie: programma stanovleniya lichnostnogo potentsiala [Social-emotional development: a program for developing personal potential] [Electronic resource]. *Obrazovatel'naya politika [Educational policy]*, 2019. Vol. 3, no. 79, pp. 17—27. URL: <https://project1472502.tilda.ws/socialandemotionaldevelopment> (Accessed 26.08.2024). (In Russ.).
7. Sergienko E.A., Martsinkovskaya T.D., Izotova E.I., Lebedeva E.I., Ulanova A.Yu., Dubovskaya E.M. Sotsial'no-emotsional'noe razvitie detei. Teoreticheskie osnovy [Social-emotional development of children. Theoretical foundations] [Electronic resource]. M.: Drofa, 2019. 248 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49581130> (Accessed 26.08.2024). (In Russ.).
8. Tsymbalyuk A.E., Vinogradova V.O. Psikhologicheskoe sodержание softs skills [Psychological content of soft skills] [Electronic resource]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]*, 2019. Vol. 111, no. 6, pp. 120—127 URL: https://vestnik.yspu.org/releases/2019_6/17.pdf (Accessed 26.08.2024). (In Russ.).
9. Shaykhutdinova H.A. Formirovanie soft skills v protsesse podgotovki studentov k uspeshnoi professional'noi deyatel'nosti [Sharpening Soft Skills in Training Students for Efficient Teaching] [Electronic resource]. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik [Volga Pedagogical Newsletter]*, 2020. Vol. 8, no. 2 (27), pp. 99—106. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44141331> (Accessed 26.08.2024). (In Russ.).
10. Almeida F., Morais J. Strategies for developing soft skills among high reengineering courses. *Journal of Education*, 2023. Vol. 203, no. 1, pp. 103—112. DOI:10.1177/002205742110164
11. Cameron D. Good to Talk?: Living and working in a communication culture. London: SAGE Publications, 2000. 224 p. DOI:10.4135/9781446217993
12. Crowley L. Tackling the future 'human' skills deficit together [Electronic resource]. CIPD Voice. London: Chartered Institute of Personnel and Development, 2019. URL: <https://www.cipd.org/en/views-and-insights/thought-leadership/cipd-voice/tackling-human-skills-deficit> (Accessed 26.08.2024).
13. De Campos D.B., Redende L.M., Fagundes A.B. The importance of soft skills for the engineering. *Creative Education*, 2020. Vol. 11, no. 8, pp. 1504—1520. DOI:10.4236/ce.2020.118109
14. De Korver B.K., Choi M., Towns M. Exploration of a Method to Assess Children's Understandings of a Phenomenon after Viewing a Demonstration Show. *Journal of Chemical Education*, 2017. Vol. 94, no. 2, pp. 149—156. DOI:10.1021/acs.jchemed.6b00506
15. Hizi G. Against Three «Cultural» Characters Speaks Self-Improvement: Social Critique and Desires for «Modernity» in Pedagogies of Soft Skills in Contemporary China. *Anthropology and Education Quarterly*, 2021. Vol. 52, no. 3, pp. 237—253. DOI:10.1111/aeq.12366
16. Brennan A., Dempsey M., McAvoy J., O'Dea M., O'Leary S., Prendergast M. How COVID-19 impacted soft skills development: The views of software engineering students. *Cogent Education*, 2023. Vol. 10, no. 1, article ID 217162. 15 p. DOI:10.1080/2331186X.2023.2171621
17. Howlett Z. Meritocracy and its Discontents: Anxiety and the national college entrance exam in China. New York: Cornell University Press, 2021. 234 p. DOI:10.7591/cornell/9781501754432.001.0001
18. Sancho-Cantus D., Cubero-Plazas L., Navas M.B., Castellano-Rioja E., Ros M.C. Importance of Soft Skills in Health Sciences Students and Their Repercussion after the COVID-19 Epidemic: Scoping Review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023. Vol. 20, no. 6, article ID 4901. 10 p. DOI:10.3390/ijerph20064901
19. Levasseur R.E. People Skills: Developing Soft Skills — a Change Management Perspective. *Interfaces*, 2013. Vol. 43, no. 6, pp. 503—616. DOI:10.1287/inte.2013.0703
20. Lousã E.P., Lousã M.D. Effect of technological and digital learning resource son students' soft skills with in remote learning: The mediating role of perceived efficacy. *International Journal of Training and Development*, 2023. Vol. 27, no. 1, pp. 1—17. DOI:10.1111/ijtd.12280
21. Noah J.B., Aziz A.A. A Systematic review on soft skills development among university graduates. *EDUCATUM Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 6, no. 1, pp. 53—68. DOI:10.37134/ejoss.vol6.1.6.2020
22. Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD skills outlook 2019: Thriving in a digital world. Paris: OECD Publishing, 2019. 274 p. DOI:10.1787/df80bc12-en
23. Rukman W.Y., Urath S., Harini H., AlmaududiAusat A.M., Suherlan S. Philosophy Education as a Means of Developing Student Soft Skills [Electronic resource]. *Edumaspu: Jurnal Pendidikan*, 2023. Vol. 7, no. 1, pp. 281—286. URL: <https://garuda.kemdikbud.go.id/documents/detail/3406210> (Accessed 26.08.2024).
24. Philpot D. Soft skills: more important than you might think! [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://cte-unt.blogspot.com/2010/10/soft-skills-more-important-than-you.html> (дата обращения: 26.08.2024).
25. Ramos-Pulido S., Hernández-Gress N., Torres-Delgado G. Analysis of Soft Skills and Job Level with Data Science: A Case for Graduates of a Private University. *Informatics*, 2023. Vol. 10. Article ID 23. 13 p. DOI:10.3390/informatics10010023
26. Tang K.N. The importance of soft skills acquisition by teachers in higher education institutions. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, 2020. Vol. 41, no. 1, pp. 22—27. DOI:10.1016/j.kjss.2018.01.002

27. Majid S., Eapen C.M., Ei M.A., Oo K.T. The Importance of Soft Skills for Employability and Career Development: Students and Employers' Perspectives [Electronic resource]. *IUP Journal of Soft Skills*, 2019. Vol. 13, no. 4, pp. 7—39. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3796720 (Accessed 26.08.2024).

28. Whitmore P.G. What are soft skills? Paper presented at the *CONARC Soft Skills Conference* (12—13 December 1972, g. Fort-Bliss). Fort-Bliss, 1972. P. 3—10.

29. Wisshak S., Hochholdinger S. Perceived instructional requirements of soft-skills trainers and hard-skills trainers. *Journal of Workplace Learning*, 2020. Vol. 32, no. 6, pp. 405—416. DOI:10.1108/JWL-02-2020-0029

30. Yeo J. Facing the challenges of the future of education. *Learning: Research and Practice*, 2019. Vol. 5, no. 1, pp. 1—3. DOI:10.1080/23735082.2019.1585120

Информация об авторах

Авдеева Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: nnavdeeva@mail.ru

Кочетова Юлия Андреевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Климакова Мария Вячеславовна, преподаватель кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru

Information about the authors

Natalia N. Avdeeva, PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>, e-mail: avdeevann@mgppu.ru

Yulia A. Kochetova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>, e-mail: kochetovayua@mgppu.ru

Maria V. Klimakova, lecturer, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>, e-mail: klimakovamv@mgppu.ru

Получена 25.07.2024

Received 25.07.2024

Принята в печать 29.08.2024

Accepted 29.08.2024

Особенности процессов изучения иностранного языка и овладения им: психологические и лингвистические факторы

Ермолова Т.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru

Махмудова С.М.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Литвинов А.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>, e-mail: alisal01@yandex.ru

Контекст и актуальность. Проблема повышения качества обучения иностранным языкам остается крайне актуальной в современном мире, как и анализ причин, по которым она остается малоизученной. Внедряемые в лингводидактике инновационные методы обучения иностранному языку в школах и вузах не приводят к существенному изменению ситуации. **Целью** данной работы выступила попытка проанализировать накопленные за последние 50 лет данные о том, возможно ли в принципе обучить человека иностранному языку в искусственно создаваемой языковой среде и насколько полным и прочным будет освоенный им языковой материал. **Результаты.** Проведенный анализ показал отсутствие у исследователей единого мнения о процессах и факторах, влияющих на овладение языком как в естественных условиях, так и в условиях инструктивной (искусственно созданной) языковой среды. В ряде работ наличие этих двух условий является основанием для противопоставления реализуемых в них процессов «овладения» иностранным языком и его «изучения», причем первое, близкое к условиям онтогенетического развития родного языка, считается единственно возможным для полного усвоения иностранного языка, а второе рассматривается как неэффективное. Данная позиция, принадлежащая С. Крашену, хотя и подвергается критике, но продолжает служить теоретическим и методологическим основанием для эмпирических исследований, в которых либо подтверждаются основные положения его теории, либо описываются методы частичной трансформации искусственной языковой среды, позволяющие улучшить процесс «изучения» иностранного языка. **Заключение.** Традиционные и современные методы не решают стоящей перед образовательной системой задачи надежного закрепления иноязычной языковой компетенции на необходимом уровне.

Ключевые слова: освоение, изучение, психологические факторы, лингвистические факторы, языковая компетенция, искусственная языковая среда.

Для цитаты: Ермолова Т.В., Махмудова С.М., Литвинов А.В. Особенности процессов изучения иностранного языка и овладения им: психологические и лингвистические факторы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 69–78. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140107>

The Peculiarities of Foreign Language Learning and Acquisition Processes: Psychological and Linguistic Factors

Tatiana V. Ermolova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, yermolova@mail.ru

Svetlana M. Makhmudova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Aleksandr V. Litvinov

Moscow State University of Psychology & Education; RUDN University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>, alisal01@yandex.ru

Context and Relevance. The problem of improving the quality of foreign language teaching remains highly relevant in today's world, as does the analysis of the reasons why it is unsatisfactory. Innovative methods introduced into linguodidactics for teaching foreign languages in schools and universities do not lead to a significant change in the situation. The aim of this study was to analyze data accumulated over the past 50 years on whether it is possible to teach a person a foreign language in an artificially created linguistic environment and how complete and durable the acquired language material will be. **Results.** Our analysis revealed that researchers lack a unified opinion on the processes and factors influencing language acquisition both in natural conditions and in instructional (artificially created) language environments. In some works, the presence of these two conditions serves as a basis for contrasting the processes implemented therein as “acquisition” and “learning” of a foreign language, with the former, close to the conditions of ontogenetic development of the native language, being considered the only possible way for full mastery of a foreign language, while the latter is viewed as ineffective. This position, held by the authoritative psycholinguist S. Krashen, although subject to criticism, serves as the theoretical and methodological foundation for empirical studies that either confirm the main tenets of his theory or describe methods for partially transforming the artificial language environment and improving the process of “studying” a foreign language. **Conclusion.** Traditional and modern methods fail to address the task of reliably consolidating foreign language competence at the required level within the educational system.

Keywords: acquisition, learning, psychological factors, linguistic factors, linguistic competence, artificial language environment.

For citation: Ermolova T.V., Makhmudova S.M., Litvinov A.V. The Peculiarities of Foreign Language Learning and Acquisition Processes: Psychological and Linguistic Factors [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 69—78. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140107> (In Russ.).

Введение

Овладение языком, которое начинается с момента рождения человека, является одной из самых уникальных его способностей. Символическая система языка позволяет вычленять значения окружающих предметов и явлений и придавать смысл происходящим событиям, вспоминать прошлое и представлять то, что еще не произошло в реальности, но может быть описано в мельчайших деталях. Человек мыслит с помощью языка, действует при его непосредственном участии и воспринимает его как нечто само собой разумеющееся, крайне редко задумываясь о том, каким образом он усвоен. Этот вопрос возникает только в том случае, когда перед человеком встает задача овладения языком, отличным от его родного. В научной литературе приняты обозначения L1 (language 1) — для родного языка и L2 (language 2) — для иностранного. Процесс овладения иностранным языком, по мнению исследователей, может суще-

ственным образом отличаться от естественного онтогенетического усвоения родного языка (если речь не идет о билингвизме) [16; 38]. Степень владения иностранным языком во многом зависит от условий, в которых проходит его усвоение, и по качеству он редко достигает уровня, сопоставимого с родным языком [35]. Это дало основание одному из наиболее авторитетных психолингвистов современности Стивену Крашену (1981) еще во второй половине прошлого века развести процесс естественного интуитивного *овладения* языком (acquisition) и его *изучения* в искусственно созданной языковой среде (learning) [25; 24]. Крашен утверждал, что языковая компетентность (linguistic competence) может быть полноценной только при бессознательном усвоении языка, а его сознательное «изучение» не способно обеспечить типичное для родного языка спонтанное овладение им. Крашеном были сформулированы 5 гипотез, которые зафиксировали основные проблемы формализованного изучения иностранного языка и

имплицитно содержали указания на способы преодоления естественно возникающих при этом сложностей: *гипотеза входного материала* (input hypothesis), базовая у Крашена и часто упоминаемая в современных исследованиях [26], — утверждает, что успешным усвоение языка может быть в том случае, когда обучающиеся понимают входной языковой материал (language input) и он ненамного превышает их текущий уровень; *гипотеза овладения-изучения* (acquisition-learning hypothesis), которая проводит границу между этими понятиями; первое выступает в качестве бессознательного процесса, а второе — сознательного, при этом высокий уровень языковой компетентности возможен только в ходе естественного усвоения языка (желательно еще в детском возрасте) и не может привести к аналогичным результатам в условиях искусственно создаваемой языковой среды в процессе формализованного изучения L2 взрослыми; *гипотеза редактора* (monitor hypothesis), согласно которой сознательно выученный язык преимущественно «редактирует» порождаемый языковой материал (monitor language output) и не является источником спонтанной речи; *гипотеза естественного порядка* (natural order hypothesis) — указывает на определенный порядок усвоения языка, который не может быть изменен в соответствии с индивидуальными запросами обучающихся или предпочтениями учителя; *гипотеза аффективного фильтра* (affective filter hypothesis), указывающая на снижение эффективности любого дидактического приема при возникновении у обучающегося в ходе овладения иностранным языком негативных эмоций: страха, стыда, тревожности, смущения.

Идеи Крашена оказали существенное влияние на лингводидактику во многих странах, несмотря на фактическое отсутствие их эмпирической проверки. Не зря до сих пор все пять пунктов его концепции носят название гипотез. Тем не менее во многих современных исследованиях, посвященных проблемам обучения иностранному языку, авторы активно ссылаются на гипотезы «входного материала» (input hypothesis) и «аффективного фильтра» [17; 26; 32], хотя гипотеза «овладения-изучения» (acquisition-learning hypothesis) подвергается критике за излишнюю «натуралистичность», фактически нивелирующую накопленный опыт формального обучения иностранному языку в отечественной и зарубежной научных школах.

Цель данной работы состояла в том, чтобы проанализировать современное состояние проблемы изучения иностранного языка людьми, перешагнувшими рубеж детского возраста и попытаться сориентироваться в том, насколько эффективно приемы, используемые при обучении L2 в современном образовании, решают задачу «овладения» иностранным языком. Действительно ли верны идеи С. Крашена о том, что изучение иностранного языка в инструктивной (искусственно созданной) языковой среде заведомо обречено на провал и высокий уровень языковой компетентности достижим только при натуральном языковом усвоении.

Исследование гипотез С. Крашена

Результаты, связанные с социальными и культурными факторами

Гипотезы Стивена Крашена определяют не только лингвистический, но и психологический контекст изучения иностранного языка, а сам этот процесс представляется им как комплексный (психолингвистический, лингводидактический), требующий междисциплинарного подхода к его реализации. С этой позицией согласны практически все исследователи в области лингводидактики. Разногласия фиксируются преимущественно при выборе исходной позиции, касающейся самого процесса овладения языком, в том числе родным (L1): бихевиористической, когнитивной, натуралистической и гуманистической. Исходная позиция, как правило, имплицитно присутствует в теориях исследователей как доминирующая [35] либо представляет собой сочетание сразу нескольких позиций [16; 40]. Однако, несмотря на существующие разногласия, по ряду подходов, касающихся факторов, определяющих качество усвоения иностранного языка, исследователи приходят к сходным выводам.

Фактор возраста

В норме дети осваивают родной язык на уровне «овладения» (acquisition) в течение 4—6 лет от момента рождения. Изучение иностранного языка начинается в разное время у разных людей, имеет разную продолжительность и этот процесс крайне редко завершается его овладением на уровне родного языка. По этой причине возраст относят к наиболее важным факторам, влияющим на процесс изучения иностранного языка [41].

Еще в конце 1960-х годов активно обсуждались две гипотезы о влиянии возраста на процесс усвоения второго языка: 1) гипотеза «критического периода» в изучении L2, в которой представлена идея своеобразного биологического «окна», рассчитанного на овладение языком в определенные сроки после рождения, после чего процессы и результаты овладения языком необратимо меняются [9]; 2) гипотеза «потолка», утверждающая наличие предела, до которого может быть развита компетенция в L2, сопоставимая с компетенцией L1, что связано с потерей пластичности мозга к 9 годам и завершением к началу полового созревания латерализации левого полушария [27].

Обе эти нейролингвистические гипотезы подвергались критике, однако до сих пор продолжают считаться правдоподобными. Например, вероятность наличия сензитивного периода для овладения языком частично подтверждается описанием случаев «отложенного» овладения первым языком (L1) у глухих детей, рождающихся у слышащих, но не владеющих жестовым языком родителей. Многолетние исследования показывают, что такие дети обычно демонстрируют неполное освоение первого языка [30]. В то же время в ряде исследований, проведенных в Нидерландах [36], было показано, что взрослые и подростки успешнее, чем

дети, осваивали языковой материал на иностранном языке в течение 25-минутного занятия. Эти данные прямо противоречат утверждениям о наличии критического периода для изучения иностранного языка.

Результаты нидерландских ученых были негативно оценены Стивеном Крашеном и его последователями (1979). Они опубликовали данные многочисленных исследований, проводившихся в интервале между 1962 и 1979 годами, в том числе лонгитюдных, которые показали, что изучение иностранного языка в детском возрасте может идти медленнее, но по объему усвоенного языкового материала и его сохранности в памяти существенно опережает аналогичные показатели взрослых во временном интервале в 5—10—20 лет [33]. По всей видимости, ранний старт в изучении иностранного языка действительно является важным условием его освоения.

Интерференция родного языка

Возможность опоры на родной язык в ходе изучения иностранного является еще одним остро diskutированным пунктом в научной литературе по лингводидактике. Интерференция L1 в процесс формирования лексических, грамматических и смысловых структур на иностранном языке практически единодушно признается негативным фактором, требующим учета при формализованном обучении. Изучение языка, дополнительного к родному, осуществляется в условиях, когда на полностью сформированную языковую систему накладываются нормы новой системы, которой обучающийся владеет слабо, что неизбежно влечет за собой активность доминирующей языковой системы. На первых этапах изучения иностранного языка он остается субординативным (подчиняющим), что и порождает интерференцию [11; 13].

Сторонники натуралистического подхода настаивают на полном исключении L1 из процесса освоения L2. Именно на этом принципе основан ряд методов, используемых для обучения иностранным языкам. Это так называемые *коммуникативный подход* (Communicative Language Teaching, CLT), *метод погружения* (Immersion Method) и *метод естественного подхода* (Natural Approach). В отечественной литературе коммуникативный подход был адаптирован для российских условий и активно продвигался в работах Е.И. Пассова, И.Л. Бим и их последователей [8; 1], а метод погружения анализируется в работах Г.А. Китайгородской, разработавшей методику интенсивного обучения иностранному языку [4]. Метод естественного подхода знаком отечественным ученым, но рекомендуется только для начального этапа обучения в детском возрасте.

Критика этих «прямых» методов обучения, избегающих участия родного языка в ходе освоения L2, звучала с момента их появления от сторонников когнитивного подхода. Например, Майкл Свейн [37] оспаривал эффективность коммуникативных навыков без должного внимания к формальной стороне языка,

которая доводится до сведения учащихся преимущественно на родном языке. Он предложил концепцию «обучение через понимание» (input-based instruction), которая предполагает, что учащиеся должны получать достаточное количество входящей информации (на слух и визуально) перед тем, как переходить к активной практике речи.

Возможность продуктивного использования L1 при изучении L2 встречается и в современных научных исследованиях. Сторонники гуманистической позиции со ссылкой на концепцию «зоны ближайшего развития» Л.С. Выготского доказывают, что использование учителем L1 в качестве когнитивной опоры для изучения L2 эффективно сокращает разрыв между текущими знаниями студентов и их учебными целями. Этот подход не только делает процесс обучения более логичным, но и помогает учащимся запоминать и осваивать изученный материал осознанно [21; 42].

В целом, «натуральные» методы изучения иностранных языков признаются ограниченно пригодными для широкого внедрения по ряду причин:

- они чрезмерно затратны по времени, что затрудняет их использование для массового формализованного изучения L2 в школах и вузах;
- требуют высокой языковой квалификации педагогов, не всегда достижимой в современных условиях подготовки педагогических кадров;
- не пригодны для работы в больших группах;
- их эффективность в долгосрочной перспективе невелика и уровня полного «овладения» L2 с их помощью зафиксировать не удалось.

Результаты, связанные с психологическими характеристиками

Однако исследователей интересовали не только социальные и культурные факторы, которые связаны с гипотезами С. Крашена. К числу психологических характеристик относят мотивацию и аффект при изучении языка. Эти характеристики будут рассмотрены далее подробно.

Мотивация. Мотивация является еще одним фактором, определяющим степень овладения L2, и изначально выступает в качестве междисциплинарного предмета исследования со стороны психолингвистики, педагогической психологии и методики преподавания иностранных языков. Каждая из дисциплин делает акцент на наиболее близких ей аспектах мотивации, но однозначно признает мотивацию важнейшим условием успешности в овладении иностранным языком [7]. Исследователи различают внешнюю и внутреннюю мотивацию, наделяя последнюю свойствами более положительного влияния на процесс изучения L2 учащимися [19; 23]. С этой позицией согласны лингвисты, отмечающие более успешное освоение грамматических структур, лексического запаса и произношения у таким образом замотивированных студентов [31]. Методисты, разрабатывающие учебные программы и приемы повышения учебной

мотивации, привлекают для этой цели интерактивные методы, игровые методики, проективные подходы к изучению иностранного языка и другие современные методы обучения [12; 31].

При создании конкретных методических приемов, направленных на повышение мотивации у студентов, педагоги-практики опираются на ряд исследований мотивации, адаптируемых к ситуации изучения иностранного языка. Это теория самодетерминации (степень контроля, компетентности и связанности с другими людьми) (Self-Determination Theory, SDT) [18]; модель интегрированной мотивации (максимальное погружение в культуру изучаемого языка взамен инструментального восприятия иностранного языка как условия для карьерного роста или утилитарного использования) (Integrative Motivation Model) [20], аттitudная модель (тенденция к позитивной или негативной реакции на определенный объект, лицо или событие) (Attitude/Motivation Test Battery, AMTB) [29]; модель самоэффективности (формирование уверенности в своих способностях) (Self-Efficacy) [4; 5] и др. На практике применение этих теорий ориентирует педагогов на обеспечение ряда условий, в которых усвоение иностранного языка проходит успешнее, а именно:

— создание автономной среды обучения, обеспечивающей студентам самостоятельность в выборе контента для изучения, способов его освоения и оценивания [32];

— поддержка прилагаемых усилий, выступающая в виде имманентной обратной связи и фиксации позитивных достижений [32];

— организация групповых форм работы для создания атмосферы поддержки со стороны сверстников и имплицитного сравнения своих достижений с достижениями других участников учебного процесса без вмешательства педагога и его оценок [32];

— сочетание интегрированных и инструментальных мотиваторов, направляющих внимание учеников на культурологические аспекты изучаемого языка и на примеры его практического применения в реальных обстоятельствах [32].

В отечественных психолингвистике и лингводидактике идеи интегрированной мотивации и самоэффективности при изучении иностранного языка получили дополнительное и адаптированное к условиям национальной языковой практики направление [3; 10]. Положительную оценку в их работах получили метод проектов (Project-Based Learning), метод обучения, опирающийся на выполнение задачи учителя (Task-based learning — TBL) и метод интегративного изучения учебных дисциплин на иностранном языке. (Content and Language Integrated Learning — CLIL). Эти методы направлены на изучение иностранного языка через реализацию индивидуальных и групповых научных или учебных проектов. Хотя достоверных сведений о пролонгированном эффекте применения этих методов нет ни в отечественной, ни в

зарубежной литературе, они рассматриваются как обладающие высоким ситуативным мотивационным потенциалом [31].

Аффект при изучении L2. Гипотеза «аффективного фильтра» С. Крашена, свидетельствующая о непригодности любых, самых продвинутых дидактических приемов обучения иностранному языку при наличии у обучающегося негативных эмоций, практически никем из исследователей в области прикладной психолингвистики не оспаривается. Ситуация овладения иностранным языком в инструктивном (урочном), а не естественном формате, всегда является эмоциогенной. Она может делать людей уязвимыми, вызывать у них чувства страха, стыда, тревожности, смущения и препятствовать овладению иностранным языком в процессе его изучения.

В современных исследованиях выдвигается и активно апробируется связь тревожных состояний при освоении иностранного языка с системой Я. Сформированная на основе родного языка собственная идентичность не переносится автоматически на ситуации общения на иностранном языке, там она только начинает выстраиваться и может стать завершённой только при полном освоении L2, в остальных случаях, аффективные состояния могут осложнять и чаще всего осложняют попытки практического использования иностранного языка. Это касается не только устной, но и письменной речи, а также чтения на иностранном языке [28; 39].

Наиболее часто упоминаемыми причинами, вызывающими негативные аффективные состояния при изучении иностранных языков, называют страх совершить ошибку, неуверенность в себе, недостаток мотивации, отсутствие практики коммуникации на иностранном языке, культурные различия. Собственно, на устранение этих причин и должны быть направлены усилия педагогов в системе формализованного изучения иностранного языка [28].

Современные (хотя уже давно ставшие традиционными) методы обучения иностранным языкам, в том числе коммуникативные и проектные, которые были представлены выше, предлагают ряд приемов, направленных на преодоление этого препятствия [12; 34]. Выдвигаются и новые, например построение индивидуальной образовательной траектории для каждого из учащихся, предложенной А.В. Хуторским [14]. Индивидуальная образовательная траектория рассматривается им как совместно спроектированная учеником и его учителем программа образовательной деятельности, предполагающая свободу выбора содержания и форм обучения, приспособленных к конкретным запросам каждого ученика.

Идеи индивидуальных образовательных траекторий все чаще высказываются на фоне нарастающих темпов цифровизации образовательной среды и внедрения искусственного интеллекта в педагогическую практику [2; 15; 22]. Эти трансформации дидактического процесса расширяют возможности не только традицион-

ного, но и инклюзивного образования, позволяя более эффективно осуществлять обучение лиц с особыми образовательными потребностями [6]. Смогут ли новые методы и средства обучения опровергнуть гипотезы Крашена о недостижимости полного овладения иностранным языком в искусственно созданной языковой среде, покажет время.

Выводы и перспективы исследования

Овладение вторым языком (Second Language Acquisition — «SLA») — это особая научная область исследований, анализирующая способность человека изучать языки, отличные от родного, в возрасте, исключающем его освоение в билингвальном формате. Данные исследований показывают, что изучение иностранного языка редко приводит к овладению им на уровне, изоморфном с владением родным языком. Это дает основание некоторым исследователям рассматривать естественный (близкий к онтогенетическому) путь овладения вторым языком не только как предпочтительный, но и единственно возможный для достижения высоких уровней языковой компетенции на иностранном языке. Данный подход, хотя и критикуется психолингвистами и педагогами, тем не менее сохраняет свои позиции во многих научных исследованиях и побуждает педагогов-практиков искать способы приближения условий, в которых проходит обучение иностранному языку, к естественному, типичному для овладения родным языком. Используемые для этого методы изучения второго языка в массовой школе и высших учебных заведениях дают положительный эффект, но редко приводят к длительному сохранению усвоенного языкового материала.

Исследователи выделяют множество факторов, в той или иной мере влияющих на уровень языковой компетенции при изучении иностранного языка: различие языковых групп родного и иностранного языков, уровень языковой компетенции на родном языке, религиозные и культурные особенности двух взаимодействующих языков и т. д. Однако наибольший вес, по мнению ученых, имеют такие факторы, как возраст, в котором начинается освоение второго языка, сила интерференции родного языка, особенности мотивации при изучении иностранного языка и аффективные реакции на ситуацию его изучения. Их влияние на процесс овладения иностранным языком признается решающим практически всеми учеными.

Фактор возраста остается спорным в работах ученых. Наряду с исследованиями, в которых приводятся данные о более успешном овладении иностранным языком детьми и делаются выводы о необходимости максимально раннего начала его изучения, встречаются работы, демонстрирующие более медленный темп освоения детьми второго языка и наличие пробелов в

построенных ими когнитивных схемах на иностранном языке. В то же время, освоенный в детстве языковой материал, по свидетельству ученых, гораздо дольше сохраняется в памяти и легче активизируется при необходимости его использования в реальных жизненных обстоятельствах. Однако возрастные особенности изучения иностранного языка в научной литературе не зафиксированы, а имеющиеся сведения носят несистемный характер.

Интерференция родного языка в процесс изучения иностранного оценивается учеными в диапазоне от «недопустимой» до «необходимой». Наиболее взвешенной остается позиция о сбалансированном использовании родного языка при обучении иностранному. Тем не менее четкого описания предела допустимости использования родного языка пока не зафиксировано.

Мотивация является практически определяющим фактором при изучении иностранного языка. При отсутствии интереса и желания иностранный язык практически не осваивается учениками и никакие прогрессивные методы не способны вложить в них необходимые знания. Ученые приводят данные о большей продуктивности интегрированной мотивации, отражающей увлечение изучаемым языком и отчетливое желание его знать, по сравнению с инструментальной (язык как утилитарная опция). Современные методы изучения иностранных языков четко ориентированы на повышение мотивации у обучающихся. Они достаточно успешны при правильном и своевременном использовании, но не все имеют подтвержденную эффективность.

Аффективные реакции на ситуацию изучения иностранного языка как фактор, снижающий результативность обучения, анализируются учеными с точки зрения причин, приводящих к их появлению, а также способов их устранения. Если часть этих причин не поддается исправлению, например тревожность, связанная с чертами характера человека, то такие причины аффекта, как страх совершить ошибку, боязнь негативной оценки, сложность в восприятии учебного материала, вполне устранимы в ходе организации учебного процесса.

Несмотря на то, что эффективность обучения иностранным языкам как научная проблема существует уже давно, она так же далека от своего решения, как и раньше. Формализованное изучение иностранного языка как учебной дисциплины в школе и вузе не дает оснований рассматривать его как оптимальное для повышения уровня языковой компетентности обучающихся. Традиционные и современные методы не решают стоящей перед образовательной системой задачи надежного закрепления иноязычной языковой компетенции на необходимом уровне. Обнадеживающей тенденцией является возникновение инновационных подходов, связанных с цифровизацией образовательной среды и развитием обучающихся платформ с использованием возможностей искусственного интеллекта.

Литература

1. Бим И.Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и проблемы школьного учебника: Опыт системно-структурного описания. М.: Русский язык, 1977. 288 с.
2. Вопросы иноязычной коммуникативной компетентности в цифровой среде [Электронный ресурс] / А.В. Хуторской, Т.В. Красноперова, М.А. Фёдорова [и др.] // Вестник Института образования человека. 2023. № 1. Ст. № 10. 13 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54249631> (дата обращения: 09.02.2025).
3. Зимняя И.А., Сахарова Т.Е. Проектная методика обучения английскому языку // Иностранные языки в школе. 1991. № 3. С. 9—15.
4. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 103 с.
5. Майерс Д. Самоэффективность // Социальная психология / Д. Майерс. СПб.: Питер, 2015. С. 68—69.
6. Махмудова С.М., Зенкевич И.В. Инклюзивное образование в условиях цифровизации учебной деятельности // Язык и текст. 2020. Том 7. № 4. С. 92—98. DOI:10.17759/langt.2020070407
7. Новикова, В.С. Теория мотивации Дёрнеи в области освоения второго языка [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2023. № 34(481). С. 158—160. URL: <https://moluch.ru/archive/481/105602/> (дата обращения: 09.02.2025).
8. Пассов Е.И. Содержание обучения иностранным языкам. Воронеж: Интерлингва, 2002. 40 с.
9. Пенфильд В., Робертс Л. Речь и мозговые механизмы [Электронный ресурс]. Л.: Медицина, 1964. 264 р. URL: <https://opentextnn.ru/man/penfild-roberts/https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/penfild.-rech-i-mozg.pdf> (дата обращения: 09.02.2025).
10. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2. С. 3—10.
11. Поляков О.Г., Белоусов А.С. Элективный курс на иностранном языке и профессиональная ориентация учащихся старших классов (на примере гуманитарного профиля) // Иностранные языки в школе. 2021. № 5. С. 64—71.
12. Савицкая Н.В., Гузова А.В., Дедова О.В. Формирование дискурсивной и стратегической компетенции при обучении монологических высказываний в проектной деятельности // Язык и текст. 2023. Том 10. № 1. С. 97—103. DOI:10.17759/langt.2023100111
13. Сысов П.В., Твердохлебова И.П. Предметно-языковое интегрированное обучение в России: история вопроса и современные исследования // Иностранные языки в школе. 2021. № 5. С. 2—9.
14. Хуторской А.В. Образовательный продукт ученика как условие его самореализации [Электронный ресурс] // Вестник Института образования человека. 2020. № 2. Ст. № 5. 19 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44425301> (дата обращения: 09.02.2025).
15. Хуторской А.В. Что меняет цифровизация в учебном процессе? [Электронный ресурс] // Эйдос. 2022. № 1. Ст. № 6. 11 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48217770> (дата обращения: 09.02.2025).
16. Alsaedi N.S. Fifty Years of Second Language Acquisition Research: Critical Commentary and Proposal // Psycholinguistics. 2024. Vol. 35. № 1. P. 24—57. DOI:10.31470/2309-1797-2024-35-1-24-57
17. Anam C., Firmansyah M.T. Problems of Language Acquisition in Psycholinguistic Perspective // Tarsib: Jurnal Program Studi PGMI. 2024. Vol. 2. № 1. P. 21—27. DOI:10.61181/tarsib.v2i1.458
18. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation development, and health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49. № 3. P. 182—185. DOI:10.1037/a0012801
19. Dörnyei Z. Innovations and challenges in language learning motivation. London: Routledge, 2020. 186 p.
20. Gardner R.C., Lambert W.E. Attitudes and Motivation in Second-language Learning. Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1972. 313p.
21. Habok A., Magyar, A. The role of students' approaches in foreign language learning // Cogent Education. 2020. Vol. 7. № 1. Article ID 1770921. 21 p. DOI:10.1080/2331186X.2020.1770921
22. Improving metacognition through self-explication in a digital self-regulated learning tool / E. Braad, N. Degens, W. Barendregt, W. IJsselsteijn // Educational technology research and development. 2022. Vol. 70. P. 2063—2090. DOI:10.1007/s11423-022-10156-2
23. Jiang Q., Zhang J., Zhou J. A review of literature on the effect of motivation on learners' impact on L2 acquisition // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 26. P. 800—804. DOI:10.54097/vfnfma42
24. Krashen S.D. Principles and practice in second language learning. Oxford: Pergamon Press. 1982. 209 p.
25. Krashen S.D. Second Language Acquisition and Second Language Learning. Oxford: Pergamon Press, 1981. 151 p.
26. Kusumawardan J.S., Anjaniputra A.G. A systematic review of young learners' second language acquisition in the Indonesian context [Электронный ресурс] // Register Journal of English Language Teaching of FBS UNIMED. 2024. Vol. 13. № 2. P. 34—49. URL: <https://jurnal.unimed.ac.id/2012/index.php/eltu/article/view/58295> (дата обращения: 09.02.2025).
27. Lenneberg E.H. Biological Foundations of Language. New York: Wiley, 1967. 489 p.

28. Li Y. A study on the effects of L2 motivational self system and language learning anxiety on English performance of non-english major undergraduates // *Proceedings of the International Conference on Global Politics and Socio-Humanities*. 2023. Vol. 23. P. 190—200. DOI: 10.54254/2753-7048/23/20230438
29. Masgoret A.M., Gardner R.C. Attitudes, motivation, and second language learning: A meta-analysis of studies conducted by Gardner and associates // *Language Learning*. 2003. Vol. 53. № S1. P. 167—210. DOI: 10.1111/1467-9922.00212
30. Mayberry R.I., Lock E. Age constraints on first versus second language acquisition: Evidence for linguistic plasticity and epigenesis // *Brain and language*. 2003. Vol. 87. № 63. P. 369—384. DOI:10.1016/S0093-934X(03)00137-8
31. Mercer S., Dmyei Z. Engaging language learners in contemporary classrooms. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 194 p.
32. Mohebbi H., Mahmood R.Q. Book review: Cognitive Individual Differences // *Iranian Journal of Language Teaching Research*. 2024. Vol. 12. № 3. P. 220—223. DOI:10.30466/ijltr.2024.121585
33. Oyama S. A sensitive period for the acquisition of a nonnative phonological system // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1976. Vol. 5. P. 261—285. DOI:10.1007/BF01067377
34. Pataquiva F.P.F., Klimova B. A Systematic review of virtual reality in the acquisition of second language // *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. 2022. Vol. 17. № 15. P. 43—53. DOI:10.3991/ijet.v17i15
35. Salih F.A. Subject review: Acculturation and second language acquisition // *International Journal of Research in Social Sciences & Humanities*. 2021. Vol. 11. № 2. P. 117—126. DOI:10.37648/ijrssh.v11i02.006
36. Snow C.E. Perspectives on second-language development: Implications for bilingual education // *Educational Researcher*. 1992. Vol. 21. № 2. P. 16—19. DOI:10.3102/0013189x021002016
37. Swain M., Lapkin S. Task-based second language learning: the uses of the first language // *Language Teaching Research*. 2000. Vol. 4. P. 253—276. DOI:10.1177/13621688000400304
38. Tan A. A Literature review of the effect of individual differences on second language acquisition // *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*. 2003. Vol. 6. № 10. C. 1—6. DOI:10.32996/ijllt.2023.6.10.1
39. Wang J., Zhou T., Fan C. Impact of communication anxiety on L2 WTC of middle school students: Mediating effects of growth language mindset and language learning motivation // *PLoS ONE*. 2025. Vol. 20(1). Article ID e0304750. 20 p. DOI:10.1371/journal.pone.0304750.
40. Wei R. The effect of metacognitive strategies on adult second language acquisition // *Journal of Education and Educational Research*. 2024. Vol. 9. № 3. P. 278—280. DOI:10.54097/d7hejx86
41. Zhang C. A Study of Age Influence in L2 Acquisition [Электронный ресурс] // *Asian Social Science*. 2009. Vol. 5. № 5. P. 133—137. URL: https://web.archive.org/web/20190224171409id_/http://pdfs.semanticscholar.org/5b58/c50da27b114ae036e1f13846dc10de68cb5f.pdf (дата обращения: 09.02.2025).
42. Zhou Z. Using L1 to learn L2 enhances language acquisition at university // *International Journal of Education and Humanities*. 2024. Vol. 17. № 3. P. 126—129. DOI:10.54097/fgn67360

References

1. Bim I.L. Metodika obucheniya inostrannym yazykam kak nauka i problemy shkol'nogo uchebnika: Opyt sistemno-strukturnogo opisaniya. Moscow: Russkii yazyk, 1977. 288 p. (In Russ.).
2. Khutorskoi A.V., Krasnoperova T.V., Fedorova M.A. [et al.] Voprosy inoyazychnoi kommunikativnoi kompetentnosti v tsifrovoi srede [Electronic resource]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* = [Bulletin of the Institute of Human Education]. 2023, no. 1, article ID 10. 13 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54249631> (Accessed 09.02.2025). (In Russ.).
3. Zimnyaya I.A., Sakharova T.E. Proektnaya metodika obucheniya angliiskomu yazyku. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1991, no. 3, pp. 9—15. (In Russ.).
4. Kitaigorodskaya G.A. Metodika intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam: Uchebnoe posobie. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: Vysshaya shkola, 1986. 103 p. (In Russ.).
5. Maiers D. Samoэффективност' [Self-efficacy]. In Myers D. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology] SPb.: Piter, 2015, pp. 68—69. (In Russ.).
6. Makhmudova S.M., Zenkevich I.V. Inclusive education in the context of digitalization of training activity. *Yazyk i tekst = Language and Text*. 2020. Vol 7, no. 4. pp. 92—98. DOI:10.17759/langt.2020070407 (In Russ.).
7. Novikova, V.S. Dmyei's Theory of Motivation in Second Language Acquisition [Electronic resource]. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023, no. 34(481), pp. 158—160. URL: <https://moluch.ru/archive/481/105602/> (Accessed 09.02.2025). (In Russ.).
8. Passov E.I. Soderzhanie obucheniya inostrannym yazykam. Voronezh: Interlingva, 2002. 40 p.
9. Penfil'd V., Roberts L. Rech' i mozgovyе mekhanizmy [Electronic resource]. Leningrad: Meditsina, 1964. 264 p. URL: <https://opentextnn.ru/man/penfild-roberts/https://opentextnn.ru/wp-content/uploads/penfild.-rech-i-mozg.pdf> (Accessed 09.02.2025). (In Russ.).
10. Polat E.S. Metod proektov na urokakh inostrannogo yazyka. *Inostrannye yazyki v shkole* = [Foreign languages at school]. 2000, no. 2, pp. 3—10. (In Russ.).

11. Polyakov O.G., Belousov A.S. Elektivnyi kurs na inostrannom yazyke i professional'naya orientatsiya uchashchikhsya starshikh klassov (na primere gumanitarnogo profilya). *Inostrannyye yazyki v shkole = [Foreign languages at school]*. 2021. №5. S. 64—71. (In Russ.).
12. Savitskaya N.V., Guzova A.V., Dedova O.V. Formation of discursive and strategic competence in teaching monologue utterance in project activities. *Yazyk i tekst = Language and Text*. 2023. Vol. 10, no. 1, pp. 97—103. DOI:10.17759/langt.2023100111 (In Russ.).
13. Sysoev P.V., Tverdokhlebova I.P. Predmetno-yazykovoe integrirovannoe obuchenie v Rossii: istoriya voprosa i sovremennyye issledovaniya. *Inostrannyye yazyki v shkole = [Foreign languages at school]*. 2021, no. 5. pp. 2—9. (In Russ.).
14. Khutorskoi A.V. Obrazovatel'nyi produkt uchenika kak uslovie ego samorealizatsii [Electronic resource]. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka = [Bulletin of the Institute of Human Education]*. 2020, no. 2, article ID 5. 19 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44425301> (Accessed 09.02.2025). (In Russ.).
15. Khutorskoi A.V. Chto menyaet tsifrovizatsiya v uchebnom protsesse? [Electronic resource]. *Eidos*. 2022. no 1, article ID 6. 11 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48217770> (Accessed 09.02.2025). (In Russ.).
16. Alsaedi N.S. Fifty Years of Second Language Acquisition Research: Critical Commentary and Proposal // *Psycholinguistics*. 2024. Vol. 35, no. 1, pp. 24—57. DOI:10.31470/2309-1797-2024-35-1-24-57
17. Anam C., Firmansyah M.T. Problems of Language Acquisition in Psycholinguistic Perspective. *Tarsib: Jurnal Program Studi PGMI*. 2024. Vol. 2, no. 1, pp. 21—27. DOI:10.61181/tarsib.v2i1.458
18. Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation development, and health. *Canadian Psychology*. 2008. Vol. 49, no. 3, pp. 182—185. DOI:10.1037/a0012801
19. Dörnyei Z. *Innovations and challenges in language learning motivation*. London: Routledge, 2020. 186 p.
20. Gardner R.C., Lambert W.E. *Attitudes and Motivation in Second-language Learning*. Rowley, MA: Newbury House Publishers, 1972. 313p.
21. Habok A., Magyar, A. The role of students' approaches in foreign language learning. *Cogent Education*. 2020. Vol. 7, № 1. article ID 1770921. 21 p. DOI:10.1080/2331186X.2020.1770921
22. Braad E., Degens N., Barendregt W., IJsselsteijn W. Improving metacognition through self-explication in a digital self-regulated learning tool. *Educational technology research and development*. 2022. Vol. 70, pp. 2063—2090. DOI:10.1007/s11423-022-10156-2
23. Jiang Q., Zhang J., Zhou, J. A review of literature on the effect of motivation on learners' impact on L2 acquisition. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 26, pp. 800—804. DOI:10.54097/vfnfma42
24. Krashen S.D. *Principles and practice in second language learning*. Oxford: Pergamon Press. 1982. 209 p.
25. Krashen S.D. *Second Language Acquisition and Second Language Learning*. Oxford: Pergamon Press, 1981. 151 p.
26. Kusumawardan J.S., Anjaniputra A.G. A systematic review of young learners' second language acquisition in the Indonesian context [Electronic resource]. *Register Journal of English Language Teaching of FBS UNIMED*. 2024. Vol. 13, no. 2, pp. 34—49. URL: <https://jurnal.unimed.ac.id/2012/index.php/eltu/article/view/58295> (Accessed 09.02.2025).
27. Lenneberg E.H. *Biological Foundations of Language*. New York: Wiley, 1967. 489 p.
28. Li Y. A study on the effects of L2 motivational self system and language learning anxiety on English performance of non-english major undergraduates. *Proceedings of the International Conference on Global Politics and Socio-Humanities*. 2023. Vol. 23, pp. 190—200. DOI: 10.54254/2753-7048/23/20230438
29. Masgoret A.M., Gardner R.C. Attitudes, motivation, and second language learning: A meta-analysis of studies conducted by Gardner and associates. *Language Learning*. 2003. Vol. 53. № S1, pp. 167—210. DOI: 10.1111/1467-9922.00212
30. Mayberry R.I., Lock E. Age constraints on first versus second language acquisition: Evidence for linguistic plasticity and epigenesis. *Brain and language*. 2003. Vol. 87, no. 63, pp. 369—384. DOI:10.1016/S0093-934X(03)00137-8
31. Mercer S., Dörnyei Z. *Engaging language learners in contemporary classrooms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 194 p.
32. Mohebbi H., Mahmood R.Q. Book review: Cognitive Individual Differences. *Iranian Journal of Language Teaching Research*. 2024. Vol. 12, no. 3, pp. 220—223. DOI:10.30466/ijltr.2024.121585
33. Oyama S. A sensitive period for the acquisition of a nonnative phonological system. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1976. Vol. 5, pp. 261—285. DOI:10.1007/BF01067377
34. Pataquiva F.P.F., Klimova B. A Systematic review of virtual reality in the acquisition of second language. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. 2022. Vol. 17, no. 15, pp. 43—53. DOI:10.3991/ijet.v17i15
35. Salih F.A. Subject review: Acculturation and second language acquisition. *International Journal of Research in Social Sciences & Humanities*. 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 117—126. DOI:10.37648/ijrssh.v11i02.006
36. Snow C.E. Perspectives on second-language development: Implications for bilingual education. *Educational Researcher*. 1992. Vol. 21, no. 2, pp. 16—19. DOI:10.3102/0013189x021002016
37. Swain M., Lapkin S. Task-based second language learning: the uses of the first language. *Language Teaching Research*. 2000. Vol. 4, pp. 253—276. DOI:10.1177/13621688000400304

38. Tan A. A Literature review of the effect of individual differences on second language acquisition. *International Journal of Linguistics, Literature and Translation*. 2003. Vol. 6, no. 10. С. 1—6. DOI:10.32996/ijllt.2023.6.10.1
39. Wang J., Zhou T., Fan C. Impact of communication anxiety on L2 WTC of middle school students: Mediating effects of growth language mindset and language learning motivation. *PLoS ONE*. 2025. Vol. 20(1). article ID e0304750. 20 p. DOI:10.1371/journal.pone.0304750.
40. Wei R. The effect of metacognitive strategies on adult second language acquisition. *Journal of Education and Educational Research*. 2024. Vol. 9, no. 3, pp. 278—280. DOI:10.54097/d7hejx86
41. Zhang C. A Study of Age Influence in L2 Acquisition [Electronic resource]. *Asian Social Science*. 2009. Vol. 5, no. 5, pp. 133—137. URL: https://web.archive.org/web/20190224171409id_/http://pdfs.semanticscholar.org/5b58/c50da27b114ae036e1f13846dc10de68cb5f.pdf (Accessed 09.02.2025).
42. Zhou Z. Using L1 to learn L2 enhances language acquisition at university. *International Journal of Education and Humanities*. 2024. Vol. 17, no. 3, pp. 126—129. DOI:10.54097/fgn67360

Информация об авторах

Ермолова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru

Махмудова Светлана Мусаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Литвинов Александр Викторович, кандидат педагогических наук, профессор кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент кафедры иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>, e-mail: alisal01@yandex.ru

Information about the authors

Tatiana V. Ermolova, PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru

Svetlana M. Makhmudova, Doctor in Philology, Professor, Department “Linguodidactics and Intercultural Communication”, Institute “Foreign Languages, Modern Communication and Management”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>, e-mail: mahmudovasm@mgppu.ru

Aleksandr V. Litvinov, PhD in Education, Professor of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education; Associate Professor at Foreign Languages Department at the Faculty of Economics; RUDN University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>, e-mail: alisal01@yandex.ru

Получена 11.02.2025

Принята в печать 19.03.2025

Received 11.02.2025

Accepted 19.03.2025

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ SOCIAL PSYCHOLOGY

Привязанность к месту проживания в зарубежной психологии: теоретические подходы и эмпирические исследования

Тучина О.Р.

*Кубанский государственный технологический университет (ФГБОУ ВО КубГТУ),
г. Краснодар, Российская Федерация; Кубанский государственный университет (ФГБОУ ВО КубГУ),
г. Краснодар, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

В статье представлен обзор исследований феномена привязанности к месту проживания в зарубежных исследованиях. Проведено сравнение точек зрения зарубежных исследователей на соотношение категорий «привязанность к месту» (place attachment) и «идентичность с местом» (place identity). Проанализированы эмпирические исследования привязанности к месту проживания как фактора влияния на межгрупповые отношения и экологическое поведение жителей в разных социокультурных условиях. Выявлено, что привязанность к месту проживания, согласно результатам современных исследований, является значимым фактором влияния на межгрупповые отношения, однако особенности влияния определяются социокультурным контекстом. Результаты анализа показали, что влияние привязанности к месту в большей мере определяет проэкологическое поведение по отношению к значимому для человека месту. В статье также проанализированы результаты эмпирических исследований предикторов привязанности к месту проживания: социально-демографических, социально-психологических, — а также восприятие и оценка особенностей места проживания. Выявлено, что, несмотря на большое количество исследований коррелятов и предикторов привязанности к месту, на сегодняшний день нет научных теорий, объясняющих психологические механизмы связи человека с местом проживания.

Ключевые слова: привязанность к месту, идентичность с местом, предикторы привязанности к месту.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) и Кубанского научного фонда (КНФ) в рамках научного проекта № 24-18-20075 «Культурный код города: визуальный аспект».

Для цитаты: Тучина О.Р. Привязанность к месту проживания в зарубежной психологии: теоретические подходы и эмпирические исследования [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 79–87. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140108>

Place Attachment in Foreign Psychology: Theoretical Approaches and Empirical Research

Oksana R. Tuchina

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

The article provides an overview of studies of the phenomenon of attachment to place of residence in foreign studies. A comparison of the points of view of foreign researchers on the relationship between the categories “Place Attachment” and “place identity” is carried out. Empirical studies of attachment to place of residence as a factor influencing intergroup relations and environmental behavior of residents in different sociocultural conditions are analyzed. It has been revealed that attachment to place of residence, according to the results of modern research, is a significant factor influencing intergroup relations, however, the characteristics of the influence are determined by the sociocultural context. The results of the analysis showed that the influence of place attachment largely determines pro-environmental behavior in relation to a place that is significant for a person. The article also analyzes the results of empirical studies of predictors of attachment to the place of residence: socio-demographic, socio-psychological,

as well as the perception and assessment of the characteristics of the place of residence. It was revealed that, despite a large number of studies on the correlates and predictors of attachment to a place, today there are no scientific theories that explain the psychological mechanisms of a person's connection with his place of residence.

Keywords: place attachment; identity with place; predictors of place attachment.

Financing. The research was funded by Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation, project number 24-18-20075 "Cultural code of the city: visual aspect".

For citation: Tuchina O.R. Place Attachment in Foreign Psychology: Theoretical Approaches and Empirical Research [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 79—87. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140108> (In Russ.).

Введение

Исследования привязанности к месту в зарубежной психологии насчитывают более полувека [12]. Данное направление объединяет исследования мест разного масштаба и характера: страны, региона, города или поселка, рекреационных зон, места постоянного проживания и места отдыха, места учебы и работы [11; 12]. Современный глобализирующийся мир характеризуется снижением культурного разнообразия мест проживания людей, утрате их культурной специфики, а также возросшей мобильностью населения. Все это, предположительно, должно приводить к снижению значимости определенных мест, отсутствию эмоциональной связи с ними, привязанности к определенным местам. Однако целый ряд исследований показывает, что места проживания не только не потеряли своей личностной значимости для человека, но их роль стала более важной в его жизни [10; 11]. Результаты многочисленных исследований продемонстрировали, что привязанность к месту проживания является важным фактором психологического благополучия [17; 36], связана с разными формами социальной активности, в том числе с экологическим поведением [6; 32], и межгрупповыми отношениями [20; 41].

Поскольку категория «место» (place) является объектом междисциплинарных исследований (географии, архитектуры, дизайна, психологии, экологии и т. д.), его определения основаны на разных методологических подходах, что привело к разногласиям в научной среде: как определять, концептуализировать и оценивать привязанность к месту. Для характеристики связи человека с местом проживания используют разные термины: привязанность к месту (place attachment), чувство места (sense of place), значимость места (sense of place values), идентичность с местом (place identity). Эти концепты в разных исследованиях рассматриваются как синонимы; привязанность к месту определяется как аффективный компонент идентичности с местом; идентичность с местом может быть компонентом привязанности к месту; в ряде работ данные категории являются измерениями более общего концепта; по мнению некоторых исследователей, привязанность к месту и идентичность места, хотя и взаимосвязаны, представляют собой два разных способа взаимодействия человека и места (пер-

вый предполагает эмоциональную связь с данным местом, второй включает когнитивные и поведенческие аспекты), имеют разные предикторы и должны по-разному измеряться [30; 31; 33].

Независимо от различных определений и концепций, привязанность к месту считается одним из основных способов объяснения стремления людей оставаться в данном месте, поскольку обеспечивает чувство безопасности и «укорененности», формирует позитивные установки по отношению к будущему и способствует психологическому благополучию [11; 12; 14; 28].

Привязанность к месту проживания как предиктор межгрупповых отношений и социальной активности

Исследования показывают, что привязанность к месту делает людей чувствительными к такому явлению, как «нарушение места». Нарушение места может быть связано с различными изменениями, такими как преобразование физического ландшафта, символические или юридические изменения (например переименование или изменение статуса) и даже воображаемые изменения, а также потеря «социального фундамента» (друзей, родных, соседей) [27]. К феномену «нарушения места» можно также отнести изменения этнической и социальной структуры населения данного места, что влияет на межгрупповые отношения (взаимодействие этнического большинства и меньшинства, старожилов и новичков, местных жителей и туристов) [31]. Например, исследователи обнаружили, что эмоциональная привязанность к месту была связана с негативным отношением к мигрантам как в бесконфликтном социальном контексте [20], так и в ситуации конфликта [5; 21]. Вместе с тем исследование, проведенное в Великобритании, показало, что привязанность к месту связана с более позитивным отношением к мигрантам; однако в Нидерландах такой связи не наблюдалось [37]. Кроме того, привязанность к месту проживания была положительно связана с убеждением, что только коренные жители (голландцы) должны иметь право решать, какие правила применяются в Нидерландах и кому будет разрешено находиться в стране [20]. Авторы утверждают, что привязанность к

месту в некоторых ситуациях может включать чувство общности и инклюзивности, поскольку люди с сильной привязанностью демонстрируют более высокий уровень социального доверия [14].

В исследованиях Внюк и Олексий (Wnuk A., Oleksy T.), проведенных в Израиле, где рассматривается привязанность к городу проживания как фактор межгрупповых отношений в ситуации затяжного конфликта, выявило, что существует значительное различие влияния данного фактора в привилегированных и неблагополучных группах. Результаты исследований показали, что в случае израильтян традиционная (естественная и непреднамеренная) форма привязанности [14] предсказывала предубеждение по отношению к чужой группе, но активная форма привязанности (т. е. сознательная идентификация с местом) была отрицательно связана с предрассудками; в случае палестинцев не выявлено эффекта привязанности (ни традиционного, ни активного), но безразличное отношение к месту являлось позитивным предиктором принятия чужой группы [41].

Таким образом, привязанность к месту проживания, согласно результатам современных исследований, является значимым фактором влияния на межгрупповые отношения, однако особенности влияния определяются социокультурным контекстом.

Другим направлением исследования влияния привязанности к месту проживания на поведение, привлекающим внимание исследователей в течение последних двух десятилетий, является изучение взаимосвязи между привязанностью к месту и экологическим поведением [6]. Однако проведенные исследования дали противоречивые результаты относительно влияния привязанности к месту на поведение, направленное на защиту окружающей среды, поэтому на сегодняшний день не существует единого мнения о силе и направлении связи «привязанность—поведение» [6; 17; 32].

Проведенный Дарианто и Сонг (Daryanto, Song) метаанализ работ, исследующих взаимосвязь между привязанностью к месту и проэкологическим поведением, выявил важные контекстуальные факторы, определяющие данную взаимосвязь [6]. Так, было выявлено, что, несмотря на то, что чувство привязанности к месту может подразумевать удовлетворенность существующими условиями окружающей среды и возможность игнорировать экологические проблемы, привязанность влияет на экологическую активность жителей. Кроме того, метаанализ выявил, что связь между привязанностью к месту и экологическим поведением сильнее в коллективных культурах, чем в индивидуалистических. Соответственно, культурные контексты следует учитывать при обсуждении влияния привязанности к месту на поведение, и исследователям следует проявлять осторожность при использовании результатов своих исследований в различных культурных контекстах.

Неожиданным результатом анализа стал тот факт, что влияние привязанности к месту на проэкологиче-

ское поведение сильнее среди туристов, чем среди местных жителей, что кажется нелогичным, поскольку предыдущие исследования показывают, что туристы, как правило, менее склонны заботиться об окружающей среде, чем местные жители [12]. Результаты метаанализа показывают, что если туристы и местные жители одинаково привязаны к месту, туристы с большей вероятностью будут вести себя более бережно по отношению к окружающей среде, чем постоянно проживающие в данном месте. Несмотря на противоречивые выводы, авторы предположили, что у туристов и местных жителей по-разному формируется чувство привязанности к месту, их экологическое поведение обусловлено разными мотивами. Чувство привязанности приезжих к туристическим местам определяется тем, как эти места позволяют им отдохнуть и получить приятные впечатления. Таким образом, их проэкологическое поведение направлено на сохранение положительных особенностей мест туризма и отдыха. Кроме того, у туристов, которым нравится отдыхать в конкретном месте, формируется ностальгическое чувство к данному месту, что, в свою очередь, влияет на их проэкологическое поведение, чтобы сохранить память об этом месте как чистом, удобном и приятном. Соответственно, результаты анализа показывают, что мотивы проэкологического поведения туристов являются более сложными, чем описано в литературе. Что касается постоянных жителей, исследователи полагают, что более значимыми для них являются социальные связи, которые формируются и поддерживаются в повседневной жизни в жилом районе, а не в природной обстановке [6; 14; 17; 38]. Кроме того, как отмечают исследователи, местные жители повышают экологическую активность в случае возникновения угрозы для окружающей среды, повседневная же активность в отношении поддержания и улучшения качества окружающей среды жилого района имеет тенденцию постепенно снижаться [6; 16].

Результаты метаанализа показали важность сегментации жителей определенных мест для понимания связи между привязанностью к месту и экологическим поведением. Поскольку разные типы проживающих в данном месте людей (например местных жителей и туристов) испытывают привязанность к месту по разным причинам и рассматривают данное место в разных личностных контекстах, их привязанность может проявляться в различных поведенческих тенденциях по отношению к этому месту [35]. Эмоциональная привязанность к месту влияет на намерения и действия по защите и сохранению как конкретного места, так и окружающей среды в целом, но результаты метаанализа показали, что влияние привязанности к месту в большей мере определяет проэкологическое поведение по отношению к конкретному месту, значимому для человека. Этот результат предполагает, что исследования должны упоминать конкретное место в диагностических инструментах, чтобы выявить влияние привязанности к месту на проэкологическое поведение; если используются

универсальные опросники, эффект может быть небольшим или вообще не обнаружиться.

Исследователи также рекомендуют для того, чтобы способствовать экологически безопасному поведению людей, учитывать особенности идентичности человека с местом. Например, привязанность к местному сообществу может быть использована в качестве полезного политического инструмента для продвижения проэкологического поведения по отношению к месту проживания, тогда как выраженная глобальная идентичность будет способствовать вовлечению индивидов в глобальные и транснациональные экологические проекты.

Эмпирические исследования предикторов привязанности к месту проживания

В последние десятилетия появилось большое количество эмпирических исследований социально-демографических, социально-психологических и экологических (т. е. восприятие и оценка особенностей места проживания) факторов, определяющих привязанность к месту. Социально-демографические предикторы привязанности к месту включают продолжительность проживания, возраст, социальный статус и образование, владение жильем, размер сообщества, наличие детей, мобильность и ее диапазон. Было обнаружено, что продолжительность проживания предсказывает привязанность как прямо, так и косвенно, влияя на силу связей с местным сообществом [14; 23]. В ряде исследований были обнаружены некоторые особенности связи продолжительности проживания и привязанности к месту. В исследовании Лалли (Lalli) привязанность к городу была положительно связана с продолжительностью проживания, однако наибольшее усиление привязанности наблюдается в первые годы жизни в этом городе [13]. Харлан и др. (Harlan) обнаружили, что в высокомобильной зоне наиболее быстрый рост обоих показателей произошел в первые четыре года проживания [20].

С переменной «продолжительность проживания» тесно связана мобильность, которая может принимать разные формы, такие как частая смена постоянного места жительства, поездки на работу в другой город; частые командировки за пределы города или поселка внутри страны или длительные поездки за границу с длительным отсутствием дома; туристических поездок и т. д. Эти различные формы мобильности по-разному влияют на привязанность к постоянному месту жительства: в исследованиях зафиксировано как ослабление привязанности к дому, так и усиление [10; 40]. В рамках так называемого «поворота к мобильности» в социальных науках ряд ученых утверждают, что мобильность не делает место проживания человека менее значимым для него, не ослабляет эмоциональные связи, а меняет наше отношение к месту и привычные способы взаимоотношения с данным местом и местным социумом [2].

Еще одним важным социально-демографическим фактором, который, как установлено, является предиктором привязанности к месту, является владение жильем [3; 4]. Статус собственности является положительным предиктором привязанности — владельцы домов более привязаны к своему жилищу, чем арендаторы или жители домов, находящихся в государственной собственности. Одним из гипотетических механизмов этого являются эмоциональные и финансовые вложения, сделанные в покупку и отделку жилья [3].

Другие переменные, такие как социальный и экономический статус, образование, профессиональные навыки, пол, возраст, принадлежность к сельскому или городскому месту проживания, демонстрируют неоднозначные связи с привязанностью к месту — в ряде исследований положительные, в других — отрицательные [1; 11; 13; 14]. Это позволяет предположить, что данная связь опосредована или регулируется дополнительными факторами. Так, в исследовании Левицкой было выявлено, что форма связи между привязанностью к месту и возрастом и образованием может зависеть от типа привязанности [14], в то время как традиционная, «повседневная» привязанность показала значимую отрицательную связь с образованием и положительную с возрастом, более активная форма привязанности («идеологическая укорененность» демонстрировала перевернутую U-образную связь с возрастом и линейную положительную связь с образованием). В ряде исследований выявлено, что особую значимость связь с местом проживания приобретает в пожилом возрасте [22], демонстрируя роль воспоминаний и личного опыта, а также освоения культурного опыта группы в формировании привязанности [39]. Уровень образования также неоднозначно влияет на привязанность к локальному месту проживания: люди с более низким образованием больше привязаны к своему небольшому городу или району и больше идентифицируются с его жителями, тогда как более образованные люди в большей мере идентифицируют себя с большими городами [34]. Исследователи объясняют этот факт тем, что у людей с низким уровнем образования меньше возможностей принадлежать к различным социальным группам, с которыми можно идентифицироваться, а у высокообразованных людей больше шансов отнести себя к членам доминирующих групп и, следовательно, слабее мотивация идентифицировать себя с местными социальными группами [24].

Социально-психологические предикторы привязанности к месту проживания включают социальные связи, чувство безопасности, мотивы и установки. Социальные связи с местным сообществом, т. е. интенсивность и продолжительность контактов, эмоциональные связи, а также активность неформальной социальной деятельности в рамках малой общности положительно влияют на привязанность к месту проживания [1; 14; 20; 29]. Еще одним важным социально-психологическим предиктором привязанности к месту, согласно результатам ряда исследований, является

чувство безопасности человека в рамках данного населенного пункта или района [7].

Восприятие и оценка физических особенностей места проживания (экологических, архитектурных, исторических и т. д.) также являются объектом активного научного изучения. Так, в масштабном исследовании Фрида (Fried) было выявлено, что удовлетворенность местом проживания в большей мере детерминирована физическими особенностями данного места, чем социально-психологическими факторами [8]. К самым значимым признакам респонденты отнесли доступность зеленых зон, затем качество жилья и благоустройство районов, чувство безопасности в границах места проживания, владение жильем, стоимость и качество муниципальных услуг, отношения с соседями, а также плотность домохозяйств. Среди особенностей окружающей среды, которые, как было обнаружено в ряде исследований, влияют на привязанность к месту, наиболее значимыми являются тихие районы, наличие эстетически приятных зданий, зеленых зон [19], доброжелательность жителей [7], стабильность жизни, отсутствие загрязнения и беспорядка [23]. В ряде исследований выявлено, что размер здания отрицательно влияет на привязанность к месту: частные дома получили самые высокие оценки с точки зрения как привязанности, так и соседских отношений [9].

Влияние социальных и физических факторов может быть опосредовано целым рядом дополнительных факторов. К ним относятся социально-экономический статус жителей (объективные характеристики лучше предсказывают привязанность у жителей с высоким статусом, тогда как сила социальных связей — с более низким) [8]; возраст (привязанность к месту у пожилых людей лучше всего прогнозировалась по социальным факторам, а у молодых — по степени, в которой это место способствовало активности и достижению важных жизненных целей) [24]; масштаб места (особенности места проживания были более важными причинами привязанности к городу, но социальные факторы были связаны с домом и районом) [31; 35].

Как показали кросс-культурные исследования, привязанность к дому связана с типом культуры: студенты из стран с ярко выраженной коллективистской ориентацией и семейными ценностями проявляют более высокий уровень тоски по дому по сравнению со студентами с индивидуалистическими ценностями [15; 25].

Как показывают результаты ряда исследований, значимость переменных, способствующих формированию привязанности к месту, может зависеть от масштаба и типа среды. Например, привязанность к городским кварталам обусловлена иными переменными по сравнению с исследованиями рекреационных зон. Следовательно, переменные, которые являются существенными в условиях одного типа среды проживания, могут быть неактуальны в условиях другого типа: предикторы не могут рассматриваться как универсально значимые для формирования привязанности. Поэтому

многие авторы предполагают, что привязанность к месту не следует рассматривать как обобщаемый феномен, а следует контекстуализировать [12].

Однако, несмотря на большое количество исследований коррелятов и предикторов привязанности к месту, на сегодняшний день наблюдается недостаток научных теорий, объясняющих психологические механизмы связи человека с местом проживания. Как отмечает Левицкая (Lewicka), «Социально-демографический или экологический предиктор — это не то же самое, что психологическая переменная, и они могут (в лучшем случае) подсказать, где искать возможные механизмы привязанности, но ничего не говорят нам о природе этих механизмов» [14]. Так, например, устойчивая связь между временем проживания в определенном месте и устойчивой привязанностью к нему может быть рассмотрена в рамках экологической теории, т. е. увеличение положительного аффекта вызвано увеличением осведомленности о стимуле, что приводит, среди прочего, к растущему чувству безопасности в знакомой местности [35]. Также, возможно, время является лишь промежуточным звеном в более длинной цепочке переменных, в которой одним из опосредующих факторов являются социальные отношения в конкретном месте, которые с течением времени становятся сильнее, устойчивей и разнообразней, с сопутствующими им воспоминаниями и смыслами [17]. Продолжительность проживания также может быть показателем таких психологических переменных, как стадия старения или процессы взросления [22; 26]. Места, в которых люди проживают в течение многих лет, приобретают смыслы, связанные с несколькими этапами жизни, такими как взросление, свидания с партнерами, женитьба, рождение детей и старение, что приводит к созданию сложной системы смыслов, связанных с данным местом, и порождает чувство единения с местом проживания, аутентичности и самотождественности в рамках данного места, которое не испытывают более мобильные люди [22].

Морган (Morgan) в качестве объяснительной теории привязанности к месту предложил модель, основанную на теории привязанности, согласно которой привязанность к определенным местам развивается в цикле повторяющегося исследовательского поведения ребенка [18]. Привязанность к месту, согласно этой модели, является результатом связи между положительными эмоциями, испытываемым во время контакта со взрослым, который обеспечивает ему комфорт и спокойствие, и восторгом от открытия нового, испытываемым в процессе исследовательского поведения. Как успешная ранняя привязанность является предпосылкой последующей способности вступать в зрелые отношения с людьми во взрослой жизни, так и люди, у которых развивается привязанность к определенному месту в раннем детстве, в большей мере способны к эмоциональной привязанности к местам на более поздних этапах жизни.

Заключение

Исследование привязанности к месту проживания является одним из наиболее динамично развивающихся направлений современной науки, находящейся на стыке психологии, экологии, дизайна и т. д. На сегодняшний день в научной среде нет единого мнения о феномене привязанности к месту, его структурных элементах, что приводит большому разнообра-

зю методических подходов и инструментов исследований и существенно затрудняет сравнение эмпирических результатов. Как показал анализ опубликованных работ зарубежных исследователей, существует большое количество эмпирических данных о коррелятах и предикторах привязанности к месту, но наблюдается недостаток научных теорий, объясняющих психологические механизмы связи человека с местом проживания.

Литература

1. *Belanche D., Casalo L.V., Rubio, M.A.* Local place identity: A comparison between residents of rural and urban communities // *Journal of Rural Studies*. 2021. Vol. 82. P. 242—252. DOI:10.1016/j.jrurstud.2021.01.003
2. *Between fixities and flows: Navigating place attachments in an increasingly mobile world / A. Di Masso, D.R. Williams, C.M. Raymond [et al.]* // *Journal of environmental psychology*. 2019. Vol. 61. P. 125—133. DOI:10.1016/j.jenvp.2019.01.006
3. *Bolan M.* The mobility experience and neighborhood attachment // *Demography*. 1997. Vol. 34. P. 225—237.
4. *Brown B.B., Perkins D.D., Brown G.* Place attachment in a revitalizing neighborhood: Individual and block levels of analysis // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. Vol. 23. № 3. P. 259—271. DOI:10.1016/S0272-4944(02)00117-2
5. *Collective psychological ownership and reconciliation in territorial conflicts / N. Storz, B. Martinovic, M. Verkuyten, I. Žeželj, C. Psaltis, S. Roccas* // *Journal of Social and Political Psychology*. 2020. Vol. 8. № 1. P. 404—425. DOI:10.5964/jssp.v8i1.1145
6. *Daryanto A., Song Z.* A meta-analysis of the relationship between place attachment and pro-environmental behaviour // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 123. P. 208—219. DOI:10.1016/j.jbusres.2020.09.045
7. *Environmental satisfaction, residential satisfaction, and place attachment: The cases of long-term residents in rural and urban areas in China / N. Chen, C.M. Hall, K. Yu, C. Qian* // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. № 22. Article ID 6439. 20 p. DOI:10.3390/su11226439
8. *Fried M.* Residential attachment: Sources of residential and community satisfaction // *Journal of Social Issues*. 1982. Vol. 38. № 3. P. 107—119. DOI:10.1111/j.1540-4560.1982.tb01773.x
9. *Gifford R.* The consequences of living in high-rise buildings // *Architectural Science Review*. 2007. Vol. 50. № 1. P. 2—17. DOI:10.3763/asre.2007.5002
10. *Gustafson P.* More cosmopolitan, no less local // *European Societies*. 2009. Vol. 11. № 1. P. 25—47. DOI:10.1080/14616690802209689
11. *Hernández B., Hidalgo M. C., Ruiz C.* Theoretical and methodological aspects of research on place attachment // *Place attachment / Eds. L. Manzo, P. Devine-Wright*. New York: Routledge, 2020. P. 94—110. DOI:10.4324/9780429274442
12. *Inalhan G., Yang E., Weber C.* Place attachment theory // *A handbook of theories on designing alignment between people and the office environment / Eds. R. Appel-Meulenbroek, V. Danivska*. London; New York: Routledge, 2021. P. 181—194. DOI:10.1201/9781003128830
13. *Lalli M.* Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings // *Journal of Environmental Psychology*. 1992. Vol. 12. № 4. P. 285—303. DOI:10.1016/S0272-4944(05)80078-7
14. *Lewicka M.* Place attachment: How far have we come in the last 40 years? // *Journal of environmental psychology*. 2011. Vol. 31. № 3. P. 207—230. DOI:10.1016/j.jenvp.2010.10.001
15. *Measurement invariance of the short home attachment scale: A cross-cultural study / S. Nartova-Bochaver, S. Reznichenko, V. Bardadymov, M. Khachaturova, V. Yerofeyeva, N. Khachatryan, I. Kryazh, S. Kamble, Z. Zulkarnain* // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article ID 834421. 9 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.834421
16. *Meloni A., Fornara F., Carrus G.* Predicting pro-environmental behaviors in the urban context: The direct or moderated effect of urban stress, city identity, and worldviews // *Cities*. 2019. Vol. 88. P. 83—90. DOI:10.1016/j.cities.2019.01.001
17. *Mihaylov N., Perkins D.D.* Community Place Attachment and its Role in Social Capital Development // *Place Attachment: Advances in Theory, Methods and Research / Eds. L.C. Manzo, P. Devine-Wright*. New York: Routledge, 2014. P. 61—74.
18. *Morgan P.* Towards a developmental theory of place attachment // *Journal of environmental psychology*. 2010. Vol. 30. № 1. P. 11—22. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.07.001
19. *Mouratidis K.* Neighborhood characteristics, neighborhood satisfaction, and well-being: The links with neighborhood deprivation // *Land Use Policy*. 2020. Vol. 99. Article ID 104886. 12 p. DOI:10.1016/j.landusepol.2020.104886
20. *Neighborhood attachment in urban environments: [Paper presented at the Annual Sociological Association] / S.L. Harlan, L. Larsen, E.J. Hackett [et al.]* // 2005 ASA Annual Meeting. Philadelphia: American Sociological Association, 2005.

21. Nijs T., Stark T.H., Verkuyten M. Negative intergroup contact and radical right-wing voting: The moderating roles of personal and collective self-efficacy // *Political Psychology*. 2019. Vol. 40. № 5. P. 1057—1073. DOI:10.1111/pops.12577
22. Othman S., Nishimura Y., Kubota A. Memory association in place making: A review // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 85. P. 554—563. DOI:10.1016/j.sbspro.2013.08.384
23. Pei Z. Roles of neighborhood ties, community attachment and local identity in residents' household waste recycling intention // *Journal of Cleaner Production*. 2019. Vol. 241. Article ID 118217. 9 p. DOI:10.1016/j.jclepro.2019.118217
24. Place attachment and aging: A scoping review / A.Z. Arani, N. Zanjari, A. Delbari, M. Foroughan, G. Ghaedamini Harouni // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2022. Vol. 32. № 1. P. 91—108. DOI:10.1080/10911359.2020.1860852
25. Poyrazli S., Devonish O.B. Cultural value orientation, social networking site (sns) use, and homesickness in international students // *International Social Science Review*. 2020. Vol. 96. № 3. Article ID 2. 22 p.
26. Pretty G.H., Chipuer H.M., Bramston P. Sense of place amongst adolescents and adults in two rural Australian towns: The discriminating features of place attachment, sense of community and place dependence in relation to place identity // *Journal of Environmental Psychology*. 2003. № 3. Vol. 23. P. 273—287. DOI:10.1016/S0272-4944(02)00079-8
27. Reese G., Oettler L.M., Katz L.C. Imagining the loss of social and physical place characteristics reduces place attachment // *Journal of Environmental Psychology*. 2019. Vol. 65. Article ID 101325. 6 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2019.101325
28. Rollero C., De Piccoli N. Place attachment, identification and environment perception: An empirical study // *Journal of Environmental Psychology*. 2010. Vol. 30. № 2. P. 198—205. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.12.003
29. Scopelliti M., Tiberio L. Homesickness in university students: The role of multiple place attachment // *Environment and Behavior*. 2010. Vol. 42. № 3. P. 335—350. DOI:10.1177/0013916510361872
30. Sebastien L. The power of place in understanding place attachments and meanings // *Geoforum*. 2020. Vol. 108. P. 204—216. DOI:10.1016/j.geoforum.2019.11.001
31. Sense of place, place attachment, and belonging-in-place in empirical research: A scoping review for rural health workforce research / J. Gillespie, C. Cosgrave, C. Malatzky, C. Carden // *Health & Place*. 2022. Vol. 74. Article ID 102756. 8 p. DOI:10.1016/j.healthplace.2022.102756
32. Song Z., Soopramanien D. Types of place attachment and pro-environmental behaviors of urban residents in Beijing // *Cities*. 2019. Vol. 84. P. 112—120. DOI:10.1016/j.cities.2018.07.012
33. Strandberg C., Styven M.E. The multidimensionality of place identity: A systematic concept analysis and framework of place-related identity elements // *Journal of Environmental Psychology*. 2024. Vol. 95. Article ID 102257. 18 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2024.102257
34. Tartaglia S., Rollero C. Different levels of place identity: from the concrete territory to the social categories // *Environmental psychology: New developments* / Eds. J. Valentin, L. Gamez. New York: Nova Science Publishers, 2010. P. 243—250.
35. Temporal pessimism and spatial optimism in environmental assessment: An 18-nation study / R. Gifford, L. Scannell, C. Kormos [et al.] // *Journal of Environmental Psychology*. 2009. Vol. 29. № 1. P. 1—12. DOI:10.1016/j.jenvp.2008.06.001
36. The mediating role of place attachment dimensions in the relationship between local social identity and well-being / F. Maricchiolo, O. Mosca, D. Paolini, F. Fornara // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article ID 645648. 9 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.645648
37. Toruńczyk-Ruiz S., Martinovi B. The bright and dark sides of length of residence in the neighbourhood: Consequences for local participation and openness to newcomers // *Journal of Environmental Psychology*. 2020. Vol. 67. Article ID 101383. 12 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2019.101383
38. Tournois L., Rollero C. «Should I stay or should I go?» Exploring the influence of individual factors on attachment, identity and commitment in a post-socialist city // *Cities*. 2020. Vol. 102. Article ID 102740. 10 p. DOI:10.1016/j.cities.2020.102740
39. Ujang N., Zakariya K. Place attachment as indicator for place significance and value // *Asian Journal of Behavioural Studies*. 2018. Vol. 3. № 10. P. 95—103. DOI:10.21834/ajbes.v3i10.84
40. Vada S., Prentice C., Hsiao A. The influence of tourism experience and well-being on place attachment // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2019. Vol. 47. P. 322—330. DOI:10.1016/j.jretconser.2018.12.007
41. Wnuk A., Oleksy T. Too attached to let others in? The role of different types of place attachment in predicting intergroup attitudes in a conflict setting // *Journal of Environmental Psychology*. 2021. Vol. 75. Article ID 101615. 11 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2021.101615

References

1. Belanche D., Casalo L.V., Rubio, M.Á. Local place identity: A comparison between residents of rural and urban communities. *Journal of Rural Studies*, 2021. Vol. 82, pp. 242—252. DOI:10.1016/j.jrurstud.2021.01.003
2. Di Masso A., Williams D.R., Raymond C.M. et al. Between fixities and flows: Navigating place attachments in an increasingly mobile world. *Journal of environmental psychology*, 2019. Vol. 61, pp. 125—133. DOI:10.1016/j.jenvp.2019.01.006
3. Bolan M. The mobility experience and neighborhood attachment. *Demography*, 1997. Vol. 34, pp. 225—237.

4. Brown B.B., Perkins D.D., Brown G. Place attachment in a revitalizing neighborhood: Individual and block levels of analysis. *Journal of Environmental Psychology*, 2003. Vol. 23, no. 3, pp. 259—271. DOI:10.1016/S0272-4944(02)00117-2
5. Storz N., Martinovic B., Verkuyten M., Žeželj I., Psaltis C., Roccas S. Collective psychological ownership and reconciliation in territorial conflicts. *Journal of Social and Political Psychology*, 2020. Vol. 8, no. 1, pp. 404—425. DOI:10.5964/jpspp.v8i1.1145
6. Daryanto A., Song Z. A meta-analysis of the relationship between place attachment and pro-environmental behavior. *Journal of Business Research*, 2021. Vol. 123, pp. 208—219. DOI:10.1016/j.jbusres.2020.09.045
7. Chen N., Hall C.M., Yu K., Qian C. Environmental satisfaction, residential satisfaction, and place attachment: The cases of long-term residents in rural and urban areas in China. *Sustainability*, 2019. Vol. 11, no. 22, article ID 6439. 20 p. DOI:10.3390/su11226439
8. Fried M. Residential attachment: Sources of residential and community satisfaction. *Journal of Social Issues*, 1982. Vol. 38, no. 3, pp. 107—119. DOI:10.1111/j.1540-4560.1982.tb01773.x
9. Gifford R. The consequences of living in high-rise buildings. *Architectural Science Review*, 2007. Vol. 50, no. 1, pp. 2—17. DOI:10.3763/asre.2007.5002
10. Gustafson P. More cosmopolitan, no less local. *European Societies*, 2009. Vol. 11, no. 1, pp. 25—47. DOI:10.1080/14616690802209689
11. Hernández B., Hidalgo M.C., Ruiz C. Theoretical and methodological aspects of research on place attachment. In Manzo L., Devine-Wright P. (eds.), *Place attachment*. New York: Routledge, 2020, pp. 94—110. DOI:10.4324/9780429274442
12. Inalhan G., Yang E., Weber C. Place attachment theory. In Appel-Meulenbroek R., Danivska V. (eds.), *A handbook of theories on designing alignment between people and the office environment*. London/New York: Routledge, 2021, pp. 181—194. DOI:10.1201/9781003128830
13. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*, 1992. Vol. 12, no. 4, pp. 285—303. DOI:10.1016/S0272-4944(05)80078-7
14. Lewicka M. Place attachment: How far have we come in the last 40 years? *Journal of environmental psychology*, 2011. Vol. 31, no. 3, pp. 207—230. DOI:10.1016/j.jenvp.2010.10.001
15. Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Bardadymov V., Khachaturova M., Yerofeyeva V., Khachatryan N., Kryazh I., Kamble S., Zulkarnain Z. Measurement invariance of the short home attachment scale: A cross-cultural study. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 834421. 9 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.834421
16. Meloni A., Fornara F., Carrus G. Predicting pro-environmental behaviors in the urban context: The direct or moderated effect of urban stress, city identity, and worldviews. *Cities*, 2019. Vol. 88, pp. 83—90. DOI:10.1016/j.cities.2019.01.001
17. Mihaylov N., Perkins D.D. Community Place Attachment and its Role in Social Capital Development. In Manzo L.C., Devine-Wright P. (eds.), *Place Attachment: Advances in Theory, Methods and Research*. New York: Routledge, 2014, pp. 61—74.
18. Morgan P. Towards a developmental theory of place attachment. *Journal of environmental psychology*, 2010. Vol. 30, no. 1, pp. 11—22. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.07.001
19. Mouratidis K. Neighborhood characteristics, neighborhood satisfaction, and well-being: The links with neighborhood deprivation. *Land Use Policy*, 2020. Vol. 99, article ID 104886. 12 p. DOI:10.1016/j.landusepol.2020.104886
20. Harlan S.L., Larsen L., Hackett E.J. [et al.]. Neighborhood attachment in urban environments: Paper presented at the Annual Sociological Association. 2005 ASA Annual Meeting. Philadelphia: American Sociological Association 2005.
21. Nijs T., Stark T.H., Verkuyten M. Negative intergroup contact and radical right-wing voting: The moderating roles of personal and collective self-efficacy. *Political Psychology*, 2019. Vol. 40, no. 5, pp. 1057—1073. DOI:10.1111/pops.12577
22. Othman S., Nishimura Y., Kubota A. Memory association in place making: A review. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2013. Vol. 85, pp. 554—563. DOI:10.1016/j.sbspro.2013.08.384
23. Pei Z. Roles of neighborhood ties, community attachment and local identity in residents' household waste recycling intention. *Journal of Cleaner Production*, 2019. Vol. 241, article ID 118217. 9 p. DOI:10.1016/j.jclepro.2019.118217
24. Arani A.Z., Zanjari N., Delbari A., Foroughan M., Ghaedamini Harouni G. Place attachment and aging: A scoping review. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 2022. Vol. 32, no. 1, pp. 91—108. DOI:10.1080/10911359.2020.1860852
25. Poyrazli S., Devonish O.B. Cultural Value Orientation, Social Networking Site (SNS) Use, and Homesickness in International Students. *International Social Science Review*, 2020. Vol. 96, no. 3, article ID 2. 22 p.
26. Pretty G.H., Chipuer H.M., Bramston P. Sense of place amongst adolescents and adults in two rural Australian towns: The discriminating features of place attachment, sense of community and place dependence in relation to place identity. *Journal of Environmental Psychology*, 2003. Vol. 23, no. 3, pp. 273—287. DOI:10.1016/S0272-4944(02)00079-8
27. Reese G., Oettler L.M., Katz L.C. Imagining the loss of social and physical place characteristics reduces place attachment. *Journal of Environmental Psychology*, 2019. Vol. 65, article ID 101325. 6 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2019.101325
28. Rollero C., De Piccoli N. Place attachment, identification and environment perception: An empirical study. *Journal of Environmental Psychology*, 2010. Vol. 30, no. 2, pp. 198—205. DOI:10.1016/j.jenvp.2009.12.003

29. Scopelliti M., Tiberio L. Homesickness in university students: The role of multiple place attachment. *Environment and Behavior*, 2010. Vol. 42, pp. 335—350. DOI:10.1177/0013916510361872
30. Sebastien L. The power of place in understanding place attachments and meanings. *Geoforum*, 2020. Vol. 108, no. 3, pp. 204—216. DOI:10.1016/j.geoforum.2019.11.001
31. Gillespie J., Cosgrave C., Malatzky C., Carden C. Sense of place, place attachment, and belonging-in-place in empirical research: A scoping review for rural health workforce research. *Health & Place*, 2022. Vol. 74, article ID 102756. 8 p. DOI:10.1016/j.healthplace.2022.102756
32. Song Z., Soopramanien D. Types of place attachment and pro-environmental behaviors of urban residents in Beijing. *Cities*, 2019. Vol. 84, pp. 112—120. DOI:10.1016/j.cities.2018.07.012
33. Strandberg C., Styven M.E. The multidimensionality of place identity: A systematic concept analysis and framework of place-related identity elements. *Journal of Environmental Psychology*, 2024. Vol. 95, article ID 102257. 18 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2024.102257
34. Tartaglia S., Rollero C. Different levels of place identity: from the concrete territory to the social categories. In Valentin J., Gamez L. (eds.), *Environmental psychology: New developments*. New York: Nova Science Publishers, 2010, pp. 243—250.
35. Gifford R., Scannell L., Kormos C. et al. Temporal pessimism and spatial optimism in environmental assessment: An 18-nation study. *Journal of Environmental Psychology*, 2009. Vol. 29, no. 1, pp. 1—12. DOI:10.1016/j.jenvp.2008.06.001
36. Maricchiolo F., Mosca O., Paolini D., Fornara F. The mediating role of place attachment dimensions in the relationship between local social identity and well-being. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, article ID 645648. 9 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.645648
37. Toruńczyk-Ruiz S., Martinovi B. The bright and dark sides of length of residence in the neighbourhood: Consequences for local participation and openness to newcomers. *Journal of Environmental Psychology*, 2020. Vol. 67, article ID 101383. 12 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2019.101383
38. Tournois L., Rollero C. «Should I stay or should I go?» Exploring the influence of individual factors on attachment, identity and commitment in a post-socialist city. *Cities*, 2020. Vol. 102, article ID 102740. 10 p. DOI:10.1016/j.cities.2020.102740
39. Ujang N., Zakariya K. Place attachment as indicator for place significance and value. *Asian Journal of Behavioural Studies*, 2018. Vol. 3, no. 10, pp. 95—103. DOI:10.21834/ajbes.v3i10.84
40. Vada S., Prentice C., Hsiao A. The influence of tourism experience and well-being on place attachment. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 2019. Vol. 47, pp. 322—330. DOI:10.1016/j.jretconser.2018.12.007
41. Wnuk A., Oleksy T. Too attached to let others in? The role of different types of place attachment in predicting intergroup attitudes in a conflict setting. *Journal of Environmental Psychology*, 2021. Vol. 75, article ID 101615. 11 p. DOI:10.1016/j.jenvp.2021.101615

Информация об авторах

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, профессор кафедры физики Кубанский Государственный Технологический университет (ФГБОУ ВО КубГТУ); профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский Государственный университет (ФГБОУ ВО КубГУ), г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

Information about the authors

Oksana. R. Tuchina, Doctor of Psychology, Professor, Chair of Physics, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia; Chair of Personality psychology and general psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>, e-mail: tuchena@yandex.ru

Получена 23.05.2024

Received 23.05.2024

Принята в печать 15.10.2024

Accepted 15.10.2024

Медиа и психологическая поляризация общества: систематический обзор междисциплинарных зарубежных исследований

Ванин А.В.

*Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6558-695X>, e-mail: vaninav@ipran.ru*

Гордякова О.В.

*Московский институт психоанализа (НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru*

Лебедев А.Н.

*Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru*

В работе проведен анализ зарубежных исследований взаимосвязи современных медиа с различными характеристиками психологической поляризации социальных групп. Методом исследования выступил систематический обзор литературы, произведенный на 187 релевантных научных публикациях, охватывающих временной период с 1990 по 2023 год. В ходе выполнения работы была описана связь традиционных средств массовой информации и Интернета по вопросам изучения феномена психологической поляризации на качественном и количественном уровнях. Были выделены три основных хронологически-тематических этапа изучения проблематики; установлена географическая и дисциплинарная принадлежность авторов исследований; проанализированы ключевые понятия, характеризующие предмет исследования; представлены теории и механизмы, объясняющие феномен поляризации. В результате исследования было показано: 1) количественное преобладание в литературе результатов исследований, подтверждающих гипотезу о связи медиа с различными аспектами поляризации; 2) выявленная связь характеризуется существенной ролью традиционных средств массовой информации, Интернета и социальных сетей в усилении поляризации в обществе, нежели в их гипотетически возможном деполяризующем эффекте.

Ключевые слова: психологическая поляризация, групповая поляризация, аффективная поляризация, политическая поляризация, идеологическая поляризация, поляризация мнений, медиа, социальные сети, эхо-камера, селективное воздействие, недостоверная информация.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00422, <https://rscf.ru/project/23-18-00422/>.

Для цитаты: Ванин А.В., Гордякова О.В., Лебедев А.Н. Медиа и психологическая поляризация общества: систематический обзор междисциплинарных зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 88—102. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140109>

Media and Psychological Polarization of Society: a Systematic Review of Interdisciplinary Foreign Research

Aleksandr V. Vanin

*Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6558-695X>, e-mail: vaninav@ipran.ru*

Olga V. Gordyakova

*Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru*

Aleksandr N. Lebedev

*Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru*

The paper analyzes foreign studies of the relationship of modern media with various characteristics of the psychological polarization of social groups. The research method was a systematic review of the literature conducted on

187 relevant scientific publications covering the time period from 1990 to 2023. In the course of the work, the connection between traditional media and the Internet was described on the issues of studying the phenomenon of psychological polarization at the qualitative and quantitative levels. Three main chronological and thematic stages of the study of the problem were identified; The geographical and disciplinary affiliation of the authors of the research is established; the key concepts characterizing the subject of research are analyzed; theories and mechanisms explaining the phenomenon of polarization are presented. As a result of the study, it was shown: 1) the quantitative predominance in the literature of research results confirming the hypothesis of the connection of media with various aspects of polarization; 2) the revealed connection is characterized by the significant role of traditional media, the Internet and social networks in increasing polarization in society, rather than in their hypothetically possible depolarizing effect.

Keywords: psychological polarization, group polarization, affective polarization, political polarization, ideological polarization, polarization of opinions, media, social networks, echo chamber, selective exposure, unreliable information.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF) № 23-18-00422, <https://rscf.ru/project/23-18-00422/>.

For citation: Vanin A.V., Gordyakova O.V., Lebedev A.N. Media and Psychological Polarization of Society: a Systematic Review of Interdisciplinary Foreign Research [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 88—102. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140109> (In Russ.).

Введение

Современный медиаландшафт характеризуется взаимопроникновением информации социальных сетей и традиционных средств массовой информации (СМИ), при котором граница между ними размывается. Информация на платформах социальных сетей и различных веб-сайтах часто становится заголовками в традиционных СМИ, в свою очередь СМИ стремятся занять нишу в Интернете, тем самым расширяя пространство своего контента.

В самом общем плане под психологической поляризацией общества понимается состояние, при котором две противоположные точки зрения пользуются широкой поддержкой различных групп населения. Поскольку понятие психологической поляризации является для нашего исследования ключевым, мы рассматриваем другие понятия, характеризующие данный феномен, как уточняющие. Например, объективная экономическая поляризация, т. е. экономическое благополучие и разница в доходах населения, интересует нас только с позиции ее влияния на общественную психологию, т. е. на мнения, предпочтения, суждения, социально-психологические установки людей и др. То же относится к понятиям социальной, политической, религиозной и иной поляризации.

Наиболее социально опасной областью современного мира, где наблюдается поляризация населения, является политика. Однако ряд других вопросов также может вызывать в обществе разногласия. Поляризация может иметь мобилизующий эффект за счет увеличения политической активности и взаимодействия, однако сильная поляризация может привести к дистанцированию между социальными группами и нанести большой ущерб обществу в целом.

Поляризацию можно определить как состояние, когда различия мнений в обществе распределяются по двум противоположным полюсам и люди воспринимают

и описывают наиболее важные для общества явления с позиции «Мы» и «Они». При этом «Другие» начинают восприниматься как угроза или враги, а не политические соперники, в связи с чем проявляются такие негативные эмоции, как антипатия и недоверие. Политическая дистанция между двумя сторонами в этом случае основывается на групповой принадлежности и социальной идентичности, а не на идеологических различиях.

Исследования связи различных медиа с поляризацией можно разделить на два конкурирующих направления. В рамках первого утверждается, что поляризация общественного мнения усиливается за счет создания сети тесных связей взаимодействия между людьми, разделяющими схожие убеждения и фильтрующими инакомыслящие мнения. Эти процессы приводят к дискриминации членов внешней группы, которые придерживаются противоположных точек зрения, что, в свою очередь, усиливает существующие позиции полярных групп. То есть столкновение различных взглядов может подкреплять ранее существовавшие убеждения и порождать более крайние установки, а не смягчать их.

Однако существуют исследования, согласно которым медиа не обязательно усиливают поляризацию, а, напротив, могут уменьшить ее, поскольку знакомят аудиторию с различными мнениями и тем самым приводят к менее узким политическим взглядам [7]. Таким образом, вторая точка зрения утверждает, что открытость современного медиаландшафта позволяет гражданам получать более широкий спектр идеологической информации, что способствует взаимодействию между людьми с разными мнениями и может тем самым приводить к уменьшению поляризации за счет улучшения понимания противоположной стороны.

Представленный в данной статье систематический обзор литературы позволяет ответить на два блока вопросов. Первый ключевой исследовательский блок вопросов ориентирован на количественный анализ, а именно: 1) определение количества существующих

исследований, подтверждающих или, напротив, опровергающих гипотезу о связи медиа и поляризации; 2) определение того, как воплощается эта связь (медиа усиливает поляризацию или, напротив, следует говорить о выраженном деполяризующем эффекте традиционных СМИ и/или социальных сетей).

Второй блок вопросов имеет как количественную, так и качественную направленность. В частности: как может быть охарактеризована область изучения связи медиа и поляризации мнений; 1) эволюция развития этой области исследований в выбранный период времени (какие могут быть выделены основные хронологические этапы и в какой момент происходил всплеск интереса к этой теме, и по какой возможной причине); 2) какой аспект изучения поляризации превалирует в исследованиях; 3) в каких научных дисциплинах чаще всего обращаются к изучению этой темы; 4) каково географическое распределение публикаций по странам мира; 5) какие типы исследований в данной области преобладают (экспериментальные, обзорные и др.); 6) какие ключевые понятия и термины используются при описании феномена поляризации.

Методология

Методология данного анализа предполагала проведение систематического обзора литературы, использующего воспроизводимые методы для сбора вторичных данных, критической оценки научных материалов и качественного и количественного обобщения результатов [34]. Систематический обзор литературы способствует созданию таксономий и общих номенклатур для той или иной области, выявлению областей, которые были тщательно исследованы, и тех, которые требуют большего внимания, а также открытию новых исследовательских возможностей.

В рамках систематического обзора нами: 1) определялись критерии включения и исключения для отбора и стратегии поиска литературы; 2) из исследований в пределах заранее определенного диапазона поиска выделялись те, которые соответствовали выбранным критериям; 3) далее публикации систематизировались и анализировались в рамках единой базы данных; 4) качественно и количественно обобщалась извлеченная информация, чтобы ответить на вопросы исследования.

Поиск осуществлялся по ключевым словам и словосочетаниям с использованием открытой поисковой системы Semantic Scholar, предоставляющей доступ к множеству англоязычных научных баз данных. Хронологическая точка отсечения для систематического обзора литературы была обозначена до 27.10.2023. Поиск публикаций осуществлялся в два этапа, установленных по итогам предварительно проведенной работы, направ-

ленной на определение области и метода поиска. На первом этапе поиск публикаций осуществлялся на основе следующих ключевых выражений: (affective attitude/belief/economic/group/ideological/opinion/people/political/psychological/social) polarization. В результате были отобраны 705 научных публикаций, которые подверглись оценке соответствия требованиям.

Критерии отбора статей

Ключевыми критериями отбора являлось наличие доступа к полнотекстовой версии публикации и ее отношение к основной теме обзора — связи современного медиаландшафта и поляризации. По этой причине в отобранных источниках, как в названиях, так и в заранее подготовленном полнотекстовом формате, осуществлялся дополнительный поиск, включавший такие ключевые выражения как: social/digital, media/network, online, Internet, computer, web, blog, forum, а также имена основных онлайн-платформ, таких как Twitter, Facebook¹, Weibo. В результате этой работы и после удаления дублирующихся по своему содержанию статей для последующего полнотекстового прочтения и занесения в единую базу данных было отобрано 187 научных публикаций.

Извлечение и обработка данных

Извлечение данных представляет собой ответственный этап процедуры проведения систематического обзора литературы. На нем заранее определенная исследователем информация методично берется из каждой статьи, чтобы служить материалом для дальнейшего обобщения. В соответствии с исследовательскими вопросами нами были просмотрены все статьи подборки и извлечена конкретная информация по каждой из них, включающая название, ключевые слова, аннотацию, год публикации, количество цитирований, уникальные значения стран происхождения авторов. Вся информация была занесена в единую базу данных для последующего извлечения и обработки. Обработка данных для описательного анализа публикаций подборки осуществлялась в среде программирования Python с применением релевантных задачам библиотек.

Описательный анализ публикаций подборки

Одной из основных особенностей, отличающих систематический обзор литературы от традиционного обзора литературы, выступает описательный анализ используемой в исследовании подборки публикаций.

¹ Социальная сеть Facebook компании Meta Platforms Inc. запрещена на территории РФ на основании осуществления компанией экстремистской деятельности.

Несмотря на отсутствие ограничений поиска по году публикации, в итоге исследования, вошедшие в окончательную подборку, оказались опубликованы в период с 1990 по 2023 год. На рис. 1 представлено общее количество отобранных статей, изданных за каждый год этого периода.

Можно отметить значительное увеличение интереса к исследуемой проблематике к 2020 году, что на наш взгляд связано с выраженной тенденцией в исследованиях этого периода к изучению «темной стороны» социальных сетей, в частности распространения недостоверной информации и фейковых новостей, не в

последнюю очередь в контексте пандемии COVID-19.

Было выявлено также общее число цитирований публикаций по годам (рис. 2). При том, что среднее количество цитирований из расчета на одну публикацию составило 88 упоминаний, наибольшее число цитирований на момент подготовки настоящей статьи принадлежит публикации «Political Polarization on Twitter» — 2422 цитирований [31]. В целом, это является надежным свидетельством высокой актуальности изучения связи поляризации и современных медиа, как с точки зрения частоты обращения к теме, так и с точки зрения ее последующей цитируемости.

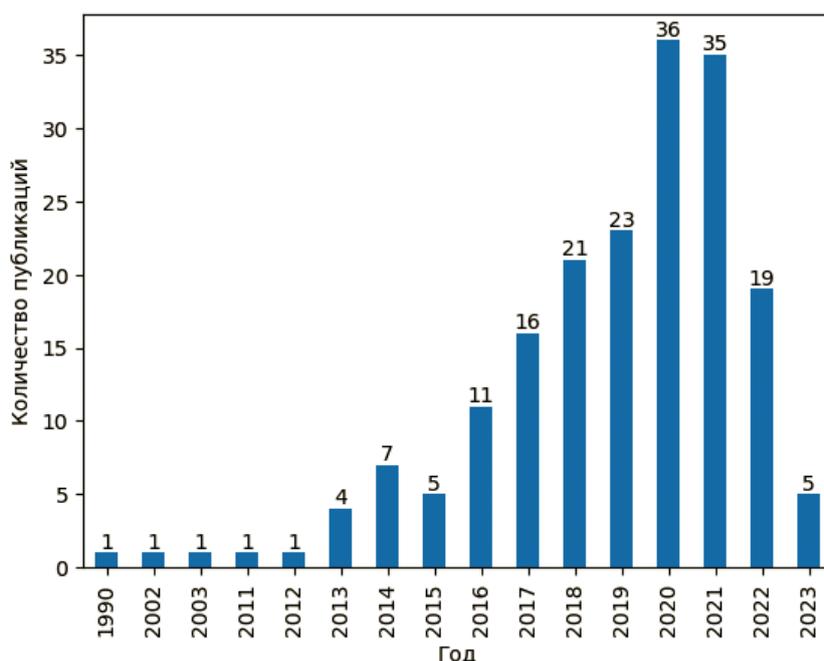

Рис. 1. Распределение публикаций по годам с 1990 по 2023 год

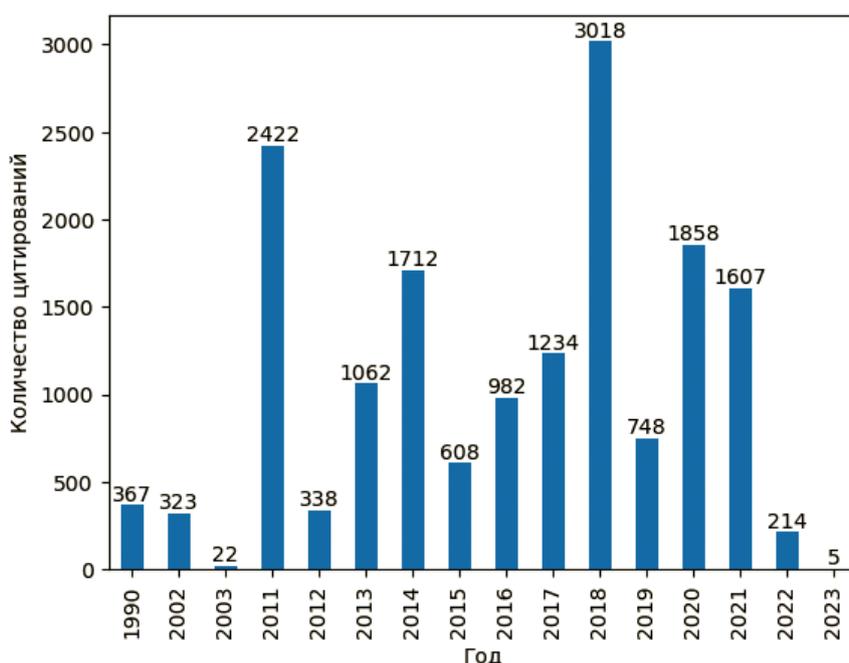

Рис. 2. Распределение цитирований публикаций по годам

Из анализа названий и содержания аннотаций статей были выделены основные темы, а также финальное распределение количества отобранных статей в каждой из них (рис. 3). Так, наиболее исследуемыми выступили темы политической поляризации, поляризации мнений, эхо-камера, аффективной и идеологической поляризации [2; 41].

На основе представленной в Semantic Scholar информации определялась также область исследования. Важно подчеркнуть, что значительная часть ана-

лизируемых исследований (47%) оказалась междисциплинарной с двумя или более областями. Наиболее встречаемыми при этом (табл. 1) были политическая и компьютерная науки, социология и психология.

Для характеристики представленных в подборке статей немаловажным выступает также тип исследования, который определялся нами на основе полнотекстового содержания публикаций. Было установлено, что наиболее часто представлены исследования, основанные на данных (49,73%). Далее следуют моделиру-

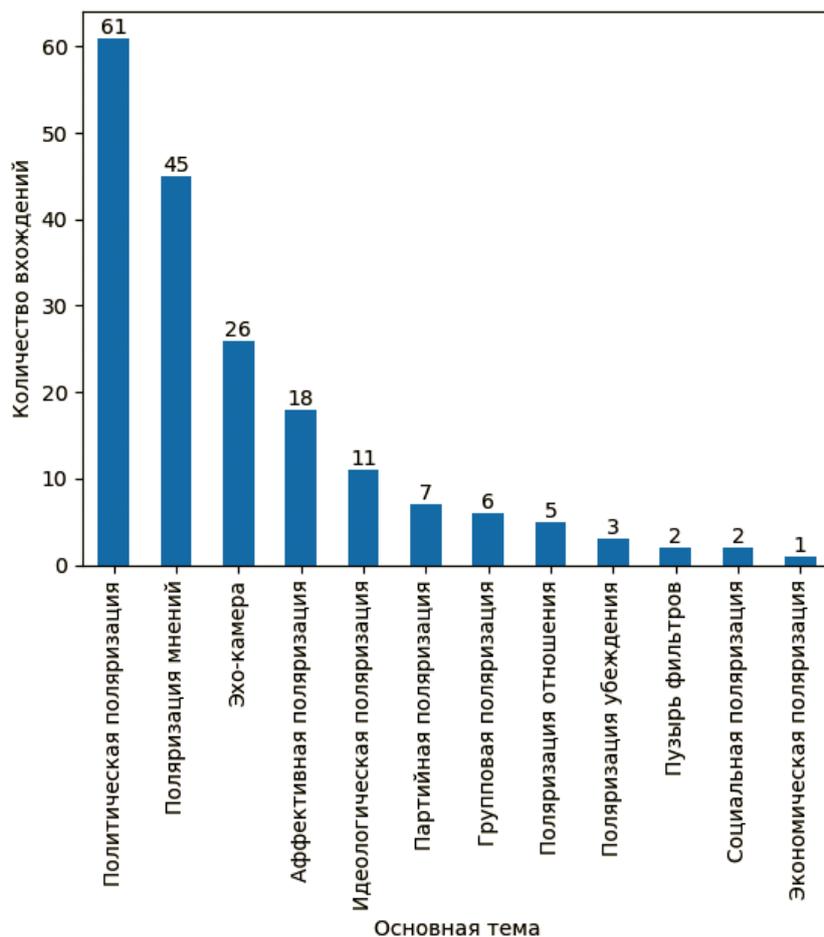

Рис. 3. Количество вхождений статей в основные темы

Таблица 1

Распределение статей подборки по областям исследования

	Область исследования	Количество упоминаний	% от общего числа
1	Политическая наука	140	46,82
2	Компьютерная наука	60	20,07
3	Социология	60	20,07
4	Психология	17	5,69
5	Экономика	5	1,67
6	Экология	5	1,67
7	Лингвистика	3	1,00
8	Медицина	3	1,00
9	Коммуникации	1	0,33
10	Образование	1	0,33
11	Математика	1	0,33

ющие исследования (21,39%), затем экспериментальные (17,65%) и, наконец, обзорные (11,23%).

При характеристике первой группы исследований было установлено, какие исходные данные для них являлись преобладающими. Так, наиболее часто использовались данные, полученные на основе цифровых следов пользователей платформы микроблогов Twitter (50,00%). Далее следовали данные на основе предвыборных национальных опросов, опросов общественного мнения, переписи населения и др. (23,91%), затем данные платформы Facebook² (11,96%), комбинации двух или более платформ социальных сетей (5,43%), отдельных веб-сайтов, платформ Weibo и Reddit (по 2,17%), данные тематических блогов, целенаправленного поиска в Интернете и платформы YouTube (по 1,09%).

Интерес для систематического обзора представляет также происхождение авторов публикаций, что позволяет ответить на вопрос, в каких странах тема изучения связи поляризации и медиа наиболее актуальна. Из приведенной на рис. 4 карты следует, что наиболее часто к этой теме обращаются в США (32,94% от общего числа публикаций), Италии (9,13%) и Великобритании (8,33%). Далее следуют Нидерланды, Китай, Германия и Испания (от 5,56 до 3,17%). Россия представлена в подборке тремя публикациями, что составляет 1,19% от общего числа рассматриваемых в систематическом обзоре статей.

Наконец, заключительным элементом проведенного описательного анализа выступило определение ключевых слов и выражений, что осуществлялось на основе синтеза трех текстовых составляющих статей:

наименования публикации, ее аннотации, указанных авторами ключевых слов. В результате были определены наиболее выраженные из них: социальные сети, поляризация, политическая поляризация, эхо-камера, аффективная поляризация, поляризация мнений, селективное воздействие.

Результаты исследований в проанализированных статьях были также разделены на три группы: 1) исследование подтверждает гипотезу о наличии связи; 2) отвергает эту гипотезу, 3) частично подтверждает; 4) не содержит ответа на поставленный вопрос. В количественном выражении было получено следующее распределение: подтверждение гипотезы о наличии той или иной связи современных медиа и поляризации представлено в результатах 93 (49,73%) рассматриваемых исследований; частичное подтверждение представлено в 24 исследованиях (12,83%); опровержение гипотезы получено в 5 исследованиях (2,67%); в 65 публикациях (34,76%) не было найдено ответа на ключевой вопрос исследования. Полученные таким образом результаты подтверждают гипотезу о наличии связи между медиа и поляризацией.

Следующая количественная характеристика была связана с содержанием выявленной связи. В 58 публикациях (62,37%) было найдено указание на то, что традиционные СМИ и социальные сети способствуют поляризации, усиливая, усугубляя или приводя к ней. В 5 (5,38%) статьях указывается на деполяризующую роль современного медиаландшафта, тогда как 30 оставшихся публикаций (32,26%) не позволили дать однозначный ответ на поставленный вопрос.

Рис. 4. Карта происхождения авторов публикаций:

меньше 4 авторов обозначены зеленым цветом, от 4 до 8 — желтым, от 8 до 15 — фиолетовым, от 15 — красным

² См. сноску 1.

Компьютерная коммуникация и поляризация

Хронологически и тематически первый выделенный нами этап включает изучение связи групповой поляризации (тенденции людей занимать более жесткую позицию после участия в дискуссии или в ее обсуждении) и обусловленной компьютером коммуникации. Подавляющее большинство исследований на этом этапе носило сугубо экспериментальный характер и было осуществлено преимущественно в области психологической науки.

Так, в исследовании Р. Спирс (R. Spears) компьютерно опосредованная коммуникационная система применялась для изучения влияния деиндивидуализации на групповую поляризацию. Было показано, что визуально анонимное общение при использовании подобных систем между отдельными людьми или группами людей приводит к наибольшему расхождению в групповой поляризации [36].

Аналогично в двух лабораторных исследованиях Ч. Сиа (C. Sia) показано, что групповая дискуссия, проводимая в анонимной обстановке с помощью компьютерно опосредованной коммуникационной системы, как правило, приводит к усилению групповой поляризации [35].

Иными словами, эти исследования убедительно доказывают, что удаление визуальных сигналов, как и общая анонимность, характерная для Интернета и социальных сетей, уменьшают социальное присутствие, что, в свою очередь, может усиливать групповую поляризацию.

Медиа и поляризация

Второй этап непосредственно связан с изучением роли традиционных СМИ, Интернета и социальных сетей в различных аспектах поляризации. На первый план выходят исследования, основанные на данных (как на основе цифровых следов, так и на основе различных форм опросов) и на методах моделирующего эксперимента.

Традиционные СМИ и поляризация. В то время как современный медиаландшафт предоставляет беспрецедентный выбор, люди склонны искать и потреблять информацию, подтверждающую их исходные убеждения, поэтому они часто предпочитают ангажированные источники новостей, которые соответствуют их политическим взглядам, а не противоречат им.

Ключом к пониманию причин такого поведения выступает, во-первых, «предвзятость подтверждения» (*confirmation bias*) — явление, когда люди чаще выбирают сообщения или проводят непропорционально больше времени с информацией, которая соответствует их актуальным мнениям, а не с той, которая противоречит существующим взглядам. Информация или сообщения СМИ, которые бросают вызов убеждениям людей, обычно создают «когнитивный диссонанс», что вызывает психологический дискомфорт. Чтобы избе-

жать данного состояния, люди стремятся объединиться с единомышленниками, получая поддержку и сохраняя ранее существовавшие позиции и установки. При этом работает принцип «эффективности обработки информации» (*information processing efficiency*), в соответствии с которым обработка конгруэнтной информации требует относительно меньшего количества когнитивных затрат, чем обработка противоположной информации, что объясняет склонность людей избирательно подвергаться воздействию близких им по духу мнений. При этом люди склонны оценивать аргументы, подтверждающие их точку зрения, как более сильные и убедительные. Результатом становится сегментированная политическая ориентация людей и фрагментированные общественные дебаты.

Вторым объяснением причины поиска информации, соответствующей взглядам, является «селективное воздействие» (*selective exposure*), при котором люди склонны к выбору сведений, с которыми они изначально согласны. Это, в свою очередь, усиливает их первоначальные убеждения. В политическом контексте теория селективного воздействия получает развитие в рамках концепции «партийной избирательности», в соответствии с которой человек проявляет склонность выбирать сообщения и позитивно оценивать новости, совпадающие с его первоначальными взглядами и предпочтениями. Новости при этом используются как средство укрепления первоначального отношения и поиска более убедительного его обоснования.

Вследствие работы описанных механизмов происходит избирательное обращение людей к СМИ, различным кабельным каналам, идеологическим радиопередачам и газетам, ориентированным на единомышленников. Это явление может приводить к поляризации взглядов, усиливая личные пристрастия, а также к поляризации общества, отдаляя людей друг от друга, а также усиливая враждебность по отношению к оппозиционным группам.

Однако СМИ не всегда оказывают поляризующее воздействие: несмотря на то, что люди предпочитают контент, ориентированный на единомышленников, они не обязательно избегают информацию, противоречащую их взглядам, а в некоторых случаях потребляют также контент из нескольких СМИ с разными политическими установками. По этой причине некоторые авторы полагают, что традиционные СМИ и вовсе не влияют на политическую поляризацию, что при определенных обстоятельствах политическая информация может фактически оказывать деполяризующее воздействие.

Так, М. Мелки и А. Пикеринг (M. Melki, A. Pickering) показывают, что рост проникновения СМИ в жизнь людей приводит к наблюдаемому снижению идеологической поляризации по вопросам политических позиций, спорных вопросов, связанных с отношением к смертной казни, прерыванию беременности и т. д. [25]. Это, в свою очередь, приводит к большему политическому согласию, что соответствует благосклонному и

деполяризирующему взгляду на СМИ. Аналогично, в исследованиях М. Приор (M. Prior) не было получено убедительных доказательств того, что пристрастное освещение новостей в СМИ делает простых американцев более поляризованными [32].

Однако существует и промежуточное мнение, при котором значение имеют дополнительные факторы. Например, Р. Гарретт и др. (R. Garrett et al.) показали, что частое обращение к изданиям, которые отражают существующую позицию человека по тому или иному вопросу, связано с его более поляризованным отношением к другим партиям [17], в то время как знакомство с партийными изданиями, транслирующими отличающиеся позиции, уменьшает поляризацию.

В большинстве проанализированных нами исследований утверждается поляризующая роль традиционных СМИ. Так, Э. Кубин и К. Сикорски (E. Kubin, C. Sikorski) подтвердили, что СМИ укрепляют исходные установки людей, тем самым усугубляя политическую поляризацию [19]. Группа ученых под руководством Д. Хмиеловского (J. Hmielowski) обращается к исследованию аффективной/социальной поляризации, в основание которой положена теория социальной идентичности и теория самокатегоризации [2; 16]. В отличие от идеологической данный вид поляризации определяется не столько различными политическими и проблемно ориентированными предпочтениями людей, сколько их позитивными эмоциями по отношению к своей партии и негативными к оппозиционным политическим группам, а также доступностью ангажированных телевизионных новостей.

Результаты исследований вышеупомянутых авторов подтвердили увеличение аффективной поляризации в США с течением времени, причем наибольший ее рост наблюдался после 1996 года — года принятия Закона о телекоммуникациях и появления ультраконсервативного телеканала Fox News. Таким образом, фрагментированная новостная среда усиливает аффективную поляризацию, поскольку люди выбирают источники новостей, соответствующие их первоначальным предпочтениям и убеждениям. Например, республиканцы и консерваторы США черпают информацию на канале Fox News, тогда как демократы и либералы на CNN [2; 39].

Интернет и поляризация. Преобладающей можно считать точку зрения, согласно которой Интернет сокращает частоту контактов между людьми с разными точками зрения, создавая тем самым «балканизованное» киберпространство и усиливая поляризацию [3]. Интернет побуждает единомышленников находить друг друга, что опирается на концепцию гомофилии — тенденции к установлению социальных связей с себе подобными, разделяющими схожие взгляды и мнения о мире [24]. Таким образом, люди укрепляют убеждения друг друга, становятся замкнутыми и крайними в своих взглядах.

Гипотеза онлайн-групповой поляризации предполагает, что политические ценности и установки будут более экстремальными для участников политических

дискуссий онлайн, чем офлайн. И хотя Интернет, возможно, и не определяет поляризацию (которая присутствует и в реальной жизни), он может ее усугубить.

Так, Э. Сухай (E. Suhay) в двух экспериментах продемонстрировал, что пристрастная критика, принижающая политических оппонентов в Интернете, способствует усилению аффективной поляризации между демократами и республиканцами в США [37]. Исследования Д. Аскер и Э. Динас (D. Asker, E. Dinas) показали: случайно отобранные для эксперимента участники, просматривавшие онлайн-новости с комментариями, позже выражали более радикальные взгляды, чем респонденты контрольной группы, читавшие те же статьи без комментариев [4]. Общие черты онлайн-коммуникации, такие как анонимность и отсутствие немедленной межличностной обратной связи, могут вызвать «токсичное расторможение», в результате чего пользователи действуют импульсивно, часто прибегая к враждебному и грубому общению [38].

Так, Ф. Ли с коллегами (F. Lee et al.) показали, что онлайн-невежливость (в частности использование нецензурной лексики) растет по мере увеличения объема дискуссий и кибербалканизации, что приводит к более высокому уровню поляризации мнений [20]. При этом, по результатам исследования Д. Будер (J. Buder), поляризацию отношений в онлайн-дискуссиях вызывает не негатив социального окружения, а скорее негативный тон собственных высказываний [9].

В. Гаримелла и др. (V. Garimella et al.) на основе истории посещения веб-страниц десятков тысяч пользователей показали, что время, проведенное пользователями при изучении новостей, соответствующих их собственным политическим взглядам, значительно дольше, чем потребление источников новостей, несоответствующих их установкам [30].

В то же время П. Мюльбергер (P. Muhlberger), исследовавший роль Интернета в политических дискуссиях, обнаружил, что в онлайн-дискуссиях люди с различными политическими ценностями, установками, партийной идентификацией и идеологией представлены не более, чем в офлайн-дискуссиях [26]. Автор не обнаружил также доказательств того, что онлайн-дискуссия поляризует отношения сильнее, чем офлайн-дискуссия.

Исследования Л. Боксель (Voxell L.) на основе многолетних опросов американского общества показывают, что поляризация больше всего возросла среди людей старше 65 лет, которые реже всего пользуются Интернетом и социальными сетями, что позволяет предположить ограниченную роль этих факторов в усилении поляризации [7]. Л. Коутиньо (Coutinho L.) также не получил эмпирических доказательств того, что доступ к Интернету может быть определяющим фактором, который объясняет аффективную поляризацию среди исследуемого им населения Бразилии [8].

Социальные сети и поляризация. Социальные сети выполняют комбинированные функции и позволяют пользователям как создавать контент, так и обмени-

ваться им, что делает современный мир более взаимосвязанным. Удивительно, но, хотя социальные сети обеспечивают доступ к разнообразному массиву информации, они также приводят к усилению поляризации в обществе по многим вопросам, включая политику, науку и здравоохранение. Несмотря на разнообразие мнений и точек зрения, люди неизменно образуют поляризованные кластеры, неспособные достичь консенсуса друг с другом.

Например, в уже упомянутом исследовании М. Ковер (Covover M.) приводятся убедительные доказательства того, что политические сети в Twitter сильно сегрегированы, поскольку пользователи чаще ретвитят тех пользователей, которые разделяют их политическую партию [31]. При этом многие сообщения содержат более крайние настроения, чем те, с которыми можно столкнуться при личном общении. Коммуникация в социальных сетях часто демонстрирует пренебрежительное отношение к личностям и взглядам пользователей по другую сторону партийной принадлежности, что свидетельствует о выраженной аффективной поляризации.

А. Груздь и Д. Рой (A. Gruzd, J. Roy) также отмечают низкий уровень взаимодействия на платформе микроблогов Twitter между сторонниками различных партий [15]. По мнению авторов, Twitter, скорее всего, укрепляет, а не ослабляет партийную лояльность в периоды выборов, что, по-видимому, способствует политической поляризации.

Подобная сегрегация пользователей в онлайн-сообществах часто объясняется эффектом «эхо-камер» (*echo chamber*) [11; 12], в основе которого все те же представления о гомофилии, селективном воздействии, предвзятости подтверждения и когнитивном диссонансе. Согласно этой концепции, склонность людей отдавать предпочтение близкой по духу информации и игнорировать чужеродную приводит к созданию поведенчески однородных сетей (эхо-камер), в которых члены группы взаимно подтверждают и укрепляют свое мировоззрение. Поскольку схожие установки и информация, поддерживающие их, отзываются «эхом» между пользователями, люди становятся невосприимчивыми к другим точкам зрения, изолируют себя от альтернативной информации, иногда переходя к конфронтации с внешними группами, что приводит к поляризации или даже радикализации.

Гипотеза эхо-камер находит самое широкое подтверждение в анализируемой научной литературе. Так, М. Викарио и коллеги (Vicario M. et al.) обнаружили, что вовлеченность пользователей в эхо-камеру влияет на эмоциональное поведение как отдельных пользователей, так и сообществ [12]. При этом более вовлеченные и активные пользователи демонстрируют при обсуждениях более быстрый сдвиг в сторону негатива, чем менее активные.

В попытке отсортировать нерелевантные для пользователя новости, социальные сети оценивают поступающую информацию на предмет соответствия его интересам и предлагают те источники, с которыми он имеет сходство мнений. Наконец, персонализированные рекомендации дружбы в социальных сетях способствуют формированию новых связей между похожими пользователями, тем самым создавая эхо-камеры из единомышленников.

Это явление получило название «пузырь фильтров» (*filter bubble*): подразумевается, что пользователь пребывает в «пузыре», в котором любая несоответствующая его убеждениям информация отфильтровывается для его защиты [27]. Это приводит к тому, что пользователь оказывается отделен от альтернативной информации (в том числе новостной), что, в свою очередь, ограничивает его доступ к новому контенту и вместо того, чтобы способствовать разнообразию взглядов, приводит к онлайн-кластеризации и поляризации.

Э. Ридер и Р. Грей (Rader E., Gray R.) показали, что пользователи Facebook часто не осведомлены о том, что рекомендованная информация на домашних страницах сформирована алгоритмами и похожа на ту, которую они уже когда-то искали, и не противоречит их политическим убеждениям [33]. Таким образом, алгоритмы социальных сетей работают скрытно, так чтобы пользователи не подозревали, что информационный контент им навязан. Р. Леви (Levy R.) считает, что, несмотря на то, что доступ к новостям, противоречащим исходным установкам пользователей, может снижать негативное отношение к оппозиционным группам и уменьшать аффективную поляризацию, алгоритмы персонализации социальных сетей ограждают пользователей от воздействия текстов с альтернативными новостями, тем самым усиливая поляризацию [22].

Несмотря на то, что гипотеза усиления поляризации в социальных сетях за счет сужения доступной пользователю информации является более распространенной в литературе, некоторые исследования подтверждают гипотезу сквозного воздействия (за счет расширения доступной пользователю информации) и деполяризующего потенциала онлайн-пространства. Это становится возможным, когда пользователи включены в политически разнообразные сети и, таким образом, подвергаются воздействию идеологически разнообразной информации [5].

Так, О. Луямбио (Lujambio O.) показал, что социальные сети могут как способствовать росту политической поляризации, так и снижать ее [23]. Исследования Д. Ли и Й. Чой (Lee J., Choi Y.) свидетельствуют, что политические дискуссии в социальных сетях, в которых высказываются противоречивые мнения, могут снижать уровень партийной и идеологической поляризации [21]. М. Бим с коллегами (Beam M. et al.) продемонстрировали, что люди, которые используют Facebook³ для получения новостей, с большей вероят-

³ См. сноску 1.

ностью просматривают новости как поддерживающие их исходные установки, так и противоречащие им [6]. При этом воздействие новостей, противоречащих установкам, со временем увеличивается, что может приводить также к деполяризации.

Э. Дюбуа и Г. Блан (Dubois E., Blank G.) обнаружили, что те, кто придерживается разнообразной «медиа-диеты», склонны избегать эхо-камер, что смягчает опасения по поводу партийной сегрегации и поляризации [10]. М. Эстева Валье и др. (Esteve Del Valle M. et al.), анализируя формирование коммуникативных связей и степени гомофилии в Twitter-сегменте нидерландских парламентариев, опровергли существование в них эхо-камер, тем самым подтвердив гипотезу о том, что социальные сети могут скорее открывать пространство для дискуссий между политическими партиями, чем поляризовать их [14].

Вместе с тем сквозное воздействие в социальных сетях не всегда приводит к увеличению разнообразных точек зрения, так как информация, противоречащая сложившимся установкам, часто усиливает их. Так, Р. Карлсен и другие (R. Karlsen et al.) обосновали предположение о том, что динамика онлайн-дискуссий помимо феномена эхо-камер может также объясняться логикой «позиционного противоборства» (*trench warfare*), в которой изначальные мнения и установки подкрепляются не только подтверждениями единомышленников, но и противоречиями в дискуссиях с теми, кто придерживается иных взглядов [11].

П. Тернберг (P. Törnberg) также представил модель, которая, по сути, переворачивает эхо-камеру с ног на голову [40]. По его мнению, поляризацию вызывает не изоляция от противоположных взглядов, а именно тот факт, что цифровые медиа позволяют взаимодействовать за пределами локального пузыря. Результатом поощрения нелокального взаимодействия становится поляризация, даже если индивидуальное взаимодействие приводит к конвергенции.

«Темная сторона» онлайн-социальных сетей

Третий период исследований характеризуется увеличением общего интереса к изучению так называемого «информационного разброда» (*information disorder*) [43], в частности распространению недостоверной информации, слухов и фейковых новостей (не в последнюю очередь в контексте пандемии COVID-19). Методами обработки данных на этом этапе все чаще становятся машинное обучение и нейросетевой анализ.

Преобладающее мнение исследователей состоит в том, что эффективность онлайн-дезинформации усиливается в кругу единомышленников, где она остается незамеченной благодаря алгоритмам, которые устраняют любое несогласие с ней [27]. Фрагментированный медиаландшафт представляет собой новую угрозу, так как создает благоприятные условия для фейковых новостей и информационных вбросов. При этом поляризованные

сообщества эхо-камер более восприимчивы к распространению недостоверной информации. И наоборот, недостоверная информация играет ключевую роль в создании поляризованных сообществ [13]. Результатом этого процесса становится плохо информированное общество, которое все более сегрегировано и поляризовано, что делает политический компромисс и решение комплексных вопросов все более маловероятным.

М. Осмундсен и др. (Osmundsen M. et al.), исследуя психологические мотивы распространения пользователями социальных сетей фейковых новостей (на примере американского Twitter-сегмента), обнаружили, что одним из подобных мотивов выступает партийная поляризация пользователей [28]. Так, люди, сообщающие о неприязни к своим политическим оппонентам, с наибольшей вероятностью делятся фейковыми новостями и выборочно делятся контентом, полезным для уничтожения своих оппонентов. Д. Кайзер и др. (Kaiser J. et al.), изучая реакцию пользователей социальных сетей на недостоверную информацию, передаваемую другими пользователями, показали, что блокировка или отмена подписки на основе партийности способствует поляризации в социальных сетях [18]. Пользователи, особенно с политической позицией левого толка, с меньшей вероятностью блокируют политически близких друзей и отписываются от них, даже если они делятся недостоверной информацией, чем от политически непохожих.

Д. Цзян и др. (Jiang J. et al.) показали, что онлайн-дискуссии вокруг COVID 19 в США в значительной степени основывались на политической поляризации [29]. При этом партийная принадлежность коррелировала с отношением к правительственным мерам и тенденцией делиться сообщениями о здоровье и профилактике. Исследование Д. Ван и Й. Цянь (Wang D., Qian Y.), направленное на изучение опровержения слухов на ранней стадии пандемии COVID-19 на платформе Weibo, показало, что механизм ретвитов играл важную роль в усилении поляризации, в то время как механизм комментирования способствовал достижению консенсуса между пользователями [42]. По сравнению с взаимодействиями единомышленников в эхо-камере, межгрупповые взаимодействия содержали значительно больше негативных высказываний и грубости [1].

Заключение

Последние десятилетия характеризуются глобальными изменениями в окружающем нас медиаландшафте, в результате чего Интернет в целом и онлайн-социальные сети в частности становятся ключевым средством публичного дискурса. Легкий и беспрепятственный доступ к информации и выражению мнения приводят к тому, что люди формируют связи с единомышленниками, создавая «эхо-камеры» и «пузыри фильтров», которые укрепляют их существующие мнения. В таких случаях вместо сглаживания различий

происходит их усиление, что приводит к увеличению поляризации, которая делит людей на группы с противоположными взглядами и создает конфликты между ними, способствуя также распространению недостоверной информации и слухов.

В то же время существует и альтернативная точка зрения, позволяющая говорить о роли онлайн-пространства в потенциальном смягчении поляризации за счет увеличения проникновения разнообразной информации и воздействия идеологий, к которым в противном случае люди не имели бы доступа.

В настоящем систематическом обзоре нами были рассмотрены обе точки зрения. Несмотря на то, что по итогам проведенной работы было установлено количественное преобладание исследований, подтверждающих усиливающее воздействие традиционных СМИ, Интернета и социальных сетей на поляризацию, рассмотренная проблема представляется далекой от своего полного разрешения.

Поскольку данная статья является обзором литературных источников, мы лишены возможности провести глубокий теоретический анализ различий в подходах тех или иных авторов к феномену поляризации и его психологическим механизмам, что было сделано нами в других многочисленных публикациях по данной теме. Следует отметить, что в отечественной литературе в последнее время также проявляется рост интереса исследователей к вопросам поляризации российского общества. В частности, мы могли бы отметить работы О.А. Гулевич, Т.А. Нестика, А.В. Сапронова, О.А. Крицкой и др. В целом, на основе анализа литературы и результатов наших исследований можно сделать вывод о снижении уровня открытой психологической поляризации общества и перехода ее в латентную форму. Поскольку данное явление многие авторы рассматривают как неблагоприятное, исследования в данной области, по нашему мнению, не должны прекращаться.

Литература

1. A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government / E. Hartevelt, A. Kokkonen, J. Linde, S. Dahlberg // *European Political Science Review*. 2021. Vol. 13. № 1. P. 113—133. DOI:10.1017/S1755773920000387
2. Affective polarization, local contexts and public opinion in America / J.N. Druckman, S. Klar, Y. Krupnikov, M. Levendusky, J.B. Ryan // *Nature Human Behaviour*. 2021. Vol. 5. № 1. P. 28—38. DOI:10.1038/s41562-020-01012-5
3. *Akbulut-Gok I.* Intergovernmental Networks in Peace Operations / *Peace & Change: A Journal of Peace Research*. 2020. Vol. 45. № 4. P. 569—601. DOI:10.1111/pech.12428
4. *Asker D.B., Dinas E.* Thinking Fast and Furious: Emotional Intensity and Opinion Polarization in Online Media // *Public Opinion Quarterly*. 2019. Vol. 83. № 3. P. 487—509. DOI:10.1093/poq/nfz042
5. *Barberá P.* How social media reduces mass political polarization [Электронный ресурс] // 2015 Annual Meeting & Exhibition. New York: APSA, 2015. 46 p. URL: http://pablobarbera.com/static/barbera_polarization_APSA.pdf (дата обращения: 06.02.2025).
6. *Beam M.A., Hutchens M.J., Hmielowski J.D.* Facebook news and (de)polarization: Reinforcing spirals in the 2016 US election // *Information, Communication and Society*. 2018. Vol. 21. № 7. P. 940—958. DOI:10.1080/1369118X.2018.1444783
7. *Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M.* Cross-Country Trends in Affective Polarization [Электронный ресурс] // NBER Working Paper. 2020. 61 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (дата обращения: 06.02.2025).
8. *Coutinho L.G.* Political Polarization and the Impact of Internet and Social Media Use in Brazil [Электронный ресурс]. Maastricht: MERIT Working Papers или Maastricht Economic and social Research institute on Innovation and Technology, 2021. 33 p. URL: <https://unu-merit.nl/publications/wppdf/2021/wp2021-032.pdf> (дата обращения: 06.02.2025).
9. Does negatively toned language use on social media lead to attitude polarization? / J. Buder, L. Rabl, M. Feiks, M. Badermann, G. Zurstiege // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 116. Article ID 106663. DOI:10.1016/j.chb.2020.106663
10. *Dubois E., Blank G.* The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media // *Information, Communication and Society*. 2018. Vol. 21. № 5. P. 729—745. DOI:10.1080/1369118X.2018.1428656
11. Echo chamber and trench warfare dynamics in online debates / R. Karlsen, K. Steen-Johnsen, D. Wollebak, B. Enjolras // *European Journal of Communication*. 2017. Vol. 32. № 3. P. 257—273. DOI:10.1177/0267323117695734
12. Echo Chambers: Emotional Contagion and Group Polarization on Facebook / M.D. Vicario, G. Vivaldo, A. Bessi, F. Zollo, A. Scala, G. Caldarelli, W. Quattrociocchi // *Scientific Reports*. 2016. Vol. 6. Article ID 37825. 12 p. DOI:10.1038/srep37825
13. Emotional dynamics in the age of misinformation / F. Zollo, P.K. Novak, M. Del Vicario, A. Bessi, I. Mozeti, A. Scala, W. Quattrociocchi // *PloS one*. 2015. Vol. 10(9). Article ID e0138740. 22 p. DOI:10.1371/journal.pone.0138740
14. *Esteve Del Valle M., Broersma M., Ponsioen A.* Political Interaction Beyond Party Lines: Communication Ties and Party Polarization in Parliamentary Twitter Networks // *Social Science Computer Review*. 2021. Vol. 40. № 3. P. 736—755. DOI:10.1177/0894439320987569
15. *Gruzd A., Roy J.* Investigating political polarization on Twitter: A Canadian perspective // *Policy and Internet*. 2014. Vol. 6. № 1. P. 28—45. DOI:10.1002/1944-2866.POI354

16. *Hmielowski J.D., Beam M.A., Hutchens M.J.* Structural Changes in Media and Attitude Polarization: Examining the Contributions of TV News Before and After the Telecommunications Act of 1996 // *International Journal of Public Opinion Research*. 2016. Vol. 28. № 2. P. 153—172. DOI:10.1093/ijpor/edv012
17. Implications of Pro- and Counter Attitudinal Information Exposure for Affective Polarization / R.K. Garrett, S.D. Gvirsman, B.K. Johnson, Y. Tsfati, R.L. Neo, A. Dal // *Human Communication Research*. 2014. Vol. 40. № 3. P. 309—332. DOI:10.1111/hcre.12028
18. *Kaiser J., Vaccari C., Chadwick A.* Partisan Blocking: Biased Responses to Shared Misinformation Contribute to Network Polarization on Social Media // *Journal of Communication*. 2022. Vol. 72. № 2. P. 214—240. DOI:10.1093/joc/jqac002
19. *Kubin E., von Sikorski C.* The role of (social) media in political polarization: A systematic review // *Annals of the International Communication Association*. 2021. Vol. 45. № 3. P. 188—206. DOI:10.1080/23808985.2021.1976070
20. *Lee F.L.F., Liang H., Tang G.K.Y.* Online Incivility, Cyberbalkanization, and the Dynamics of Opinion Polarization During and After a Mass Protest Event // *International Journal of Communication*. 2019. Vol. 13. P. 4940—4959.
21. *Lee J., Choi Y.* Effects of network heterogeneity on social media on opinion polarization among South Koreans: Focusing on fear and political orientation // *International Communication Gazette*. 2020. Vol. 82. № 2. P. 119—139. DOI:10.1177/1748048518820499
22. *Levy R.* Social Media, News Consumption, and Polarization: Evidence from a Field Experiment // *American Economic Review*. 2021. Vol. 111. № 3. P. 831—870. DOI:10.2139/ssrn.3653388
23. *Lujambio O.* Diversify the Accounts You Follow: The Effects of Social Media on Political Polarization in Mexico [Электронный ресурс] // SSRN. 2023. 83 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=4487784> (дата обращения: 06.02.2025).
24. *McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M.* Birds of a feather: Homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 415—444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415
25. *Melki M., Pickering A.* Ideological Polarization and the Media // *Economics Letters*. 2014. Vol. 125. № 1. P. 36—39. DOI:10.1016/j.econlet.2014.08.008
26. *Muhlberger P.* Political values, political attitudes, and attitude polarization in internet political discussion: Political transformation or politics as usual? // *Communications*. 2003. Vol. 28. № 2. P. 107—133. DOI:10.1515/comm.2003.009
27. *Pariser E.* The filter bubble: What the Internet is hiding from you. New York: Penguin Press, 2011. 294 p.
28. Partisan Polarization Is the Primary Psychological Motivation behind Political Fake News Sharing on Twitter / M. Osmundsen, A. Bor, P.B. Vahlstrup, A. Bechmann, M.B. Petersen // *American Political Science Review*. 2021. Vol. 115. № 3. P. 999—1015. DOI:10.1017/S0003055421000290
29. Political polarization drives online conversations about COVID-19 in the United States / J. Jiang, E. Chen, S. Yan, K. Lerman, E. Ferrara // *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2020. Vol. 2. № 3. P. 200—211. DOI:10.1002/hbe2.202
30. Political Polarization in Online News Consumption / K. Garimella, T. Smith, R. Weiss, R. West // *Fifteenth International AAAI Conference on Web and Social Media (7—10 June)*. Palo Alto: Association for the Advancement of Artificial Intelligence Press, 2021. Vol. 15. P. 152—162. DOI:10.1609/icwsm.v15i1.18049
31. Political Polarization on Twitter / M.D. Conover, J. Ratkiewicz, M.R. Francisco, B. Gon alves, F. Menczer, A. Flammini // *Fifth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media: Barcelona, July 17—21 2011*. 2011. Vol. 5. № 1. P. 89—96. DOI:10.1609/icwsm.v5i1.14126
32. *Prior M.* Media and Political Polarization // *Annual Review of Political Science*. 2013. Vol. 16. P. 101—127. DOI:10.1146/annurev-polisci-100711-135242
33. *Rader E., Gray R.* Understanding user beliefs about algorithmic curation in the Facebook news feed // *Proceedings of the 33rd annual ACM conference on human factors in computing systems: Seoul, April 18—23 2015*. New York: Association for Computing Machinery, 2015. P. 173—182. DOI:10.1145/2702123.2702174
34. Scoping the scope' of a Cochrane review / R. Armstrong, B.J. Hall, J. Doyle, E. Waters // *Journal of public health*. 2011. Vol. 33. № 1. P. 147—150. DOI:10.1093/pubmed/fdr015
35. *Sia C.L., Tan B.C.Y., Wei K.K.* Group Polarization and Computer-Mediated Communication: Effects of Communication Cues, Social Presence, and Anonymity // *Information Systems Research*. 2002. Vol. 13. № 1. P. 70—90. DOI:10.1287/isre.13.1.70.92
36. *Spears R., Lea M., Lee S.* De individuation and group polarization in computer mediated communication // *British Journal of Social Psychology*. 1990. Vol. 29. № 2. P. 121—134. DOI:10.1111/j.2044-8309.1990.tb00893.x
37. *Suhay E., Bello-Pardo E., Maurer B.* The Polarizing Effects of Online Partisan Criticism: Evidence from Two Experiments // *The International Journal of Press/Politics*. 2017. Vol. 23. № 1. P. 95—115. DOI:10.1177/1940161217740697
38. *Suler J.* The Online Disinhibition Effect // *Cyberpsychology and Behavior*. 2004. Vol. 7. № 3. P. 321—326. DOI:10.1089/1094931041291295
39. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States / S. Iyengar, Y. Lelkes, M. Levendusky, N. Malhotra, S. Westwood // *Annual Review of Political Science*. 2019. Vol. 22. № 1. P. 129—146. DOI:10.1146/annurev-polisci-051117-073034

40. Törnberg P. How digital media drive affective polarization through partisan sorting // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America / National Academy of Sciences. Washington: National Academy of Sciences, 2022. Vol. 119. № 42. Article ID e2207159119. 11 p. DOI:10.1073/pnas.2207159119
41. Wagner M. Affective polarization in multiparty systems // Electoral Studies. 2021. Vol. 69. Article ID 102199. 43 p. DOI:10.1016/j.electstud.2020.102199
42. Wang D., Qian Y. Echo Chamber Effect in Rumor Rebuttal Discussions About COVID-19 in China: Social Media Content and Network Analysis Study // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23. № 3. Article ID e27009. 19 p. DOI:10.2196/27009
43. Wardle C., Derakhshan H. Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policy making. Strasbourg: Council of Europe, 2017. 109 p.

References

1. Harteveeld E., Kokkonen A., Linde J., Dahlberg S. A tough trade-off? The asymmetrical impact of populist radical right inclusion on satisfaction with democracy and government. *European Political Science Review*, 2021. Vol. 13, no. 1, pp. 113—133. DOI:10.1017/S1755773920000387
2. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America. *Nature Human Behaviour*, 2021. Vol. 5, no. 1, pp. 28—38. DOI:10.1038/s41562-020-01012-5
3. Akbulut-Gok I. Intergovernmental Networks in Peace Operations. *Peace & Change: A Journal of Peace Research*, 2020. Vol. 45, no. 4, pp. 569—601. DOI:10.1111/pech.12428
4. Asker D.B., Dinas E. Thinking Fast and Furious: Emotional Intensity and Opinion Polarization in Online Media. *Public Opinion Quarterly*, 2019. Vol. 83, no. 3, pp. 487—509. DOI:10.1093/poq/nfz042
5. Barberá P. How social media reduces mass political polarization [Electronic resource]. *2015 Annual Meeting & Exhibition. New York: APSA*. New York, 2015. 46 p. URL: http://pablobarbera.com/static/barbera_polarization_APSA.pdf (Accessed 06.02.2025).
6. Beam M.A., Hutchens M.J., Hmielowski J.D. Facebook news and (de)polarization: Reinforcing spirals in the 2016 US election. *Information, Communication and Society*, 2018. Vol. 21, no. 7, pp. 940—958. DOI:10.1080/1369118X.2018.1444783
7. Boxell L., Gentzkow M., Shapiro J.M. Cross-Country Trends in Affective Polarization [Electronic resource]. *NBER Working Paper*, 2020, 61 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3522318> (Accessed 07.02.2025).
8. Coutinho L.G. Political Polarization and the Impact of Internet and Social Media Use in Brazil [Electronic resource]. Maastricht: MERIT Working Papers или Maastricht Economic and social Research institute on Innovation and Technology, 2021. 33 p. URL: <https://unu-merit.nl/publications/wppdf/2021/wp2021-032.pdf> (Accessed 06.02.2025).
9. Buder J., Rabl L., Feiks M., Badermann M., Zurstiege G. Does negatively toned language use on social media lead to attitude polarization? *Computers in Human Behavior*, 2021. Vol. 116, article ID 106663. DOI:10.1016/j.chb.2020.106663
10. Dubois E., Blank G. The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media. *Information, Communication and Society*, 2018. Vol. 21, no. 5, pp. 729—745. DOI:10.1080/1369118X.2018.1428656
11. Karlsen R., Steen-Johnsen K., Wollebak D., Enjolras B. Echo chamber and trench warfare dynamics in online debates. *European Journal of Communication*, 2017. Vol. 32, no. 3, pp. 257—273. DOI:10.1177/0267323117695734
12. Vicario M.D., Vivaldo G., Bessi A., Zollo F., Scala A., Caldarelli G., Quattrociocchi W. Echo Chambers: Emotional Contagion and Group Polarization on Facebook. *Scientific Reports*, 2016. Vol. 6, article ID 37825. 12 p. DOI:10.1038/srep37825
13. Zollo F., Novak P.K., Del Vicario M., Bessi A., Mozeti I., Scala A., Quattrociocchi W. Emotional dynamics in the age of misinformation. *PLoS One*, 2015. Vol. 10(9), article ID e0138740. 22 p. DOI:10.1371/journal.pone.0138740
14. Esteve Del Valle M., Broersma M., Ponsioen A. Political Interaction Beyond Party Lines: Communication Ties and Party Polarization in Parliamentary Twitter Networks. *Social Science Computer Review*, 2021. Vol. 40, no. 3, pp. 736—755. DOI:10.1177/0894439320987569
15. Gruzd A., Roy J. Investigating political polarization on Twitter: A Canadian perspective. *Policy and Internet*, 2014. Vol. 6, no. 1, pp. 28—45. DOI:10.1002/1944-2866.POI354
16. Hmielowski J.D., Beam M.A., Hutchens M.J. Structural Changes in Media and Attitude Polarization: Examining the Contributions of TV News Before and After the Telecommunications Act of 1996. *International Journal of Public Opinion Research*, 2016. Vol. 28, no. 2, pp. 153—172. DOI:10.1093/ijpor/edv012
17. Garrett R.K., Gvirsman S.D., Johnson B.K., Tsfaty Y., Neo R.L., Dal A. Implications of Pro- and Counter Attitudinal Information Exposure for Affective Polarization. *Human Communication Research*, 2014. Vol. 40, no. 3, pp. 309—332. DOI:10.1111/hcre.12028
18. Kaiser J., Vaccari C., Chadwick A. Partisan Blocking: Biased Responses to Shared Misinformation Contribute to Network Polarization on Social Media. *Journal of Communication*, 2022. Vol. 72, no. 2, pp. 214—240. DOI:10.1093/joc/jqac002

19. Kubin E., von Sikorski C. The role of (social) media in political polarization: A systematic review. *Annals of the International Communication Association*, 2021. Vol. 45, no. 3, pp. 188—206. DOI:10.1080/23808985.2021.1976070
20. Lee F.L.F., Liang H., Tang G.K.Y. Online Incivility, Cyberbalkanization, and the Dynamics of Opinion Polarization During and After a Mass Protest Event. *International Journal of Communication*, 2019. Vol. 13, pp. 4940—4959.
21. Lee J., Choi Y. Effects of network heterogeneity on social media on opinion polarization among South Koreans: Focusing on fear and political orientation. *International Communication Gazette*, 2020. Vol. 82, no. 2, pp. 119—139. DOI:10.1177/1748048518820499
22. Levy R. Social Media, News Consumption, and Polarization: Evidence from a Field Experiment. *American Economic Review*, 2021. Vol. 111, no. 3, pp. 831—870. DOI:10.2139/ssrn.3653388
23. Lujambio O. Diversify the Accounts You Follow: The Effects of Social Media on Political Polarization in Mexico [Electronic resource]. *SSRN*, 2023. 83 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=4487784> (Accessed 06.02.2025).
24. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 2001. Vol. 27, pp. 415—444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415
25. Melki M., Pickering A. Ideological Polarization and the Media. *Economics Letters*, 2014. Vol. 125, no. 1, pp. 36—39. DOI:10.1016/j.econlet.2014.08.008
26. Muhlberger P. Political values, political attitudes, and attitude polarization in internet political discussion: Political transformation or politics as usual? *Communications*, 2003. Vol. 28, no. 2, pp. 107—133. DOI:10.1515/comm.2003.009
27. Pariser E. *The filter bubble: What the Internet is hiding from you*. New York: Penguin Press, 2011. 294 p.
28. Osmundsen M., Bor A., Vahlstrup P.B., Bechmann A., Petersen M.B. Partisan Polarization Is the Primary Psychological Motivation behind Political Fake News Sharing on Twitter. *American Political Science Review*, 2021. Vol. 115, no. 3, pp. 999—1015. DOI:10.1017/S0003055421000290
29. Jiang J., Chen E., Yan S., Lerman K., Ferrara E. Political polarization drives online conversations about COVID-19 in the United States. *Human Behavior and Emerging Technologies*, 2020. Vol. 2, no. 3, pp. 200—211. DOI:10.1002/hbe2.202
30. Garimella K., Smith T., Weiss R., West R. Political Polarization in Online News Consumption. In *Fifteenth International AAAI Conference on Web and Social Media* (June 7—10, online). Palo Alto: Association for the Advancement of Artificial Intelligence Press, 2021. Vol. 15, pp. 152—162. DOI:10.1609/icwsm.v15i1.18049
31. Conover M.D., Ratkiewicz J., Francisco M.R., Gon alves B., Menczer F., Flammini A. Political Polarization on Twitter. *Fifth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media: Barcelona, July 17—21 2011*. 2011. Vol. 5, no. 1, pp. 89—96. DOI:10.1609/icwsm.v5i1.14126
32. Prior M. Media and Political Polarization. *Annual Review of Political Science*, 2013. Vol. 16, pp. 101—127. DOI:10.1146/annurev-polisci-100711-135242
33. Rader E., Gray R. Understanding user beliefs about algorithmic curation in the Facebook news feed. *Proceedings of the 33rd annual ACM conference on human factors in computing systems: Seoul, April 18—23 2015*. New York: Association for Computing Machinery, 2015, pp. 173—182. DOI:10.1145/2702123.2702174
34. Armstrong R., Hall B.J., Doyle J., Waters E. Scoping the scope' of a Cochrane review. *Journal of Public Health*, 2011. Vol. 33, no. 1, pp. 147—150. DOI:10.1093/pubmed/fdr015
35. Sia C.L., Tan B.C.Y., Wei K.K. Group Polarization and Computer-Mediated Communication: Effects of Communication Cues, Social Presence, and Anonymity. *Information Systems Research*, 2002. Vol. 13, no. 1, pp. 70—90. DOI:10.1287/isre.13.1.70.92
36. Spears R., Lea M., Lee S. De individuation and group polarization in computer mediated communication. *British Journal of Social Psychology*, 1990. Vol. 29, no. 2, pp. 121—134. DOI:10.1111/j.2044-8309.1990.tb00893.x
37. Suhay E., Bello-Pardo E., Maurer B. The Polarizing Effects of Online Partisan Criticism: Evidence from Two Experiments. *The International Journal of Press/Politics*, 2017. Vol. 23, no. 1, pp. 95—115. DOI:10.1177/1940161217740697
38. Suler J. The Online Disinhibition Effect. *Cyberpsychology and Behavior*, 2004. Vol. 7, no. 3, pp. 321—326. DOI:10.1089/1094931041291295
39. Iyengar S., Lelkes Y., Levendusky M., Malhotra N., Westwood S. The Origins and Consequences of Affective Polarization in the United States. *Annual Review of Political Science*, 2019. Vol. 22, no. 1, pp. 129—146. DOI:10.1146/annurev-polisci-051117-073034
40. Törnberg P. How digital media drive affective polarization through partisan sorting. *National Academy of Sciences, Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Washington: National Academy of Sciences, 2022. Vol. 119, no. 42, article ID e2207159119. 11 p. DOI:10.1073/pnas.2207159119
41. Wagner M. Affective polarization in multiparty systems. *Electoral Studies*, 2021. Vol. 69, article ID 102199. 43 p. DOI:10.1016/j.electstud.2020.102199
42. Wang D., Qian Y. Echo Chamber Effect in Rumor Rebuttal Discussions About COVID-19 in China: Social Media Content and Network Analysis Study. *Journal of Medical Internet Research*, 2021. Vol. 23, no. 3, article ID e27009. 19 p. DOI:10.2196/27009
43. Wardle C., Derakhshan H. *Information disorder: Toward an interdisciplinary framework for research and policy making*. Strasbourg: Council of Europe, 2017. 109 p.

Информация об авторах

Ванин Александр Владимирович, кандидат психологических наук, магистр информационной безопасности, научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6558-695X>, e-mail: vaninav@ipran.ru

Гордякова Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru

Лебедев Александр Николаевич, доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru

Information about the authors

Aleksander V. Vanin, Candidate of Science (Psychology), Master of Information Security, Researcher at the Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6558-695X>, e-mail: vaninav@ipran.ru

Olga V. Gordyakova, Candidate of Science (Psychology), Professor, Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>, e-mail: o_gordyakova@mail.ru

Aleksander N. Lebedev, Doctor of Psychology, Leading Research Officer, Federal State Financed Establishment, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>, e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru

Получена 11.05.2024

Received 11.05.2024

Принята в печать 20.11.2024

Accepted 20.11.2024

Представления об устойчивости в концептуальном пространстве психологии

Буланова И.С.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: bis_m@mail.ru*

Двойнин А.М.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdvoinin@mail.ru*

Двойнина В.К.

*ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: romantsovavk@mgpu.ru*

В последнее время большую популярность в психологической науке приобрело понятие resilience, которое в русскоязычной психологии переводится как «жизнеспособность» или «устойчивость». Несмотря на то, что данный концепт прочно вошел в понятийный строй психологической науки, до сих пор среди исследователей не достигнут консенсус относительно его определения и теоретической нагруженности. В научной литературе можно встретить ряд систематизаций исследований, вносящих ясность в разнообразие трактовок этого явления. Вместе с тем они не позволяют увидеть концептуальное единство достаточно разных представлений об устойчивости, либо не включают исследовательские направления, в которых понятие устойчивости трактуется специфически. В статье предложены основания для систематизации представлений об устойчивости, позволяющие уловить в них интегративные процессы и тренды развития. Для этого применялся метод дедуктивной систематизации, а также понятийный анализ. Вектор развития современных представлений об устойчивости в психологии направлен на отход от понимания ее как качества и характеристики личности в сторону выявления динамической, процессуальной природы данного явления; от парадигмы одностороннего линейного влияния среды на человека — в сторону целостной системы «Среда—Человек»; от одномерного понимания устойчивости — в сторону представления о сложном уровне и системном характере ее строения.

Ключевые слова: устойчивость, жизнеспособность, жизнестойкость, устойчивость развития, стабильность, резистентность, психическая устойчивость.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках стратегического проекта «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире» (реализуется по программе Минобрнауки России «Приоритет-2030»).

Для цитаты: Буланова И.С., Двойнин А.М., Двойнина В.К. Представление об устойчивости в концептуальном пространстве психологии [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 103—113. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140110>

Representations of Resilience in the Conceptual Field of Psychology

Irina S. Bulanova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: bis_m@mail.ru

Alexey M. Dvoinin

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdrvoinin@mail.ru

Viktoriya K. Dvoinina

Moscow City University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: romantsovavk@mgpu.ru

Recently, the concept of resilience has become very popular in psychological science, which in Russian-language psychology is translated as “zhiznesposobnost” [“viability”] or “ustoichivost” [“stability”]. Despite the fact that this concept has firmly entered the conceptual framework of psychological science, there is still no consensus among researchers on its definition and theoretical load. In the scientific literature, one can find a number of systematizations of research that clarify the variety of interpretations of this phenomenon. At the same time, they do not allow us to see the conceptual unity of sufficiently different ideas about resilience, or they do not include research areas in which the concept of resilience is interpreted specifically. The article suggests the grounds for systematization of ideas about resilience, which make it possible to capture integrative processes and development trends in them. For this purpose, the method of deductive systematization was used, as well as conceptual analysis. The vector of development of modern ideas about resilience in psychology is aimed at moving away from understanding it as a quality and characteristic of personality towards identifying the dynamic, procedural nature of this phenomenon; from the paradigm of one-sided linear influence of the environment on a person — towards an integral “Environment — Person” system; from a one-dimensional understanding of resilience — towards the idea of a complex level and the systemic nature of its structure.

Keywords: resilience, hardiness, sustainability, stability, resistance, mental toughness.

Funding. The research was conducted within the framework of the strategic project “Human Success and Autonomy in a Changing World” (implemented under the Priority 2030 program of the Ministry of Education and Science of Russia).

For citation: Bulanova I.S., Dvoinin A.M., Dvoinina V.K. Representations of Resilience in the Conceptual Field of Psychology [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 103—113. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140110> (In Russ.).

Введение

Современное глобальное общество переживает множество вызовов, подрывающих ощущение стабильности и определенности: обострение террористических угроз, вспыхивающие военные конфликты, экологические проблемы, эпидемия COVID-19 и др. В этих условиях увеличивается общественный запрос на те психологические средства и практики, которые помогают человеку обрести личностную устойчивость и жизнестойкость. Несмотря на то, что практикующие психологи — консультанты и психотерапевты — более столетия непосредственно имеют дело с развитием и поддержанием устойчивости личности, задача осмысления и рефлексии различных концептуальных построений и методологических оснований исследований в данной области остается актуальной.

Предметное поле этой области покрывается различными понятиями, ключевым из которых является концепт *resilience*. На русский язык его можно перевести как «...устойчивость психологическая — совокупность определенных качеств и свойств психики, благодаря которым организм сохраняет способность к адекватной и эффективной жизнедеятельности под воздействием каких-либо неблагоприятных факторов»¹. В настоящее время между исследователями не существует консенсуса относительно определения понятия *resilience*, его теоретической нагруженности, онтологического статуса, а также методов измерения [21; 30]. В российской психологической науке дело усугубляется терминологической путаницей, связанной, с одной стороны, с трудностями перевода данного англоязычного термина и других близких по значению терминов на русский язык и, с другой стороны, — со сложившей-

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/emergency/3076/Устойчивость>

ся специфической концептуализацией понятия «устойчивость» в отечественной психологии,

Одним из вариантов перевода термина *resilience*, который часто можно встретить в современной русскоязычной литературе, является прямая «калька» данного англоязычного слова — *резилентность* [5]. Однако относительно психологического содержания данного концепта и его связи с близкими и похожими понятиями нет полной ясности. Этот концепт вбирает в себя достаточно широкий спектр явлений психики: способность к быстрому восстановлению душевных и физических сил, способность поддерживать психологическое равновесие, позитивную адаптацию, а также широкий класс процессов совладания и защитных реакций [5].

Другим вариантом перевода указанного термина является *жизнеспособность*, которую определяют как «...индивидуальную способность управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» [7, с. 294]. В такой трактовке термин отражает современные представления исследователей и практиков об этом явлении, с ориентировкой на мультикаузальность, системность, психологическое здоровье и ресурсы личности. Остальные термины, относящиеся к проблематике устойчивости, являются либо производными и включены в общую концепцию жизнестойкости (такие, как, например, *жизнестойкость* (*hardiness*), *резистентность* (*resistance*)), либо вовсе из нее выпадают (например: *устойчивое развитие* (*sustainability*), *психическая устойчивость* как самоэффективность (*mental toughness*)), хотя онтологически с ней связаны.

В литературе представлены различные варианты систематизации исследований в данной области. Наиболее популярной из них является описание так называемых исследовательских «волн», в которых зафиксирована последовательность появления и развития основных направлений исследований на данную тему [6; 31]. Данная систематизация выглядит достаточно полной. Вместе с тем, учитывая путаницу понятий, разные переводы терминов, широко варьирующиеся контексты исследований, такая индуктивная систематизация не позволяет увидеть концептуальное единство разнообразных исследований при их многочисленных различиях. Другие попытки систематизации исследований, связанные с обобщением их в подходы [9], весьма узки и не включают исследовательские направления, в которых понятие устойчивости трактуется специфически.

Несмотря на то, что концепт *resilience* прочно вошел в понятийный строй психологической науки, разнообразие его трактовок, наличие схожих по смыслу понятий, а также обозначенные варианты систематизации исследований в данной области не вносят полной ясности в концептуальную картину представлений об устойчивости. Поэтому нам представляется необходимым обозначить некоторые простые критерии или основания для систематизации существующих пред-

ставлений о психологической устойчивости (в широком смысле). Это позволит раскрыть концептуальное единство в многообразии исследований и увидеть в них некоторые тренды.

Цель нашей работы — концептуальная систематизация представлений об устойчивости в психологических исследованиях. Исследовательская методология включала в себя:

- *метод дедуктивной систематизации* на основе таких критериев, как предметная область (отрасль) психологии; форма существования устойчивости как психологического явления; исследовательская парадигма;
- *понятийный анализ*, в ходе которого производилось сопоставление и уточнение содержания понятий, используемых для обозначения устойчивости. Единицами понятийного анализа выступили концепты «устойчивость», «жизнеспособность» (*resilience*), «жизнестойкость» (*hardiness*), «резистентность» (*resistance*), «психическая устойчивость» (*mental toughness*), «жизнеспособность», «устойчивое развитие» (*sustainability*).

В рамках настоящей статьи мы будем использовать термин «устойчивость» — преимущественно как категорию, обобщающую весь спектр схожих по смыслу понятий, используемых в соответствующих областях исследований, а также более узко — как одно из частных понятий, давая по ходу текста пояснения там, где это необходимо.

Устойчивость в контексте разных предметных областей (отраслей) психологии

Психология труда и отдельных видов деятельности. Явления устойчивости изучаются в психологии труда и отдельных видов деятельности (в частности в военной психологии, спортивной психологии). В отечественной литературе можно встретить немало исследований устойчивости как способности субъекта сохранять высокую продуктивность деятельности в экстремальных условиях [2; 3]. Так, например, в исследовании К.К. Платонова и Л.М. Шварца изучалась «летная напряженность», т. е. такое состояние летчиков, которое характеризуется понижением устойчивости и, как следствие, спадом показателей профессиональной эффективности в экстремальных условиях. Устойчивость при этом понималась как сложное, изменчивое, сознательно регулируемое действие. Изучением устойчивости как сохранением продуктивности разных видов деятельности в экстремальных условиях занимались в разное время такие отечественные ученые, как К.К. Платонов, Л.М. Шварц, А.Ф. Катаев, В.Л. Маришук, А.П. Попов, Л.М. Аболин, А.П. Елисеева, П.А. Корчемный и др. [2]. Традиция исследований устойчивости в советской и постсоветской отечественной психологии во многом сопряжена с естественно-научной парадигмой и экспериментальной методологией.

В зарубежной психологии близким по смыслу является концепт *mental toughness* («психическая устойчивость»). *Mental toughness* исследуется, как правило, в психологии спорта, в которой устойчивость рассматривается в контексте высших достижений и трактуется как способность к регуляции своего состояния в сложных средовых условиях, связанных с достижением максимальных спортивных результатов [20; 26]. Современное понимание устойчивости как *mental toughness* выходит за рамки спортивной психологии в область психологии бизнеса и других видов деятельности с высоким уровнем конкуренции и требованиями продуктивности.

Социальная психология личности. Пожалуй, наибольшее количество исследований устойчивости сосредоточено вокруг проблемы личности в трудных жизненных ситуациях [4; 6; 30]. В самом общем виде в данных исследованиях под устойчивостью (*resilience*) понимается совокупность внутренних и внешних условий, приводящих личность к адаптации в стрессовых и выходящих за рамки нормальности ситуациях, а также создающих возможность для личности осуществлять полноценную жизнь в трудных жизненных обстоятельствах. Другими словами, устойчивость понимается как способность человека прийти в свою норму жизни и преодолеть ту или иную форму личных невзгод. Перечислим лишь некоторые исследования и подходы, попадающие в данную плоскость: изучение устойчивости как метасистемного образования, социально-психологический подход к жизнеспособности, исследование устойчивости в рамках коммуникативного подхода, интегративный подход к жизнеспособности, исследование позитивных изменений после психологической травмы, концепция устойчивой реинтеграции и др.

Отдельная линия исследований посвящена информационно-психологической устойчивости (*ideological resistance*) [10; 32]. Информационно-психологическая устойчивость определяется: как качество личности, позволяющее ей противостоять информационно-психологическим воздействиям, сохранять мотивацию, моральные нормы и нравственные ценности; как неприятие смыслов и ценностей идеологии; как способность личности противостоять воздействию на сознание и бессознательное и сохранять собственные психологические характеристики, мотивацию и модели поведения.

Психология развития и педагогическая психология. Исследования в области психологии развития и педагогической психологии касаются, прежде всего, факторов развития и формирования устойчивости личности в онтогенезе [11; 31]. В самых ранних исследованиях устойчивости она рассматривалась как успешность преодоления неблагоприятных условий развития [17]. Так, например, в проекте «Компетентность» (Project Competence Longitudinal Study, PCLS) изучалась жизнеспособность детей и подростков в контексте психопатологических отклонений в их развитии [13].

Комплексные лонгитюдные исследования показали наличие некоторых факторов позитивного развития детей и подростков, вопреки обстоятельствам жизни, таких как: школьная среда как защитный фактор, формируемая мотивация достижения, качество социальных контактов, а также генетически обусловленные индивидуальные качества ребенка. Задачами педагогики в этой связи является возможное сокращение рисков неблагоприятия, а также поиск подходящих интервенций для их минимизации и для развития у ребенка защитных механизмов психики [6].

В рамках данных областей психологии устойчивость понимается как процесс регуляции развития. В частности, существует целый ряд исследований, связанных с поддержанием устойчивого развития личности (*sustainability*). В этом же ключе выдержаны исследования, посвященные долголетию и поддержанию жизнеспособности человека в старости [27].

Психология групп. В рамках данной области психологии исследователи занимаются изучением устойчивости малых и больших групп, а также организаций [8; 15].

Организационная устойчивость рассматривается как способность организации противостоять внешним угрозам, а также способность к развитию и реализации своего потенциала (*sustainability*) [8; 19; 24]. Авторы осмысливают устойчивость организации как многокомпонентное явление в различных измерениях: когнитивном, эмоциональном, коммуникативном и структурном [8; 16].

Устойчивость группы понимается как способность ее членов к совместной деятельности, а также совладанию с внешними неблагоприятными обстоятельствами, воспринимаемыми как угроза существованию и развитию группы. Собственно психологическое содержание устойчивости состоит в качестве отношений участников группы, что отличает групповую устойчивость от индивидуальной [8].

В разделе психологии групп отдельно следует рассматривать исследования устойчивости семьи [1; 6]. Проведенный К.Б. Зуевым метаанализ статей на данную тему позволяет отметить, что исследования устойчивости/жизнеспособности семьи выделяются в отдельную область, о чем свидетельствует стабильный рост публикаций на данную тему [1]. Кроме того, устойчивость семьи как отдельной социальной ячейки существенно отличается от индивидуальной устойчивости. Жизнеспособность семьи понимается как выживаемость, опирающаяся на ресурсы, позволяющие семье совладать со стрессогенными событиями [6; 25].

Несмотря на то, что некоторые представления об устойчивости выходят за рамки конкретных областей психологии и даже за пределы психологической науки в междисциплинарную область, психологические представления об устойчивости в целом возможно систематизировать в соответствии с указанными областями. Имплицитным основанием для подобной систематизации исследований является *тип задачи*, которую решает психика при столкновении с трудными, выходящими за

рамки обыденности ситуациями. Так, в области психологии труда подразумевается задача сохранения продуктивности деятельности; в области социальной психологии личности — задача адаптации («медицинская модель»), совладания («социально-психологическая модель») или позитивных личностных изменений («гуманистическая модель»); в области психологии развития и педагогической психологии — задача нормального/оптимального развития; в психологии групп — задача выживания и развития групп. Сквозной характер имеют представления об устойчивости в области клинической психологии, патопсихологии и психологии здоровья, поскольку вне зависимости от конкретного типа задачи, которую психика решает при столкновении с невзгодами, ключевой является обобщенная задача сохранения жизнеспособности.

Формы существования устойчивости как психологического явления

Другая оптика для систематизаций представлений об устойчивости в психологии связана с фундаментальным пониманием ее как *психологического явления*: устойчивость рассматривается как *характеристика личности* (свойство или черта), как *способность* (набор компетенций) или же как *динамический процесс*.

Психологические исследования устойчивости начались с ее изучения как черты. Широкая линия исследований посвящена устойчивости как некоторому созвездию *характеристик личности или* качеств индивида, проявляющихся в процессе напряженной деятельности, в их числе: темперамент как детерминанта устойчивости, эмоциональная возбудимость или чувствительность к эмоциогенным ситуациям как эмоциональная неустойчивость и другие.

Исследования в области процессов и механизмов формирования устойчивой личности, а также профилактики устойчивости и благополучия привели психологов к пониманию устойчивости как формируемого, сложного, имеющего уровневое строение психического качества. Позже устойчивость стали трактовать как *способность* личности, состоящую из набора компетенций. Устойчивость личности связывалась со способностью оптимально отражать действительность в сложных, стрессовых ситуациях; с умением ориентироваться на определенные цели во временной перспективе; метакогнитивными способностями; навыком контроля поведения, развитие которого не завершается на протяжении всей жизни человека.

Относительно современные исследования все больше сфокусированы на понимании устойчивости как *динамического системного процесса*. Этот процесс контекстуально обусловлен и подразумевает, что от ситуации к ситуации тот набор психических явлений, который детерминирует устойчивость, может сильно варьироваться. Методология данных исследований не

отрицает наличие черт, устойчивых характеристик или способностей, но подразумевается, что мера их проявления и реализации зависит от ситуации и взаимодействия с конкретными субъектами и социальными системами. Приоритет отдается реляционным, ситуационным факторам. Психика рассматривается как функция системы «Среда — Человек» и не сводится к актуальным свойствам ее компонентов. Например, Г. Гианесини понимает устойчивость как реляционный процесс, который в разное время в течение всей жизни является результатом синергического взаимодействия между человеком и средой [14].

Устойчивость в контексте разных исследовательских парадигм

Еще одно основание для систематизации представлений об устойчивости в психологии — это понимание характера *взаимосвязи человека и среды*, которое явно или неявно присутствует в качестве парадигмальной рамки в конкретно-психологических исследованиях.

Все представления об устойчивости можно рассмотреть в некотором континууме: *влияние среды на человека* (односторонняя линейная связь) — *взаимовлияние среды и человека* (двухсторонняя линейная связь: не только среда способна влиять на человека, но и он на среду) — *среда и человек как целостная система*. Несмотря на кажущуюся простоту и архаичность такой оптики, именно она позволяет развести некоторые понятийные нюансы основных терминов данного поля: резистентности, устойчивости, жизнестойкости и жизнеспособности.

Влияние среды на человека («Среда → Человек»). В данной парадигмальной рамке подразумевается, что среда оказывает влияние на человека, а трудные жизненные ситуации «случаются» с человеком; человек же, в свою очередь, вынужден так или иначе на эти ситуации реагировать. Поведение человека рассматривается как реактивное, а он сам — как объект воздействия. Психологические исследования, выполненные в такой парадигме, в большей степени соотносятся с «медицинской моделью», для которой характерно понимание устойчивости как резистентности внешним воздействиям, как поддержание гомеостаза, редукации напряжения и восстановления прежнего нормального функционирования в ответ на невзгоды. Процессы формирования и функционирования устойчивости рассматриваются как мало осознаваемые и слабо контролируемые. В качестве примера можно привести упомянутое выше исследование жизнеспособности детей в семье, родители которых имеют психиатрический диагноз [17; 31]. В нем изучались защитные факторы, способствующие благополучию ребенка: высокий уровень активности, отзывчивость, автономия, адекватные коммуникативные навыки и другие.

Взаимовлияние среды и человека («Среда ↔ Человек»). Эта парадигмальная рамка предполагает, что человек

не просто реагирует на среду, но и способен оказывать на нее влияние. Если предыдущей парадигме в большей степени соответствовала «медицинская модель» устойчивости, то данной теоретической рамке соответствуют «социально-психологическая и гуманистическая модели», в которых человек не просто реагирует на средовые факторы, но способен проявлять субъектность и соответствующую ей проактивность. Проактивность выражается в индивидуальной оценке степени стрессогенности среды, в способности человека предвидеть, предвосхищать вероятные сценарии развития события и за счет сознательных процессов самоорганизации совладать с невзгодами.

В рамках данной парадигмы к составляющим устойчивости можно отнести: способность к рефлексии, метакогнитивные процессы, ресурсы личности, индивидуальный потенциал личности, совладающие механизмы личности, жизнестойкость (*hardiness*), смысл жизни и др.

Применение данной парадигмы можно проиллюстрировать на примере понимания термина «трудная жизненная ситуация». В рамках парадигмы «среда человек» трудную жизненную ситуацию можно определить, используя объективные опросники, например метод ассесмент (отслеживание стрессогенных событий жизни) и другие [28]. В нем представлен перечень стрессогенных событий; респонденту необходимо отметить их наличие в своей жизни. Чем больше подобного рода событий, тем выше уровень стресса. Альтернативный подход к пониманию трудной жизненной ситуации состоит в том, что человек обладает свободой переживания, волен в выборе способа и направления переживания. С этой точки зрения, невозможно создать окончательный и полный перечень стрессогенных ситуаций на основе объективных критериев, поскольку эти ситуации определяются субъективно и индивидуально.

Данная оптика подходит для описания жизнестойкости и устойчивости в узком смысле слова, в котором фиксируются проактивное совладание и способность формировать среду и оказывать на нее влияние.

Среда и человек как целостная система («Среда & Человек»). В рамках предыдущих парадигм устойчивость рассматривалась в позитивистском понимании — как личностная характеристика, которая формируется вопреки или благодаря тяжелым условиям. В данном парадигмальном поле личность и среда рассматриваются как целостная система, а понимание устойчивости выходит за рамки способности сопротивляться или активно совладать со средой [29]. В этом заключается одно из ключевых отличий жизнестойкости (*hardiness*), в большей степени соответствующей парадигме «Среда ↔ Человек», от жизнеспособности (*resilience*) в работах современных отечественных исследователей. Различные качества личности, связанные с совладанием со стрессом и неблагоприятными ситуациями жизни, обозначаются термином «жизнестойкость» (*hardiness*). Под жизнестой-

костью понимаются все внутренние возможности человека, которыми он может воспользоваться в неблагоприятных жизненных ситуациях. Термин «жизнеспособность» имеет более широкую трактовку: как умение жить, развиваться и приспосабливаться в меняющемся мире, что, с нашей точки зрения, соответствует в большей степени данной парадигме. К этой же парадигмальной рамке можно отнести понимание устойчивости как *sustainability* — устойчивости развития. Человек может не просто сохранять и восстанавливать прежнее равновесие после стресса, но он также способен выйти на другой уровень функционирования, благодаря стрессу. Так, например, в последние десятилетия получили особую популярность исследования «посттравматического роста» [4; 12; 22]. В этом же контексте уместно говорить о широкой линии исследований в области позитивной психологии [4; 23].

Системно-ориентированный подход хорошо иллюстрирует направление исследований в данной парадигме [18]. Он подразумевает, что устойчивость — это динамическая характеристика, процессы которой идут на разных уровнях функционирования системы. Реакция человека на неблагоприятные условия опосредована огромным количеством процессов, каждый из которых вносит в нее вклад.

Некоторые результаты проведенного анализа нами обобщены на рис. 1. Направления стрелок указывают на современные концептуальные тренды в психологических представлениях об устойчивости. Таким образом, можно увидеть тренды первого, второго и третьего порядков.

Заключение

Представленная систематизация психологических представлений об устойчивости, осуществленная на основе реконструкции общего для них концептуального пространства, является идеальной моделью и носит абстрактный характер, а потому не высвечивает всё многообразие вариаций в толковании устойчивости и смысловых оттенков обозначающих ее терминов. Дедуктивно выбранные критерии для систематизации также условны. Вместе с тем подобная систематизация психологических представлений об устойчивости позволяет уловить в них интегративные процессы и некоторые тренды развития.

В настоящее время мы наблюдаем движение представлений об устойчивости в предметной области от клинической и патопсихологии в сторону психологии здоровья. Вектор развития современных представлений об устойчивости в психологии направлен на отход от понимания ее как качества и характеристики личности в сторону выявления динамической, процессуальной природы данного явления; от парадигмы одностороннего линейного влияния среды на человека — в сторону целостной

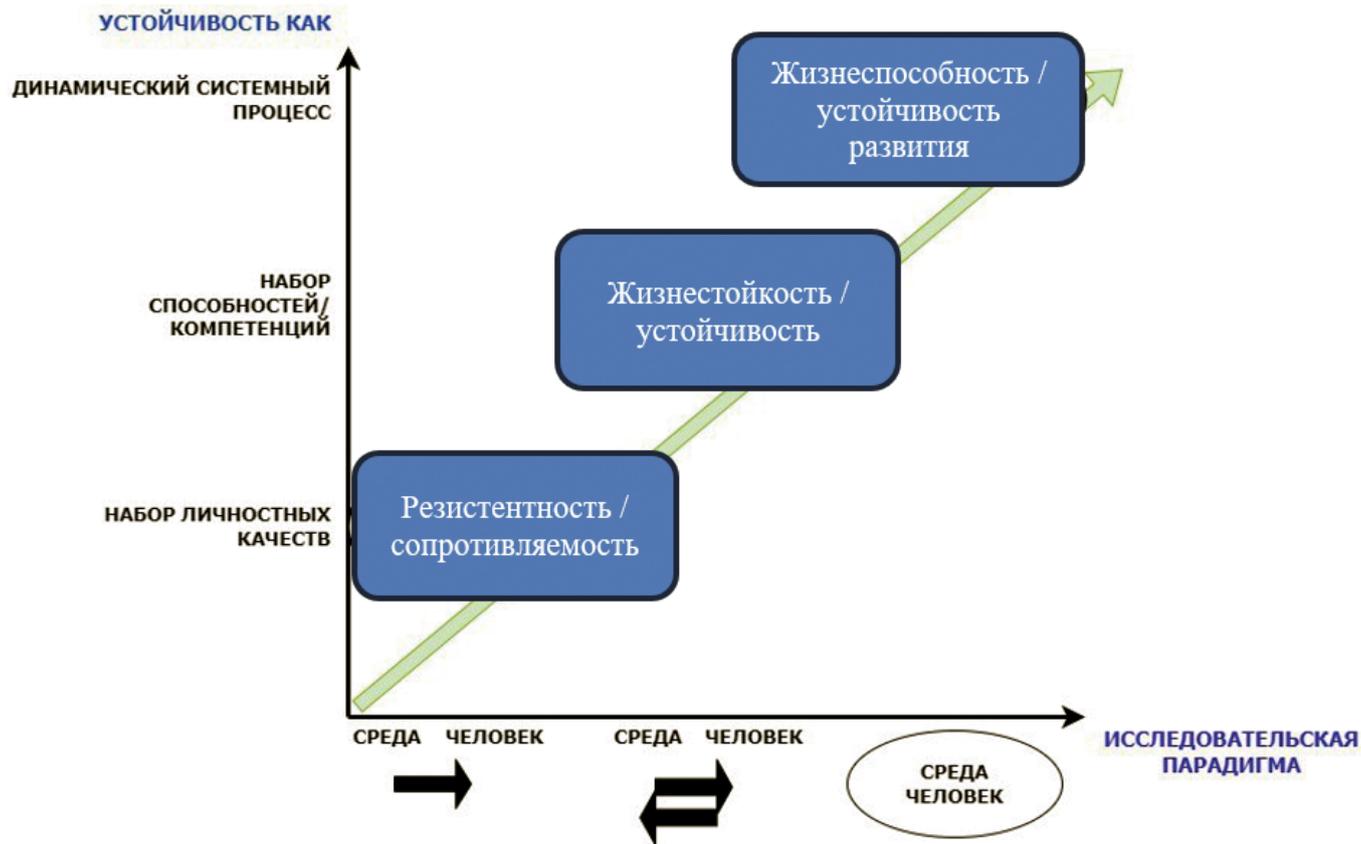

Рис.1. Концептуальное пространство психологических представлений об устойчивости

системы «Среда—Человек»; от одномерного понимания устойчивости (например как психофизиологической характеристики) — в сторону представления о сложном уровне и системном характере ее строения. Дальнейшие исследования устойчивости, как ожидается, будут не только проводиться на стыке разных областей (отраслей) психологической науки, но и всё больше выходить в поле междисциплинарных исследований.

Обозначенные тренды позволяют наметить некоторые концептуальные рамки консультативной и психотерапевтической работы и осмыслить методологию профессиональной деятельности психолога. В рамках трендов первого порядка различные практики психологической помощи в большей степени

соответствуют педагогической или коучинговой работе по формированию и развитию отдельных качеств устойчивой личности, таких как, например, *mental toughness* (психическая устойчивость) или *resistance* (резистентность). Практики работы с внутренней феноменологией, субъективным восприятием реальности в процессе активного совладания личности с трудными жизненными ситуациями соответствуют трендам второго порядка в развитии теоретических представлений в области устойчивости. Тренды третьего порядка отражают современные психологические и психотерапевтические направления и подходы, которые отличает реляционизм, диалогичность, ориентация на системный характер трансформаций личности.

Литература

1. Зуев К.Б. Библиометрический анализ современных исследований жизнеспособности семьи // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2018. № 1(43). С. 99—102.
2. Казанков В.В. Проблема устойчивости в психологии: культурно-исторические и деятельностные подходы // International Journal of Medicine and Psychology. 2021. Том 4. № 4. С. 41—48.
3. Куршев А.Х. Формирование устойчивости у сотрудников органов внутренних дел к вербовочной деятельности экстремистских и террористических организаций // Журнал прикладных исследований. 2021. № 3-2. С. 69—73. DOI:10.47576/2712-7516_2021_3_2_69
4. Леонтьев Д.А. Удары судьбы как стимулы личностного развития: феномен посттравматического роста // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Под ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикой. М.: ИП РАН, 2016. С. 144—158.

5. Маркова В.И., Александрова Л.А., Золотарева А.А. Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью // Национальный психологический журнал. 2022. № 1(45). С. 65—75. DOI:10.11621/prj.2022.0106
6. Махнач А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: ИП РАН, 2016. 459 с.
7. Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Под ред. Л.Г. Дикой, А.Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2007. С. 290—312.
8. Нестик Т.А. Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Том 1. № 2. С. 29—61.
9. Рыльская Е.А. Научные подходы к исследованию жизнеспособности человека в зарубежной психологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 57—58.
10. Саулькин В.А., Хугаева Л.В. Формирование устойчивости социальных групп Вооруженных сил России к негативному информационно-психологическому воздействию // Военный академический журнал. 2022. № 1(33). С. 51—58.
11. Childhood resilient personality trajectories and associations with developmental trajectories of behavioral, social-emotional, and academic outcomes across childhood and adolescence: A longitudinal study across 12 years / Q. Shi, J. Liew, I. Ettekal, S. Woltering // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 177. Article ID 110789. 18 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110789
12. Fayaz I. Posttraumatic Growth and Trauma from Natural Disaster in Children and Adolescents: A Systematic Literature Review about Related Factors // Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma. 2023. Vol. 32. № 3. P. 305—324. DOI:10.1080/10926771.2022.2133656
13. Garmezy N. Stress, Competence and Development: Continuities in the Study of Schizophrenic Adults, Children Vulnerable to Psychopathology, and the Search for Stress-Resistant Children // American Journal of Orthopsychiatry. 1987. Vol. 57. № 2. P. 159—174. DOI:10.1111/j.1939-0025.1987.tb03526.x
14. Ganesini G. Negotiating family challenges by transforming traditional gender roles in new identities: Patterns of resilience and parenthood in a sample of Italian couples: Preliminary findings were presented as a poster “Resilience and its shielding effect on relationship quality and life satisfaction” at the 69th Annual ICP Conference (International Council of Psychologists): July 29 to August 1—2, 2011, Washington, DC // Contemporary Perspectives in Family Research. Vol. 7. Visions of the 21st Century Family: Transforming structures and identities. Leeds: Emerald Group Publishing, 2013. P. 277—316. DOI:10.1108/S1530-3535(2013)0000007013
15. Kobal Grum D., Babnik K. The psychological concept of social sustainability in the workplace from the perspective of sustainable goals: A systematic review // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article ID 942204. 21 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.942204
16. Lengnick-Hall C.A., Beck T.E. Adaptive Fit Versus Robust Transformation: How Organizations Respond to Environmental Change // Journal of Management. 2005. Vol. 31. № 5. P. 738—757. DOI:10.1177/0149206305279367
17. Mahdiani H., Ungar M. The Dark Side of Resilience // Adversity and Resilience Science. 2021. Vol. 2. P. 147—155. DOI:10.1007/s42844-021-00031-z
18. Masten A.S., Cicchetti D. Resilience in Development: Progress and Transformation // Developmental Psychopathology. Vol. 4. Risk, Resilience, and Intervention / Ed. D. Cicchetti. Hoboken: Wiley, 2016. P. 271—333. DOI:10.1002/9781119125556.devpsy406
19. Meneghel I., Martínez I., Salanova M. Job-related antecedents of team resilience and improved team performance // Personnel Review. 2016. Vol. 45. № 3. P. 505—522. DOI:10.1108/PR-04-2014-0094
20. Mental toughness / D. Strycharczyk, P. Clough, T. Wall, J. Perry // Good Health and Well-Being. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals / Eds. W. Leal Filho, T. Wall, A.M. Azul, L. Brandli, P.G. Özuyar. Cham: Springer, 2019. P. 471—483. DOI:10.1007/978-3-319-69627-0_19-1
21. Pai N., Vella S.L. Can one spring back from psychosis? The role of resilience in serious mental illness // Australian & New Zealand Journal of Psychiatry. 2018. Vol. 52. № 11. P. 1093—1094. DOI:10.1177/0004867418802900
22. Posttraumatic stress symptoms, posttraumatic growth, and personality factors: A network analysis / R.C. Graziano, W.J. Brown, D.R. Strasshofer, M.A. Yetter, J.B. Berfield, S.E. Haven, S.E. Bruce // Journal of Affective Disorders. 2023. Vol. 338. P. 207—219. DOI:10.1016/j.jad.2023.06.011
23. Ryff C.D. Positive Psychology: Looking Back and Looking Forward // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article ID 840062. 17 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.840062
24. Sharma S., Sharma S.K. Team Resilience: Scale Development and Validation // Vision. 2016. Vol. 20. № 1. P. 37—53. DOI:10.1177/0972262916628952
25. Sixbey M.T. Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs. Gainesville: University of Florida, 2005. 171 p.

26. *St Clair-Thompson H., Devine L.* Mental toughness in higher education: exploring the roles of flow and feedback // *Educational Psychology*. 2023. Vol. 43. № 4. P. 326—343. DOI:10.1080/01443410.2023.2205622
27. Sustainable and Active Program — Development and Application of SAVING Methodology / M. Almeida-Silva, A. Monteiro, A.R. Carvalho, A.M. Teixeira, J. Moreira, D. Tavares, M.T. Tom s, A. Coelho, V. Manteigas // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. № 11. Article ID 6803. 16 p. DOI:10.3390/ijerph19116803
28. The social readjustment rating scale: Updated and modernized / D. Wallace, N.R. Cooper, A. Sel, R. Russo // *PLoS ONE*. 2023. Vol. 18. № 12. Article ID e0295943. 30 p. DOI:10.1371/journal.pone.0295943
29. *Ungar M., Hadfield K.* The differential impact of environment and resilience on youth outcomes // *Canadian Journal of Behavioural Science = Revue canadienne des sciences du comportement*. 2019. Vol. 51. № 2. P. 135—146. DOI:10.1037/cbs0000128
30. *Vella S.L., Pai N.* A Theoretical Review of Psychological Resilience: Defining Resilience and Resilience Research over the Decades // *Archives of Medicine and Health Sciences*. 2019. Vol. 7. № 2. P. 233—239. DOI:10.4103/amhs.amhs_119_19
31. *Werner E.E., Smith R.S.* Journeys from Childhood to Midlife: Risk, Resilience and Recovery. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 236 p.
32. *Zmigrod L. A.* Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking // *Perspectives on Psychological Science*. 2022. Vol. 17. № 4. P. 1072—1092. DOI:10.1177/17456916211044140

References

1. Zuev K.B. Bibliometricheskii analiz sovremennikh issledovaniy zhiznesposobnosti sem'i [A bibliometric analysis of current family resilience research]. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnie nauki [Bulletin of YarSU. Human Sciences]*, 2018, no. 1 (43), pp. 99—102. (In Russ.).
2. Kazankov V.V. Problema ustoychivosti v psikhologii: kulturno-istoricheskie i deyatelnostnie podkhody [The problem of sustainability/resilience in psychology: cultural-historical and activity-based approaches]. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2021. Vol. 4, no. 4, pp. 41—48. (In Russ.).
3. Kurshev A.H. Formirovanie ustoychivosti u sotrudnikov organov vnutrennikh del k verbovochnoy deyatelnosti ekstremistskikh i terroristicheskikh organizatsiy [The forming of resilience among internal affairs officers to recruitment activities of extremist and terrorist organizations]. *Zhurnal prikladnikh issledovaniy [The Journal of Applied Research]*, 2021, no. 3-2, pp. 69—73. DOI:10.47576/2712-7516_2021_3_2_69 (In Russ.).
4. Leont'ev D.A. Udari sudby kak stimuli lichnostnogo razvitiya: fenomen posttravmaticheskogo rosta [Blows of the fate as motivators of personal development: the phenomenon of post-traumatic growth]. In Makhnach A.V., Dikaya L.G. (eds.), *Zhiznesposobnost cheloveka: individualnie, professionalnie i sotsialnie aspekty [Human Resilience: Individual, Professional and Social Aspects]*. Moscow: IP RAS, 2016, pp. 144—158. (In Russ.).
5. Markova V.I., Aleksandrova L.A., Zolotareva A.A. Russkoyazychnaya versiya kratkoi shkaly rezilientnosti: psikhometricheskii analiz na primere vyborok studentov, mnogodetnykh roditelei i roditelei detei s invalidnost'yu [The Russian version of the Brief Resilience Scale: The psychometric analysis on the example of samples of students, parents with many children and parents of disabled children]. *Natsionalniy psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2022, no. 1(45), pp. 65—75. DOI:10.11621/npj.2022.0106 (In Russ.).
6. Makhnach A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradig [Human resilience as research object in psychology]. Moscow: IP RAS, 2016. 459 p. (In Russ.).
7. Makhnach A.V., Laktionova A.I. Zhiznesposobnost' podrostka: ponyatie i kontseptsiya [Adolescent resilience: concept and definition]. In Dikaya L.G., Zhuravlev A.L. (eds.), *Psikhologiya adaptatsii i sotsial'naya sreda: sovremennye podkhody, problemy, perspektivy [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects]*. Moscow: IP RAS, 2007. pp. 290—312. (In Russ.).
8. Nestik T.A. Zhiznesposobnost' gruppy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [Resilience of social group: definition, structure and research approaches]. *Institut psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*, 2016. Vol. 1, no. 2, pp. 29—61. (In Russ.).
9. Ryl'skaya E.A. Nauchnye podkhody k issledovaniyu zhiznesposobnosti cheloveka v zarubezhnoi psikhologii [Scientific approaches to researches of human resilience in foreign psychology]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 8, pp. 57—58. (In Russ.).
10. Saul'kin V.A., Khugaeva L.V. Formirovanie ustoychivosti sotsialnykh grupp Voоруженных Сил России к негативному информационно-психологическому воздействию [The formation of resistance of the Russian military social groups to information-psychological activities]. *Voennyi akademicheskii zhurnal [Military Academic Journal]*, 2022, no. 1(33), pp. 51—58. (In Russ.).
11. Shi Q., Liew J., Etekal I., Woltering S. Childhood resilient personality trajectories and associations with developmental trajectories of behavioral, social-emotional, and academic outcomes across childhood and adolescence: A longitudinal

- study across 12 years. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 177, article ID 110789. 18 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110789
12. Fayaz I. Posttraumatic Growth and Trauma from Natural Disaster in Children and Adolescents: A Systematic Literature Review about Related Factors. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 2023. Vol. 32, no. 3, pp. 305—324. DOI:10.1080/10926771.2022.2133656
13. Garmezy N. Stress, Competence and Development: Continuities in the Study of Schizophrenic Adults, Children Vulnerable to Psychopathology, and the Search for Stress-Resistant Children. *American Journal of Orthopsychiatry*, 1987. Vol. 57, no. 2, pp. 159—174. DOI:10.1111/j.1939-0025.1987.tb03526.x
14. Giancesini G. Negotiating family challenges by transforming traditional gender roles in new identities: Patterns of resilience and parenthood in a sample of Italian couples: Preliminary findings were presented as a poster “Resilience and its shielding effect on relationship quality and life satisfaction” at the 69th Annual ICP Conference (International Council of Psychologists): July 29 to August 1—2, 2011, Washington, DC. *Contemporary Perspectives in Family Research. Vol. 7. Visions of the 21st Century Family: Transforming structures and identities*. Leeds: Emerald Group Publishing, 2013, pp. 277—316. DOI:10.1108/S1530-3535(2013)0000007013
15. Kobal Grum D., Babnik K. The psychological concept of social sustainability in the workplace from the perspective of sustainable goals: A systematic review. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 942204. 21 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.942204
16. Lengnick-Hall C.A., Beck T.E. Adaptive Fit Versus Robust Transformation: How Organizations Respond to Environmental Change. *Journal of Management*, 2005. Vol. 31, no. 5, pp. 738—757. DOI:10.1177/0149206305279367
17. Mahdiani H., Ungar M. The Dark Side of Resilience. *Adversity and Resilience Science*, 2021. Vol. 2, pp. 147—155. DOI:10.1007/s42844-021-00031-z
18. Masten A.S., Cicchetti D. Resilience in Development: Progress and Transformation. In Cicchetti D. (ed.), *Developmental Psychopathology. Vol. 4. Risk, Resilience, and Intervention*. Hoboken: Wiley, 2016, pp. 271—333. DOI:10.1002/9781119125556.devpsy406
19. Meneghel I., Martínez I., Salanova M. Job-related antecedents of team resilience and improved team performance. *Personnel Review*, 2016. Vol. 45, no. 3, pp. 505—522. DOI:10.1108/PR-04-2014-0094
20. Strycharczyk D., Clough P., Wall T., Perry J. Mental toughness. In Leal Filho W., Wall T., Azul A.M., Brandli L., Özuyar P.G. (eds.), *Good Health and Well-Being. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals*. Cham: Springer, 2019, pp. 471—483. DOI:10.1007/978-3-319-69627-0_19-1
21. Pai N., Vella S.L. Can one spring back from psychosis? The role of resilience in serious mental illness. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2018. Vol. 52, no. 11, pp. 1093—1094. DOI:10.1177/0004867418802900
22. Graziano R.C., Brown W.J., Strasshofer D.R., Yetter M.A., Berfield J.B., Haven S.E., Bruce S.E. Posttraumatic stress symptoms, posttraumatic growth, and personality factors: A network analysis. *Journal of Affective Disorders*, 2023. Vol. 338, pp. 207—219. DOI:10.1016/j.jad.2023.06.011
23. Ryff C.D. Positive Psychology: Looking Back and Looking Forward. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 840062. 17 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.840062
24. Sharma S., Sharma S.K. Team Resilience: Scale Development and Validation. *Vision*, 2016. Vol. 20, no. 1, pp. 37—53. DOI:10.1177/0972262916628952
25. Sixbey M.T. Development of the Family Resilience Assessment Scale to Identify Family Resilience Constructs. Gainesville: University of Florida, 2005. 171 p.
26. St Clair-Thompson H., Devine L. Mental toughness in higher education: exploring the roles of flow and feedback. *Educational Psychology*, 2023. Vol. 43, no. 4, pp. 326—343. DOI:10.1080/01443410.2023.2205622
27. Almeida-Silva M., Monteiro A., Carvalho A.R., Teixeira A.M., Moreira J., Tavares D., Tom s M.T., Coelho A., Manteigas V. Sustainable and Active Program — Development and Application of SAVING Methodology. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, № 11, article ID 6803. 16 p. DOI:10.3390/ijerph19116803
28. Wallace D., Cooper N.R., Sel A., Russo R. The social readjustment rating scale: Updated and modernized. *PLoS ONE*, 2023. Vol. 18, no. 12, article ID e0295943. 30 p. DOI:10.1371/journal.pone.0295943
29. Ungar M., Hadfield K. The differential impact of environment and resilience on youth outcomes. *Canadian Journal of Behavioural Science = Revue canadienne des sciences du comportement*, 2019. Vol. 51, no. 2, pp. 135—146. DOI:10.1037/cbs0000128
30. Vella S.L., Pai N. A Theoretical Review of Psychological Resilience: Defining Resilience and Resilience Research over the Decades. *Archives of Medicine and Health Sciences*, 2019. Vol. 7, no. 2, pp. 233—239. DOI:10.4103/amhs.amhs_119_19
31. Werner E.E., Smith R.S. *Journeys from Childhood to Midlife: Risk, Resilience and Recovery*. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 236 p.
32. Zmigrod L.A. Psychology of Ideology: Unpacking the Psychological Structure of Ideological Thinking. *Perspectives on Psychological Science*, 2022. Vol. 17, no. 4, pp. 1072—1092. DOI:10.1177/17456916211044140

Информация об авторах

Буланова Ирина Сергеевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: bis_m@mail.ru

Двойнин Алексей Михайлович, кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdvoinin@mail.ru

Двойнина Виктория Константиновна, магистр психолого-педагогического образования, ассистент департамента психологии, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: romantsovavk@mgpu.ru

Information about the authors

Irina S. Bulanova, PhD in Psychology, Researcher, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>, e-mail: bis_m@mail.ru

Alexey M. Dvoinin, PhD in Psychology, Associate Professor, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>, e-mail: alexdvoinin@mail.ru

Viktoriya K. Dvochina, MA in Psychological and Pedagogical Education, Assistant Professor, Department of Psychology, Moscow City University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>, e-mail: romantsovavk@mgpu.ru

Получена 07.03.2024

Received 07.03.2024

Принята в печать 26.02.2025

Accepted 26.02.2025

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Изучение и профилактика антисоциальной креативности в контексте семьи в современных зарубежных исследованиях

Мешкова Н.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Актуальность изучения антисоциальной креативности связана с оптимизацией межличностного взаимодействия в различных областях деятельности и необходимостью снижения деструктивности в общении в ученических группах. В статье освещаются и анализируются исследования антисоциальной креативности, проведенные в контексте семьи. Показана высокая склонность к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред окружающим в виде черного юмора, сарказма, лжи, вербальной агрессии, у подростков, выросших в семьях с чрезмерной опекой, эмоциональным или физическим пренебрежением со стороны родителей, испытавших детскую травму в результате сексуальной или физической агрессии. Уделяется внимание роли личностных характеристик, таких как «темная триада», сформировавшихся в контексте негативных практик воспитания в семье, и их связи с генерированием вредоносных идей и проявлением таких идей в поведении. Обсуждается вклад, вносимый в снижение антисоциальной креативности чертами личности, психологической устойчивостью к стрессовым ситуациям и убеждениями. Приводятся примеры успешных зарубежных практик, обучающих подавлять гнев; интервенций по научению прощению; стратегий когнитивной переоценки. Характеризуются различные направления профилактической работы, как с подростками, так и с их семьями.

Ключевые слова: антисоциальная креативность, контекст, негативные семейные практики воспитания, личностные черты, профилактика антисоциальной креативности.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00236, <https://rscf.ru/project/23-28-00236>.

Для цитаты: Мешкова Н.В. Изучение и профилактика антисоциальной креативности в контексте семьи в современных зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 114—121. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140111>

Investigation and Prevention of Antisocial Creativity in the Context of Family in Modern Foreign Studies

Natalya V. Meshkova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru*

The relevance of studying malevolent creativity (MC) is related to optimizing interpersonal interaction in various fields of activity and reducing destructiveness in communication in student groups. The article highlights and analyzes research on MC conducted in the context of the family. It shows a high tendency to realization of MC in behavior that harms others in the form of black humor, sarcasm, lies, and verbal aggression in adolescents who grew up in families with excessive care; emotional or physical neglect on the part of parents; those who have experienced childhood trauma as a result of sexual or physical aggression. Attention is paid to the role of personal characteristics such as the dark triad, formed in the context of negative parenting practices in the family, and their connection with the generation of harmful ideas and the manifestation of such ideas in behavior. The contribution of personality traits, psychological resistance to stressful situations, and beliefs, to the reduction of MC is discussed. Examples of

successful foreign practices teaching how to suppress anger, forgiveness interventions, and cognitive reappraisal strategies are given. Various directions of preventive work are offered both with teenagers and with their families.

Keywords: malevolent creativity, context, negative family parenting practices, personality, prevention of malevolent creativity.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation project number № 23-28-00236, <https://rscf.ru/project/23-28-00236>.

For citation: Meshkova N.V. Modern Foreign Research of Malevolent Creativity in the Family Context [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 114—121. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140111> (In Russ.).

Введение

Интерес к антисоциальной/вредоносной (malevolent) креативности возник у психологов как к феномену, являющемуся побочным продуктом креативного мышления и наносящему намеренный вред другим людям [20]. Антисоциальная креативность реализуется в терроризме, коррупции, мошенничестве [25], девиантном поведении [1]. Тематика изучения феномена предполагает два направления: 1) генерирование идей и решений, наносящих вред; 2) склонность к реализации этих идей и решений в поведении. Для диагностики склонности к проявлению антисоциальной креативности в поведении используется опросник «Malevolent Creativity Behavioral Scale» (далее — MCBS), включающий три шкалы для оценки респондентом (по степени частоты) собственного поведения в виде нанесения вреда за причиненный ущерб, лжи и злых шуток над окружающими [6]. Генерирование вредоносных идей изучается с помощью методов дивергентного мышления и реальных ситуаций из жизни (RWDT).

Особый интерес представляет антисоциальная креативность, проявляющаяся в межличностном взаимодействии в форме вербальной агрессии, злых шуток, черного юмора, оригинальных способов мести. Важно, что такое поведение угрожает психологическому здоровью мишени, на которую оно направлено, и, в свою очередь, провоцирует ответную реакцию в виде нечестного, неэтичного поведения [29].

Исследования на различных возрастных выборках подростков, студентов, представителей различных профессий характеризуют особенности деструкции в межличностных отношениях [1; 4; 6]. Выявлены различия в уровне склонности к проявлению антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред, в разных социально-политических условиях. Так, было показано, что антисоциальная креативность у российских подростков выше в доковидный период по сравнению с периодом специальной военной операции [5], а у студентов — ниже в доковидный период [3].

В последнее время в фокусе внимания исследователей находятся практики семейного воспитания как средового фактора, способствующего формированию антисоциальной креативности. Цель настоящей статьи состоит в освещении полученных в этом направлении результатов эмпирических исследований.

Практики воспитания и антисоциальная креативность

Семья является основной средой в детском возрасте, где ребенок взаимодействует с внешним миром; соответственно, именно семья влияет на психологическое развитие человека. За рубежом выделены такие практики семейного воспитания, которые рассматриваются как конкретные формы поведения, используемые родителями для социализации своих детей: теплота (родительская отзывчивость, вовлеченность, поддержка) и требовательность (строгость по отношению к ребенку, требование соответствия общественным и семейным ожиданиям [7]. Выраженность перечисленных форм поведения составляет следующие стили родительского поведения: теплота, отвержение — сочетание слабой отзывчивости и большой требовательности, чрезмерная опека — сочетание большой требовательности и слабой родительской отзывчивости [23]. В свете изучения вредоносной креативности именно негативные стили привлекают внимание зарубежных исследователей.

С. Цуй (X. Cui) с коллегами в своем исследовании предложили студентам сначала оценить собственных родителей по степени отвержения, эмоциональной теплоте и чрезмерной опеке, а затем ответить на вопросы о том, как часто они сами совершают действия, в которых проявляется антисоциальная креативность. По результатам оценок родительского поведения были выделены три профиля стилей родительского воспитания: недифференцированное, имеющее сбалансированную структуру и средний уровень по всем компонентам; позитивное открытое воспитание, отличающееся высокими баллами по эмоциональной теплоте, низкими баллами по отвержению и чрезмерной опеке; негативное ограниченное воспитание — с низкой эмоциональной теплотой, отсутствием чрезмерной опеки и высоким отвержением. При соотнесении профилей с антисоциальной креативностью оказалось, что наименее склонны к действиям, в которых проявляется антисоциальная креативность, студенты со стилем воспитания в семье, соответствующим профилю негативного ограниченного воспитания. И наоборот, студенты, чьи родители проявляли высокую эмоциональную теплоту, не отвергали своих детей и чрезмерно их

опекали, демонстрировали высокий уровень антисоциальной креативности [13]. Полученные результаты не согласуются с результатами других авторов, показавших положительную связь жестких практик воспитания в семье с MCBS. Характерно, что часто такая связь опосредуется личностными чертами.

Личностные черты, практики воспитания и антисоциальная креативность

Коллектив авторов под руководством С. Джиа (X. Jia) использовал для выявления жестких практик воспитания три показателя: эмоциональное, образовательное и надзорное пренебрежение. Было показано, что дети, испытывавшие в детстве игнорирование родителей, став взрослыми, проявляют в поведении большую склонность к реализации идей, наносящих вред другим людям. Авторы исследования выявили, что опосредуется эта связь чертами «темной триады», причем в большей степени это касается студентов мужского пола [21].

П. Беду-Адо (P. Bedu-Addo) с коллегами проверяли связь черт Большой пятерки, небрежного воспитания ребенка и антисоциальной креативности. В понимании авторов небрежное воспитание — это осознанная или неосознанная неспособность родителей или опекунов удовлетворить потребности своих детей или отсутствие заботы о них [19], а также физическое, сексуальное или эмоциональное насилие в семье по отношению к ребенку [23]. В своем исследовании авторы сфокусировались на эмоциональном и физическом пренебрежении родителей к детям. Регрессионный анализ, проводившийся по каждой из шкал MCBS, показал, что физическое и эмоциональное пренебрежение предсказывают все виды поведения, в которых реализуется антисоциальная креативность. Анализ связи этих видов поведения с чертами Большой пятерки — согласием, добросовестностью, открытостью опыту, нейротизмом и экстраверсией — показал, что более значимыми чертами для проявления антисоциальной креативности в поведении являются такие черты, как согласие и добросовестность [23]. Полученные результаты важны для понимания того, в каких условиях формируется личность, склонная к поведению, наносящему вред окружающим, и какие черты она имеет. Тем не менее стоит отметить, что авторы исследования не до конца продумали теоретическое обоснование своего исследования и не учли возможность выяснить, как взаимодействие практик воспитания и личностных черт сказывается на антисоциальной креативности. Данная математико-статистическая процедура позволила бы выявить переменную, оказывающую наибольший вклад в поведение.

Личностные черты играют большую роль в антисоциальной креативности, тем не менее многие авторы считают, что не всегда эта роль решающая [28]. Такие факторы, как стрессовая и угрожающая ситуации, могут влиять на реализацию антисоциальной

креативности в поведении [28], причем в этом случае, на наш взгляд, можно говорить о самой антисоциальной креативности как копинг-стратегии в стрессовых ситуациях. Тем не менее установлено, что факторы среды влияют на креативность в первую очередь через личностные характеристики. Одной из таких характеристик является устойчивость личности к стрессовым ситуациям.

На китайской выборке было показано, что психологическая устойчивость частично опосредует связь между негативными родительскими практиками воспитания и MCBS. Благодаря психологической устойчивости у студентов, в детском возрасте испытавших отвержение или чрезмерную опеку, снижается склонность к реализации антисоциальной креативности в поведении, наносящем вред другим [27]. В фокус внимания К. Уанг (Q. Wang), автора данного исследования, не вошла проблема формирования устойчивости к стрессу у детей, выросших в семьях с негативными практиками. К сожалению, и он, и П. Беду-Адо (P. Bedu-Addo) с коллегами не объяснили наличие высокой устойчивости к стрессу и адаптируемости в сложных жизненных ситуациях у респондентов с высоко развитыми чертами Большой пятерки, такими как согласие и добросовестность [23], подвергшихся негативным практикам воспитания [27].

Исследования показывают, что детская травма, полученная в результате сексуальной или физической агрессии и эмоционального пренебрежения родителей, связана с вредоносной креативностью. У. Ли (W. Li) и коллеги выявили психологические механизмы, лежащие в основе этой связи. Оказалось, что агрессия частично опосредует связь детской травмы и MCBS, а психологическая устойчивость модулирует ее таким образом, что влияние детской травмы на проявление антисоциальной креативности в поведении через агрессию увеличивается по мере повышения уровня устойчивости [11]. Результаты исследования могут быть полезны для тех исследователей, которые занимаются девиантным поведением: в случае выявления значимых положительных корреляций психологической устойчивости с антисоциальной креативностью и агрессией для них есть повод задуматься о том, что у испытуемых/респондентов было неблагополучное детство.

Приведенные выше результаты касались антисоциальной креативности, измеряемой с помощью MCBS. Однако связь с практиками воспитания выявляется и для генерирования вредоносных идей, выявляемых с помощью заданий на дивергентное мышление.

В исследовании Ю. Дженг (Y. Geng) и коллег было установлено, что студенты, подвергшиеся в детстве практикам жесткого обращения в семье, генерировали больше вредоносных идей. Кроме того, результаты показали, что вера в справедливый мир опосредует эту связь [17], т. е. если человек, прошедший в детстве через опыт жестких практик воспитания в семье, верит в справедливость мира, то у него антисоциальная креативность снижается. Вопрос заключается в том, как у

таких детей сформировать веру в справедливый мир? Дело в том, что, как показывают исследования, у детей, выросших в семьях с жестким стилем воспитания, повышена враждебность и формируется инверсированная картина мира — как угрожающего и страшного места для жизни, что, в свою очередь, с трудом поддается коррекции (см.: [2]). Поэтому заслуга коллектива авторов состоит в том, что они выявили переменную, которую можно использовать в программах по профилактике антисоциальной креативности, — веру в справедливый мир.

Система убеждений индивида и, в частности, вера в справедливый мир и в то, что каждый получает то, что заслужил, играет важную роль в активизации реактивной агрессии [9] и виктимизации сверстников [8]. Опираясь на эти факты, коллектив авторов под руководством Ю. Уанг (Y. Wang) исследовал влияние, оказываемое чувствительностью к несправедливости на антисоциальную креативность. Было установлено, что люди с высокой чувствительностью к несправедливости реагируют повышением антисоциальной креативности. Заслуга авторов состоит в том, что они показали роль: во-первых, гнева как медиатора связи исследуемых переменных — чувствительность к несправедливости оказывает не только прямое воздействие на антисоциальную креативность, но и не прямое воздействие через гнев; во-вторых, регулирования эмоций как модератора связи гнева и чувствительности к несправедливости — люди с высокой регуляцией собственных эмоций лучше регулируют гнев, возникающий из-за ситуации несправедливости, что в конечном итоге снижает антисоциальную креативность [26].

Практико-ориентированные рекомендации по снижению антисоциальной креативности

Небрежное воспитание влияет на когнитивное функционирование детей и вызывает посттравматическое стрессовое расстройство, гнев, страх, чувство вины и стыда [12], неспособность контролировать свои эмоции [15]. Исследования показывают, что, находясь в гневе, люди генерируют больше вредоносных идей, чем в нейтральном состоянии и состоянии грусти. Гнев стимулирует антисоциальную креативность [10]. Поэтому важно, задаваясь целью профилактики антисоциальной креативности, научить индивида сдерживать и регулировать свои эмоции.

Обучение стратегиям подавления гнева приводит к ослаблению антисоциальной креативности. Согласно Н. Эйзенбергу (N. Eisenberg), регуляция эмоций включает серию когнитивных процессов, регулирующих или изменяющих вид, интенсивность и продолжительность эмоций [14]. Для нейтрализации кратковременного возбуждения гнева после провокации могут использоваться стратегии изменения негативных мыслей или переоценки ситуации, провоцирующей гнев

[18]. В эксперименте Р. Ченга (R. Cheng) и коллег использовались стратегии когнитивной переоценки и подавления экспрессии. Экспериментальные группы, обучавшиеся данным стратегиям, демонстрировали снижение уровня антисоциальной креативности [10].

Переменными, влияющим на уровень антисоциальной креативности, являются мотивация мести и прощение. У людей с высокой мотивацией мести автоматически активируется схема интерпретации ситуаций, с которыми они сталкиваются, как враждебных, и имеется недостаток ресурсов для подавления карательного поведения [16]. В модели, разработанной Х. Ни (H. Nie), рассматривалось прощение как предиктор антисоциальной креативности, а гнев и мотивация мести служили медиаторами этой связи. При проверке модели было показано, что мотивация мести оказывает наибольший эффект на склонность к проявлению антисоциальной креативности в девиантном поведении. Анализируя вклад переменной прощения, автор исследования пришел к выводу о том, что люди с высоким уровнем прощения не склонны видеть угрожающие стимулы в ситуациях, что позволяет им более снисходительно относиться к обидчикам [24], что согласуется с результатами исследований Дж. Ли (J. Li) и коллег, показавших, что высокоагрессивные студенты колледжа, имевшие низкий уровень прощения, демонстрировали большую склонность к генерированию вредоносных идей по сравнению со студентами с высоким уровнем прощения [11].

Эффективность интервенций по научению прощению показывают результаты эксперимента, проведенного С. Ли (X. Li) на младших школьниках: в результате такой интервенции у детей экспериментальной группы склонность к вредоносной креативности была значимо ниже по сравнению с контрольной группой [11].

По итогам исследований, проведенных С. Ли (X. Li) [22], Дж. Ли (J. Li) [11] и Х. Ни (H. Nie) [24], можно рекомендовать родителям поощрять своих детей прощать обидчика, понимать его эмоции и мотивы поступка, относиться к другим с терпимостью, регулировать и понимать собственные эмоции, обучать эффективным стратегиям решения конфликтов. Однако, если говорить об антисоциальной креативности и конкретно о склонности к ее проявлению в девиантном поведении, то интервенции по снижению мотивации мести и повышению способности к прощению могут снизить склонность к проявлению антисоциальной креативности в двух видах поведения — нанесении вреда с помощью оригинальных способов мести и злых шуток. Что касается лжи, то здесь могут быть задействованы другие компоненты, оказывающие влияние на ее снижение, для чего нужно расширить спектр характеристик и провести дополнительное исследование.

Таким образом, исследованные на текущий момент личностные и ситуационные характеристики антисоциальной креативности в контексте семьи отражены в рабочей схеме динамической модели антисоциальной креативности (см. рисунок).

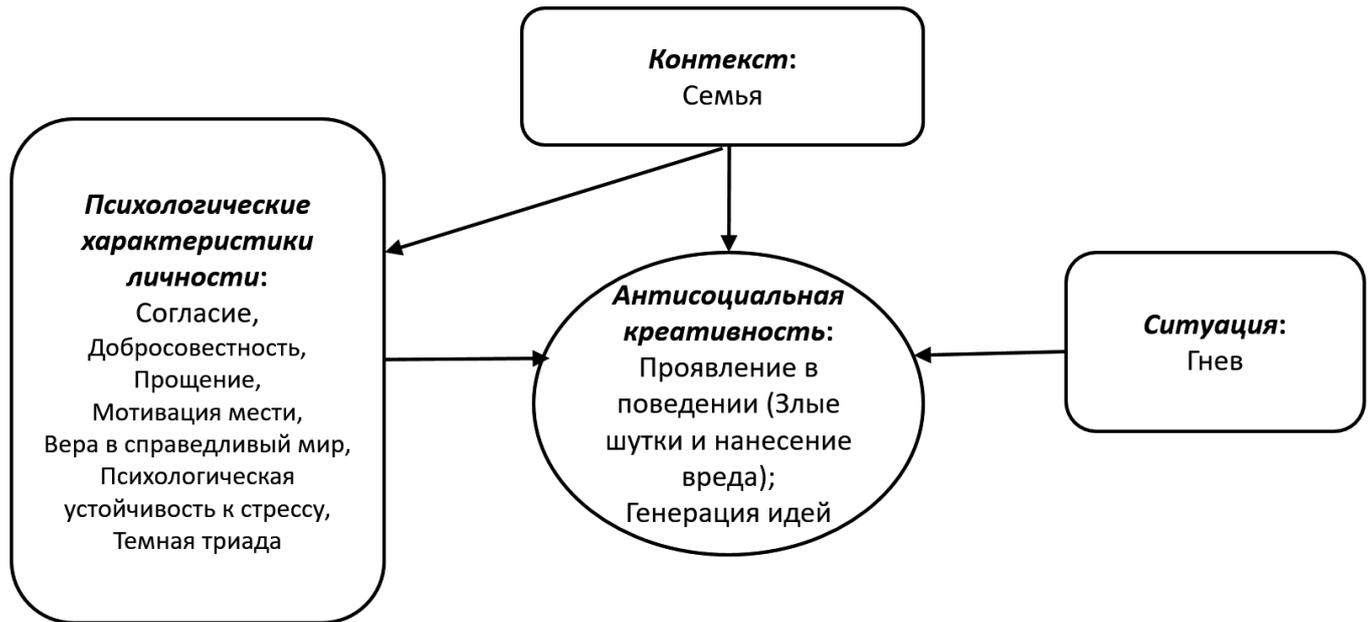

Рис. 1. Рабочая схема динамической модели антисоциальной креативности

Заключение

Важным выводом из рассмотренных выше исследований, на наш взгляд, является то, что жесткие практики воспитания, во-первых, не всегда способствуют формированию личности с характеристиками эгоцентризма и манипулятивности, а, во-вторых, не всегда в студенческом возрасте приводят к склонности к поведению в виде лжи, злых шуток и мести за нанесенную обиду. Направлением дальнейшего исследования может стать выявление факторов среды, способствующих развитию у детей, выросших в семьях с негативными практиками воспитания, устойчивости к стрессовым ситуациям и таких черт личности Большой пятерки, как добросовестность и согласие. Пока же понятно, что бесчувственность к потребностям и чувствам детей, излишняя строгость, склонность к наказаниям не всегда опосредуют формирование негативных характеристик в детях. Но если негативные и ста-

бильные личностные характеристики все же сформированы, то велика вероятность проявления антисоциальной креативности в девиантном поведении.

Результаты исследований показывают, что профилактика проявления антисоциальной креативности в поведении должна вестись в направлении как коррекционно-развивающей работы с подростком, так и просветительско-профилактической работы с его семьей. При работе с семьями необходимо просвещать родителей о важности формирования морали, способности к прощению, стимулированию сотрудничества, кооперации и ответственности. Особенно важно проводить мониторинг стилей воспитания в семьях с трудными подростками.

Еще одним профилактическим мероприятием может стать расширение тематики лекций в женских консультациях в предродовой период, касающейся не только вопросов подготовки к родам и ухода за ребенком в первый год жизни, но и информирования о позитивных практиках его воспитания.

Литература

1. Бочкова М.Н. Особенности связи антисоциальной креативности и понимания собственных эмоций // Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 135—149. DOI:10.17759/psylaw.2023130310
2. Ениколопов С.Н., Мешкова Н.В. Предубежденность в контексте свойств личности // Психологический журнал. 2010. Том 31. № 4. С. 35—46.
3. Мешкова Н.В., Бочкова М.Н., Кравцов О.Е. Антисоциальная креативность и личностные характеристики юношей в разных социально-политических условиях: Связь и взаимодействие // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Том 47. № 1. С. 88—105. DOI:10.11621/LPJ-24-04
4. Особенности антисоциальной креативности и ее профилактики у подростков в современном социально-политическом контексте / Н.В. Мешкова, С.Н. Ениколопов, М.Н. Бочкова, И.А. Мешков // Психология и право. 2024. Том 14. № 4. С. 15—32. DOI:10.17759/psylaw.2024000004
5. Особенности антисоциальной креативности у подростков в разных социально-политических контекстах / Н.В. Мешкова, М.Н. Бочкова, Е.А. Дмитриева, С.Н. Ениколопов, И.А. Мешков // Национальный психологический журнал. 2024. Том 19. № 4. С. 78—86. DOI:10.11621/npj.0405

6. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale / N. Hao, M. Tang, J. Yang, Q. Wang, M.A. Runco // *Frontiers in Psychology*. 2016. Vol. 7. Article ID 682. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00682
7. *Baumrind D.* Current patterns of parental authority // *Developmental Psychology*. 1971. Vol. 4. P. 1—103. DOI:10.1037/h0030372
8. *Bilgin A., Bond R., Elsner B.* Longitudinal associations between justice sensitivity, nonsuicidal self-injury, substance use, and victimization by peers // *Developmental and Psychology*. 2022. Vol. 34. № 4. P. 1560—1572. DOI:10.1017/S0954579421000250
9. *Bond R., Richter P.* Linking forms and functions of aggression in adults to justice and rejection sensitivity // *Psychology of Violence*. 2016. Vol. 6(2). P. 292—302. DOI:10.1037/a0039200
10. *Cheng R., Lu K., Hao N.* The effect of anger on malevolent creativity and strategies for its emotion regulation // *Acta Psychologica Sinica*. 2021. Vol. 53. № 8. P. 847—860. DOI:10.3724/SP.J.1041.2021.00847
11. Childhood Trauma and Malevolent Creativity in Chinese College Students: Moderated Mediation by Psychological Resilience and Aggression / W. Li, L. Zhang, Z. Qin, J. Chen, C. Liu // *Journal of Intelligence*. 2022. Vol. 10. № 4. Article ID 97. 16 p. DOI:10.3390/jintelligence10040097
12. Clinical Considerations Related to the Behavioral Manifestations of Child Maltreatment / R.D. Sege, L. Amaua-Jackson, E.G. Flaherty [et al.] // *Pediatrics*. 2017. Vol. 139. № 4. Article ID e20170100. 13 p. DOI:10.1542/peds.2017-0100
13. *Cui X., Zhang X., Zhang H.* The impact of parenting style on malevolent creativity based on Chinese university students: A latent profile analysis // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. Article ID 1363778. 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1363778
14. *Eisenberg N.* Emotion, regulation, and moral development // *Annual Review of Psychology*. 2000. Vol. 51. P. 665—697. DOI:10.1146/annurev.psych.51.1.665
15. Emotion dysregulation mediates the relationship between child maltreatment and psychopathology: a structural equation model / S. Jennissen, J. Holl, H. Mai, S. Wolff, S. Barnow // *Child Abuse & Neglect*. 2016. Vol. 62. P. 51—62. DOI:10.1016/j.chiabu.2016.10.015
16. Failure to reappraise: Malevolent creativity is linked to revenge ideation and impaired reappraisal inventiveness in the face of stressful, anger-eliciting events / C.M. Perchtold-Stefan, A. Fink, C. Rominger, I. Papousek // *Anxiety, Stress, & Coping*. 2021. Vol. 34. № 4. P. 437—449. DOI:10.1080/10615806.2021.1918682
17. Fight Injustice with Darkness: The Effect of Early Life Adversity on Malevolent Creativity Behavior / Y. Geng, Y. Shi, W. Hu, W. Jin, Y. Zhang, T. Zhan // *Journal of Creative Behavior*. 2024. Vol. 58. № 2. P. 279—296. DOI:10.1002/jobc.648
18. *Germain C.L., Kangas M.* Trait anger symptoms and emotion regulation: The effectiveness of Reappraisal, Acceptance and suppression strategies in regulating anger // *Behaviour Change*. 2015. Vol. 32. № 1. P. 35—45. DOI:10.1017/bec.2014.28
19. *Golden M.N., Samuels M.P., Southhall D.P.* How to distinguish between Neglect and Depreventational Abuse // *Archives of Disease in Childhood*. 2003. Vol. 88. P. 105—107. DOI:10.1136/abc.88.2.105
20. *Harris D.J., Reiter-Palmon R.* Fast and furious: The influence of implicit aggression, premeditation, and provoking situations on malevolent creativity // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*. 2015. Vol. 9 (1). P. 54—64. DOI:10.1037/a0038499
21. *Jia X., Wang Q., Lin L.* The Relationship between childhood neglect and malevolent creativity: The mediating effect of the dark triad personality // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Article ID 613695. 11 p. DOI:10.3389/2020.613695
22. *Li X.* The relationship between explicit aggression and malevolent creativity in junior high school students: Research on the mediating effect and intervention of forgiveness: Master's thesis. Baoding, 2021. 65 p. DOI:10.27103/d.cnki.ghebu.2021.001640
23. Neglectful Parenting and Personality Traits as Predictors of Malevolent Creativity among Ghanaian Tertiary Education Students / P. Bedu-Addo, I. Mahama, B. Amoako, P. Amos, T. Antwi // *Creative Education*. 2023. Vol. 14. P. 232—244. DOI:10.4236/ce.2023.142016
24. *Nie H.* The Effect of Forgiveness on Malevolent Creativity among College Students: Chain mediating Effects of Anger and Revenge Motivation // *Authorea*. 2024. Preprint. 12 p. DOI:10.22541/au.172163239.93089611/v1
25. *Reiter-Palmon R.* Are the outcomes of creativity always positive? // *Creativity: Theories-Research-Applications*. 2018. Vol. 5. № 2. P. 177—181. DOI:10.1515/ctra-2018-0016
26. The effect of justice sensitivity on malevolent creativity: the mediating role of anger and the moderating role of emotion regulation strategies / Y. Wang, K. Zhang, F. Xu, Y. Zong, L. Chen, W. Li // *BMC Psychology*. 2024. Vol. 12. Article ID 265. 11 p. DOI:10.1186/s40359-024-01759-w
27. *Wang Q.* The Effect of Parenting Practices on Creativity: Mediating Role of Psychological Resilience // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. Vol. 16. P. 4501—4514. DOI:10.2147/PRBM.S436370
28. Why Social Threat Motivates Malevolent Creativity / M. Baas, M. Roskes, S. Koch, Y. Cheng, C.K.W. De Dreu // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2019. Vol. 45. № 11. P. 1590—1602. DOI:10.1177/0146167219838551
29. *Yip J.A., Schweitzer M.E., Nurmohamed S.* Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 2018. Vol. 144. P. 125—144. DOI:10.1016/j.obhdp.2017.06.002

References

1. Bochkova M.N. Osobennosti svyazi antisotsial'noi kreativnosti i ponimaniya sobstvennykh emotsii [Features of the Relationship of Malevolent Creativity and Understanding of One's Own Emotions]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 3, pp. 135—149. DOI:10.17759/psylaw.2023130310 (In Russ.).
2. Enikolopov S.N., Meshkova N.V. Predubezhdennost' v kontekste svoistv lichnosti [Prejudicialness in the Context of Personality Characteristics]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2010. Vol. 31, no. 4, pp. 35—46. (In Russ.).
3. Meshkova N.V., Bochkova M.N., Kravtsov O.E. Antisotsial'naya kreativnost' i lichnostnye kharakteristiki yunoshei v raznykh sotsial'no-politicheskikh usloviyakh: Svyaz' i vzaimodeistvie [Malevolent Creativity and Personal Features of Young People in Different Socio-Political Conditions: Relationship and Interaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov psychology journal*, 2024. Vol. 47, no. 1, pp. 88—105. DOI:10.11621/LPJ-24-04 (In Russ.).
4. Meshkova N.V., Enikolopov S.N., Bochkova M.N., Meshkov I.A. Osobennosti antisotsial'noi kreativnosti i ee profilaktiki u podrostkov v sovremenном sotsial'no-politicheskom kontekste [Features of Malevolent Creativity and its Prevention in Adolescents in the Modern Socio-Political Context]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2024. Vol. 14, no. 4, pp. 15—32. DOI:10.17759/psylaw.2024000004 (In Russ.).
5. Meshkova N.V., Bochkova M.N., Dmitrieva E.A., Enikolopov S.N., Meshkov I.A. Osobennosti antisotsial'noi kreativnosti u podrostkov v raznykh sotsial'no-politicheskikh kontekstakh [Malevolent Creativity of Adolescents in Different Socio-political Contexts]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2024. Vol. 19, no. 4, pp. 78—86. DOI:10.11621/npj.0405 (In Russ.).
6. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Frontiers in Psychology*, 2016. Vol. 7, article ID 682. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2016.00682
7. Baumrind D. Current patterns of parental authority. *Developmental Psychology*, 1971. Vol. 4, pp. 1—103. DOI:10.1037/h0030372
8. Bilgin A., Bond R., Elsner B. Longitudinal associations between justice sensitivity, nonsuicidal self-injury, substance use, and victimization by peers. *Developmental and Psychology*, 2022. Vol. 34, no. 4, pp. 1560—1572. DOI:10.1017/S0954579421000250
9. Bond R., Richter P. Linking forms and functions of aggression in adults to justice and rejection sensitivity. *Psychology of Violence*, 2016. Vol. 6 (2), pp. 292—302. DOI:10.1037/a0039200
10. Cheng R., Lu K., Hao N. The effect of anger on malevolent creativity and strategies for its emotion regulation. *Acta Psychologica Sinica*, 2021. Vol. 53, no. 8, pp. 847—860. DOI:10.3724/SP.J.1041.2021.00847
11. Li W., Zhang L., Qin Z., Chen J., Liu C. Childhood Trauma and Malevolent Creativity in Chinese College Students: Moderated Mediation by Psychological Resilience and Aggression. *Journal of Intelligence*, 2022. Vol. 10, no. 4, article ID 97. 16 p. DOI:10.3390/jintelligence10040097
12. Sege R.D., Amaua-Jackson L., Flaherty E.G. et al. Clinical Considerations Related to the Behavioral Manifestations of Child Maltreatment. *Pediatrics*, 2017. Vol. 139, no. 4, article ID e20170100. 13 p. DOI:10.1542/peds.2017-0100
13. Cui X., Zhang X., Zhang H. The impact of parenting style on malevolent creativity based on Chinese university students: A latent profile analysis. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15, article ID 1363778. 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1363778
14. Eisenberg N. Emotion, regulation, and moral development. *Annual Review of Psychology*, 2000. Vol. 51, pp. 665—697. DOI:10.1146/annurev.psych.51.1.665
15. Jennissen S., Holl J., Mai H., Wolff S., Barnow S. Emotion dysregulation mediates the relationship between child maltreatment and psychopathology: a structural equation model. *Child Abuse & Neglect*, 2016. Vol. 62, pp. 51—62. DOI:10.1016/j.chiabu.2016.10.015
16. Perchtold-Stefan C.M., Fink A., Rominger C., Papousek I. Failure to reappraise: Malevolent creativity is linked to revenge ideation and impaired reappraisal inventiveness in the face of stressful, anger-eliciting events. *Anxiety, Stress, & Coping*, 2021. Vol. 34, no. 4, pp. 437—449. DOI:10.1080/10615806.2021.1918682
17. Geng Y., Shi Y., Hu W., Jin W., Zhang Y., Zhan T. Fight Injustice with Darkness: The Effect of Early Life Adversity on Malevolent Creativity Behavior. *Journal of Creative Behavior*, 2024. Vol. 58, no. 2, pp. 279—296. DOI:10.1002/jobc.648
18. Germain C.L., Kangas M. Trait anger symptoms and emotion regulation: The effectiveness of Reappraisal, Acceptance and suppression strategies in regulating anger. *Behaviour Change*, 2015. Vol. 32, no. 1, pp. 35—45. DOI:10.1017/bec.2014.28
19. Golden M.N., Samuels M.P., Southhall D.P. How to distinguish between Neglect and Deprevaluational Abuse. *Archives of Disease in Childhood*, 2003. Vol. 88, pp. 105—107. DOI:10.1136/abc.88.2.105
20. Harris D.J., Reiter-Palmon R. Fast and furious: The influence of implicit aggression, premeditation, and provoking situations on malevolent creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015. Vol. 9 (1), pp. 54—64. DOI:10.1037/a0038499
21. Jia X., Wang Q., Lin L. The Relationship between childhood neglect and malevolent creativity: The mediating effect of the dark triad personality. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11, article ID 613695. 11 p. DOI:10.3389/2020.613695

22. Li X. The relationship between explicit aggression and malevolent creativity in junior high school students: Research on the mediating effect and intervention of forgiveness. Master's thesis. Baoding, 2021. 65 p. DOI:10.27103/d.cnki.ghebu.2021.001640
23. Bedu-Addo P., Mahama I., Amoako B., Amos P., Antwi T. Neglectful Parenting and Personality Traits as Predictors of Malevolent Creativity among Ghanaian Tertiary Education Students. *Creative Education*, 2023. Vol. 14, pp. 232—244. DOI:10.4236/ce.2023.142016
24. Nie H. The Effect of Forgiveness on Malevolent Creativity among College Students: Chain mediating Effects of Anger and Revenge Motivation. *Authorea*. 2024. Preprint. 12 p. DOI:10.22541/au.172163239.93089611/v1
25. Reiter-Palmon R. Are the outcomes of creativity always positive? *Creativity: Theories-Research-Applications*, 2018. Vol. 5, no. 2, pp. 177—181. DOI:10.1515/ctra-2018-0016
26. Wang Y., Zhang K., Xu F., Zong Y., Chen L., Li W. The effect of justice sensitivity on malevolent creativity: the mediating role of anger and the moderating role of emotion regulation strategies. *BMC Psychology*, 2024. Vol. 12, article ID 265. 11 p. DOI:10.1186/s40359-024-01759-w
27. Wang Q. The Effect of Parenting Practices on Creativity: Mediating Role of Psychological Resilience. *Psychology Research and Behavior Management*, 2023. Vol. 16, pp. 4501—4514. DOI:10.2147/PRBM.S436370
28. Baas M., Roskes M., Koch S., Cheng Y., De Dreu C.K.W. Why Social Threat Motivates Malevolent Creativity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2019. Vol. 45, no. 11, pp. 1590—1602. DOI:10.1177/0146167219838551
29. Yip J.A., Schweitzer M.E., Nurmohamed S. Trash-talking: Competitive incivility motivates rivalry, performance, and unethical behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2018. Vol. 144, pp. 125—144. DOI:10.1016/j.obhdp.2017.06.002

Информация об авторах

Мешкова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Information about the authors

Natalya V. Meshkova, PhD in Psychology, Associate Professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>, e-mail: meshkovanv@yandex.ru

Получена 20.11.2024

Принята в печать 06.03.2025

Received 20.11.2024

Accepted 06.03.2025

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА И ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ LABOUR PSYCHOLOGY AND ENGINEERING PSYCHOLOGY

Перфекционизм на рабочем месте: открытия и противоречия эмпирических исследований

Шарапова А.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8222-511X>, e-mail: sharapovaav@mgppu.ru

В российской литературе существует большое количество работ, посвященных теме перфекционизма, однако его роль в профессиональной деятельности малоизучена. В данном литературном обзоре освещена тема перфекционизма на рабочем месте и его последствий для психического благополучия сотрудников. В начале работы представлена современная двухфакторная модель перфекционистских стремлений (perfectionistic strivings) и перфекционистской озабоченности (perfectionistic concerns), затем анализируются результаты эмпирических исследований влияния этих параметров перфекционизма на продуктивность труда, профессиональное выгорание, стресс и межличностные взаимодействия в рабочем коллективе. Отдельно описаны стрессогенные факторы, которые присутствуют на рабочем месте, а также такие феномены нарушения рабочей производительности, как абсентеизм и презентеизм. Рассматриваются последствия перфекционизма для психологического благополучия сотрудников в период пандемии COVID-19. Обозначена практическая значимость приведенных результатов для программ психопрофилактики эмоциональной дезадаптации сотрудников. В заключение сформулированы практические рекомендации для руководителей, работников и специалистов в области психического здоровья с целью снизить риск вредных последствий профессионального перфекционизма.

Ключевые слова: перфекционизм, трудовоголизм, организационный процесс, тревога на рабочем месте, профессиональная успешность.

Для цитаты: Шарапова А.В. Перфекционизм на рабочем месте: открытия и противоречия эмпирических исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 122—130. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140112>

Perfectionism in the Workplace: Findings and Controversies of Empirical Research

Alena V. Sharapova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8222-511X>, e-mail: sharapovaav@mgppu.ru

In Russian literature there is a large number of works devoted to the topic of perfectionism, but its role in professional activity is poorly studied. This literature review covers the topic of perfectionism in the workplace and its consequences for the mental well-being of employees. The paper starts with presenting a modern two-factor model of perfectionistic strivings and perfectionistic concerns, then analyzes the results of empirical research on the impact of these dimensions of perfectionism on work productivity, professional burnout, stress, and interpersonal interactions in the workplace. Stressors that are present in the workplace are described separately, as well as such phenomena of impaired work performance as absenteeism and presenteeism. The implications of perfectionism for the psychological well-being of employees during the COVID-19 pandemic are discussed. The practical significance of the given results for programs of psychoprophylaxis of emotional maladaptation of employees is outlined. In conclusion, practical recommendations are formulated for managers, employees, and mental health professionals to reduce the risk of harmful consequences of occupational perfectionism.

Keywords: perfectionism, workaholism, organizational process, workplace anxiety, professional success.

For citation: Sharapova A.V. Perfectionism in the Workplace: Findings and Controversies of Empirical Research [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 122—130. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140112> (In Russ.).

Введение

Изучение психологических предикторов эмоционального состояния работников в процессе труда стало важной темой мультидисциплинарных исследований в последние годы. В числе личностных предикторов психологической дезадаптации на рабочем месте многие исследователи выделяют перфекционизм [2; 10; 12; 35; 38]. Известно, что перфекционизм как личностная черта оказывает наибольшее влияние на сферу учебы/работы [26]. Несмотря на то, что теме перфекционизма посвящено большое количество исследований в зарубежной и отечественной психологии [1; 7; 27; 32], по мнению ведущих экспертов, его роль в профессиональной деятельности на удивление изучена очень мало [2; 8; 26; 32]. Кроме того, поскольку в имеющихся данных основную выборку респондентов составляют медицинские и социальные работники, сотрудники сферы образования и спортсмены, существует значительный дефицит данных относительно других профессиональных групп [21; 24].

Последствия выраженного перфекционизма затрагивают как психологическое благополучие самих сотрудников, так и производительность организаций. На данный момент в зарубежных и отечественных исследованиях были изучены связи перфекционизма с выгоранием, трудоголизмом, тревожными состояниями на рабочем месте, увлеченностью работой, субъективным благополучием и результатами профессиональной деятельности, однако полученные результаты остаются противоречивыми и фрагментированными. В этой статье предпринята попытка проанализировать и систематизировать имеющиеся на данный момент результаты теоретических и эмпирических исследований перфекционизма на рабочем месте.

Функциональные и дисфункциональные параметры перфекционизма

Исследователи рассматривают перфекционизм как многомерный личностный конструкт. В настоящее время ученые не пришли к единой концепции — существует целый ряд комплексных моделей перфекционизма (Г.Л. Флетт и П.Л. Хьюитт, Р.О. Фрост, Р. Слейни). Так, модель П. Хьюитта и Г. Флетта включает в себя три параметра (самоориентированный, ориентированный на других и социально предписанный перфекционизм); модель Р. Фроста — пять параметров (личные стандарты, организованность, неуверенность в действиях, беспокойство по поводу ошибок, родительские ожидания и родительская критика). Уже в самых ранних описаниях феномена перфекционизма авторы выделяли его позитивные и негативные аспекты, по-разному обозначая их: функциональный и дисфункциональный, здоровый и нездоровый, адаптивный и дезадаптивный, активный и пассивный и др.

В настоящее время эмпирическое подтверждение нашла двухфакторная модель перфекционизма [32], которая включает в себя два фактора высокого порядка: 1) перфекционистские стремления (perfectionistic strivings) — высокие стандарты, ориентированный на себя перфекционизм и стремление к совершенству; 2) перфекционистская озабоченность (perfectionistic concerns) — переживание об ошибках, сомнения в действиях, социально предписанный перфекционизм, негативные реакции на недостатки. Р. Фрост и другие исследователи отмечают, что эти параметры не обязательно репрезентируют негативный и позитивные аспекты перфекционизма, а отражают противоречивость данного феномена. Тем не менее перфекционистская озабоченность обычно связана с негативными характеристиками (например, нейротизм, избегающее поведение, негативный аффект), что указывает на то, что перфекционистская озабоченность отражает дезадаптивные аспекты перфекционизма. Напротив, перфекционистские стремления часто ассоциируются с положительными характеристиками (добросовестность, проблемно-ориентированный копинг, позитивный аффект), что указывает на то, что перфекционистские стремления отражают аспекты перфекционизма, которые могут иметь адаптивный компонент [27].

Согласно метаанализу 2016 года, перфекционизм можно рассматривать как трансдиагностический фактор, который сопутствует многим клиническим расстройствам: пограничному расстройству личности, нарциссическому расстройству личности, депрессии, тревожным расстройствам [17,34]. В большом количестве исследований были установлены взаимосвязи между дисфункциональными аспектами перфекционизма и различными формами дезадаптации. Как самоориентированный перфекционизм, так и социально предписанный перфекционизм, согласно результатам эмпирических исследований, связаны с депрессией и тревожными состояниями. Учеными было обнаружено, что самоориентированный перфекционизм сопровождают негативные аффекты, акцентирование внимания на неудачах, дезадаптивные копинг-стратегии, повышенный жизненный стресс и снижение общей продуктивности. Люди с выраженным дезадаптивным перфекционизмом больше подвержены стрессу, поскольку не обладают достаточным количеством способов саморегуляции, а из-за недостатка гибкости в решении проблем с трудом приспосабливаются к меняющимся обстоятельствам [30].

Стресс на рабочем месте и профессиональное выгорание

Рабочее место часто становится стрессогенной средой для работников по причине многих факторов, в числе которых: давление в связи со сроками выполнения задач и требованиями, предъявляемыми к сотруднику; сложные межличностные отношения с коллега-

ми и руководителями; необходимость решения большого числа проблем и столкновение с непредвиденными ситуациями в процессе труда; моббинг (враждебная систематическая коммуникация против одного или нескольких сотрудников, которые оказываются в беспомощной позиции); опасность несчастного случая; угроза недостатка средств к существованию. Перечисленные ситуационные факторы провоцируют дистресс, тревогу, снижают удовлетворенность работой. Согласно метаанализу 72 литературных источников с 2000 по 2020 годы, психосоциальные влияния на рабочем месте вносят значительный вклад в развитие сердечно-сосудистых заболеваний и психических расстройств, в особенности депрессии [19]. Стресс и эмоциональная дезадаптация на рабочем месте снижают продуктивность труда, приводят к таким явлениям, как абсентеизм (длительное пребывание на больничном, прогулы) и презентеизм (меньшая эффективность труда при больших временных затратах), а также к краткосрочной или долгосрочной потере работоспособности или даже потере рабочего места. В процессе труда у работников также могут возникать клинические симптомы депрессии, тревожных расстройств, ПТСР и др.

Большое количество исследований в рамках организационной психологии посвящено профессиональному выгоранию, ключевыми проявлениями которого, согласно трехкомпонентной модели К. Маслач, являются эмоциональное истощение, деперсонализация (нарастающий цинизм и отчуждение в профессиональной деятельности) и ощущение собственной неэффективности (недостатка профессиональных достижений) [37]. Часто профессиональному выгоранию сопутствует трудоголизм — неконтролируемая потребность в постоянной чрезмерной работе, имеющая компульсивный характер [24]. В рамках организационной психологии также выделяют такой параметр, как вовлеченность в работу — состояние, находясь в котором сотрудник считает свою работу лично значимой, испытывает позитивное отношение к ней и полон энтузиазма. Все три переменные являются предикторами таких показателей, как позитивный аффект, удовлетворенность жизнью и удовлетворенность работой [33].

Внутриличностные и межличностные последствия перфекционизма на рабочем месте

Сотрудники с высоким перфекционизмом переживают целый ряд трудностей в процессе труда и взаимодействия с коллективом, о чем свидетельствуют проведенные качественные и количественные исследования. Так, сотрудники, испытывающие симптомы тревоги и депрессии, называли перфекционизм в качестве основной характеристики, которая мешала им успешно справляться с рабочими ситуациями [9]. В другом исследовании респонденты с высоким перфекционизмом описывали схожие переживания относительно

трудностей в решении сложных задач и сотрудничестве с коллегами [28]. Несмотря на это, не все последствия перфекционизма можно охарактеризовать как негативные для благополучия сотрудников и рабочей продуктивности. Ниже будут рассмотрены связи параметров перфекционизма с профессиональным выгоранием, психическим здоровьем на рабочем месте, производительностью труда и социальным контекстом.

Профессиональное выгорание. Согласно метаанализу 43 исследований Хилла и Каррана, охватывающему 9 838 человек, перфекционистская озабоченность обнаруживает позитивные средние и средне-высокие связи с профессиональным выгоранием и симптомами выгорания. Напротив, перфекционистские стремления в результате контроля соотношения параметров обнаруживают значимые отрицательные корреляции с симптомами выгорания. Другие исследования показывают, что перфекционистские стремления позитивно коррелируют с истощением и цинизмом [4]. Некоторые исследователи отмечают, что полученные результаты зависят от используемых инструментов: в исследовании связи выгорания и перфекционизма у польских спортсменов была выявлена разница в результатах при использовании различных опросников перфекционизма. В одном случае авторы определили преимущество высоких показателей перфекционистских стремлений при оценке истощения и редукции профессиональных достижений, в другом случае подобное преимущество выявлено не было [35].

Вот некоторые данные, полученные при изучении различных профессиональных групп. Дж. Чайлдс и Дж. Стобер обнаружили, что социально предписанный перфекционизм с течением времени предсказывает рост истощения и цинизма среди школьных учителей в Великобритании. Дж. Митчелсон и Л. Бернс (1998) в исследовании матерей, работающих по найму, обнаружили, что социально предписанный перфекционизм был связан с более высоким уровнем выгорания (истощение, цинизм) дома и на работе [5]. В исследовании работников действующей организации по производству мрамора были выявлены значимые и позитивные корреляции ориентированного на себя перфекционизма со всеми тремя компонентами профессионального выгорания [11]. А. Какирман и М. Бирсел [15] в своем исследовании банковских служащих обнаружили отрицательную и значимую связь между перфекционизмом, ориентированным на успех, и выгоранием. В исследовании британских социальных работников было установлено, что перфекционизм не являлся дополнительным фактором риска выгорания при высоких эмоциональных нагрузках; при этом большему риску были подвержены начинающие сотрудники [16].

До сих пор в достаточной степени не изучены факторы, опосредующие связь между профессиональным выгоранием и перфекционизмом. Некоторое подтверждение нашла гипотеза о том, что медиаторами между перфекционистской озабоченностью и истощением служат избегающие копинговые стратегии —

подавление, отрицание и отстранение, которые мешают работникам справляться со стрессом [7]. Эта тема требует дальнейших исследований.

Продуктивность работы. Высокие показатели перфекционистских стремлений положительно связаны с продуктивностью исследований университетских профессоров [22], инновационным поведением специалистов в области информационных технологий [36], рабочей производительностью корпоративных сотрудников [37]. Однако люди с высоким уровнем перфекционистских стремлений могут сталкиваются с трудностями в определении приоритетов в работе, управлении несколькими рабочими задачами одновременно, а также в том, чтобы уделять должное внимание деталям [32].

По некоторым данным, высокий уровень перфекционистской озабоченности предсказывает потерю эффективности в работе с течением времени [5]. Люди с высокими показателями перфекционистской озабоченности испытывают чрезмерную потребность в контроле при выполнении множества рабочих задач, что приводит к склонности к микроменеджменту. Исходя из этого, исследователи делают вывод о том, что перфекционистская озабоченность является фактором, приводящим к снижению уровня достижения целей среди работающих людей [32].

Психическое здоровье и благополучие. Влияние перфекционистских стремлений на психологическое благополучие сотрудников противоречиво и нуждается в дальнейшем изучении. Некоторые данные свидетельствуют о том, что высокий уровень перфекционистских стремлений является предиктором вовлеченности в работу [33], а также отрицательно коррелирует с тремя параметрами профессионального выгорания [32]. В то же время обнаружено, что перфекционистским стремлениям сопутствует тревога об эффективности работы, низкая самооценка и депрессивные симптомы [32].

Перфекционистская озабоченность негативно влияет на психическое здоровье сотрудников. Так, работники с высоким уровнем перфекционистской озабоченности гораздо сильнее испытывают неудовлетворенность работой [13], психологически дистанцированы [19], подвержены пессимистичным установкам (Thakre N., Sebastian S., 2021) и меньше привержены общему делу [3] в отличие от работников с перфекционистскими стремлениями. Исследователи объясняют это тем, что сотрудники с перфекционистской озабоченностью не могут быть в полной мере удовлетворены результатами труда и испытывают тревогу по поводу собственной эффективности. Р. Слейни, К. Райс и Дж. Эшби [25] обнаружили, что люди с высоким уровнем перфекционистской озабоченности, как правило, демонстрируют выраженный дистресс, когда воспринимают несоответствие между своими ожиданиями от работы и фактическими показателями.

По результатам многих исследований дезадаптивные аспекты перфекционизма провоцируют у работ-

ников тревогу, стресс и депрессивные симптомы [19], а также усиливают утомляемость [3]. Перфекционисты также склонны к переработкам и трудовому [31].

Интерперсональные взаимодействия. Перфекционизм создает значительные трудности во взаимодействии с рабочим окружением. Например, подчиненные с высоким уровнем социально предписанного перфекционизма будут испытывать неудовлетворительные отношения с начальством и коллегами в силу чрезмерных ожиданий соответствия высоким стандартам. Перфекционистская озабоченность может ориентировать человека на то, чтобы интерпретировать свое социальное взаимодействие как форму неудачи, и, как следствие, они реагируют на рабочие отношения избеганием, что приводит к межличностному стрессу, уходу от социальных взаимодействий и снижению восприятия социальной поддержки [32]. В то же время перфекционисты, особенно ориентированные на других, коллегами воспринимаются как менее располагающие для общения и имеющие низкий уровень социальных навыков; при этом их профессиональную компетентность окружающие оценивают высоко [20]. Рабочие отношения служат модератором между перфекционизмом и продуктивностью работы. Так, дружеские отношения положительно связаны с рабочей продуктивностью, и отрицательно — с перфекционизмом. Социальная изоляция показывает противоположные результаты [37, 39]. Перфекционистская озабоченность положительно связана с повышенным уровнем конфликта между работой и семьей, о чем свидетельствуют повышенные уровни родительского дистресса, супружеского конфликта и эмоционального истощения дома и на работе. Напротив, перфекционистские стремления отрицательно связаны с показателями выраженности конфликта между работой и семьей [18].

Данные о влиянии перфекционизма на лидерство противоречивы. Одни исследователи предполагают, что ориентированный на других перфекционизм становится препятствием для построения межличностных отношений, основанных на доверии и принятии, а также усиливает риск профессионального выгорания [20; 23]; другие данные свидетельствуют о том, что ориентированные на других перфекционисты могут позитивно влиять на благополучие работников и не усиливают стресс и контрпродуктивное поведение на рабочем месте [12; 29]. Самоориентированный перфекционизм обнаруживает меньшее мониторинговое поведение у лидеров вследствие фокуса на собственных промахах и ошибках, а также склонность к просоциальному поведению [20]. В исследовании влияния ориентированного на других перфекционизма у спортивных тренеров была обнаружена положительная корреляция с выгоранием у спортсменов [8]. Также было показано, что перфекционизм у руководителей снижает уровень креативности подчиненных.

Перфекционизм на рабочем месте в период COVID-19

Во время пандемии на рабочих местах отмечался высокий уровень стресса, особенно среди медицинского персонала. Сильными стрессорами выступали опасение заразить членов семьи и близких, дефицит необходимой защитной экипировки, длительные рабочие смены, вовлечение в сложный и эмоционально насыщенный выбор между ограниченными жизненными ресурсами и угрожающими жизни ситуациями. Перфекционизм надежно предсказывал ряд этих феноменов — страх заражения COVID-19 и, как следствие, повторяющиеся негативные мысли и психологический дистресс в период пандемии [6]. Для преодоления тревоги и ощущения потери контроля в условиях изоляции сотрудники прибегали к большему уровню трудоголизма [10].

Значительный вклад в психологический дистресс в период пандемии вносили условия изоляции. Перфекционисты, работающие удаленно, особенно остро испытывали потребность быть продуктивными в труде, одновременно они имели большие семейные обязательства. Дисфункциональная перфекционистская озабоченность усиливала конфликт между работой и семьей, что приводило к родительскому дистрессу, ссорам между супругами и эмоциональному истощению [32].

Перфекционизм показал неоднозначное влияние в отношении производительности труда в период пандемии. Работники с высоким уровнем безопасности труда, высоким уровнем перфекционистских стремлений и низким уровнем перфекционистской озабоченности показали самые высокие результаты работы. Работники с низким уровнем перфекционистских стремлений и высоким уровнем перфекционистской озабоченности подвергались риску снижения производительности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что организации могут повышать производительность труда, поощряя высокие ожидания от работы и препятствуя стрессогенному воздействию самокритичных перфекционистских опасений среди своих работников [14].

Выводы

Влияние перфекционизма на психическое благополучие сотрудников и производительность труда неоднозначно и зависит от преобладающих адаптивных или дезадаптивных форм перфекционизма. Сотрудники с высоким уровнем перфекционизма испытывают трудности в решении сложных рабочих задач, во взаимодействии с коллегами и склонны к переработкам.

Перфекционистские стремления (высокие стандарты, самоориентированный перфекционизм и стремление к совершенству) чаще положительно коррелируют с позитивными характеристиками на рабочем месте —

высокой продуктивностью, вовлеченностью в работу и т. д., и отрицательно — с негативными — профессиональным выгоранием, конфликтом между семьей и работой и т. д. Перфекционистская озабоченность (избегание ошибок, сомнения в действиях, озабоченность оценкой со стороны других, негативные реакции на недостатки), в свою очередь, чаще положительно коррелирует с психическим неблагополучием — стрессом, профессиональным выгоранием, клиническими симптомами депрессии и тревоги на рабочем месте, а также с низкой эффективностью труда.

Исследование сотрудников в период пандемии COVID-19 обнаружило, что перфекционизм может быть предиктором страха заражения коронавирусом, усиливает конфликт между семьей и работой, а также приводит к трудоголизму. При этом сотрудники с преобладающими показателями перфекционистских стремлений оказались высокопродуктивными.

В соответствии с данными исследований, сотрудники с дезадаптивными формами перфекционизма нуждаются в своевременной профилактике и психологической помощи, в том числе путем снижения факторов риска, связанных с работой. На основе проведенного анализа можно сформулировать следующие рекомендации.

1. Руководителям для профилактики вредного влияния перфекционизма рекомендуется поощрять кооперативный стиль взаимодействия вместо конкурентного, оказывать коллегиальную поддержку и регулировать объем рабочей нагрузки.

2. Организационным психологам в качестве профилактической меры рекомендуется проводить скрининг выраженности негативных параметров перфекционизма у сотрудников, что позволит определить группу риска возникновения эмоциональной дезадаптации. Важно также вовремя диагностировать последствия перфекционизма на рабочем месте в виде симптомов депрессии, тревоги и профессионального выгорания с помощью специальных шкал.

3. Работникам рекомендуется вовремя обращаться за профессиональной психологической помощью вне зависимости от причин психоэмоциональной дезадаптации.

4. Специалистам в области психического здоровья рекомендуется выделять профессиональный перфекционизм в качестве диагностической и психотерапевтической мишени, использовать методы когнитивно-поведенческой терапии, эффективность которых подтверждена эмпирическими исследованиями с целью уменьшения выраженности негативного перфекционизма и его последствий в виде симптомов депрессии и тревоги на рабочем месте.

Перспективы дальнейших исследований включают в себя изучение перфекционизма на рабочем месте у сотрудников различных специальностей. Планируется публикация данных эмпирического исследования профессионального перфекционизма в группе медицинских работников и специалистов IT-сферы.

Литература

1. Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю. Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 3. С. 8—32. DOI:10.17759/cpp.2018260302
2. Золотарева А.А. Разработка и валидизация шкалы профессионального перфекционизма [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2020. Том 10. № 4. С. 205—218. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46420030> (дата обращения: 24.02.2025).
3. Bousman L. The fine line of perfectionism: is it a strength or a weakness in the workplace? [Электронный ресурс]: A dissertation presented to the Faculty of the Graduate College at the University of Nebraska in partial fulfillment of requirements for the degree of doctor of philosophy. Lincoln, 2007. 216 p. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=psychdiss> (дата обращения: 25.02.2025).
4. Caliskan S.C., Arikan S.C., Saatci E.Y. SMEs context of Turkey from the relational perspective of members' perfectionism, work family conflict and burnout [Электронный ресурс] // International Journal of Business and Social Science. 2014. Vol. 5. № 4. P. 129—139. URL: https://www.researchgate.net/publication/301485382_ (дата обращения: 26.02.2025).
5. Childs J.H., Stoeber J. Do you want me to be perfect? Two longitudinal studies on socially prescribed perfectionism, stress and burnout in the workplace // Work & Stress. 2012. Vol. 26. № 4. P. 347—364. DOI:10.1080/02678373.2012.737547
6. COVID-19 psychological impact: The role of perfectionism / A.T. Pereira, C. Caba os, A. Ara jo, A.P. Amaral, F. Carvalho, A. Macedo // Personality and individual differences. 2022. Vol. 184. Article ID 111160. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.111160
7. Curran T., Hill A. P. Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016 // Psychological bulletin. 2019. Vol. 145. № 4. P. 410—429. DOI:10.1037/bul0000138
8. Do athlete and coach performance perfectionism predict athlete burnout? / L.F. Olsson, D.J. Madigan, A.P. Hill, M.C. Grugan // European Journal of Sport Science. 2022. Vol. 22. № 7. P. 1073—1084. DOI:10.1080/17461391.2021.1916080
9. Exploring the return-to-work process for workers partially returned to work and partially on long-term sick leave due to common mental disorders: A qualitative study / E. Noordik, K. Nieuwenhuijsen, I. Varekamp, J.J. van der Klink, F.J. van Dijk // Disability and rehabilitation. 2011. Vol. 33. № 17—18. P. 1625—1635. DOI:10.3109/09638288.2010.541547
10. Flett G.L., Hewitt P.L. The perfectionism pandemic meets COVID-19: Understanding the stress, distress, and problems in living for perfectionists during the global health crisis [Электронный ресурс] // Journal of Concurrent Disorders. 2020. Vol. 2. № 1. P. 80—105. URL: https://cdspress.ca/wp-content/uploads/2020/11/perfectionism.pandemic_Flett.pdf (дата обращения: 25.02.2025).
11. Gürel E.B.B., Kiran F., Bozkurt Ö.Ç. The effect on perfectionism on burnout: An investigation on marble employees // Business & Management Studies: An International Journal. 2021. Vol. 9. № 1. P. 110—125. DOI:10.15295/bmij.v9i1.1734
12. Hardy E.G. The effects of organization-oriented perfectionism on turnover intentions, counterproductive work behaviors, and prosocial behaviors in the workplace [Электронный ресурс]: A thesis submitted to the Faculty of Xavier University in Partial Fulfillment of the requirements for the degree of master of science. Cincinnati, 2020. 72 p. URL: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=xupsy1592686901330791 (дата обращения: 26.02.2025).
13. Hochwarter W.A., Byrne Z.S. The interactive effects of chronic pain, guilt, and perfectionism on work outcomes // Journal of Applied Social Psychology. 2010. Vol. 40. № 1. P. 76—100. DOI:10.1111/j.1559-1816.2009.00564.x
14. Job security, perfectionism, and work task performance during the COVID-19 pandemic / K.G. Rice, H. Wetstone, Y. Liu, X. Yu // Current Psychology. 2024. Vol. 43. P. 35587—35603. DOI:10.1007/s12144-024-06580-7
15. Kakirman A., Birsal M. A study applied in banking sector about the relationship between perfectionism and burnout [Электронный ресурс] // Research Journal of Politics, Economics and Management. 2015. Vol. 3. № 3. P. 107—128. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1024592> (дата обращения: 26.02.2025).
16. Kinman G., Grant L. Being 'good enough': Perfectionism and well-being in social workers // British Journal of Social Work. 2022. Vol. 52. № 7. P. 4171—4188. DOI:10.1093/bjsw/bcac010
17. Maslach C., Leiter M.P. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry // World psychiatry. 2016. Vol. 15. № 2. P. 103—111. DOI:10.1002/wps.20311
18. Mitchelson J.K. Seeking the perfect balance: Perfectionism and work—family conflict // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2009. Vol. 82. № 2. P. 349—367. DOI:10.1348/096317908X314874
19. Niedhammer I., Bertrais S., Witt K. Psychosocial work exposures and health outcomes: a meta-review of 72 literature reviews with meta-analysis // Scandinavian journal of work, environment & health. 2021. Vol. 47. № 7. P. 489—508. DOI:10.5271/sjweh.3968
20. Otto K., Geibel H.V., Kleszewski E. "Perfect leader, perfect leadership?" Linking leaders' perfectionism to monitoring, transformational, and servant leadership behavior // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Article ID 657394. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.657394
21. Perfectionism and depressive symptoms: The effects of psychological detachment from work / K. Gluschkoff, M. Elovainio, M. Hintsanen, S. Mullaola, L. Pulkki-Råback, L. Keltikangas-Järvinen, T. Hintsanen // Personality and individual differences. 2017. Vol. 116. P. 186—190. DOI:10.1016/j.paid.2017.04.044

22. Perfectionism dimensions and research productivity in psychology professors: Implications for understanding the (mal) adaptiveness of perfectionism / S.B. Sherry, P.L. Hewitt, D.L. Sherry, G.L. Flett, A.R. Graham // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2010. Vol. 42. № 4. P. 273—283. DOI:10.1037/a0020466
23. Rice K.G., Liu Y. Perfectionism and burnout in R&D teams // *Journal of Counseling Psychology*. 2020. Vol. 67. № 3. P. 303—314. DOI:10.1037/cou0000402
24. Schaufeli W.B., Bakker A.B., van Rhenen W. How changes in job demands and resources predict burnout, work engagement, and sickness absenteeism // *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*. 2009. Vol. 30. № 7. P. 893—917. DOI:10.1002/job.595
25. Slaney R.B., Rice K.G., Ashby J.S. A programmatic approach to measuring perfectionism: The Almost Perfect Scales // *Perfectionism: Theory, research, and treatment* / Eds. G.L. Flett, P.L. Hewitt. Washington: American Psychological Association, 2002. P. 63—68. DOI:10.1037/10458-003
26. Steinert C., Heim N., Leichsenring F. Procrastination, perfectionism, and other work-related mental problems: prevalence, types, assessment, and treatment — a scoping review // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Article ID 736776. 12 p. DOI:10.3389/fpsy.2021.736776
27. Stoeber J., Stoeber F.S. Domains of perfectionism: Prevalence and relationships with perfectionism, gender, age, and satisfaction with life // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 46. № 4. P. 530—535. DOI:10.1016/j.paid.2008.12.006
28. Thakre N., Sebastian S. The role of perfectionism on self-regulation and defensive pessimism at workplace // *Journal of Psychosocial Research*. 2021. Vol. 16. № 1. P. 75—84. DOI:10.32381/JPR.2021.16.01.8
29. The effect of leader perfectionism on employee deviance: An interpersonal relationship perspective / H.Q. Wang, X. Jiang, D. Li, X. Jin, J. Zhang // *Psychology Research and Behavior Management*. 2024. Vol. 17. P. 1677—1688. DOI:10.2147/PRBM.S454596
30. The good, the bad, and the ambiguous: A qualitative approach to understanding workplace perfectionism and job performance / E. Vreeker-Williamson, H. Gill, L.J. Barclay, D.M. Powell // *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*. 2024. Vol. 65. № 3. P. 176—187. DOI:10.1037/cap0000385
31. The leader's other-oriented perfectionism, followers' job stress and workplace well-being in the context of multiple team membership: The moderator role of pressure to be performant / M.I. Cîrșmari, C.L. Rus, S.R. Trif, O.C. Fodor // *Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal*. 2023. Vol. 27. № 2. P. 145—171. DOI:10.24193/cbb.2023.27.07
32. The Mistake Rumination Scale: Development, validation, and utility of a measure of cognitive perfectionism / G.L. Flett, T. Nepon, P.L. Hewitt, J. Zaki-Azat, A.L. Rose, K. Swiderski // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2020. Vol. 38. № 1. P. 84—98. DOI:10.1177/0734282919879538
33. The predictive role of perfectionism on heavy work investment: A two-waves cross-lagged panel study / P. Spagnoli, L.S. Kovalchuk, M.S. Aiello, K.G. Rice // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 173. Article ID 110632. DOI:10.1016/j.paid.2021.110632
34. The relationship between perfectionism and psychopathology: A meta-analysis / K. Limburg, H.J. Watson, M.S. Hagger, S.J. Egan // *Journal of clinical psychology*. 2017. Vol. 73. № 10. P. 1301—1326. DOI:10.1002/jclp.22435
35. The relentless pursuit of perfectionism: A review of perfectionism in the workplace and an agenda for future research / A.C.G. Ocampo, L. Wang, K. Kiazad, S.L.D. Restubog, N.M. Ashkanasy // *Journal of Organizational Behavior*. 2020. Vol. 41. № 2. P. 144—168. DOI:10.1002/job.2400
36. The role of mental health on workplace productivity: A critical review of the literature / C. de Oliveira, M. Saka, L. Bone, R. Jacobs // *Applied health economics and health policy*. 2023. Vol. 21. № 2. P. 167—193. DOI:10.1007/s40258-022-00761-w
37. Waleriańczyk W., Hill A.P., Stolarski M. A re-examination of the 2x2 model of perfectionism, burnout, and engagement in sports // *Psychology of Sport and Exercise*. 2022. Vol. 61. Article ID 102190. 7 p. DOI:10.1016/j.psychsport.2022.102190
38. When anything less than perfect isn't good enough: How parental and supervisor perfectionistic expectations determine fear of failure and employee creativity / S.Y. Lin, G. Hirst, C.H. Wu, C. Lee, W. Wu, C.C. Chang // *Journal of Business Research*. 2023. Vol. 154. Article ID 113341. DOI:10.1016/j.jbusres.2022.113341
39. Xudong N., Tingting W., Xingkui Z. The Impact of Perfectionism on Job Performance from the Perspective of Job Crafting: The Moderating Role of Workplace Friendship and Workplace Ostracism // *Journal of Psychological Science*. 2024. Vol. 47. № 3. P. 671—679. DOI:10.16719/j.cnki.1671-6981.20240320

References

1. Garanyan N.G., Kholmogorova A.B., Yudeeva T.Y. Faktornaya struktura i psikhometricheskie pokazateli oprosnika perfektsionizma: razrabotka trekhfaktornoj versii [Factor Structure and Psychometric Properties of Perfectionism Inventory: Developing 3-Factor Version]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2018. Vol. 26, no. 3, pp. 8—32. DOI:10.17759/cpp.2018260302 (In Russ.).
2. Zolotareva A.A. Razrabotka i validizatsiya shkaly professional'nogo perfektsionizma [Development And Validation Of The Job Perfectionism Scale] [Electronic resource]. *Organizatsionnaya psikhologiya [Organizational Psychology]*, 2020. Vol. 10, no. 4, pp. 205—218. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46420030> (Accessed 24.02.2025). (In Russ.).

3. Bousman L. The fine line of perfectionism: is it a strength or a weakness in the workplace? [Electronic resource]: A dissertation presented to the Faculty of the Graduate College at the University of Nebraska in partial fulfillment of requirements for the degree of doctor of philosophy. Lincoln, 2007. 216 p. URL: <https://digitalcommons.unl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1003&context=psychdiss> (Accessed 25.02.2025).
4. Caliskan S.C., Arikan S.C., Saatci E.Y. SMEs context of Turkey from the relational perspective of members' perfectionism, work family conflict and burnout [Electronic resource]. *International Journal of Business and Social Science*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 129—139. URL: https://www.researchgate.net/publication/301485382_ (Accessed 26.02.2025).
5. Childs J.H., Stoeber J. Do you want me to be perfect? Two longitudinal studies on socially prescribed perfectionism, stress and burnout in the workplace. *Work & Stress*, 2012. Vol. 26, no. 4, pp. 347—364. DOI:10.1080/02678373.2012.737547
6. Pereira A.T., Caba os C., Ara jo A., Amaral A.P., Carvalho F., Macedo A. COVID-19 psychological impact: The role of perfectionism. Personality and individual differences. 2022. Vol. 184, article ID 111160. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.111160
7. Curran T., Hill A. P. Perfectionism is increasing over time: A meta-analysis of birth cohort differences from 1989 to 2016. *Psychological bulletin*, 2019. Vol. 145, no. 4, pp. 410—429. DOI:10.1037/bul0000138
8. Olsson L.F., Madigan D.J., Hill A.P., Grugan M.C. Do athlete and coach performance perfectionism predict athlete burnout? *European Journal of Sport Science*, 2022. Vol. 22, no. 7, pp. 1073—1084. DOI:10.1080/17461391.2021.1916080
9. Noordik E., Nieuwenhuijsen K., Varekamp I., van der Klink J.J., van Dijk F.J. Exploring the return-to-work process for workers partially returned to work and partially on long-term sick leave due to common mental disorders: A qualitative study. *Disability and rehabilitation*, 2011. Vol. 33, no. 17—18, pp. 1625—1635. DOI:10.3109/09638288.2010.541547
10. Flett G.L., Hewitt P.L. The perfectionism pandemic meets COVID-19: Understanding the stress, distress, and problems in living for perfectionists during the global health crisis [Electronic resource]. *Journal of Concurrent Disorders*, 2020. Vol. 2, no. 1, pp. 80—105. URL: https://cdspress.ca/wp-content/uploads/2020/11/perfectionism.pandemic_Flett.pdf (Accessed 25.02.2025).
11. Gürel E.B.B., K ran F., Bozkurt Ö.Ç. The effect on perfectionism on burnout: An investigation on marble employees. *Business & Management Studies: An International Journal*, 2021. Vol. 9, no. 1, pp. 110—125. DOI:10.15295/bmij.v9i1.1734
12. Hardy E.G. The effects of organization-oriented perfectionism on turnover intentions, counterproductive work behaviors, and prosocial behaviors in the workplace [Electronic resource]: A thesis submitted to the Faculty of Xavier University in Partial Fulfillment of the requirements for the degree of master of science. Cincinnati, 2020. 72 p. URL: http://rave.ohiolink.edu/etdc/view?acc_num=xupsy1592686901330791 (Accessed 26.02.2025).
13. Hochwarter W.A., Byrne Z.S. The interactive effects of chronic pain, guilt, and perfectionism on work outcomes. *Journal of Applied Social Psychology*, 2010. Vol. 40, no. 1, pp. 76—100. DOI:10.1111/j.1559-1816.2009.00564.x
14. Rice K.G., Wetstone H., Liu Y., Yu X. Job security, perfectionism, and work task performance during the COVID-19 pandemic. *Current Psychology*, 2024. Vol. 43, pp. 35587—35603. DOI:10.1007/s12144-024-06580-7
15. Kakirman A., Birsal M. A study applied in banking sector about the relationship between perfectionism and burnout [Electronic resource]. *Research Journal of Politics, Economics and Management*, 2015. Vol. 3, no. 3, pp. 107—128. URL: <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/1024592> (Accessed 26.02.2025).
16. Kinman G., Grant L. Being 'good enough': Perfectionism and well-being in social workers. *British Journal of Social Work*, 2022. Vol. 52, no. 7, pp. 4171—4188. DOI:10.1093/bjsw/bcac010
17. Maslach C., Leiter M.P. Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry. *World psychiatry*, 2016. Vol. 15, no. 2, pp. 103—111. DOI:10.1002/wps.20311
18. Mitchelson J.K. Seeking the perfect balance: Perfectionism and work—family conflict. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 2009. Vol. 82, no. 2, pp. 349—367. DOI:10.1348/096317908X314874
19. Niedhammer I., Bertrais S., Witt K. Psychosocial work exposures and health outcomes: a meta-review of 72 literature reviews with meta-analysis. *Scandinavian journal of work, environment & health*, 2021. Vol. 47, no. 7, pp. 489—508. DOI:10.5271/sjweh.3968
20. Otto K., Geibel H.V., Kleszewski E. "Perfect leader, perfect leadership?" Linking leaders' perfectionism to monitoring, transformational, and servant leadership behavior. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, article ID 657394. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.657394
21. Gluschkoff K., Elovainio M., Hintsanen M., Mullola S., Pulkki-Råback L., Keltikangas-Järvinen L., Hintsala T. Perfectionism and depressive symptoms: The effects of psychological detachment from work. *Personality and individual differences*, 2017. Vol. 116, pp. 186—190. DOI:10.1016/j.paid.2017.04.044
22. Sherry S.B., Hewitt P.L., Sherry D.L., Flett G.L., Graham A.R. Perfectionism dimensions and research productivity in psychology professors: Implications for understanding the (mal)adaptiveness of perfectionism. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 2010. Vol. 42, no. 4, pp. 273—283. DOI:10.1037/a0020466
23. Rice K.G., Liu Y. Perfectionism and burnout in R&D teams. *Journal of Counseling Psychology*, 2020. Vol. 67, no. 3, pp. 303—314. DOI:10.1037/cou0000402
24. Schaufeli W.B., Bakker A.B., van Rhenen W. How changes in job demands and resources predict burnout, work engagement, and sickness absenteeism. *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*, 2009. Vol. 30, no. 7, pp. 893—917. DOI:10.1002/job.595

25. Slaney R.B., Rice K.G., Ashby J.S. A programmatic approach to measuring perfectionism: The Almost Perfect Scales. In Flett G.L., Hewitt P.L. (eds.), *Perfectionism: Theory, research, and treatment*. Washington: American Psychological Association, 2002, pp. 63—68. DOI:10.1037/10458-003
26. Steinert C., Heim N., Leichsenring F. Procrastination, perfectionism, and other work-related mental problems: prevalence, types, assessment, and treatment — a scoping review. *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12, article ID 736776. 12 p. DOI:10.3389/fpsyt.2021.736776
27. Stoeber J., Stoeber F.S. Domains of perfectionism: Prevalence and relationships with perfectionism, gender, age, and satisfaction with life. *Personality and individual differences*, 2009. Vol. 46, no. 4, pp. 530—535. DOI:10.1016/j.paid.2008.12.006
28. Thakre N., Sebastian S. The role of perfectionism on self-regulation and defensive pessimism at workplace. *Journal of Psychosocial Research*, 2021. Vol. 16, no. 1, pp. 75—84. DOI:10.32381/JPR.2021.16.01.8
29. Wang H.Q., Jiang X., Li D., Jin X., Zhang J. The Effect of Leader Perfectionism on Employee Deviance: An Interpersonal Relationship Perspective. *Psychology Research and Behavior Management*, 2024. Vol. 17, pp. 1677—1688. DOI:10.2147/PRBM.S454596
30. Vreeker-Williamson E., Gill H., Barclay L.J., Powell D.M. The good, the bad, and the ambiguous: A qualitative approach to understanding workplace perfectionism and job performance. *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*, 2024. Vol. 65, no. 3, pp. 176—187. DOI:10.1037/cap0000385
31. Cîrșmari M.I., Rus C.L., Trif S.R., Fodor O.C. The leader's other-oriented perfectionism, followers' job stress and workplace well-being in the context of multiple team membership: The moderator role of pressure to be performant. *Cognition, Brain, Behavior. An Interdisciplinary Journal*, 2023. Vol. 27, no. 2, pp. 145—171. DOI:10.24193/cbb.2023.27.07
32. Flett G.L., Nepon T., Hewitt P.L., Zaki-Azat J., Rose A.L., Swiderski K. The Mistake Rumination Scale: Development, validation, and utility of a measure of cognitive perfectionism. *Journal of Psychoeducational Assessment*, 2020. Vol. 38, no. 1, pp. 84—98. DOI:10.1177/0734282919879538
33. Spagnoli P., Kovalchuk L.S., Aiello M.S., Rice K.G. The predictive role of perfectionism on heavy work investment: A two-waves cross-lagged panel study. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 173, article ID 110632. DOI:10.1016/j.paid.2021.110632
34. Limburg K., Watson H.J., Hagger M.S., Egan S.J. The relationship between perfectionism and psychopathology: A meta-analysis. *Journal of clinical psychology*, 2017. Vol. 73, no. 10, pp. 1301—1326. DOI:10.1002/jclp.22435
35. Ocampo A.C.G., Wang L., Kiazad K., Restubog S.L.D., Ashkanasy N.M. The relentless pursuit of perfectionism: A review of perfectionism in the workplace and an agenda for future research. *Journal of Organizational Behavior*, 2020. Vol. 41, no. 2, pp. 144—168. DOI:10.1002/job.2400
36. De Oliveira C., Saka M., Bone L., Jacobs R. The role of mental health on workplace productivity: A critical review of the literature. *Applied health economics and health policy*, 2023. Vol. 21, no. 2, pp. 167—193. DOI:10.1007/s40258-022-00761-w
37. Waleriańczyk W., Hill A.P., Stolarski M. A re-examination of the 2x2 model of perfectionism, burnout, and engagement in sports. *Psychology of Sport and Exercise*, 2022. Vol. 61, article ID 102190. 7 p. DOI:10.1016/j.psychsport.2022.102190
38. Lin S.Y., Hirst G., Wu C.H., Lee C., Wu W., Chang C.C. When anything less than perfect isn't good enough: How parental and supervisor perfectionistic expectations determine fear of failure and employee creativity. *Journal of Business Research*, 2023. Vol. 154, article ID 113341. DOI:10.1016/j.jbusres.2022.113341
39. Xudong N., Tingting W., Xingkui Z. The Impact of Perfectionism on Job Performance from the Perspective of Job Crafting: The Moderating Role of Workplace Friendship and Workplace Ostracism. *Journal of Psychological Science*, 2024. Vol. 47, no. 3, pp. 671—679. DOI:10.16719/j.cnki.1671-6981.20240320

Информация об авторах

Шарапова Алена Викторовна, преподаватель факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8222-511X>, e-mail: alenaav@mgppu.ru

Information about the authors

Alena V. Sharapova, Lecturer, Department of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8222-511X>, e-mail: alena.v.sharapova@yandex.ru

Получена 30.09.2024

Принята в печать 24.02.2025

Received 30.09.2024

Accepted 24.02.2025

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Родительство в эпоху цифровых технологий: обзор предметного поля и обзор литературы

Цыганова Е.М.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>, e-mail: etsyganova@hse.ru*

Бочавер А.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: abochaver@hse.ru*

Цифровые технологии все плотнее интегрируются в жизнь современной семьи и во взаимодействие родителя и ребенка, однако, несмотря на большое количество работ по этой теме, исследования часто достаточно изолированы друг от друга. Обзор предметного поля и обзор литературы проведены с целью описать предметное поле интеграции цифровых технологий в жизнь современных родителей и в их практики взаимодействия с ребенком и рассмотреть весь спектр исследований в рамках этой темы. Отбор релевантной литературы был произведен по этапам модели для систематических обзоров и метаанализов PRISMA в базах Dimensions и eLibrary. В количественный анализ вошли 1241 зарубежная и 61 отечественная публикации; затем 61 российская работа подверглись качественному анализу. Выделено 4 кластера исследовательских фокусов интеграции цифровых технологий в родительство: «Родитель—пользователь» (пользовательское поведение родителей), «Родитель—посредник» (медиация пребывания ребенка в Сети, помощь ребенку с обучением онлайн, коммуникация с учителями и цифровой мониторинг детских перемещений), «Родитель—обучающийся» (онлайн-программы для родителей) и «Родитель в период пандемии» (контекст, во многом обусловивший задачи изучения родительства). Перспективными и мало исследованными в отечественной науке на данный момент предстают ценностная и ресурсная стороны использования родителями цифровых технологий, а также разработка и измерение эффективности онлайн-обучения для родителей.

Ключевые слова: родительство, практики воспитания, цифровые технологии, родительская медиация, онлайн-обучение, шерентинг.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00416.

Для цитаты: Цыганова Е.М., Бочавер А.А. Родительство в эпоху цифровых технологий: обзор предметного поля и обзор литературы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 131—139. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140113>

Parenting in Digital Age: Scoping Review and Literature Review

Ekaterina M. Tsyganova

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>, e-mail: etsyganova@hse.ru

Alexandra A. Bochaver

HSE University, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: abochaver@hse.ru

Digital technologies (DT) are increasingly integrated into the life of the modern family and in parent-child interactions, but despite a large body of work on this topic, publications are often quite isolated from each other. This review was performed in order to describe the subject area of DT integration in the lives of contemporary parents and in their practices of interaction with the child, and to consider the full range of research within this topic. Relevant literature was selected following the steps of the model for systematic reviews and meta-analyses PRISMA in the Dimensions and eLibrary databases. The quantitative analysis included 1241 foreign and 61 Russian publications; then 61 Russian papers were analyzed qualitatively. Four clusters of research focuses on the integration of DT into parenting were identified: “Parent-user” (user behaviour of parents), “Parent-mediator” (mediating a child’s online presence, helping a child with online learning, communication with teachers and digital monitoring of children’s mobility), “Parent-learner” (online programmes for parents), “Parent in a pandemic” (the context that has to a large extent determined the objectives of the study on parenthood). Promising and under-researched areas at present include the value and resource aspects of parenting using DT, and the development and measurement of the effectiveness of online parenting education.

Keywords: parenting, practices of upbringing, digital technologies, parental mediation, online-learning, sharenting.

Funding. The reported study was funded by the Russian Scientific Foundation (RSF), project number 22-18-00416.

For citation: Tsyganova E.M., Bochaver A.A. Parenting in Digital Age: Scoping Review and Literature Review [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 131—139. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140113> (In Russ.).

Введение

Цифровые технологии (далее ЦТ), под которыми можно понимать электронные инструменты, устройства, системы и ресурсы, которые генерируют, хранят и обрабатывают данные (компьютеры, планшеты, мобильные телефоны, онлайн-приложения, Интернет вещей и др.), все плотнее интегрируются в жизнь современной семьи и во взаимодействие родителя и ребенка. Детско-родительское взаимодействие в контексте воспитания с 1960-х годов традиционно рассматривается через универсальные родительские стили [5], однако концепция родительских стилей многократно критиковалась, в том числе из-за отсутствия эмпирической обоснованности, отсутствия измерения психологического контроля на этапах разработки модели [12], игнорирования аспекта контроля как формы предоставления поощрений [8]. В более новых исследованиях родительское поведение чаще описывается через набор локализованных и конкретных действий — родительских практик [20], которые могут характеризовать такие содержательные аспекты родительского поведения, как вовлеченность, психологический и поведенческий контроль, поддержка потребностей ребенка в автономии, компетентности и родстве [6;

9; 10; 19]; и в данном случае взгляд на родительство с позиции практик представляется более перспективным и позволяющим с большей точностью изучить особенности интеграции ЦТ в различные сферы родительства.

Исследования родительских практик в целом широко представлены в научной литературе, однако технологические достижения сегодня настолько интенсивно интегрируются в жизнь родителей и детей, что создают новые условия функционирования для современной семьи и меняют контексты осуществления родительских практик [1]. В зарубежных обзорах обобщаются результаты исследований отдельных аспектов цифровизации в контексте родительства — например, доступности онлайн-ресурсов социальной поддержки для родителей [14], эффективности онлайн-тренингов для родителей [23; 25], родительскому мониторингу активности ребенка в Сети [22]. Российских работ по этой теме также достаточно много. Однако на настоящий момент отсутствует общая научная картина, в которой был бы представлен репертуар существующих направлений исследований в области интеграции ЦТ в родительские практики, поэтому *цель* данного исследования — охарактеризовать предметное поле интеграции ЦТ в жизнь современных родителей и в их практики взаимодействия с ребенком.

Метод

Для достижения поставленной цели был использован смешанный метод, включающий обзор предметного поля, подразумевающий анализ количества и основных областей публикаций по теме, и обзор литературы. Обзор предметного поля уже давно зарекомендовал себя как метод, позволяющий изучить состояние исследовательских наработок по теме [2; 7]. Метод активно используется зарубежными авторами в исследованиях родительства и детства, в том числе относительно использования ЦТ [15; 16; 24], однако в работах отечественных авторов он только набирает популярность [21]. Обзор литературы позволяет отвечать на широкий спектр вопросов, в том числе о характере концептуальной рамки и задач исследований [13]. Его включение имеет целью дополнение информации о предметном поле, полученной количественным путем, и сравнение отечественных работ с генеральной совокупностью.

Отбор релевантной литературы для качественного и количественного этапов осуществлялся в соответствии с моделью для систематических обзоров и метаанализов PRISMA [17], он также используется в библиометрических обзорах и обзорах предметного поля [4; 18; 26].

Процедуры поиска и отбора литературы представлены на рис. 1.

Идентификация научных работ. Поиск проводился по названиям и аннотациям статей, вышедших за последние 20 лет (2003—2024 гг.), в базах Dimensions (научные публикации в зарубежных журналах, преимущественно на английском языке) и eLibrary (русско-

язычные и англоязычные научные работы, в том числе отечественных авторов).

Для Dimensions были определены следующие словосочетания: parent & «Global Positioning System»; parent & «Tracking Apps»; parent & geolocation; «digital mediation» & parent; «digital monitoring» & parent; media & parent; «social media» & parenting; online & parenting; parent & «media monitoring»; parent & «individual mobility»; sharenting; «digital parenting»; technology & parenting; internet & parenting; «digital» & «mobility control» & parenting; «digital control» & parenting. Области исследований: Социология, Психология, Образование.

Для eLibrary критерии отбора были идентичны, но отбор проводился не только на английском, но и на русском языке в названиях, аннотациях и ключевых словах журнальных статей. Запрос на русском языке: родитель & система глобального позиционирования; родитель & геолокация; родитель & приложения; цифровая медиация; цифровой мониторинг & родитель; медиа & родитель; социальные сети & родитель; онлайн & родитель; медиа мониторинг & родитель; независимые перемещения; шерентинг; цифровое родительство; технологии & родительство; Интернет & родительство; цифровой & контроль перемещений; цифровой контроль & детей.

Скрининг. На этом этапе все собранные документы были просканированы на наличие дублирующих друг друга работ. Из зарубежной базы исключено 131 дублей, из русской — 19.

Валидность. На этом этапе были прочитаны названия и аннотации статей из двух баз и исключены работы, не соответствующие цели планируемого обзора. Критерии для обеих баз представлены на табл. 1 и 2.

Рис. 1. Этапы отбора релевантной литературы

Таблица 1

Критерии отбора для базы Dimensions

Критерии включения	Критерии исключения
Практики воспитания	Стили родительства
Использование родителем ЦТ	Родитель не использует ЦТ
Пребывание родителя в Сети, на форумах	Использование искусственного оплодотворения
Родительская медиация	-
Участие в онлайн-обучении ребенка	-
Статьи в журналах (теоретические и эмпирические)	Монографии, сборники конференций, диссертации, отчеты, патенты, гранты
Работы зарубежных авторов — по аффилиации	Работы российских авторов — по аффилиации
опубликованы на английском языке	опубликованы не на английском языке
2003—2024 (Январь)	-

Таблица 2

Критерии отбора для базы eLibrary

Критерии включения	Критерии исключения
Практики воспитания	Стили родительства
Использование родителем ЦТ	Родитель не использует ЦТ
Пребывание родителя в сети, на форумах	Использование искусственного оплодотворения
Родительская медиация	-
Участие в онлайн-обучении ребенка	-
Статьи в журналах (теоретические и эмпирические)	Монографии, сборники конференций, диссертации, отчеты, патенты, гранты
Журналы входят в РИНЦ или в ядро РИНЦ	Журналы не входят в РИНЦ или на рассмотрении
Работы российских авторов — по аффилиации	Работы зарубежных авторов — по аффилиации

Для обозначения предметного поля зарубежной литературы первичный анализ Dimensions был осуществлен с помощью программы VOSViewer. Программа применяется для визуализации данных в библиометрических обзорах и обзорах предметного поля [3; 11].

Итого, выборку статей составили: 1241 зарубежных и 61 российских источников для количественного анализа; те же 61 российских работ для качественного анализа.

Результаты

**Родительство в контексте ЦТ:
обзор предметного поля**

Определение ключевых конструкторов, связанных с тем, как родитель может взаимодействовать с ЦТ, на основе анализа зарубежной литературы, позволило выделить 4 кластера. По названиям и аннотациям работ была построена сеть наиболее часто используемых слов (топ-300) (рис. 2). Были убраны термины, не вносящие вклад в разграничение предметного поля. Размер узла в сети обозначает частоту упоминания слова, приближенность узлов отражает то, как часто они встречаются вместе.

Кластер 1 — «Родитель-пользователь». Родитель изучается как активный пользователь Интернета и технологий, он ищет советы по воспитанию на форумах,

обсуждает своих детей с другими родителями, делится информацией о своем ребенке, запрашивает и получает поддержку и внимание от других пользователей («support», «experience», «information», «parenting», «social medium»).

Кластер 2 — «Родитель-посредник». Исследуются формы родительской медиации медиопотребления и экранного времени детей, опосредование родителем обучения ребенка с использованием ЦТ, дистанционная коммуникация с педагогами («parent», «child», «use», «impact», «risk», «relationship», «education», «school», «student», «teacher»).

Кластер 3 — «Родитель-обучающийся». Исследования посвящены участию родителей в различных обучающих онлайн-программах, нацеленных на повышение родительских компетенций, улучшение самочувствия и отношений с ребенком и поведения ребенка, описывается оценка целесообразности и эффективности программ («intervention», «program», «change», «effectiveness», «improvement», «feasibility», «group», «trial»).

Кластер 4 — «Родитель в период пандемии». Пандемия коронавируса выступает отдельным контекстом исследований взаимодействия родителей с ЦТ. Кластер находится внутри кластера «Родитель-пользователь», что может указывать на увеличение пользовательской активности родителей в этот период и, соответственно, исследований, связанных с этим («covid», «pandemic»).

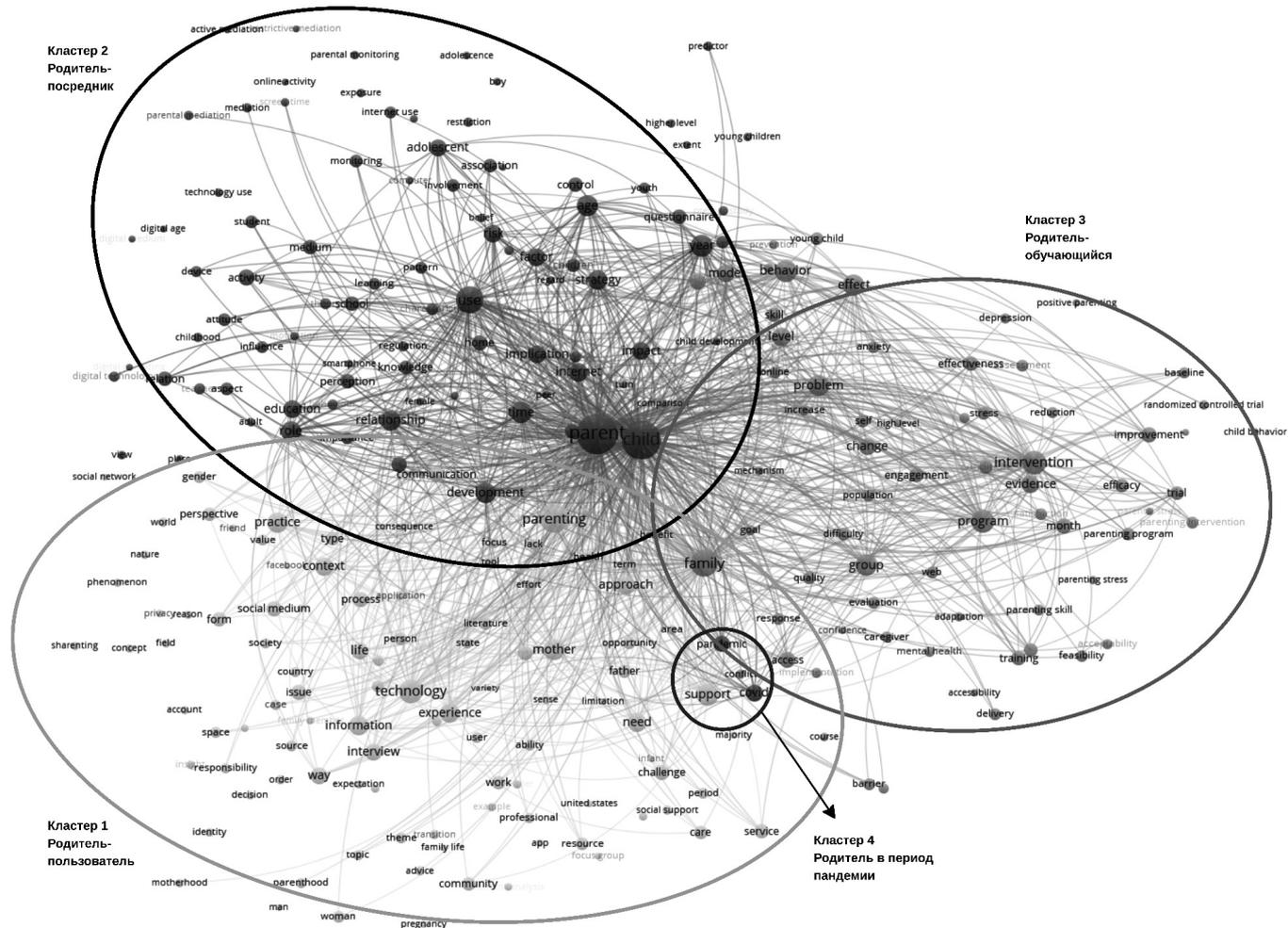

Рис. 2. Кластеризация ключевых слов по теме родительства (с позиции практик) в контексте интеграции ЦТ

Родительство в контексте ЦТ: обзор литературы

Для понимания содержания основных направлений отечественных статей из данного поля был дополнительно проведен их качественный обзор. Процедура отбора литературы проводилась на предыдущем этапе по модели PRISMA, для контроля качества работ выбраны журналы, входящие в РИНЦ или ядро РИНЦ. Был поставлен следующий исследовательский вопрос: как пользовательская, посредническая, обучающаяся роли родителей (а также контекст пандемии в этих темах) описываются в отечественных исследованиях? Проводился анализ целей, предмета и результатов работ. В одной публикации могли упоминаться сразу несколько ролей родителя.

Родитель-пользователь — 30 статей. Изучаются показатели пользовательской активности родителя: экранное время, использование ЦТ в работе, коммуникации с ребенком и совместное времяпрепровождение (Милушкина и др., 2020; Автаева, 2020; Янак, 2021). Родитель может рассматриваться как поведенческая модель для ребенка (Новик, 2023). ЦТ могут использоваться для контроля нежелательного поведения ребенка (Лактюхина, 2019). Активно исследуются риски, с которыми сталкивается сам родитель, пребывая в Интернете:

сексуальный контент и вирусные программы, информация о наркотических веществах, способах суицида, кибербуллинг и мошенничество (например общение с кибергуглерами) (Солдатова, Рассказова, 2020; Медведева, Дозорцева, 2021). Изучаются осведомленность о рисках, медиакомпетентность родителя, эмоциональное восприятие контента (Маркелова, 2020; Skorova, Smuk, 2019; Посохова и др, 2020). Исследователи подчеркивают необходимость в выстраивании способов дистанционного общения родителей со специалистами в области образования и воспитания детей (Веселова, 2016; Данилова, 2021; Безрукова, Самойлова, 2019). Родитель может являться реципиентом информации о ребенке, доступных инфраструктурных ресурсах, практиках воспитания на форумах и в СМИ; участником дискуссии с другими родителями о практиках воспитания и особенностях развития ребенка (Любимова, Ламихов, 2016; Mikhaylova, Sivak, 2018; Дорофеева и др., 2021; Medvedeva, Filipova, 2023). Также родитель может распространять конфиденциальную информацию о ребенке (его внешнем виде, достижениях, показателях здоровья и пр.). Шерентинг рассматривается как социальная практика, разрушающая границы между семейным и общественным (Богданова, 2019), подвергающая

опасности социальный имидж и психическое здоровье ребенка (Симонов, 2020; Авдеев, 2022). Родителю вменяются безответственность и зависимость от социального одобрения (Синягина, 2015), а также гендерная предвзятость в размещении информации о детях (Sivak, Smirnov, 2019). Нечасто ведение родителем социальных сетей обсуждается как ресурс для других семей и самого родителя (Лемиш, Тупицына, 2021).

Таким образом, первый кластер содержит исследования, посвященные пользовательскому поведению родителей, и в нем отчетливо различаются две полярные позиции, фокусирующиеся на Интернете как «благ» (ресурсе, источнике информации, эмоциональной поддержки и др.) и «проклятии» (разрушающем заботу о ребенке пространстве вредоносного контента и неблагоприятных паттернов поведения). Родитель рассматривается как (1) уязвимый к рискам пребывания в сети, (2) влияющий на поведение ребенка, (3) слабо информированный в области онлайн-рисков для детей и распространяющий информацию о них, (4) заинтересованный и ищущий информацию о воспитании и, наконец, — (5) восприимчивый, получающий поддержку от иных пользователей и специалистов.

Родитель-посредник — 33 статьи. Обсуждаются практики регуляции пребывания ребенка за экраном (в том числе технические решения для этого) (Volkov & Pletnev, 2017), практики формирования желаемого детского поведения через отвлечение, развлечение, обучение (Ufa, 2019; Лактюхина, 2019; Смирнова и др., 2022), поощрения и наказания (Клопотова и др., 2022). Медиация экранного времени ребенка (контроль времени, объяснение правил, мониторинг) связывается в статьях с осведомленностью родителя о сопутствующих рисках и коррелирует с ощущением счастья у детей и их зависимостью от социальных сетей (Курганский и др., 2023; Руднова и др., 2023; Руднова и др., 2023; Клименко & Савенышева, 2020; Солдатова & Рассказова, 2013, 2014, 2019; Солдатова & Теславская, 2019). Обсуждается также вовлечение родителя в образовательный процесс ребенка онлайн, участие в образовательных практиках с использованием ЦТ, общение в школьных чатах с педагогом (Твардовская & Ефремов, 2018; Дьячкова & Кулькова, 2020, Сороковых и др., 2022). Нередко обсуждается излишняя вовлеченность ребенка в гаджеты, сочетающаяся с дефицитом контроля и сопровождения со стороны родителя (Криворучко & Липских, 2013; Солдатова & Рассказова, 2019), «обратная социализация» и «цифровой разрыв» — с некоторого момента дети могут оказываться более компетентными, чем их родители, в вопросах использования техники (Зайкова, 2022), родители могут рассматриваться как мотивированные беспокойством и тревогой в процессе цифрового контроля за перемещениями ребенка (Безрукова & Самойлова, 2020; Лактюхина, 2020; 2022; Поливанова & Бочавер, 2022).

Посредническая роль родителя представлена практиками поддержки или ограничения пребывания ребенка в Сети, помощи ребенку с обучением онлайн,

коммуникации с учителями, цифрового мониторинга детских перемещений. Кроме того, изучаются родительские тревоги, которые во многом определяют используемые практики.

Родитель-обучающийся — 6 статей. Рассматривается необходимость внедрения онлайн-программ для сопровождения приемных родителей (Кремезион, Морозов, 2021) и формирования у родителей навыков безопасного использования ЦТ (Новик, 2023); обсуждаются онлайн-программы по сопровождению детей с ОВЗ (Дорогова, 2021); описывается процесс разработки и реализации онлайн-тренинга для родителей (Трифонов, 2021); также значим вопрос барьеров, препятствующих обучению родителей — в том числе обсуждается невостребованность онлайн-программ у родителей, посещающих очные тренинги (Озерова, Полуянова, 2017).

Таким образом, обсуждается необходимость введения онлайн-программ для родителей; однако российские работы содержательно слабо репрезентируют генеральную совокупность работ в этой сфере, выделенной на количественном этапе (кластер 3), — отсутствует оценка эффективности таких программ.

Родитель в период пандемии — 4 статьи. В исследованиях обсуждаются факторы дистанционного общения родителя с педагогом, (Diachkova, Kulkova, 2020), необходимость дистанционного сопровождения приемных родителей взамен очного (Кремезион, Морозов, 2021), потребность родителей в помощи в контексте дистанционного обучения ребенка (Данилова, 2020, 2021).

Таким образом, четвертый кластер представлен в зарубежных и российских исследованиях как контекст, во многом обусловивший задачи изучения родительства, поскольку пандемия изменила условия обучения и работы, повысила уязвимость, тревогу и стресс в семьях и создала новые риски, требующие осторожности, стратегий совладания и социальной поддержки для благополучной адаптации.

Заключение

Целью работы было охарактеризовать предметное поле интеграции ЦТ в современное родительство. Проведенная работа позволила выделить четыре основных кластера исследований: «Родитель-пользователь», «Родитель-посредник», «Родитель-обучающийся» и «Родитель в период пандемии».

Родитель в современных исследованиях предстает активным пользователем ЦТ, при этом может быть слабо осведомлен о рисках для ребенка и вовлекаться в поведение, нарушающее его право на приватность, или быть сам уязвим к онлайн-рискам. Использование ЦТ может предоставлять родителю свободу самовыражения, возможность узнавать новую информацию о практиках воспитания и получать поддержку от других пользователей и специалистов в области здоровья.

Исследователи могут сосредоточиваться на использовании родителями ЦТ для контроля перемещений ребенка, вовлечения в общение с педагогом, ограничения экранного времени ребенка. Нередко также родитель позиционируется как заинтересованный участник онлайн-программ, направленных на трансформацию поведения и эмоциональной регуляции членов семьи. Период пандемии позволил изучить практики родительства в условиях уязвимости.

Существующие исследования дают множество ответов на вопросы о том, как именно современные родители используют ЦТ, какие позитивные и негативные эффекты имеют те или иные практики, а также как специалисты могут использовать ЦТ для повышения благополучия родителей и детей через расширение родительских компетенций в разных сферах. Сопоставление направлений отечественных исследований с мировыми

трендами позволяет сформировать ряд рекомендаций, среди которых можно выделить перспективность исследований онлайн-программ для родителей в России (их содержания, целевых аудиторий, востребованности, эффективности), а также позитивных аспектов активности родителей на онлайн-форумах.

Ограничения исследования связаны с тем, что в теоретической модели не ставилась задача разграничить цифровые и «офлайн»-способы медиации детского экранного времени; это планируется учесть в будущих исследованиях.

На текущий момент технологии быстро видоизменяются и так или иначе интегрируются в детские, родительские и семейные практики, в связи с чем проведенный обзор представляется актуальным, а продолжение исследований родительства в цифровую эпоху — чрезвычайно перспективным.

Литература

1. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Итоги цифровой трансформации: От онлайн-реальности к смешанной реальности // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 87—97. DOI:10.17759/chp.2020160409
2. A scoping review of scoping reviews: Advancing the approach and enhancing the consistency / M.T. Pham, A. Rajić, J.D. Greig, J.M. Sargeant, A. Papadopoulos, S.A. McEwen // Research synthesis methods. 2014. Vol. 5. № 4. P. 371—385. DOI:10.1002/jrsm.1123
3. A scoping review with bibliometric analysis of topic fluid in science education: State of the art and future directions / M. Misbah, I. Hamidah, S. Sriyati, A. Samsudin // Momentum: Physics Education Journal. 2024. Vol. 8. № 1. P. 144—153. DOI:10.21067/mpej.v8i1.9334
4. Artificial intelligence literacy in higher and adult education: A scoping literature review / M.C. Laupichler, A. Aster, J. Schirch, T. Raupach // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2022. Vol. 3. Article ID 100101. 15 p. DOI:10.1016/j.caeai.2022.100101
5. Baumrind D. Effects of authoritative parental control on child behavior // Child Development. 1966. Vol. 37. № 4. P. 887—907. DOI:10.2307/1126611
6. Froiland J.M. Parental autonomy support and student learning goals: A preliminary examination of an intrinsic motivation intervention // Child & youth care forum. 2011. Vol. 40. P. 135—149.
7. From Arksey and O'Malley and Beyond: Customizations to enhance a team-based, mixed approach to scoping review methodology / K.K. Westphaln, W. Regoeczi, M. Masotya, B. Vazquez-Westphaln, K. Lounsbury, L. McDavid, L. HaeNim, J. Jennifer, S.D. Ronis // MethodsX. 2021. Vol. 8. Article ID 101375. 14 p. DOI:10.1016/j.mex.2021.101375
8. Grolnick W.S. The Relations among Parental Power Assertion, Control, and Structure // Human Development. 2012. Vol. 55. № 2. P. 57—64. DOI:10.1159/000338533
9. Grolnick W.S., Pomerantz E.M. Issues and challenges in studying parental control: Toward a new conceptualization // Child Development Perspectives. 2009. Vol. 3. № 3. P. 165—170. DOI:10.1111/j.1750-8606.2009.00099.x
10. Joussemet M., Landry R., Koestner R. A self-determination theory perspective on parenting // Canadian Psychology / Psychologie canadienne. 2008. Vol. 49. № 3. P. 194—200. DOI:10.1037/a0012754
11. Kirby A. Exploratory bibliometrics: Using VOSviewer as a preliminary research tool // Publications. 2023. Vol. 11. № 1. Article ID 10. 14 p. DOI:10.3390/publications11010010
12. Kuppens S., Ceulemans E. Parenting Styles: A Closer Look at a Well-Known Concept // Journal of child and family studies. 2019. Vol. 28. P. 168—181. DOI:10.1007/s10826-018-1242-x
13. Literature reviews as independent studies: guidelines for academic practice / S. Kraus, M. Breier, W.M. Lim [et al.] // Review of Managerial Science. 2022. Vol. 16. № 8. P. 2577—2595. DOI:10.1007/s11846-022-00588-8
14. Nieuwboer C.C., Fukkink R.G., Hermanns J.M. Peer and professional parenting support on the Internet: A systematic review // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2013. Vol. 16. № 7. P. 518—528. DOI:10.1089/cyber.2012.0547
15. Parenting interventions targeting early parenting difficulty: A scoping review / S. Bailey, J. Hurley, K. Plummer, M. Hutchinson // Journal of Child Health Care. 2024. Vol. 28. № 2. P. 429—450. DOI:10.1177/13674935221116696
16. Parents' use of social media as a health information source for their children: A scoping review / E. Frey, C. Bonfiglioli, M. Brunner, J. Frawley // Academic pediatrics. 2022. Vol. 22. № 4. P. 526—539. DOI:10.1016/j.acap.2021.12.006

17. Preliminary guideline for reporting bibliometric reviews of the biomedical literature (BIBLIO): A minimum requirements / A. Montazeri, S. Mohammadi, P.M. Hesari, M. Ghaemi, H. Riazi, Z. Sheikhi-Mobarakeh // *Systematic Reviews*. 2023. Vol. 12. № 1. Article ID 239. 10 p. DOI:10.1186/s13643-023-02410-2
18. Quality of higher education: A bibliometric review study / S.K.M. Brika, A. Algamdi, K. Chergui, A.A. Musa, R. Zouaghi // *Frontiers in Education*. 2021. Vol. 6. Article ID 666087. 15 p. DOI:10.3389/educ.2021.666087
19. Skinner E., Johnson S., Snyder T. Six dimensions of parenting: A motivational model // *Parenting: Science and practice*. 2005. Vol. 5. № 2. P. 175—235. DOI:10.1207/s15327922par0502_3
20. Smetana J.G. Current research on parenting styles, dimensions, and beliefs // *Current Opinion in Psychology*. 2017. Vol. 15. P. 19—25. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.02.012
21. Strukova A. Scoping literature review of well being of students at school: Implications for designing evidence based interventions // *Review of Education*. 2024. Vol. 12. № 2. Article ID e3479. DOI:10.1002/rev3.3479
22. The development of parental monitoring during adolescence: A meta-analysis / F. Lionetti, B.E. Palladino, C. Moses Passini, M. Casonato, O. Hamzallari, M. Ranta, A. Dellagiulia, L. Keijsers // *European Journal of Developmental Psychology*. 2019. Vol. 16. № 5. P. 552—580. DOI:10.1080/17405629.2018.1476233
23. The efficacy of internet-based parenting programs for children and adolescents with behavior problems: A meta-analysis of randomized clinical trials / I.S. Florean, A. Dobrea, C.R. P's relu, R.D. Georgescu, I. Milea // *Clinical child and family psychology review*. 2020. Vol. 23. № 4. P. 510—528. DOI:10.1007/s10567-020-00326-0
24. The use of social media in children and adolescents: Scoping review on the potential risks / E. Bozzola, G. Spina, R. Agostiniani [et al.] // *International journal of environmental research and public health*. 2022. Vol. 19. № 16. Article ID 9960. 33 p. DOI:10.3390/ijerph19169960
25. Universal digital programs for promoting mental and relational health for parents of young children: A systematic review and meta analysis / J.E. Opie, T.B. Esler, E.M. Clancy [et al.] // *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2024. Vol. 27. № 1. P. 23—52. DOI:10.1007/s10567-023-00457-0
26. Wu T.C., Ho C.T.B. A scoping review of metaverse in emergency medicine // *Australasian Emergency Care*. 2023. Vol. 26. № 1. P. 75—83. DOI:10.1016/j.auec.2022.08.002

References

1. Soldatova G.U., Rasskazova E.I. Itogi tsifrovoy transformatsii: Ot onlain-real'nosti k smeshannoi real'nosti [Digital Transition Outcomes: From Online Reality to Mixed Reality]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2020. Vol. 16, no. 4, pp. 87—97. DOI:10.17759/chp.2020160409 (In Russ.).
2. Pham M.T., Rajić A., Greig J.D., Sargeant J.M., Papadopoulos A., McEwen S.A. A scoping review of scoping reviews: Advancing the approach and enhancing the consistency. *Research synthesis methods*, 2014. Vol. 5, no. 4, pp. 371—385. DOI:10.1002/jrsm.1123
3. Misbah M., Hamidah I., Sriyati S., Samsudin A. A scoping review with bibliometric analysis of topic fluid in science education: State of the art and future directions. *Momentum: Physics Education Journal*, 2024. Vol. 8, no. 1, pp. 144—153. DOI:10.21067/mpej.v8i1.9334
4. Laupichler M.C., Aster A., Schirch J., Raupach T. Artificial intelligence literacy in higher and adult education: A scoping literature review. *Computers and Education: Artificial Intelligence*, 2022. Vol. 3, article ID 100101. 15 p. DOI:10.1016/j.caeai.2022.100101
5. Baumrind D. Effects of authoritative parental control on child behavior. *Child Development*, 1966. Vol. 37, no. 4, pp. 887—907. DOI:10.2307/1126611
6. Froiland J.M. Parental autonomy support and student learning goals: A preliminary examination of an intrinsic motivation intervention. *Child & youth care forum*, 2011. Vol. 40, pp. 135—149.
7. Westphaln K.K., Regoeczi W., Masotya M., Vazquez-Westphaln B., Lounsbury K., McDavid L., HaeNim L., Jennifer J., Ronis S.D. From Arksey and O'Malley and Beyond: Customizations to enhance a team-based, mixed approach to scoping review methodology. *MethodsX*, 2021. Vol. 8, article ID 101375. 14 p. DOI:10.1016/j.mex.2021.101375
8. Grolnick W.S. The Relations among Parental Power Assertion, Control, and Structure. *Human Development*, 2012. Vol. 55, no. 2, pp. 57—64. DOI:10.1159/000338533
9. Grolnick W.S., Pomerantz E.M. Issues and challenges in studying parental control: Toward a new conceptualization. *Child Development Perspectives*, 2009. Vol. 3, no. 3, pp. 165—170. DOI:10.1111/j.1750-8606.2009.00099.x
10. Joussemet M., Landry R., Koestner R. A self-determination theory perspective on parenting. *Canadian Psychology/Psychologie canadienne*, 2008. Vol. 49, no. 3, pp. 194—200. DOI:10.1037/a0012754
11. Kirby A. Exploratory bibliometrics: Using VOSviewer as a preliminary research tool. *Publications*, 2023. Vol. 11, no. 1, article ID 10. 14 p. DOI:10.3390/publications11010010
12. Kuppens S., Ceulemans E. Parenting Styles: A Closer Look at a Well-Known Concept. *Journal of child and family studies*, 2019. Vol. 28, pp. 168—181. DOI:10.1007/s10826-018-1242-x
13. Kraus S., Breier M., Lim W.M. et al. Literature reviews as independent studies: guidelines for academic practice. *Review of Managerial Science*, 2022. Vol. 16, no. 8, pp. 2577—2595. DOI:10.1007/s11846-022-00588-8

14. Nieuwboer C.C., Fukkink R.G., Hermans J.M. Peer and professional parenting support on the Internet: A systematic review. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2013. Vol. 16, no. 7, pp. 518—528. DOI:10.1089/cyber.2012.0547
15. Bailey S., Hurley J., Plummer K., Hutchinson M. Parenting interventions targeting early parenting difficulty: A scoping review. *Journal of Child Health Care*, 2024. Vol. 28, no. 2, pp. 429—450. DOI:10.1177/13674935221116696
16. Frey E., Bonfiglioli C., Brunner M., Frawley J. Parents' use of social media as a health information source for their children: A scoping review. *Academic pediatrics*, 2022. Vol. 22, no. 4, pp. 526—539. DOI:10.1016/j.acap.2021.12.006
17. Montazeri A., Mohammadi S., Hesari P.M., Ghaemi M., Riazi H., Sheikhi-Mobarakeh Z. Preliminary guideline for reporting bibliometric reviews of the biomedical literature (BIBLIO): A minimum requirements. *Systematic Reviews*, 2023. Vol. 12, no. 1, article ID 239. 10 p. DOI:10.1186/s13643-023-02410-2
18. Brika S.K.M., Algamdi A., Chergui K., Musa A.A., Zouaghi R. Quality of higher education: A bibliometric review study. *Frontiers in Education*, 2021. Vol. 6, article ID 666087. 15 p. DOI:10.3389/educ.2021.666087
19. Skinner E., Johnson S., Snyder T. Six dimensions of parenting: A motivational model. *Parenting: Science and practice*, 2005. Vol. 5, no. 2, pp. 175—235. DOI:10.1207/s15327922par0502_3
20. Smetana J.G. Current research on parenting styles, dimensions, and beliefs. *Current Opinion in Psychology*, 2017. Vol. 15, pp. 19—25. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.02.012
21. Strukova A. Scoping literature review of well being of students at school: Implications for designing evidence based interventions. *Review of Education*, 2024. Vol. 12, no. 2, article ID e3479. DOI:10.1002/rev3.3479
22. Lionetti F., Palladino B.E., Moses Passini C., Casonato M., Hamzallari O., Ranta M., Dellagiulia A., Keijsers L. The development of parental monitoring during adolescence: A meta-analysis. *European Journal of Developmental Psychology*, 2019. Vol. 16, no. 5, pp. 552—580. DOI:10.1080/17405629.2018.1476233
23. Florean I.S., Dobrea A., P s relu C.R., Georgescu R.D., Milea I. The efficacy of internet-based parenting programs for children and adolescents with behavior problems: A meta-analysis of randomized clinical trials. *Clinical child and family psychology review*, 2020. Vol. 23, no. 4, pp. 510—528. DOI:10.1007/s10567-020-00326-0
24. Bozzola E., Spina G., Agostiniani R. et al. The use of social media in children and adolescents: Scoping review on the potential risks. *International journal of environmental research and public health*, 2022. Vol. 19, no. 16, article ID 9960. 33 p. DOI:10.3390/ijerph19169960
25. Opie J.E., Esler T.B., Clancy E.M. et al. Universal digital programs for promoting mental and relational health for parents of young children: A systematic review and meta analysis. *Clinical Child and Family Psychology Review*, 2024. Vol. 27, no. 1, pp. 23—52. DOI:10.1007/s10567-023-00457-0
26. Wu T.C., Ho C.T.B. A scoping review of metaverse in emergency medicine. *Australasian Emergency Care*, 2023. Vol. 26, no. 1, pp. 75—83. DOI:10.1016/j.auec.2022.08.002

Информация об авторах

Цыганова Екатерина Михайловна, стажер-исследователь Центра исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>, e-mail: etsyganova@hse.ru

Бочавер Александра Алексеевна, кандидат психологических наук, директор Центра исследований современного детства, доцент Департамента образовательных программ, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: abochaver@hse.ru

Information about the authors

Ekaterina M. Tsyganova, Research Intern, Modern Childhood Research Centre, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>, e-mail: etsyganova@hse.ru

Alexandra A. Bochaver, PhD in Psychology, Director, Modern Childhood Research Centre, Associate Professor, Department of Educational Programmes, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: abochaver@hse.ru

Получена 20.08.2024

Received 20.08.2024

Принята в печать 24.02.2025

Accepted 24.02.2025

Проблема танцевального творчества детей 3—7 лет в современных зарубежных исследованиях

Горшкова Е.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8516-6573>, e-mail: e-gorshkova@yandex.ru

В статье рассматриваются современные зарубежные исследования проблемы танцевального творчества детей 3—7 лет, выполненные авторами из разных стран (Австралия, Великобритания, Израиль, Китай, Мексика, США, Турция, Финляндия, Швейцария и др.); выявляются существующие за рубежом психолого-педагогические подходы к решению данной проблемы; сравнивается содержание этих исследований с некоторыми российскими подходами по данной проблеме. На этой основе проверяется гипотеза о различиях в решении данной проблемы в России и за рубежом. Предварительно рассматриваются определения ряда понятий: двигательный образ, танцевальный образ, язык движений (в танце) и др., — которые отражают то, как исследователи понимают суть творчества в танце, что влияет на поиск путей и условий его развития у современных детей 3—7 лет. На основе сравнения обнаружено, что зарубежные исследователи больше рассматривают проблему интеграции детского творческого танца в систему образования на постоянной основе, с тем чтобы способствовать их самовыражению в движении под музыку, видя в нем средство их личностного развития, повышения их мотивации в учебе. В отечественных исследованиях (по дошкольникам) акцент делается на выявлении особенностей самой деятельности — творчества детей в танце.

Ключевые слова: детское танцевальное творчество, творчество дошкольников в танце, двигательный образ, танцевальный образ, язык танца, язык движений.

Для цитаты: Горшкова Е.В. Проблема танцевального творчества детей 3—7 лет в современных зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2025. Том 14. № 1. С. 140—152. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140114>

The Problem of Preschoolers' Dance Creativity in Modern Foreign Studies

Elena V. Gorshkova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8516-6573>, e-mail: e-gorshkova@yandex.ru

The article examines modern foreign studies of the problem of dance creativity of children 3—7 years, carried out by authors from different countries (Australia, Great Britain, Israel, China, Mexico, USA, Turkey, Finland, Switzerland, etc.); identifies existing psychological and pedagogical approaches to solving this problem abroad; compares the content of these studies with some Russian approaches to this problem. On this basis, the hypothesis of the difference in solving this problem in Russia and abroad is tested. The definitions of a number of concepts are preliminarily considered: motor image, dance image, language of movements (in dance), etc., which reflect how researchers understand the essence of creativity in dance, which affects the search for ways and conditions of its development in modern 3—7 year olds. Based on the comparison, it was found that foreign studies are more concerned with the problem of integrating children's creative dance into the education system on an ongoing basis in order to promote their self-expression in movement to music, seeing it as a means of their personal development, increasing their motivation in learning. In domestic studies (for preschoolers), the emphasis is on identifying the features of the activity itself the creativity of children in dance.

Keywords: children's dance creativity, creativity of preschoolers in dance, motor imagery, dance image, dance language, language of movements.

For citation: Gorshkova E.V. The Problem of Preschoolers' Dance Creativity in Modern Foreign Studies [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2025. Vol. 14, no. 1, pp. 140—152. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140114> (In Russ.).

Проблема танцевального творчества дошкольников связана с решением теоретических вопросов [3] и с анализом научно-исследовательских (и практических) методик диагностики и развития этого вида детской деятельности. Интерес представляют зарубежные исследования этой проблемы. Основное внимание в их изучении уделяется публикациям о значении и особенностях танцевального творчества детей 3–7 лет. В зарубежных системах образования обучение в школе может начинаться с 5 лет. Поэтому в обзор зарубежных публикаций вошли также работы о младших школьниках до 7 лет.

Выбор возраста детей (3–7 лет) связан с исследованиями автора статьи, включающими анализ подходов к развитию детского танцевального творчества в отечественном дошкольном образовании [3]. Их сравнение с зарубежным опытом выявило целый веер дополнительных направлений исследования, в том числе такое, как сравнение систем «танцевального образования»¹ маленьких детей, требующее отдельной публикации, в данной статье оно раскрывается очень кратко.

Кроме этого, внимание вынужденно обращалось на публикации, посвященные исследованию танца, обучению танцу детей более старшего возраста, — из-за дефицита таковых по 3–7-летним детям. В этом случае изучались не возрастные особенности, а основные принципы обучения, которые могли «спускаться» на более младший возраст, что чаще всего и случается за неимением теоретико-методических разработок для работы с детьми 3–7 лет.

Существенное внимание также уделено поиску в зарубежных публикациях определений тех понятий, которые использовались в нашем исследовании как ключевые и встречаются в отечественных публикациях. Столь пристальный интерес к содержанию понятий позволяет осветить один из аспектов теоретической разработанности интересующей нас проблемы в зарубежных исследованиях.

Цель статьи — рассмотреть современные подходы к развитию танцевального творчества детей 3–7 лет по материалам зарубежных публикаций и сравнить их с рядом подходов к решению данной проблемы в некоторых российских исследованиях.

Методы

Схема и методы исследования — теоретический анализ современных зарубежных публикаций о танцевальном творчестве детей 3–7 лет, сравнение их с некоторыми отечественными исследованиями по той же проблематике.

Гипотеза. В современных зарубежных исследованиях есть различия в понимании детского танцевального творчества и путей его развития у детей 3–7 лет, в

сравнении с отечественными подходами к решению данной проблемы.

Характеристика выборки и способов ее формирования. Выполнена подборка 31 публикаций зарубежных авторов из разных стран (Австралия, Великобритания, Израиль, Китай, Мексика, США, Турция, Дания, Финляндия, Швейцария и др.). Принцип отбора текстов — ориентир на проблему исследования и определения ряда понятий в ее контексте. Дополнительно выбрано 5 отечественных публикаций для сравнения по тем же вопросам.

Содержание основных понятий

Двигательный образ

Это психологическое понятие используется в зарубежных исследованиях по медицине, нейрореабилитации [11; 30], спортивной [35] и возрастной психологии [11; 17; 18], обучению танцам [10], а также применительно к детям как с особыми возможностями здоровья [17; 25], так и типично развивающимся [30]. Исследователи подчеркивают необходимость тренировки моторных образов («motor imagery training») у детей и подростков, указывая на недостаточную изученность вопроса [17; 24; 25].

Двигательный образ понимается как воображение двигательной задачи, мысленное осуществление действия без его реального выполнения [11; 14; 17; 24]. Двигательный образ позволяет индивиду генерировать прогрессивные модели (программы) действий, обеспечивающие целенаправленное движение [5; 11; 14], может иметь эффект реально выполняемого движения, активируя двигательную (нейронную) сеть [11; 14], при временной обездвиженности способствует восстановлению двигательных функций.

В таком же значении понятие «двигательный образ» применяется в исследовании метода обучения танцам девушек и повышения качества исполнения танца, при этом «качественные» характеристики понимаются как телесные возможности танцора: «максимальные углы наклона голеностопного сустава», амплитуда движений и др. (А. Абрахам, А. Дунски, Р. Дикштейн (A. Abraham, A. Dunsky, R. Dickstein) — Израиль) [10].

Аналогичное понимание «двигательного образа» присутствует и в отечественной психологии с использованием термина «мысленный образ (произвольного) движения» [6].

В проанализированных зарубежных исследованиях не раскрывается, как формируется двигательный образ-представление субъекта.

В отечественных исследованиях это положение сформулировано А.В. Запорожцем с опорой на исследование П. Анохина и Н.А. Бернштейна [1]; он указывал на «...необходимость психического управления

¹ Понятие «танцевальное образование» встречается в зарубежных публикациях, но в отечественных его нет.

движениями... при посредстве образов», которые позволяют «...правильно оценить осведомительную информацию и перешифровать ее... в систему эфферентных импульсов» — согласно имеющемуся в организме определенному «...образцу, известной программе того, что и как должно быть сделано» [5, с. 228–229]. В ходе ориентировочной деятельности складывается образ, который затем контролирует функционирование системы исполнительных двигательных реакций; движение, выполненное «...на основе образа, представления... приобретает произвольный характер» [там же, с. 230].

В зарубежных публикациях приводятся разные результаты относительно влияния двигательного опыта на двигательные образы. Так, А. Абрахам (A. Abraham) и др. [10] не выявили существенного влияния танцевального опыта на двигательный/моторный образ при сравнении данных у начинающих и опытных танцоров. В то же время К.Т. Фукс, К. Беккер, Э. Остин, П. Тэмплейн (С.Т. Fuchs, K. Becker, E. Austin, P. Tamplain — США) [11] — при сравнении данных у детей 7–12 лет и у молодых людей 18–25 лет — обнаружили, что с возрастом, т. е. по мере обогащения двигательного опыта, точность моторных образов увеличивается и продолжает развиваться. Различия в результатах исследований можно объяснить разными выборками опрашиваемых: в первом случае новички и опытные танцоры не сильно различались по возрасту; во втором случае младшие школьники и молодые люди были из разных поколений).

В отличие от психологов, танцоры, хореографы, преподаватели танца (для подростков и профессиональных танцоров), используют понятие «movement imagery» (образы / образность движений), но не дают их внятного определения. Однако, судя по контексту, подразумевается опыт танцора (культурные границы, чувство стиля, мастерство и др.), выступающий базой для творческого танца, понимаемого как импровизация движений под музыку (П. Салосаари (P. Salosaari)) [31].

Стоит отметить, что двигательный образ в зарубежных публикациях понимается как некая «абстрактная» структура, лишённая смысла. При таком подходе тренировку двигательных образов у детей возможно начинать с 5 лет [30]; их способность к моторному воображению отмечается в 6–7 лет, эта способность улучшается с возрастом, позволяя детям уже в 10 лет справляться с использованием двигательных образов-представлений так же, как и взрослые (Д.О. Соуто, Т.К.Ф. Круз и др., (D.O. Souto, T.K.F. Cruz, P.L.V. Fontes, R.C. Batista, V.G. Naase) — Бразилия) [24]. Г.Т. Салим (G.T. Saleem — США) при характеристике дошкольников опирается на описания Ж. Пиаже, который отмечал, что дети от 2 до 7 лет начинают заниматься имита-

цией, воображением и воображаемыми играми; также Г.Т. Салим приводит данные других исследователей (К. Саеуенбергс): «способность связывать изображение с двигательным выходом улучшается примерно в возрасте 7–8 лет» [30, с. 2].

В связи с этим вспоминаются исследования А.В. Запорожца [5]. Так, при восстановлении движений у взрослых с повреждением некоторых мозговых структур при ранениях выявлена неспособность выполнить «абстрактное» движение (при инструкции: поднять руку вверх); но, если действие обретало смысл (при инструкции: достать что-то сверху), испытуемые справлялись с заданием. В исследованиях с дошкольниками показано, что, исполняя игровую роль, ребенок может достаточно точно выполнить движение, передающее действия персонажа, или имитировать действие с воображаемым предметом, воспроизводя рисунок движений руки с «ножницами», «ложкой», «расческой» и т. п. (Я.З. Неверович о развитии произвольных движений у детей 3–7 лет [5]), т. е. выявляя смысл этого действия.

Заметим, что в зарубежных публикациях по игре дошкольников понятие *двигательный образ* не используется для характеристики особенностей персонажа с помощью движений, но традиционно применяются понятия «роль», «ролевые действия» [2; 9; 19].

В исследовании Е. Кызылдеде, А. Актан-Эрджиес, Д. Тахироглу и др. (E. Kizildere, A. Aktan-Erciyes, D. Tahiroğlu, T. Göksun), проведенном с турецкими дошкольниками (3,5 и 4,5 лет), выявлялась связь между ролевой игрой («pretend play») и развитием речи [9]. Авторы используют словосочетание «воображаемые персонажи» («imagined characters») — применительно к персонифицированной игрушке или воображаемому «другу», с которым ребенок разговаривает по игрушечному телефону. При этом авторы не используют понятия «образы», «двигательные образы» (персонажей), видимо потому, что перед детьми не ставилась задача воплотить изображаемых героев собственными движениями. Лишь в одной серии — в «воображаемой пантомиме» («imaginary pantomime»), т. е. имитации предметных действий в отсутствии реальных предметов — встречается словосочетание «символические характеристики через подмену объектов» [9, с. 3] и «воображаемые игровые действия» («pretend play activities») [9, с. 4], с пояснением на примерах: в действиях с «расческой», «ложкой», «ножницами» и др.²

Применительно к детскому танцевальному творчеству термин «двигательный образ» в зарубежных публикациях не встречается.

В отечественных исследованиях танцевального и образно-пластического творчества детей 3–7 лет [3; 4] используется понятие *двигательный образ*, который

² Аналогично исследованию Я.З. Неверович, описанному А.В. Запорожцем [5] и впервые опубликованному в 1960 г. (рукопись научного отчета создана в 1952 г.). При этом турецкие авторы ссылаются на исследование Уиллиса Ф. Овертона и Джозефа П. Джексона (Overton, Jackson; 1973), получивших такие же результаты, что и Я.З. Неверович, но без упоминания этого.

рассматривается в трех значениях: 1) как внешний для ребенка образец движений (заданный взрослым или сверстником); 2) как продукт творческой деятельности ребенка (воплощенный в движениях образ персонажа, воспринимаемый зрителем); 3) как представление ребенка о способах воплощения характера и действий персонажа, которое выступает «внутренней программой» управления движениями (согласно теориям Н.А. Бернштейна [1] и А.В. Запорожца [5]).

Это последнее (3) отчасти совпадает с содержанием понятия «двигательный образ», который используется зарубежными авторами, однако *представление о движении*, по мнению отечественных ученых, включает не только его структуру, но и пластические («позово-тонические компоненты» [5]), отражающие личностный смысл моторного действия.

Итак, анализ понятия «двигательный образ» показал, что зарубежные психологи рассматривают его (и экспериментально исследуют) как мыслимое представление движения без его реального выполнения; ратуя за изучение «тренировки моторных образов», в том числе у детей 5–8 лет. Но они не упоминают о том, как формируется образ-представление.

В отечественной психологии содержание понятия «двигательный образ» в теоретическом аспекте — более полное, но его экспериментальное исследование пока недостаточное.

Применительно к детскому танцевальному творчеству понятие «двигательный образ» зарубежными авторами не используется; в отечественных исследованиях оно рассматривается не только как внутреннее представление о выполнении движений, но и как продукт детского творчества в танце, а также как зримый образец для подражания/освоения.

Танцевальный образ. Язык движений (в танце).

Язык танца

По определению К. Павлик (K. Pavlik — Великобритания), С. Нордин-Бейтс (S. Nordin-Bates — Швеция), *танцевальный образ* — «это сознательно созданная мысленная репрезентация опыта, реального или воображаемого, который может повлиять на танцора и его движения» [28, с. 51], что близко к определению двигательного образа, рассмотренному выше [31].

Однако авторы допускают ошибку, перенося понимание «двигательного образа» (принятого в медицине, спортивной психологии) на «танцевальный образ» (в искусстве, художественной деятельности), так как эти феномены различны по составу уровней управления движениями (Н.А. Бернштейн [1]³). В любом спортив-

ном движении и его образе (как программе управления) *ведущим* является уровень действий (D) или уровень пространственного поля (C); а в танцевальном движении и его образе (если речь — о явлении искусства или художественной деятельности, а не спортивном танце) *ведущий* — уровень смысловой координации (E), который влияет на индивидуальную манеру исполнения движений, с поддержкой нижележащих *фоновых* уровней (D, C, B, A) [1]. Уровень смысловой координации управляет не только движениями, участвующими в устной и письменной речи, но и в музыкальном, театральном и хореографическом исполнении [1, с. 194]. Поэтому танцевальный образ (как внутреннее представление) в отличие от двигательного образа (в спорте) содержит дополнительные смысловые характеристики, влияющие на качество выполнения движений. Учет этого отличия принципиально необходим для решения проблем детского танцевального творчества и также для теории танцевального образа (в искусстве).

Танцевальными образами (в балете) называются образы героев (персонажей) сюжетного хореографического спектакля. Еще Ж.Ж. Новерр — реформатор, теоретик искусства танца, «отец современного балета» — в своих «Письмах...» [7] заложил принципы хореографии: танец должен быть действенным («пантомимический танец»), осмысленным и эмоционально выразительным — на основе логической сюжетной линии и драматически выразительной музыки, что позволяет донести «... до зрителей не только смысл, но и чувства героев, их характеры» [7, с. 12]. Так понимается «танцевальный образ» в балетоведении.

В современных зарубежных психолого-педагогических исследованиях творческого танца детей 3–7 лет понятие «танцевальный образ» не встречается.

В отечественных статьях о творчестве дошкольников в танце это понятие используется, и методологически обосновывается правомерность применения базовых закономерностей танцевального искусства к характеристике детского сюжетного, творческого, танца [3].

Содержание понятий «*язык движений (в танце)*», «*язык танца*» в зарубежных публикациях по танцу рассматривается двояко: и как индивидуальный стиль исполнения, который хореографы называют «собственным языком движений» танцора [31, с. 23], и как средство хореографического искусства — особый язык телесных, танцевальных движений [26]. В силу этого хореографы сочиняют «...хореографический текст, который зритель сможет “прочитать”» [26, с. 158].

В обоих случаях авторы увязывают «лексические» особенности языка с техничным исполнением движе-

³ Согласно концепции Н.А. Бернштейна (1896–1966) об уровнях построения движений, каждое движение управляется несколькими уровнями. Они описаны автором — от эволюционно более ранних, встречающихся у животных, до высших, сугубо человеческих, — и обозначены латинскими буквами (для краткости упоминания в тексте): А — уровень тонуса и осанки, В — уровень синергий и внутримышечных увязок, С — уровень «пространственного поля», с участием зрительного контроля (подуровень С1 управляет локомоциями, С2 — точностью целевых движений), D — уровень действий, E — уровень смысловой координации. В группе уровней, которыми управляется движение, верхний является *ведущим*, а нижележащие — *фоновыми*. [1]

ний; именно высокий уровень технического мастерства рассматривается как главный критерий выразительности танца [26, с. 158]. При таком понимании смешиваются собственно «хореографический текст» как содержательная основа танца, создаваемая хореографом-постановщиком, и выразительное «прочтение» этого текста исполнителем при его передаче зрителю. В связи с этим встает вопрос об артистизме, исполнительской выразительности танцора, в которой техника выполнения движений не может быть единственной характеристикой, — однако этот вопрос не рассматривается [26]. Авторы (Ш. Мухамбеджанов, Б. Нуссипжанова — Республика Казахстан) отмечают, что теория танцевального искусства недостаточно разработана, а изучение «...художественной образности искусства танца невозможно без обращения к достижениям балетоведения, истории балетного театра, к практике и теоретическим положениям мастеров хореографии» [26, с. 155]. Можно заключить, что понятие «язык танца» еще не обрело определения в балетоведении и осталось вне поля внимания в психологии.

Хсу Шу-Тин (Hsu Shu-Ting — Китай) говорит о «языке тела», с помощью которого дети могут общаться с окружающей средой. Она считает язык тела, как и танец, лучшим способом выражения чувств, а для детей — способом «соотнести себя со своей природой и творчеством» [20].

Зарубежные педагоги вынуждены искать интересные детям образные содержания, сюжеты для танцев, чтобы вовлечь их в деятельность, опираясь на характерные для них типы мышления (наглядно-действенный у 3–4-летних, образный у 5–7-летних). Однако при этом не рассматриваются вопросы развития у детей 3–7 лет выразительности в танце.

В отечественных публикациях о детском танце понятия «язык движений», «язык танца» стали использоваться в конце XX века [3]. *Язык движений* (в творчестве дошкольников) понимается как средство воплощения образного содержания сюжетного танца, построенного на взаимодействии разнохарактерных персонажей. А развитие выразительности танца базируется на осознанном использовании детьми языка движений для передачи характеров, эмоций, взаимоотношений персонажей, с установкой на образное движение «всем телом».

Итак, понятие «танцевальный образ» в современных зарубежных исследованиях теоретически не разработан для детского творчества (равно как и для танцевального искусства профессиональных танцоров и обучающихся по канонам хореографии подростков).

Одна из причин — в том, что до сих пор вопросы танцевального искусства остаются вне поля внимания психологии, а люди искусства (танцоры, учителя хореографии) в попытках описать феномены танца забывают об образности танца, понимая танцевальную выразительность как технически чистое исполнение танцевальных движений, видя смысл творческого танца в самовыражении танцора.

В зарубежных публикациях об искусстве танца понятия «язык движений», «язык танца» также не раскрываются.

Сравнение исследований о детском танце за рубежом и у нас в стране выявило, что понятия *танцевальный образ, язык движений (танца)* рассматриваются более полно и теоретически обосновано в российских публикациях.

Творческий танец. Танцевальная импровизация.

Творческое движение

И.Т. Альпер, И. Улуташ (I.T. Alper, İ. Ulutaş — Турция) отмечают, что лишь в последние четверть века «...появились теории, относящиеся к творческому движению, которое фокусируется на телесном выражении, изображении, демонстрации с помощью движений» [12]. По их мнению, творческое движение основано на широко распространенных моделях поведения, поэтому для творчества важно осваивать эти модели. Творческое движение «...улучшает изображение... человека, объекта, события или явления» (т. е. образное отражение реальной жизни), но это отмечается только применительно к детям в случаях их ненаправленного свободного поведения, при поддержке их врожденной природы самовыражения с помощью своего тела, чтобы на ее основе строить свою сознательную деятельность [12].

В зарубежных исследованиях творческого танца часто упоминается Р. Лабан (R. Laban), установивший элементы структурного анализа движения: сила, пространство, время, течение (энергия) и отношения с другими людьми [8; 16; 33]. Их изучение способствует как осознанию внутренних процессов (телесных, координационных, психических), так и внешнему выражению с помощью движений своих чувств и мыслей [12].

П. Салосаари (P. Salosaari — Финляндия), работающая с профессиональными танцорами и ведущая мастер-классы со взрослыми, говорит о танцевальной импровизации, где движение может исполняться многими качественно различными способами, с передачей (изменением) в нем различных качественных характеристик: балансировки и потери равновесия, проекции, прикосновения, переноса центра тяжести тела [31]. Импровизация осуществляется в ходе «открытых» («творческих») заданий, предполагающих поиск новых способов исполнения одного и того же движения, благодаря выражению танцором «чего-то личного» [31, с. 23]. Однако почти ничего не говорится о музыке для таких импровизаций.

Е. Павлидоу (E. Pavlidou — Греция) считает творческий танец видом искусства, основанного на естественном движении и не связанного с определенным танцевальным стилем, в силу чего творческий танец наиболее подходит для дошкольников [16, с. 3].

Детское танцевальное творчество / творческий танец детей

Зарубежные авторы, рассматривая детское танцевальное творчество, указывают на его особенности:

осознанность, что движение может выражать мысли, идеи и чувства, отсутствие подражания, индивидуальные реакции [22, с. 3–4]. Подчеркивается значение занятий творческим танцем с детьми как в детских садах, дошкольных учреждениях, так и в школе: «... творческий танец улучшает детское сотрудничество, коммуникацию, способность быть частью группы, навыки лидерства и следования», благодаря обмену идеями, физическим пространством, приятию индивидуальных различий [8; 22].

Зарубежные авторы, за редким исключением, почти ничего не говорят о музыке для развития детского танцевального творчества. Или вскользь упоминают об использовании детских песен [15], народных мелодий. Так, Хсу Шу-Тин (Hsu Shu-Ting) подчеркивает важность для танцев ритмической музыки, песен, чтобы развивать у детей язык своего тела и умения двигаться [20].

В отечественных публикациях упоминается о трех подходах, имеющих различия в том, какая музыка используется [3; 4]: в традиционном для дошкольного образования подходе чаще используется написанная для детей танцевальная музыка (польки, вальсы плясовые в 2- или 3-частной форме) или народные песни для музыкальных игр. В методе «Музыкальное движение» акцент делается на фрагментах классических (инструментальных) произведений, доступных восприятию дошкольников. В «авторском» подходе предлагается использовать произведения с элементами музыкальной драматургии для сюжетных танцев [3].

Анализ понятий позволил увидеть, что существует проблема теории танцевального творчества и образности танца, которая вольно или невольно отражается и в зарубежных, и в российских публикациях об исследованиях, касающихся детей 3–7 лет, а также подростков и взрослых танцоров. Невзирая на различия в возрасте «испытуемых», проблема (в любой возрастной группе) имеет общую причину — весьма недостаточную разработку теоретических понятий и положений — на пересечении психологии и искусствоведения.

Такая ситуация более характерна для зарубежных публикаций. При этом исследования творческого танца и эпизодические стихийные пробы практиков (учителей танца) с детьми 3–7 лет позволяют наметить выход для решения этой проблемы в направлении образности танца и его выразительности в полноте воплощения образа средствами движений и пластики. Тем не менее теоретическое обоснование данного направления еще ждет своего часа.

Детский (творческий) танец в системе образования

В зарубежных публикациях подчеркивается рост исследовательского интереса к творчеству детей и запроса на его интеграцию в образование; «креативность» рассматривается как ожидаемый результат школьного обучения и один из основных навыков 21 века [27; 32].

Зарубежные исследователи говорят о значении в образовательном процессе творческого танца, отмечая его влияние на личностное развитие детей, невербальное и эмоциональное общение, сотрудничество с другими детьми, выражение чувств через язык тела, и т. п. [20; 23].

В детских садах и школах большинства западноевропейских стран, а также Турции, Китая, США занятия танцем включены в раздел физического развития [16; 23; 29; 33]; в Дании есть факультатив «Танец» для старшеклассников [33]. Исключением является маленькая страна в Новой Зеландии (Аотеароа), где танцевальное обучение — отдельная дисциплина на всех уровнях школьного обучения [33]. В школах Норвегии, США, Германии, Швеции широко распространены программы по искусству, которые охватывают также и младших школьников до 7 лет, чтобы познакомить учащихся с формами культурного самовыражения [21].

Однако в последние годы отмечена негативная тенденция к сокращению в учебных программах часов на предметы искусства [13; 21]. Так, физкультуре должно уделяться не менее 2 часов в неделю, включая, кроме танцев, легкую атлетику, игры, плавание, гимнастику и др. [29]. Учителя физкультуры начальной школы — в ходе профессиональной подготовки — получают базовые представления о танцевальном искусстве, но многие из них не чувствуют себя компетентными для преподавания танца в рамках физкультуры [33].

Х. Пейн и Б. Костас (Н. Payne, В. Costas — Великобритания) [29] проанализировали литературу, изучающую значение творческого танца детей 3–11 лет в государственном образовании, и предлагают рассматривать «творческий танец как практическое обучение» в статусе учебной дисциплины. По мнению авторов, творческий танец в школе может быть не просто физическим упражнением, но — как альтернатива «сидячему обучению» — обеспечивать целостность процесса обучения, «соединяя тело с разумом». Напрашивается вывод о том, что изменение отношения к танцу как учебной дисциплине требует переработки учебных программ. Е. Васс (Е. Vass — Австралия) тоже выступает за переосмысление содержания образования, которое не должно «...отрицать роль движущегося, взаимодействующего, воспринимающего и реагирующего тела» [34, с. 57].

В противовес призывам о переработке учебных программ для расширения танцевального образования в школах озвучивается «...идея свободного и независимого искусства, которое... не должно быть продиктовано, разработано или адаптировано к учебной программе школы» [21]. Авторы статьи (J. Karlsen, К.Н. Karlsen) считают учителя препятствием для свободной художественной практики детей и в то же время утверждают, что деятельности самого учителя препятствует управляемая правилами среда, регламентирующая свободную художественную практику. Выход из этой ситуации, по мнению авторов, — «в совместной работе

художников и преподавателей», с участием в программе профессиональных танцоров в качестве преподавателей танца (в современных стилях, народном и творческом танце) [21]. Танцоры показывают шоу для школьников-зрителей (включая детей 6–7 лет), предоставляя им возможность познакомиться с танцевальным искусством. Тематика танцевальных шоу близка проблемам жизни детей (дружба, смысл жизни, скандинавская мифология и др.), тем самым подтверждая, что в танце воплощаются образы из окружающей реальности.

В дошкольном образовании Греции — в рамках межтематической учебной программы для детских садов — танец встречается на физкультурных занятиях, реже — на занятиях музыкой и драматическим искусством [16]. Е. Павлиду, А. Софианиду и др. (E. Pavlidou, A. Sofianidou, A. Lokosi, E. Kosmidou) сожалеют, что в «Руководстве для воспитателя дошкольных учреждений» (2003) танцу и выразительным движениям посвящен очень небольшой и малоинформативный подраздел. Они предлагают свою программу для детских садов («Новая школа — школа 21 века», 2011 г.), где не только восстанавливает свое значение физкультура как образовательная область, но и создается отдельное направление искусств, включая танец. По мнению авторов, эта программа, с учетом упомянутого «Руководства», заполнит пробелы в текущей программе дошкольного образования в отношении танца [16, с. 4]. Более того, авторы критикуют программы развития у детей социальной, эмоциональной компетентности, которые «сосредоточены на вербальной и когнитивной рефлексии», но не говорят о роли танцевальной и двигательной деятельности в воспитании социальной компетентности маленьких детей [16, с. 5].

В современном дошкольном образовании России существует давняя традиция музыкального воспитания, одним из разделов которого является развитие у детей музыкально-ритмических движений, в том числе танцевальных, и разучивание простейших плясок. В последние 15–20 лет ситуация стала немного меняться под влиянием исследований детского танца, делающих упор на образный характер танцевального творчества дошкольников [3]. Однако о значении детского танцевального творчества (дошкольников, школьников) как обязательного и значимого в российском образовании вообще не упоминается.

К сожалению, формат данной статьи не позволяет подробно рассмотреть этот вопрос, и требуется отдельная публикация с привлечением большего числа источников об отечественном образовании. Поэтому здесь ограничимся очень кратким обобщением.

Педагоги, музыкальные руководители дошкольного образования не получают танцевальной подготовки, но осваивают методику развития музыкально-ритмических движений по методическим пособиям и учебникам, в которых чаще всего предоставлена ограниченная информация о развитии танцевального творчества детей 3–7 лет. Хореографы (с профессиональным образова-

нием) встречаются только в сегменте дополнительного образования на базе детских садов или коммерческих танцевальных студий, большая часть которых ориентируется не на возрастные особенности и возможности детей, а на запрос родителей, готовых оплачивать занятия. Положения (в нормативных документах) о развитии танцевального творчества дошкольников носят фрагментарный и декларативный характер.

Экспериментальные исследования творческого танца детей

Современные зарубежные публикации об исследованиях творческого танца детей можно поделить на два типа. Первые сосредоточены на данных индивидуальной диагностики с их статистической обработкой для выявления эффективности экспериментальных программ, нацеленных на развитие определенных качеств (творческое движение, творческое мышление и т. п.) [12; 16; 27; 32], но почти без пояснений, какие упражнения, творческие задания в рамках этих программ предлагались детям. В диагностике чаще применяются тесты Торранса («Творческое мышление в действии и движении») для оценки беглости моторики, оригинальности и воображения; вариант теста Бруининкса — Озерецкого на моторную компетентность (Bruininks-Oseretsky Test of Motor Proficiency) — до и после психолого-педагогического воздействия. Исследования второго типа носят эмпирический характер и описывают методики, программы, успешность которых выявляется в практических пробах и текущих наблюдениях — на групповых занятиях с детьми [15; 36].

И.Т. Альпер, И. Улуташ (I.T. Alper, İ. Ulutaş) на основе обзора публикаций делают вывод о малом числе исследований о влиянии программ творческого движения на развитие навыков творческого мышления и креативности в движении и подчеркивают неизученность этой темы применительно к дошкольникам [12]. Они попытались выявить такое влияние на основе экспериментального исследования (2019–2020), используя свою программу с детьми 5–6 лет. По словам авторов, программа улучшила творческое мышление, креативность в движении детей — они могли воспринимать различные точки зрения на явления, предлагать уникальные решения проблемных ситуаций, создавать оригинальные продукты, выражать свои чувства и мысли с помощью творческого телесного движения [12].

К. Томайду, Э. Константиниду, Ф. Венециану (C. Thomaidou, E. Konstantinidou, F. Venetsanou — Греция) [32] на основе обзора 19 публикаций об исследованиях творческого танца детей выявили, что почти все исследования проводились в условиях начальной школы; отмечалось позитивное влияние творческого танца на интеллектуальное и психологическое развитие детей; в пяти исследованиях изучались аспекты физического развития — из них два реализованы в формате эксперимента с опорой на статистические

данные [32]. Авторы критикуют диагностические методы в проанализированных исследованиях, считая, что в них не учитывались возрастные различия при делении детей на экспериментальную, контрольную группы по показателю моторной креативности; а проведенный статистический анализ не учитывал возраст детей. Эти выводы показали редкость исследований по творческому танцу и недостаточность информации по изучаемой проблеме. Поэтому авторы провели собственное экспериментальное исследование для изучения возможных изменений двигательной креативности и двигательной компетентности детей от 4 лет 1 мес. до 6 лет с использованием «программы творческого движения и танца» с учетом потенциального влияния возраста, пола и возможных исходных различий у участников. К сожалению, описание двухмесячного экспериментального воздействия с применением творческих танцевальных и двигательных упражнений ограничивается ссылками на публикации ряда авторов: Е. Павлиду (Е. Pavlidou; 2012), Теодораку (Κ Theodorakou; 2013) и Ф. Венецану (F. Venetsanou; 2014) и др. Крайне обобщенно говорится о подборе упражнений (с постепенным усилением элементов движения: пространства, динамики, отношений и др.), проводившемся согласно теории М. Дэвиса (2003) и на основе работ Р. Лабана (1948). Из текста невозможно понять, в чем суть и новизна педагогического воздействия. Но ясно, что опора на разработки Р. Лабана в танцевальной психотерапии — весьма устойчивая традиция в западном танцевальном образовании и применяется даже в обучении дошкольников.

По словам авторов, их программа «...может существенно повысить творческий потенциал дошкольников», но недостаточно способствует развитию широкого спектра двигательных навыков [32, с. 3268]; у детей разница в несколько месяцев может существенно влиять на их творческие и двигательные возможности, что надо «...учитывать при измерении двигательной креативности и двигательной компетентности детей» [32].

В Греции [16] в 2018 г. проведено исследование, нацеленное на использование «творческой танцевальной программы» для развития коммуникативных взаимодействий у детей и выразительности их движений [16, с. 3]. Работа с детьми шла по разработанной программе два месяца (занятия 2 раза в неделю по 25–30 мин). Кроме этого, велось наблюдение для оценки успешности коммуникативных отношений и выразительности движений. Участвовали дошкольники 5–6 лет «среднестатистического детского сада» (по 24–25 детей в экспериментальной и контрольной группах). Тесты в рамках танцевальной деятельности проводились в подгруппах по 6–8 человек. Увы, в статье нет сведений о процедуре проведения тестовых заданий (инструкции для детей, описания заданий, музыкальном репертуаре), но называются «факторы» и «подфакторы» для наблюдения и оценки независимыми экспертами:

коммуникативные отношения между детьми: а) совместное сотрудничество в парах или малых груп-

пах; б) принятие на себя ответственности за решение задач движения при использовании материалов, пространства в процессе деятельности; в) проявление инициативы в предложении новых идей для сотрудничества; г) предложение решений для общего развлечения по вопросам танца/драмы»;

выразительность движений: а) выразительные движения всеми частями тела, б) экспрессивное использование материалов, в) представление осмысленных идей после слуховых или визуальных стимулов [16, с. 8].

Однако осталось непонятно, по каким признакам оценивались данные подфакторы.

В статье даны таблицы и диаграммы с результатами средних значений по обозначенным подфакторам в группах (ЭГ и КГ) до и после занятий по экспериментальной программе (при оценке каждого теста использовалась трехчастная шкала Р. Лайкерта) [16], с их математической обработкой для выявления стандартных отклонений и уровня значимости различий. Согласно полученным данным, на контроле выявлены статистически значимые различия между ЭГ и КГ по всем подфакторам, кроме «инициативы» — ее результаты повысились у детей обеих групп. Причину авторы видят в том, что в типовой программе детского сада инициатива «...поощряется многими другими видами деятельности» [16, с. 12].

Сама развивающая программа (описанная обобщенно) включает три компонента:

1) свободные импровизации как в «творческом танце» (на основе слуховых, визуальных и кинестетических стимулов), так и в «драматическом танце» (на основе рассказов); при этом указывается, что проводится «мозговой штурм» детьми [16] (но не понятно, что должно стать его результатом, а также — какая используется музыка, какие рассказы и иллюстрации);

2) ответственное поведение и инициатива развиваются при подготовке и трансформации пространства для танца, размещении материалов и т. д.;

3) «танцевальное сотрудничество», обсуждение и принятие решений индивидуально, в парах и в группах для достижения общей цели [16, с. 7] (не указывается, касаются ли решения содержательных моментов танцевальных импровизаций или только подготовки пространства и использования материалов).

Особо подчеркивается «чуткое руководство учителя танцев», организующего обсуждение, обязательно помогающего детям в создании танцевальных композиций, способствуя их самовыражению [16, с. 13]. Авторы согласны с И. Белича и Н. Имберти (I. Belicha & N. Imberty; 1998) в том, что учителю не обязательно быть танцором, так как его воздействие на детей преимущественно педагогическое, «основанное на энтузиазме и разумном использовании пространства и материалов» [16].

Столь обобщенная характеристика содержания программы не позволяет создать о ней конкретное представление. Однако авторы утверждают, что данная танцевальная программа повлияла на творчество

детей, помогая им «...исследовать свои движения и обогащать свой танцевальный опыт в сочетании с кинестетическими (использование материалов), слуховыми (музыка, прослушивание истории) и визуальными (картинки, видео) стимулами» [16, с. 12].

Более развернуто о стратегиях развития детского творчества в обучении танцам в детском саду пишет Сюй Вэнь (Xu Wen — Китай) [36], считая танцевальное образование средством эстетического, творческого развития детей младшего возраста, а также их физического, личностного и интеллектуального развития. Среди «эффективных стратегий развития детского творчества» [36, с. 133] автор отмечает: развитие способности к подражанию (с опорой на образец взрослого, с анализом процесса танцевальных движений, их различий по силе, амплитуде, ритму и др.); обогащение творческого воображения детей; развитие музыкального восприятия детей; сочетание танцевального образования с увлекательными для детей приемами развития творческих способностей [36].

Ким (Кум) [15] подчеркивает значение творческого танца для «малышей и дошкольников» и широкий спектр его влияния: на развитие языковых, математических навыков, благодаря называнию размеров, формы, цвета в связи с движением в пространстве в контексте воображаемых ситуаций (охота за сокровищами). Чтение историй стимулирует детское воображение к созданию осмысленного движения; дети рассказывают истории посредством собственного тела и укрепляют формирующиеся языковые навыки, объясняя свои творческие идеи, участвуя в беседах и др., что готовит их к самостоятельному чтению, а через общение, сотрудничество обогащает словарный запас. На занятиях по тематике «Танцующая охота за сокровищами» организуется поиск объектов, заданных по условиям. Обнаружив реальный объект, детям надо имитировать его движения (качание на палубе корабля, копание в песке в поисках сундука, волочение сундука на корабль) — под «пиратскую» музыку или песню о пиратах [15].

В зарубежных публикациях о развитии творчества дошкольников в танце при упоминании о воплощении образов персонажей не обсуждается выразительность их исполнения. Эти вопросы рассматриваются только применительно к игре. Так, творческое исполнение ролей («глубокая эмоционально-вовлеченная погруженность детей в свои роли») и «проживание сценария» (сюжета) с «поддержанием различных воображаемых ситуаций» обнаруживается и исследуется в игре с социальными ролями и тематической (нарративной) игре (К. Гонзалес-Морено, Ю. Соловьева [2, с. 44]; П. Хаккарайнен и М. Бредиките [19]).

В отечественных публикациях рассматриваются три основных подхода к развитию у дошкольников творчества в танце: традиционный, на основе метода «Музыкальное движение» и «авторский», — в каждом предлагаются свое понимание творчества детей в танце и средства его развития.

В первых двух движение с музыкой направлено на развитие музыкальных способностей, внимание обращается на точность соотношения движений с особенностями музыки. В третьем («авторском») подходе цель — осмысленное освоение языка движений для творческого воплощения образов персонажей в рамках заданного сюжета; здесь используются произведения, основанные на музыкальной драматургии (развитии музыкального образа), и это — важное условие для развития творчества детей в танце. То есть во всех трех подходах внимание к музыкальному репертуару — значительное, но требования к нему различаются.

В первых двух подходах творчество детей в танце понимается как импровизация-самовыражение на основе эмоционального отклика на музыку. Однако развитие танцевальной выразительности в традиционном подходе — спонтанное, без применения особой методики, а в методе «Музыкальное движение» разработана система подготовительных упражнений для тренировки чуткого телесного отклика на музыку; описаны методические приемы.

В «авторском» подходе даны определения двух видов детского творчества в танце: «композиционно-го» и исполнительского, — которые развиваются на основе обучения детей языку движений (танцевальных и пантомимических). Развитие выразительности воплощения образов персонажей в танце базируется на развитии у детей осознанного использования языка движений с передачей действий, эмоций и характерной пластики персонажей «всем телом». Опубликованы методики танцевального и образно-пластического творчества детей 3–7 лет [3; 4], включающие систему заданий — от простейших упражнений (с музыкой) с элементами сюжета и невербального общения до развернутых сюжетных танцев, спектаклей с передачей характеров персонажей, их взаимоотношений, где фрагменты импровизации сочетаются с постановочными мизансценами.

Выводы

Подтверждена гипотеза: современные зарубежные исследования отличаются от отечественных пониманием детского танцевального творчества и путей его развития у детей 3–7 лет, что выявлено благодаря сравнительному анализу ключевых понятий, экспериментальных исследований.

Ключевые понятия формулируются в психологии, психофизиологии, психотерапии, реабилитационной медицине, искусствоведении. Более разработано понятие *двигательный образ* применительно к спорту, развитию моторики у детей; мало разработаны понятия *танцевальный образ*, *язык танца* на стыке психологии и искусствоведения.

Зарубежные авторы подчеркивают благотворное влияние *творческого танца* дошкольников, школьников на развитие у них моторной компетентности, регу-

ляции, познавательной, эмоциональной сферы, личностных качеств; но его доля в образовательных программах невелика. Формируется педагогика танцевального образования в школе и детских садах при включении в образование профессиональных танцоров, учителей танцев.

В российском образовании о значении детского танцевального творчества не упоминают. Танцевальная подготовка педагогов, музыкальных руководителей дошкольного образования практически отсутствует; акцент делается на освоении методики развития музыкально-ритмических движений по методическим пособиям и учебникам. Вопрос о «танцевальном образовании» детей не ставится.

Зарубежные авторы рассматривают детский творческий танец так же, как он понимается и для взрослых (танцоров), а именно как свободное самовыражение и импровизация движений под музыку. Критерием выразительности танца считается технически «чистое» выполнение движений. О воплощении образов персонажей упоминается в эмпирических исследованиях с детьми 3–7 лет, при этом в нем видится не целеполагающий принцип, а «прием», отвечающий возрастным особенностям детей, чтобы заинтересовать их, включить в творческий процесс.

В российских исследованиях встречается аналогичное понимание творческого танца — как свободного самовыражения под музыку (метод «Музыкальное движение»); уделяется внимание классическому музыкальному репертуару. В «авторском» подходе танец понимается как творческое воплощение образов персонажей в сюжетной ситуации посредством языка движений на основе произведений с музыкальной драматургией.

В зарубежных публикациях почти ничего не говорится о музыке для творческого танца.

В российских детских садах, согласно образовательной программе, детей учат двигаться под музыку. Но как именно в этих рамках развивается (или не развивается) танцевальное творчество, остается под вопросом. Теория и методика танцевального творчества детей 3–7 лет больше разработана в «авторском» подходе, но он не получил распространения в широкой практике.

Нерешенные проблемы: недостаточная разработка теории детского творчества в танце (понятийный аппарат, понимание природы танца); развитие «танцевального образования». Сравнительный анализ зарубежных и отечественных публикаций остается актуальным.

Литература

1. Бернштейн Н.А. Биомеханика и физиология движений. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 608 с.
2. Гонзалес-Морено К., Соловьева Ю. Рефлексивное и творческое использование символических средств в игре, имитирующей исполнение социальных ролей // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 2. С. 31–49. DOI:10.17759/jmfr.2022110203
3. Горшкова Е.В. Культурно-исторический подход к танцевальному творчеству дошкольников: Проблемы и решения // Культурно-историческая психология. 2023. Том 19. № 4. С. 67–77. DOI:10.17759/chr.2023190407
4. Горшкова Е.В. Особенности творческого воплощения двигательного-пластического образа детьми 5–7 лет // Современное дошкольное образование. 2020. № 2(98). С. 28–37. DOI:10.24411/1997-9657-2019-10066
5. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2-х т. Т. II. Развитие произвольных движений. М.: Педагогика, 1986. 296 с.
6. Каминский И.В., Леонов С.В. Развитие взглядов на взаимосвязь произвольного движения и его мысленного образа // Российский психологический журнал. 2018. Том 15. № 3. С. 8–24. DOI:10.21702/rpj.2018.3.1
7. Новерр Ж.Ж. Письма о танце: учеб. пособие для СПО. СПб.; М; Краснодар: Планета музыки, 2023. 384 с.
8. Рудестам К. Групповая психотерапия. 2-е межд., изд. СПб.: Питер, 2024. 448 с.
9. A multidimensional investigation of pretend play and language competence: Concurrent and longitudinal relations in preschoolers / E. Kızıldere, A. Aktan-Erciyes, D. Tahiroğlu, T. Göksun // Cognitive Development. 2020. Vol. 54. Article ID 100870. DOI:10.1016/j.cogdev.2020.100870
10. Abraham A., Dunsky A., Dickstein R. The Effect of Motor Imagery practice on Elev performance in adolescent female dance students: a randomized controlled trial // Journal of Imagery Research in Sport and Physical Activity. 2017. Vol. 12. № 1. Article ID 20160006. DOI:10.1515/jirspa-2016-0006
11. Accuracy and vividness in motor imagery ability: Differences between children and young adults / C.T. Fuchs, K. Becker, E. Austin, P. Tamplain // Developmental Neuropsychology. 2020. Vol. 45. № 5. P. 297–308. DOI:10.1080/87565641.2020.1788034
12. Alper I.T., Ulutaş İ. The impact of creative movement program on the creativity of 5–6-year-olds // Thinking Skills and Creativity. 2022. Vol. 46. Article ID 101136. DOI:10.1016/j.tsc.2022.101136
13. Bjørnstad G.B., Karlsen K.H. An artful encounter with dance — empowering future teachers in cross-sectoral collaborations with the Cultural Schoolbag as an example // Dance Articulated. Special Issue: Dance in Cross-Sectoral Educational Collaborations. 2023. Vol. 9. № 1. P. 99–118. DOI:10.5324/DA.V9I1.5068

14. *Carey K., Moran A., Rooney B.* Learning choreography: An investigation of motor imagery, attentional effort, and expertise in modern dance // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article ID 422. 11 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00422
15. Creative dance activities for toddlers and preschoolers [Электронный ресурс] // *Dance Teaching Ideas: Creating Dance Activities*. 2020. URL: <https://danceteachingideas.com/creative-dance-activities-for-toddlers-and-preschoolers> (дата обращения: 20.03.2025).
16. Creative dance as a tool for kindergarten teachers; developing preschoolers' communicative skills and movement expression / E. Pavlidou, A. Sofianidou, A. Lokosi, E. Kosmidou // *European Psychomotricity Journal*. 2018. Vol. 10. P. 3–15.
17. Effect of motor imagery training on motor learning in children and adolescents: a systematic review and meta-analysis / F. Behrendt, V. Zumbrennen, L. Brem, Z. Suica, S. Gäumann, C. Ziller, U. Gerth, C. Schuster-Amft // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18. № 18. Article ID 9467. 26 p. DOI:10.3390/ijerph18189467
18. *Fuchs C.T., Caçola P.* Differences in accuracy and vividness of motor imagery in children with and without developmental coordination disorder // *Human Movement Science*. 2018. Vol. 60. P. 234–241. DOI:10.1016/j.humov.2018.06.015
19. *Hakkarainen P., Bredikyte M.* How play creates the zone of proximal development / Eds. S. Robson, S. Flannery // *The Routledge International Handbook of Young Children's Thinking and Understanding*. New York: Routledge, 2014. P. 31–42. DOI:10.4324/9781315746043
20. *Hsu Shu-Ting.* Learning through the movement of creative dance for children [Электронный ресурс] // [Report at the 19th International Symposium on Regional Economic Development of Asia]. 2022. 8 p. URL: <https://www.researchgate.net/publication/359453865> (дата обращения: 20.03.2025).
21. *Karlsen J., Karlsen K.H.* What good is it anyway? Professional dance artists legitimising their work for the Cultural Schoolbag in Norwegian schools // *Research in Dance Education*. 2022. Vol. 25. № 3. P. 283–302. DOI:10.1080/14647893.2022.2094909
22. *Konstantinidou E.* Creative dance studies in elementary schools: a systematic search and a narrative review // *Research in Dance Education*. 2023. Preprint. 35 p. DOI:10.1080/14647893.2023.2177266
23. *Liu M.* Dance Education in Promoting Children's Sociality and Study on the Role and Mechanism of Emotion Development // *International Journal of Global Perspective in Academic Research*. 2024. Vol. 1. № 2. P. 50–55. DOI:10.70339/sgh1aw60
24. Motor imagery development in children: Changes in speed and accuracy with increasing age / D.O. Souto, T.K.F. Cruz, P.L.B. Fontes, R.C. Batista, V.G. Haase // *Frontiers in Pediatrics*. 2020. Vol. 8. Article ID 100. 10 p. DOI:10.3389/fped.2020.00100
25. Motor imagery during action observation enhances imitation of everyday rhythmical actions in children with and without developmental coordination disorder / M.W. Scott, J.R. Emerson, J. Dixon, M.A. Tayler, D.L. Eaves // *Human Movement Science*. 2020. Vol. 71. Article ID 102620. DOI:10.1016/j.humov.2020.102620
26. *Mukhambetzhanoov Sh., Nussipzhanova B.* The specifics of the artistic imagery of dancing in choreographic art // *Central Asian Journal of Art Studies*. 2023. Vol. 8. № 4. P. 151–162. DOI:10.47940/cajas.v8i4.786
27. *Panagiotaki A., Trouli K., Linardakis M.* Dramatic play as a developmental means of preschool children's motor creativity // *Education and New Developments* / Ed. M. Carmo. Lisbon: inScience Press, 2023. Vol. 1. P. 642–646. DOI:10.36315/2023v1end141
28. *Pavlik K., Nordin-Bates S.* Imagery in dance: A literature review // *Journal of Dance Medicine & Science*. 2016. Vol. 20. № 2. P. 51–63. DOI:10.12678/1089-313X.20.2.51
29. *Payne H., Costas B.* Creative dance as experiential learning in state primary education: The potential benefits for children // *Journal of Experiential Education*. 2020. Vol. 44. № 3. P. 277–292. DOI:10.1177/1053825920968587
30. *Saleem G.T.* Defining and measuring motor imagery in children: Mini review // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Article ID 1227215. 7 p. DOI 10.3389/fpsyg.2023.1227215
31. *Salosaari P.* Perception and movement imagery as tools in performative acts combining live music and dance // *Nordic Journal of Dance*. 2013. Vol. 4(1). P. 16–27. DOI:10.2478/njd-2013-0003
32. *Thomaidou C., Konstantinidou E., Venetsanou F.* Effects of an eight-week creative dance and movement program on motor creativity and motor competence of preschoolers // *Journal of Physical Education and Sport*. 2021. Vol. 21. Suppl. № 6. P. 3268–3277. DOI:10.7752/jpes.2021.s6445
33. Troubling dance education from a Nordic policy perspective: A field with an interdisciplinary and cross-sectoral potential / S.C. Nielsen, T.P. Østern, K.H. Karlsen, E. Anttila, R. Martin // *Dance Articulated, Special Issue: Dance in Cross-Sectoral Educational Collaborations*. 2023. Vol. 9(1). P. 11–30. DOI:10.5324/DA.V9I1.5069
34. *Vass E.* Musical co-creativity and learning — the fluid body language of receptive-responsive dialogue // *Human Arenas*. 2018. Vol. 1. P. 56–78. DOI:10.1007/s42087-018-0009-7
35. *Wieland B., Behringer M., Zentgraf K.* Effects of motor imagery training on skeletal muscle contractile properties in sports science students // *PeerJ*. 2022. Vol. 10. Article ID e14412. 19 p. DOI:10.7717/peerj.14

36. Xu Wen. Effective strategies for cultivating children's creativity in kindergarten dance teaching // 2-nd International Conference on Humanities, Arts, Management and Higher Education: Vancouver, 08.04.2023–10.04.2023 g. 2023. P. 133–136. DOI:10.25236/ichamhe.2023.031

References

- Bernshtein N.A. Biomekhanika i fiziologiya dvizhenii [Biomechanics and physiology of movements]. Moscow: Izd-vo «Institut prakticheskoi psikhologii, Voronezh: MODEK, 1997. 608 p. (In Russ.).
- Gonzalez-Moreno C., Solovieva Y. Refleksivnoe i tvorcheskoe ispol'zovanie simvolicheskikh sredstv v igre, imitiruyushchei ispolnenie sotsial'nykh rolei [Reflective and creative use of symbolic means in play with social roles]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 2. pp. 31–49. DOI:10.17759/jmfp.2022110203 (In Russ.).
- Gorshkova E.V. Kul'turno-istoricheskii podkhod k tantseval'nomu tvorchestvu doshkol'nikov: Problemy i resheniya [Cultural-Historical Approach to Preschoolers' Dance Creativity: Problems and Solutions]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2023. Vol. 19, no. 4, pp. 67–77. DOI:10.17759/chp.2023190407 (In Russ.).
- Gorshkova E.V. Osobennosti tvorcheskogo voploshcheniya dvigatel'no-plasticheskogo obraza det'mi 5–7 let [Development of Figurative and Plastic Creativity in Children of 6–7 Years Old]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie = Preschool Education Today*, 2020, no. 2 (98), pp. 28–37. DOI:10.24411/1997-9657-2019-10066 (In Russ.).
- Zaporozhets A.V. Izbrannye psikhologicheskie trudy: V 2-kh t. T. II. Razvitie proizvol'nykh dvizhenii [Selected psychological works: Development of voluntary movements]. Moscow: Pedagogika, 1986. 296 p. (In Russ.).
- Kaminskii I.V., Leonov S.V. Razvitie vzglyadov na vzaimosvyaz' proizvol'nogo dvizheniya i ego myslennogo obraza [Evolution of Views on the Relationship Between Voluntary Movements and Their Mental Images]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 8–24. DOI:10.21702/rpj.2018.3.1 (In Russ.).
- Noverr Zh.Zh. Pis'ma o tantse: Uchebnoe posobie dlya SPO [Letters about Dance: A Study Guide for SPO]. SPb., Moscow, Krasnodar: Planeta muzyki, 2023. 384 p. (In Russ.).
- Rudestam K. Gruppovaya psikhoterapiya. 2-e mezhd., izd. [Group psychotherapy]. SPb.: Piter, 2024. 448 p. (In Russ.).
- Kızıldere E., Aktan-Erciyes A., Tahiroğlu D., Göksun T. A multidimensional investigation of pretend play and language competence: Concurrent and longitudinal relations in preschoolers. *Cognitive Development*, 2020. Vol. 54, article ID 100870. DOI:10.1016/j.cogdev.2020.100870
- Abraham A., Dunsy A., Dickstein R. The Effect of Motor Imagery practice on Elevé performance in adolescent female dance students: a randomized controlled trial. *Journal of Imagery Research in Sport and Physical Activity*, 2017. Vol. 12, no. 1, article ID 20160006. DOI:10.1515/jirspa-2016-0006
- Fuchs C.T., Becker K., Austin E., Tamplin P. Accuracy and vividness in motor imagery ability: Differences between children and young adults. *Developmental Neuropsychology*, 2020. Vol. 45, no. 5, pp. 297–308. DOI:10.1080/87565641.2020.1788034
- Alper I.T., Ulutaş İ. The impact of creative movement program on the creativity of 5–6-year-olds. *Thinking Skills and Creativity*, 2022. Vol. 46, article ID 101136. DOI:10.1016/j.tsc.2022.101136
- Bjørnstad G.B., Karlsen K.H. An artful encounter with dance — empowering future teachers in cross-sectoral collaborations with the Cultural Schoolbag as an example. *Dance Articulated. Special Issue: Dance in Cross-Sectoral Educational Collaborations*, 2023. Vol. 9, no. 1, pp. 99–118. DOI:10.5324/DA.V9I1.5068
- Carey K., Moran A., Rooney B. Learning choreography: An investigation of motor imagery, attentional effort, and expertise in modern dance. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, article ID 422. 11 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00422
- Creative dance Activities for toddlers and preschoolers [Electronic resource]. *Dance Teaching Ideas: Creating Dance Activities*. 2020. URL: <https://danceteachingideas.com/creative-dance-activities-for-toddlers-and-preschoolers> (Accessed 20.03.2025).
- Pavlidou E., Sofianidou A., Lokosi A., Kosmidou E. Creative dance as a tool for kindergarten teachers; developing preschoolers' communicative skills and movement expression. *European Psychomotricity Journal*, 2018. Vol. 10, pp. 3–15.
- Behrendt F., Zumbrunnen V., Brem L., Suica Z., Gäumann S., Ziller C., Gerth U., Schuster-Amft C. Effect of motor imagery training on motor learning in children and adolescents: a systematic review and meta-analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021. Vol. 18, no. 18, article ID 9467. 26 p. DOI:10.3390/ijerph18189467
- Fuchs C.T., Çaçola P. Differences in accuracy and vividness of motor imagery in children with and without developmental coordination disorder. *Human Movement Science*, 2018. Vol. 60, pp. 234–241. DOI:10.1016/j.humov.2018.06.015
- Hakkarainen P., Bredikyte M. How play creates the zone of proximal development. In Robson S., Flannery S. (eds.), *The Routledge International Handbook of Young Children's Thinking and Understanding*. New York: Routledge, 2014, pp. 31–42. DOI:10.4324/9781315746043
- Hsu Shu-Ting. Learning through the movement of creative dance for children [Electronic resource]. [Report at the 19th International Symposium on Regional Economic Development of Asia]. 2022. 8 p. URL: <https://www.researchgate.net/publication/359453865> (Accessed 20.03.2025).

21. Karlsen J., Karlsen K.H. What good is it anyway? Professional dance artists legitimising their work for the Cultural Schoolbag in Norwegian schools. *Research in Dance Education*, 2022. Vol. 25, no. 3, pp. 283–302. DOI:10.1080/14647893.2022.2094909
22. Konstantinidou E. Creative dance studies in elementary schools: a systematic search and a narrative review. *Research in Dance Education*, 2023. Preprint, 35 p. DOI:10.1080/14647893.2023.2177266
23. Liu M. Dance Education in Promoting Children's Sociality and Study on the Role and Mechanism of Emotion Development. *International Journal of Global Perspective in Academic Research*. 2024. Vol. 1, no. 2, pp. 50–55. DOI:10.70339/sgh1aw60
24. Souto D.O., Cruz T.K.F., Fontes P.L.B., Batista R.C., Haase V.G. Motor imagery development in children: Changes in speed and accuracy with increasing age. *Frontiers in Pediatrics*, 2020. Vol. 8, article ID 100. 10 p. DOI:10.3389/fped.2020.00100
25. Scott M.W., Emerson J.R., Dixon J., Tayler M.A., Eaves D.L. Motor imagery during action observation enhances imitation of everyday rhythmical actions in children with and without developmental coordination disorder. *Human Movement Science*, 2020. Vol. 71, article ID 102620. DOI:10.1016/j.humov.2020.102620
26. Mukhambetzhano Sh., Nussipzhanova B. The specifics of the artistic imagery of dancing in choreographic art. *Central Asian Journal of Art Studies*, 2023. Vol. 8, no. 4, pp. 151–162. DOI:10.47940/cajas.v8i4.786
27. Panagiotaki A., Trouli K., Linardakis M. Dramatic play as a developmental means of preschool children's motor creativity. In Carmo M. (ed.), *Education and New Developments*. Lisbon: inScience Press, 2023, Vol. 1, pp. 642–646. DOI:10.36315/2023v1end141
28. Pavlik K., Nordin-Bates S. Imagery in dance: A literature review. *Journal of Dance Medicine & Science*, 2016. Vol. 20, no. 2, pp. 51–63. DOI:10.12678/1089-313X.20.2.51
29. Payne H., Costas B. Creative dance as experiential learning in state primary education: The potential benefits for children. *Journal of Experiential Education*, 2020. Vol. 44, no. 3, pp. 277–292. DOI:10.1177/1053825920968587
30. Saleem G.T. Defining and measuring motor imagery in children: Mini review. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14, article ID 1227215. 7 p. DOI 10.3389/fpsyg.2023.1227215
31. Salosaari P. Perception and movement imagery as tools in performative acts combining live music and dance. *Nordic Journal of Dance*, 2013. Vol. 4(1), pp. 16–27. DOI:10.2478/njd-2013-0003
32. Thomaidou C., Konstantinidou E., Venetsanou F. Effects of an eight-week creative dance and movement program on motor creativity and motor competence of preschoolers. *Journal of Physical Education and Sport*, 2021. Vol. 21, suppl. no. 6, pp. 3268–3277. DOI:10.7752/jpes.2021.s6445
33. Nielsen S.C., Østern T.P., Karlsen K.H., Anttila E., Martin R. Troubling dance education from a Nordic policy perspective: A field with an interdisciplinary and cross-sectoral potential. *Dance Articulated, Special Issue: Dance in Cross-Sectoral Educational Collaborations*, 2023. Vol. 9(1), pp. 11–30. DOI:10.5324/DA.V9I1.5069
34. Vass E. Musical co-creativity and learning — the fluid body language of receptive-responsive dialogue. *Human Arenas*, 2018. Vol. 1, pp. 56–78. DOI:10.1007/s42087-018-0009-7
35. Wieland B., Behringer M., Zentgraf K. Effects of motor imagery training on skeletal muscle contractile properties in sports science students. *PeerJ*, 2022. Vol. 10, article ID e14412. 19 p. DOI:10.7717/peerj.14
36. Xu Wen. Effective strategies for cultivating children's creativity in kindergarten dance teaching. 2-nd International Conference on Humanities, Arts, Management and Higher Education: Vancouver, 08.04.2023–10.04.2023 g. Vancouver, 2023, pp. 133–136. DOI:10.25236/ichamhe.2023.031

Информация об авторах

Горшкова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8516-6573>, e-mail: e-gorshkova@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Gorshkova, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Chair of Preschool Pedagogy and Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8516-6573>, e-mail: e-gorshkova@yandex.ru

Получена 30.06.2024

Received 30.06.2024

Принята в печать 20.03.2025

Accepted 20.03.2025

Наши авторы

Авдеева Наталия Николаевна — кандидат психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>

nnavdeeva@mail.ru

Бочавер Александра Алексеевна — кандидат психологических наук, директор Центра исследований современного детства, доцент Департамента образовательных программ, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

abochaver@hse.ru

Буланова Ирина Сергеевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>

bis_m@mail.ru

Ванин Александр Владимирович — кандидат психологических наук, магистр информационной безопасности, научный сотрудник магистр информационной безопасности, научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6558-695X>

vaninav@ipran.ru

Гордякова Ольга Владимировна — кандидат психологических наук, профессор кафедры социальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» (НОЧУ ВО МИП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>

o_gordyakova@mail.ru

Горшкова Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8516-6573>

e-gorshkova@yandex.ru

Гринь Андрей Анатольевич — доктор медицинских наук, профессор, заведующий научным отделением неотложной нейрохирургии Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП им. Н. В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3515-8329>

grinaa@sklif.mos.ru

Двойнин Алексей Михайлович — кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>

alexdvoinin@mail.ru

Двойнина Виктория Константиновна — магистр психолого-педагогического образования, ассистент департамента психологии, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (ГАОУ ВО МГПУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>

romantsovavk@mgpu.ru

Евдокимова Ольга Ливерьевна — кандидат медицинских наук, заведующий Центром радиохирургии, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8099-9544>

liveryevna@yandex.ru

Ермолова Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>

yermolova@mail.ru

Захарова Юлия Владимировна — клинический психолог, КПП-практик, преподаватель, исследователь, сооснователь Коллегии по этике психологов и психотерапевтов; частная практика, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>

mail@zakharova.info

Наши авторы

Климакова Мария Вячеславовна — преподаватель кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>

klimakovamv@mgppu.ru

Корчагин Евгений Николаевич — магистр психолого-педагогического образования, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7836-641X>

mosworks@gmail.com

Кочетова Юлия Андреевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обухова факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>

kochetovayua@mgppu.ru

Лебедев Александр Николаевич — доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ФГБун ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>

lebedev-lubimov@yandex.ru

Леонова Анна Валентиновна — аспирант, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8248-3899>

lanasobchak@gmail.com

Литвинов Александр Викторович — кандидат педагогических наук, профессор кафедры зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент кафедры иностранных языков экономического факультета, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (ФГАОУ ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>

alial01@yandex.ru

Лобанова Анна Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии имени профессора В.А. Гуружапова факультета психологии образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-8647>

lobanovaav@mgppu.ru

Махмудова Светлана Мусаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>

mahmudovasm@mgppu.ru

Мешкова Наталья Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультет социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>

meshkovanv@yandex.ru

Пенцак Юлия Юрьевна — медицинский психолог, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация; преподаватель кафедры нейро- и патопсихологии развития, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8989-9216>

pencakuu@mgppu.ru

Тучина Оксана Роальдовна — доктор психологических наук, профессор кафедры физики Кубанский Государственный Технологический университет (ФГБОУ ВО КубГТУ); профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский Государственный университет (ФГБОУ ВО КубГУ), г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>

tuchena@yandex.ru

Холмогорова Алла Борисовна — доктор психологических наук, профессор, декан факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского (ГБУЗ «НИИ СП имени Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-0199>

kholmogorova@yandex.ru

Цыганова Екатерина Михайловна — стажер-исследователь Центра исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>
etsyganova@hse.ru

Шарапова Алена Викторовна — преподаватель факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8222-511X>
alenaav@mgppu.ru

Шейнов Виктор Павлович — доктор социологических наук, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства, Республиканский институт высшей школы, г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>
sheinov1@mail.ru

Our authors

Natalia N. Avdeeva — PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology named after prof. L.F. Obukhova, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8430-8181>

avdeevann@mgppu.ru

Alexandra A. Bochaver — PhD in Psychology, Director, Modern Childhood Research Centre, Associate Professor, Department of Educational Programmes, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>

abochaver@hse.ru

Irina S. Bulanova — PhD in Psychology, Researcher, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2387-9498>

bis_m@mail.ru

Aleksander V. Vanin — Candidate of Science (Psychology), Master of Information Security, Researcher at the Laboratory of Psychology and Psychophysiology of Creativity, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6558-695X>

vaninav@ipran.ru

Olga V. Gordyakova — Candidate of Science (Psychology), Professor, Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3694-0734>

o_gordyakova@mail.ru

Elena V. Gorshkova — PhD in Pedagogics, Associate Professor, Chair of Preschool Pedagogy and Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8516-6573>

e-gorshkova@yandex.ru

Andrey A. Grin — MD, Professor, Head of the Scientific Department of Emergency Neurosurgery of Scientific Research Institute of First Aid to named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3515-8329>

grinaa@sklif.mos.ru

Alexey M. Dvoinin — PhD in Psychology, Associate Professor, School of Psychology, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0530-740X>

alexdvoinin@mail.ru

Viktoriya K. Dvojinina — MA in Psychological and Pedagogical Education, Assistant Professor, Department of Psychology, Moscow City University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-7552-2524>

romantsovavk@mgpu.ru

Olga L. Evdokimova — PhD in Medicine, Head of the Radiosurgery Center of Scientific Research Institute of First Aid named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8099-9544>

liveryevna@yandex.ru

Tatiana V. Ermolova — PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>

yermolova@mail.ru

Yuliya V. Zakharova — Clinical Psychologist, CBT practitioner, lecturer, researcher, co-founder of the College of Ethics of Psychologists and Psychotherapists; Private practice, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8517-8366>

mail@zakharova.info

Maria V. Klimakova — lecturer, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2048-3105>

klimakovamv@mgppu.ru

Evgeny N. Korchagin — Master of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-7836-641X>

mocworks@gmail.com

Yulia A. Kochetova — PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9853-569X>

kochetovayua@mgppu.ru

Aleksander N. Lebedev — Doctor of Psychology, Leading Research Officer, Federal State Financed Establishment, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-9709>

lebedev-lubimov@yandex.ru

Anna V. Leonova — PhD Student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8248-3899>

lanasobchak@gmail.com

Aleksandr V. Litvinov — PhD in Education, Professor of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education; Associate Professor at Foreign Languages Department at the Faculty of Economics; RUDN University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3306-0021>
alial01@yandex.ru

Anna V. Lobanova — PhD in Psychology, assistant professor, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-8647>
lobanovaav@mgppu.ru

Svetlana M. Makhmudova — Doctor in Philology, Professor, Department “Linguodidactics and Intercultural Communication”, Institute “Foreign Languages, Modern Communication and Management”, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0220-6216>
mahmudovasm@mgppu.ru

Natalya V. Meshkova — PhD in Psychology, Associate Professor at the Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3965-9382>
meshkovav@yandex.ru

Yuliya Y. Pentsak — Medical Psychologist at the Scientific Research Institute of First Aid named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia; lecturer at the Department of Neuro- and Pathopsychology of Development, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8989-9216>
pencakyy@mgppu.ru

Oksana. R. Tuchina — Doctor of Psychology, Professor, Chair of Physics, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russian Federation; Chair of Personality psychology and general psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5525-7645>
tuchena@yandex.ru

Alla B. Kholmogorova — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Leading Researcher of Scientific Research Institute of First Aid named after N.V. Sklifosovsky, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5194-0199>
kholmogorova@yandex.ru

Ekaterina M. Tsyganova — Research Intern, Modern Childhood Research Centre, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4945-2553>
etsyganova@hse.ru

Alena V. Sharapova — Lecturer, Department of Counseling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8222-511X>
alena.v.sharapova@yandex.ru

Viktor P. Sheinov — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Mastery, Republican Institute of Higher Education, Minsk, Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>
sheinovI@mail.ru